

ЖИТОМБ

БЕРН

10

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1997

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том десятый

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Часть третья

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ТРОИХ РУССКИХ
И ТРОИХ АНГЛИЧАН

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1997

УДК 82/89
ББК 84 (4 Фр)
В35

Художники
Л. ЧЕРНЫШЕВ, А. КАПНИНСКИЙ

Составитель
В. НИКИТИН

Верн Жюль
В35 Собрание сочинений: В 20 т. Т. 10: Таинственный остров: Роман: Ч. 3 / Пер. с фр.; Приключения троих русских и троих англичан: Роман / Пер. с фр. В. Исаковой. — М.: ТЕРРА, 1997. — 320 с.

ISBN 5-300-01499-0 (т. 10)
ISBN 5-300-01303-X

Жюль Верн (1828–1905) — всемирно известный французский писатель, один из создателей жанра научной фантастики. Наука, ее история, ее современное состояние и будущее, научные дерзания, вера в беспредельные возможности разума, способного проникнуть в неведомые тайны природы, — все это определяет творчество Ж. Верна.

В десятый том Собрания сочинений вошли заключительная, третья часть романа «Таинственный остров» и роман об исследовательской экспедиции по Южной Африке «Приключения троих русских и троих англичан».

УДК 82/89
ББК 84 (4 Фр)

ISBN 5-300-01499-0 (т. 10)
ISBN 5-300-01303-X

© Издательский центр «ТЕРРА», 1997

Часть третья

ТАЙНА ОСТРОВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Гибель или спасение? — Вызов Айртона. — Важный разговор. — Это не «Дункан». — Подозрительное судно. — Необходимые предосторожности. — Корабль приближается. — Пушечный выстрел. — Бриг становится на якорь в виду острова. — Наступает ночь.

Уже два с половиной года прошло с тех пор, как пассажиры воздушного корабля были выброшены на остров Линкольна, но до сих пор они не могли установить связи со своими близкими. Однажды журналист попытался вступить в сношения с обитаемым миром, доверив птице записку, заключавшую тайну их исчезновения, но на этот шанс нельзя было серьезно рассчитывать. Только Айртон, при известных уже читателям обстоятельствах, присоединился к членам маленькой колонии.

И вот в этот день, 17 октября, другие люди показались в виду острова на таком всегда пустынном море.

Сомнений больше не оставалось — это был корабль. Но пройдет ли он мимо или пристанет к берегу? Через несколько часов колонисты должны были узнать, что думать на этот счет.

Сайрес Смит и Харберт тотчас же позвали в большой зал Гранитного Дворца Гедеона Спилета, Пенкрофа и Наба и рассказали им о том, что произошло.

Пенкроф схватил подозрную трубу и быстро оглядел горизонт. Он нашел нужную точку, которая отразилась едва заметным пятном на фотографическом снимке, и сказал не слишком довольным тоном:

— Тысяча чертей! Это действительно корабль.

— Он идет к нам? — спросил Гедеон Спилет.

— Пока еще нельзя ничего сказать, — ответил моряк. — Над горизонтом возвышаются только его мачты, а корпуса совершенно не видно.

— Что же нам делать? — спросил юноша.

— Ждать,— ответил Сайрес Смит.

В течение долгого времени колонисты молчали, переполненные мыслями, волнениями, опасениями и надеждами, которые были вызваны у них этим происшествием. Ничего более значительного не случилось с ними со времени их прибытия на остров Линкольна. Правда, колонисты не были в положении несчастных, потерпевших крушение, которые живут на бесплодном острове, борясь за свое жалкое существование с мачехой-природой и постоянно терзаясь желанием увидеть населенные страны. Пенкроф и в особенности Наб чувствовали себя все более счастливыми и богатыми и не без сожаления покинули бы свой остров. Они вполне приспособились к новой жизни среди своих владений, которые их разум сделал культурными. Но этот корабль, во всяком случае, вез новости с континента. Он вез людей, таких же, как они сами, и, как поймет всякий, сердца колонистов затрепетали при виде корабля.

Время от времени Пенкроф брал трубу и становился у окна. Он самым внимательным образом всматривался в судно, которое находилось в двадцати милях к востоку.

Колонисты пока не имели возможности сигнализировать о своем присутствии. Флага с корабля не заметили бы, выстрел не был бы услышан, огня бы не увидали.

Между тем было очевидно, что остров, над которым возвышалась гора Франклина, не мог остаться скрытым от взоров часовых, сидевших на мачте корабля. Но зачем бы это судно пристало к берегу? Не простая ли случайность занесла его в эту часть Тихого океана, где карты не указывают никакой земли, кроме маленького острова Табор, который стоит вдали от обычных путей судов дальнего плавания, идущих к Полинезийским островам, к Новой Зеландии, к берегам Америки?

На этот вопрос, который задавали себе все колонисты, дал неожиданный ответ Харберт.

— Не «Дункан» ли это? — воскликнул он.

Читатель, конечно, не забыл, что «Дункан» была яхта Гленарвана, который оставил Айртона на острове Табор и должен был когда-нибудь вернуться туда за ним. А остров Табор был не слишком отдален от острова Линкольна, и корабль, направлявшийся к Табору, мог проплыть в виду острова Линкольна. Их разделяло всего сто пятьдесят миль по параллели и семьдесят пять миль по меридиану.

— Надо известить Айртона и немедленно вызвать его сюда,— сказал Гедеон Спилет.— Он один может нам сказать, «Дункан» ли это.

Все согласились с этим, и журналист, подходя к телеграфному аппарату, который связывал Гранитный Дворец с коралем, послал такую телеграмму: «Приходите как можно скорей».

Несколько мгновений спустя зазвенел звонок.

Айртон отвечал: «Иду».

Колонисты продолжали наблюдать за кораблем.

— Если это «Дункан»,— сказал Харберт,— то Айртон без труда его узнает, так как он некоторое время плавал на этом судне.

— А если узнает, то здорово взволнуется,— прибавил Пенкроф.

— Да,— сказал Сайрес Смит.— Но теперь Айртон достоин снова ступить на борт «Дункана». Хорошо бы это была яхта Гленарвана, ибо всякое другое судно показалось бы мне подозрительным. Эта часть Тихого океана пользуется дурной славой, и я всегда опасаясь, что наш остров вздумают посетить пираты.

— Мы бы тогда его защищали! — воскликнул Харберт.

— Конечно, мой мальчик,— улыбаясь, ответил инженер.— Но лучше будет, если его не придется защищать.

— У меня явилась мысль,— сказал Геден Спилет.— Остров Линкольна неизвестен мореплавателям, так как его нет на картах. Не думаете ли вы, Сайрес, что если с корабля неожиданно увидят эту незнакомую землю, ее скорее захотят посетить, чем от нее удалиться?

— Разумеется,— сказал Пенкроф.

— Я тоже так полагаю,— согласился инженер.— Можно даже утверждать, что капитан корабля обязан отметить, а значит, и обследовать всякий материк или остров, не нанесенный еще на карту, а остров Линкольна относится к таким островам.

— Предположим, что этот корабль пристанет к берегу или бросит якорь в нескольких кабельтовых от нашего острова. Что мы тогда будем делать?

На этот прямой вопрос сначала не последовало ответа. Но после некоторого размышления Сайрес Смит проговорил по обычному спокойно:

— Вот что мы тогда сделаем, друзья мои: мы вступим в сношения с этим кораблем и покинем на нем наш остров. Потом мы вернемся сюда с теми, кто захочет за нами последовать, и окончательно колонизируем остров Линкольна.

— Ура! — закричал Пенкроф.— Колонизация уже почти окончена, все части острова имеют названия, на нем есть естественная гавань, пресноводная бухта, дороги, телеграфная

линия, верфь и завод. Тогда останется только занести остров Линкольна на карту.

— А вдруг его у нас отнимут в наше отсутствие? — сказал Гедеон Спилет.

— Тысяча чертей! — вскричал моряк. — Я готов остаться здесь один, чтобы сторожить остров, и, клянусь честью Пенкрофа, украсть его у меня будет потруднее, чем выхватить часы из кармана какого-нибудь зеваки!

В течение следующего часа невозможно было сказать, направляется корабль к острову Линкольна или нет. Он приближался к острову, но с какой быстротой? Этого Пенкроф не мог определить. Так как дул норд-ост, то можно было предположить, что корабль идет правым галсом. Ветер толкал его к берегам острова, и при спокойном море капитан корабля мог без страха приблизиться к нему, хотя глубины в этих местах и не были отмечены на карте.

Часа в четыре, через час после вызова, Айртон подходил к Гранитному Дворцу. Он вошел в большой зал и произнес:

— Я к вашим услугам.

Сайрес Смит, как обычно, протянул ему руку и сказал, подводя его к окну:

— Айртон, мы попросили вас прийти сюда по важным причинам. В виду острова появился корабль.

Айртон побледнел, и его глаза на мгновение затуманились. Он высунулся из окна и осмотрел горизонт, но ничего не увидел.

— Возьмите эту подзорную трубу, Айртон, и посмотрите как следует, — сказал Гедеон Спилет. — Возможно, что это «Дункан» и что яхта пришла сюда, чтобы отвезти вас на родину.

— «Дункан»... — прошептал Айртон. — Так скоро?

Последние слова как будто невольно слетели с губ Айртона, и он опустил голову на руки.

Неужели двенадцать лет одиночества на пустынном острове казались ему недостаточным наказанием? Неужели кающийся преступник еще не простил себя и не ждал прощения от других?

— Нет, нет, — сказал он, — это не может быть «Дункан»!

— Посмотрите, Айртон, — сказал инженер. — Нам важно заранее знать, как обстоит дело.

Айртон взял трубу и навел ее на указанное место. Несколько минут он наблюдал горизонт, не двигаясь, не произнося ни слова.

Наконец он сказал:

— Действительно, это корабль, но я не думаю, чтобы это был «Дункан».

— А почему нет? — спросил Геден Спилет.

— Потому что «Дункан» — паровая яхта, а я не вижу никаких следов дыма над судном или вблизи его.

— Может быть, «Дункан» плывет под парусами? — заметил Пенкроф. — Ветер для него, кажется, попутный, а на таком расстоянии от суши выгодно экономить уголь.

— Возможно, что вы и правы, мистер Пенкроф, — сказал Айртон, — и на яхте погасили топки. Пусть судно подойдет к берегу. Мы скоро узнаем, «Дункан» ли это.

Айртон, сказав это, отошел и сел в углу зала. Колонисты еще долго разговаривали о незнакомом судне, но Айртон не вмешивался в беседу.

Все были в таком настроении, что не могли продолжать обычную работу. Геден Спилет и Пенкроф особенно нервничали и беспокойно расхаживали взад и вперед. Харберта разбирало любопытство. Только Наб сохранял свое обычное спокойствие. Что касается инженера, то он был погружен в думы и скорее опасался, чем желал прибытия этого корабля.

Между тем судно несколько приблизилось к острову. При помощи подзорной трубы удалось разглядеть, что это был корабль дальнего плавания, а не малайский «прао», на которых ходят тихоокеанские пираты. Поэтому можно было думать, что дурные предчувствия инженера не оправдаются и что присутствие этого судна близ острова не грозит опасностью его обитателям. Внимательно всмотревшись, Пенкроф заявил, что, судя по оснастке, это судно действительно бриг и что оно идет наискось к берегу, правым галсом.

Это подтвердил и Айртон.

Но, продолжая идти в таком направлении, корабль должен был скоро скрыться за оконечностью мыса Когтя, так как он шел на юго-запад, и, чтобы наблюдать за ним, пришлось бы подняться на возвышенность бухты Вашингтона, близ гавани Воздушного Шара. Это было досадно, так как около пяти часов, с наступлением сумерек, всякое наблюдение делалось затруднительным.

— Что мы будем делать, когда наступит ночь? — спросил Геден Спилет. — Следует ли нам зажигать огонь, чтобы указать, что мы находимся на этом берегу?

Это был важный вопрос, и, несмотря на то, что у инженера оставались некоторые опасения, он был разрешен положительно. Ночью корабль мог скрыться, исчезнуть навсегда, а появится ли после его исчезновения другое судно в водах ост-

рова Линкольна — неизвестно. Кто мог предвидеть, что готовит колонистам будущее!

— Каково бы ни было это судно, — сказал журналист, — мы должны дать знать, что остров обитаем. Если мы упустим такой случай, то будем всю жизнь жалеть об этом.

Итак, было решено, что Наб с Пенкрофом отправятся в гавань Воздушного Шара и, когда настанет ночь, разведут там большой костер, который, несомненно, привлечет внимание экипажа брига.

Но в ту минуту, когда Наб и моряк собирались покинуть Гранитный Дворец, корабль изменил направление и пошел прямо к острову, держа курс на бухту Союза. Это был, по-видимому, хороший ходок: он приближался очень быстро.

Наб и Пенкроф решили отложить свой уход. Айртону снова подали подзорную трубу, чтобы он мог окончательно установить, «Дункан» это или нет. Шотландская яхта тоже имела оснастку брига. Вопрос, следовательно, заключался в том, видна ли труба между мачтами замеченного корабля.

Судно находилось на расстоянии десяти миль, и на горизонте было еще очень светло. Разрешить вопрос казалось легко, и Айртон вскоре опустил трубу и сказал:

— Это не «Дункан». Это и не мог быть «Дункан».

Пенкроф снова поймал бриг в поле зрения трубы и определил его водоизмещение в триста-четыре тонны. Корабль имел остроконечную форму и высокие мачты и, будучи прекрасно оснащен, приспособлен, вероятно, для быстрого хода. Но к какой национальности принадлежит он, было трудно определить.

— На его флагштоке развевается вымпел, но я не могу различить цвета, — сказал моряк.

— Меньше чем через полчаса мы это узнаем, — проговорил журналист. — Впрочем, совершенно очевидно, что капитан этого судна намеревается пристать к берегу, и, значит, сегодня или, во всяком случае, завтра мы с ним познакомимся.

— Все равно, — сказал Пенкроф. — Лучше знать заранее, с кем будешь иметь дело. Мне бы очень хотелось различить цвет этого корабля.

Говоря это, моряк не выпускал из рук подзорной трубы.

Начинало темнеть, и вместе с лучами солнца затихал морской ветер. Вымпел корабля обвис и запутался в фалах, так что его стало еще труднее разглядеть.

— Это не американский флаг... — время от времени говорил Пенкроф, — не английский — тот с красным, и его легко было бы различить... не французский, не немецкий, а также

не белый, русский, и не желтый, испанский... Мне кажется, что он одноцветный... Подождите-ка! Какой флаг можно чаще всего встретить в этих морях? Чилийский? Нет, он трехцветный. Бразильский? Нет, он зеленый. Японский — черный с желтым. А этот...

В это время ветер слегка развернул таинственный флаг. Айртон схватил подозрную трубу, которую Пенкроф отложил в сторону, приставил ее к глазу и глухим голосом прошептал:

— Флаг черный!

И действительно, на флагштоке брига развевался черный флаг. Теперь можно было с полным основанием считать этот корабль подозрительным.

Неужели опасения инженера были основательны и это был пиратский корабль? Занимался ли он грабежом в южной части Тихого океана? Что ему понадобилось у берегов острова Линкольна? Считал ли он этот остров неизвестной, неведомой землей, подходящей для устройства на ней склада награбленного груза? Искал ли он у берегов острова удобную гавань на зимние месяцы? Неужели владения колонистов должны были превратиться в какой-то гнусный притон — столицу пиратов Тихого океана?

Все эти мысли невольно проносились в мозгу каждого. Черный цвет флага имел недвусмысленное значение. Это был, несомненно, флаг морских разбойников. Такой флаг должен был развеваться и на «Дункане», если бы преступникам удался их злодейский план.

Колонисты не стали терять время на споры.

— Друзья мои,— сказал Сайрес Смит,— может быть, этот корабль намерен только обследовать побережье острова. Может быть, его команда не высадится на сушу. Это будет удачей. Как бы то ни было, мы должны сделать все, чтобы скрыть, что мы здесь находимся. Мельница на плато Дальнего Вида слишком бросается в глаза — Айртон с Набом пойдут и снимут с нее крылья. Прикроем густыми ветками окна Гранитного Дворца. Погасите все огни. Ничто не должно выдавать присутствие человека на этом острове.

— А наш корабль? — сказал Харберт.

— Он укрыт в гавани Воздушного Шара, и я бы хотел видеть, как эти негодяи его найдут! — ответил Пенкроф.

Приказания инженера были немедленно исполнены. Наб и Айртон поднялись на плато и приняли все меры к тому, чтобы скрыть признаки жилья. Пока они были заняты этой работой, товарищи их отправились в лес Якамара и принесли оттуда множество веток и лиан, которые издали можно было

принять за естественную листву. Она должна была недурно прикрыть отверстия в гранитной стене.

Оружие и боевые припасы были сложены под рукой, чтобы ими можно было немедленно воспользоваться в случае неожиданного нападения.

Когда все эти предосторожности были приняты, Сайрес Смит сказал с волнением в голосе:

— Друзья мои, если эти негодяи пожелают захватить остров Линкольна, мы будем его защищать, не правда ли?

— Да, Сайрес,— ответил журналист,— и если понадобится, мы все умрем, защищая его.

Инженер протянул товарищам руку, и они с жаром пожали ее. Только Айртон, сидевший в углу, не присоединился к колонистам. Может быть, этот бывший преступник все еще считал себя недостойным. Сайрес Смит понял, что происходит в душе Айртона, и подошел к нему со словами:

— А вы, Айртон, как вы поступите?

— Я исполню свой долг,— ответил Айртон.

И он встал у окна, устремив взгляд на море.

Было половина восьмого. Солнце скрылось минут двадцать назад за Гранитным Дворцом, и западный горизонт понемногу темнел. Между тем бриг продолжал идти по направлению к бухте Союза. Он уже был от нее не дальше чем в восьми милях и проходил на траверсе плато Дальнего Вида, ибо, сделав поворот против мыса Когтя, значительно уклонился к северу, куда его тянуло приливом. Можно сказать, что на этом расстоянии он уже вошел в бухту, так как прямая линия, проведенная от мыса Когтя до мыса Челюстей, прошла бы к западу от корабля, по его левому борту. Собирается ли бриг войти в бухту? — был первый вопрос. Станет ли он на якорь, войдя туда? — вот второй вопрос. Может быть, он только обследует берег и снова уйдет в море, не высаживая команды? Меньше чем через час все это будет известно. Колонистам оставалось только ждать.

Сайрес Смит сильно встревожился, узнав, что подозрительное судно идет под черным флагом. Не являлось ли это прямой угрозой для того дела, которое он и его товарищи так хорошо вели до сих пор? Пираты — а в том, что матросы этого судна именно пираты, сомневаться было нельзя, — быть может, уже раньше посещали этот остров и, приближаясь к нему, подняли свой флаг. Не высаживались ли они прежде на острове? Это пролило бы свет на некоторые обстоятельства, казавшиеся до сих пор загадочными. Не было ли у них сообщников, которые скрывались в неисследованной части острова и собирались установить с ними связь?

Сайрес Смит задавал себе мысленно все эти вопросы, но не знал, что на них ответить. Но он ясно сознавал, что с приходом брига положение колонистов становилось очень опасным. Тем не менее инженер и его товарищи были твердо намерены сражаться до последней крайности. Многочисленны ли эти пираты и лучше ли вооружены, нежели колонисты,— вот что было очень важно знать. Но каким способом до них добраться?

Наступила ночь. Молодой месяц, угасший с последними лучами солнца, скрылся. На острове и на море царил глубокий мрак. Тяжелые облака, скопившиеся на горизонте, не пропускали света звезд. С наступлением сумерек ветер совершенно стих. Ни единый листок не шелохнулся на деревьях, волны не шептались на берегу. Корабль был совершенно невидим; все огни на нем были затемнены, и если он еще находился в виду острова, то нельзя было даже сказать, в каком именно месте.

— Э, кто знает! — сказал Пенкроф. — Может быть, этот проклятый корабль уйдет ночью, и завтра на заре мы его уже не увидим.

Словно в ответ на слова моряка, над морем блеснула яркая вспышка, и раздался пушечный выстрел.

Корабль был все еще тут и имел на борту артиллерию.

Между вспышкой и выстрелом прошло шесть секунд.

Следовательно, бриг находился в миле с четвертью от берега.

Одновременно послышался шум цепей, со скрипом спускавшихся через клюзы.

Корабль бросил якорь неподалеку от Гранитного Дворца.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Обсуждение. — Предчувствия. — Предложение Айртон. — Предложение принимается. — Айртон и Пенкроф на островке Гранта. — Норфолкские ссыльные. — Их планы. — Героическая попытка Айртон. — Возвращение. — Шесть против пятидесяти.

Нельзя было больше сомневаться в намерениях пиратов. Они бросили якорь на небольшом расстоянии от острова и, очевидно, рассчитывали на следующий день подплыть к берегу на лодках.

Сайрес Смит и его друзья были готовы действовать, но при всей своей решимости защищаться они не должны были забывать об осторожности. Может быть, еще удастся сохранить в тайне их присутствие, если пираты ограничатся высадкой на побережье и не пойдут в глубь острова. Возможно, что

морские разбойники хотят только набрать воды в бухте реки Благодарности и не заметят моста, находящегося в полутора милях от устья, и хозяйственных приспособлений в Трубах.

Но почему они подняли на мачте черный флаг? Почему они стреляют? Вероятно, из одного бахвальства, если только они не хотели этим выстрелом объявить остров своим владением. Сайрес Смит теперь знал, что корабль хорошо вооружен. Чем могли колонисты острова Линкольна ответить пушке пиратов? Только ружейными выстрелами.

— Но все же,— заметил Сайрес Смит,— наша позиция неприступна. Теперь, когда отверстие водостока прикрыто травой и камышом, враги не сумеют его обнаружить, и, следовательно, им не удастся проникнуть в Гранитный Дворец.

— Но наши посеы, птичий двор, кораль и все остальное! — вскричал Пенкроф, топнув ногой. — В несколько часов они могут все испортить и погубить.

— Да, все, Пенкроф, и мы не имеем возможности помешать им,— ответил Сайрес Смит.

— Много ли их? Вот в чем основной вопрос,— сказал журналист. — Если их не больше десятка, мы сумеем остановить их, но сорок, может быть, пятьдесят...

— Мистер Смит,— сказал Айртон, подходя к инженеру,— вы хотите исполнить мою просьбу?

— Какую, мой друг?

— Разрешите мне отправиться на корабль и узнать, сколько на нем человек команды.

— Вы подвергнете свою жизнь опасности, Айртон... — не решительно сказал инженер.

— Но почему бы нет, сударь?

— Это больше того, что требует от вас долг.

— Мне и нужно сделать больше.

— Вы собираетесь добраться до корабля на пироге? — спросил Гедеон Спилет.

— Нет, сударь, я отправлюсь вплавь. Пирога не пройдет там, где может проскользнуть человек.

— Помните, что бриг в одной миле с четвертью от берега,— сказал Харберт.

— Я хороший пловец, мистер Харберт.

— Повторяю, вы рискуете жизнью,— продолжал инженер.

— Все равно,— ответил Айртон. — Мистер Смит, я прошу вас об этом, как о милости. Может быть, это возвысит меня в моих собственных глазах.

— Отправляйтесь, Айртон,— сказал инженер.

Сайрес Смит чувствовал, что своим отказом он глубоко

огорчил бы бывшего преступника, сделавшегося вновь честным человеком.

— Я пойду вместе с вами,— сказал Пенкроф.

— Вы мне не доверяете? — с живостью воскликнул Айртон.— Что же делать! — добавил он смиренно.

— Нет, нет,— быстро перебил его Сайрес Смит,— нет, Айртон, Пенкроф не сомневается в вас! Вы не так поняли его слова.

— Правильно,— сказал Пенкроф.— Я предлагаю Айртону только проводить его до островка. Возможно, хотя и маловероятно, что кто-нибудь из этих прохвостов высадился на сушу, и я смогу помешать ему поднять тревогу. Я подожду Айртон на островке, но пусть он плывет к кораблю один, раз он уж вызвался это сделать.

Порешив на этом, Айртон начал готовиться к своему предприятию. Его план был рискованный, но мог увенчаться успехом. Пользуясь темнотой, Айртон собирался, подплыв к кораблю, уцепиться за ватерштаги или ванты и установить, сколько матросов находится на корабле, а может быть, даже и подслушать планы разбойников.

Айртон и Пенкроф в сопровождении остальных колонистов спустились на берег. Айртон разделся и натерся жиром, чтобы меньше страдать от холодной воды. Ему, быть может, предстояло провести в воде несколько часов.

В это время Пенкроф и Наб отправились за лодкой, которая была привязана в нескольких сотнях шагов у берега реки. Когда они вернулись, Айртон был уже готов.

На плечи Айртон набросили одеяло, и колонисты по очереди пожали ему руку.

Айртон и Пенкроф сели в лодку. Вскоре они скрылись во тьме. Было половина одиннадцатого. Остальные колонисты решили ждать их в Трубах.

Смельчаки без труда переправились через пролив и вскоре подошли к противоположному берегу островка, действуя очень осторожно, боясь, что в этих местах могут оказаться пираты. Но, прождав некоторое время, они убедились, что на островке никого нет. Айртон в сопровождении Пенкрофа быстрыми шагами пересек островок, вспугивая птиц, гнездившихся в углублениях скал. Затем он, не колеблясь, бросился в море и бесшумно поплыл к кораблю; найти его было нетрудно, так как на нем теперь горели огни.

Что же касается Пенкрофа, то он укрылся в углублении одной из береговых скал и ждал возвращения своего товарища.

Айртон быстро двигался вперед и скользил в волнах, не

производя ни малейшего шума. Голова его едва виднелась над водой, глаза не покидали темных очертаний брига, огни которого отражались в море. Он помнил только о долге, который обещал выполнить, и не думал об опасностях, ожидавших его не только на корабле, но и в море, куда часто заплывали акулы. Течение несло Айртона, и он быстро удалялся от берега.

Полчаса спустя Айртон, никем не замеченный, подплыл к кораблю и уцепился рукой за ватерштаги. Он перевел дух и, подтянувшись на цепях, взобрался на водорез. Там сушилось несколько пар матросских штанов. Айртон надел одну пару и, приняв удобное положение, начал слушать. На бриге еще не спали. Напротив, до Айртона доносились разговоры, пение, смех. Больше всего его заинтересовали следующие слова, сопровождавшиеся грубыми ругательствами:

— Хорошая добыча наш бриг!

— Здорово идет этот «Быстрый»! Он заслуживает такого названия.

— Пусть его преследует весь норфолкский флот! Догоняй его!

— Да здравствует его капитан!

— Да здравствует Боб Гарвей!

Всякий поймет, что почувствовал Айртон, услышав эти отрывистые фразы, когда узнает, что Боб Гарвей был прежде в Австралии его товарищем. Этот отчаянный головорез решил осуществить преступные планы Айртона. Он захватил возле острова Норфолк бриг «Быстрый» с грузом оружия, инструментов и всякой утвари, направлявшийся на Сандвичевы острова. Вся его шайка перешла на бриг и превратилась из ссыльных в пиратов, которые разбойничали в Тихом океане. Они грабили корабли и убивали их пассажиров с еще большей жестокостью, чем малайцы.

Преступники громко хвастались своими подвигами и сопровождали рассказы обильными возлияниями. Вот что узнал из их речей Айртон.

В настоящее время команда брига состояла исключительно из ссыльных англичан, бежавших с острова Норфолк.

Что же такое представляет собою Норфолк?

На 29° 2' южной широты и 165° 42' восточной долготы, у восточной части Австралии, находится небольшой остров окруженностью в шесть миль, на котором стоит гора Питта, возвышающаяся на тысячу сто футов над уровнем моря. Это и есть остров Норфолк, на котором расположены учреждения, содержащие наиболее закоренелых из обитателей английских тюрем. Их там пятьсот человек. Трудно даже представить себе, какое это сбо-

рище негодяев! Иногда — хоть и очень редко — некоторым преступникам удается обмануть бдительность охраны и бежать. Они захватывают первый встретившийся им корабль и разбойничают в Полинезийском архипелаге.

Так поступил и Боб Гарвей со своей шайкой, так собирался когда-то поступить и Айртон. Боб Гарвей захватил бриг «Быстрый», стоявший на якоре недалеко от Норфолка, и перебил его экипаж. Вот уже год, как этот бриг превратился в пиратское судно и плавал в Тихом океане под командой Боба Гарвея, когда-то капитана дальнего плавания — теперь морского разбойника, приятеля Айртона.

Большинство преступников находились на юте, в кормовой части судна, а некоторые лежали на палубе и громко разговаривали.

Беседа продолжалась среди криков и пения. Айртон узнал, что «Быстрого» привела к берегам острова Линкольна простая случайность. Боб Гарвей никогда еще не ступал ногой на этот остров, но, встретив на своем пути незнакомую землю, не обозначенную ни на одной карте, пират, как верно угадал Сайрес Смит, решил посетить ее и, если место окажется подходящим, устроить там для брига постоянную гавань.

Что же касается поднятия черного флага на мачте брига и пушечного выстрела, который пираты дали по примеру военных кораблей, стреляющих из орудий при подъеме флага, то это было чистым бахвальством. Выстрел не служил сигналом, и между беглыми ссыльными из Норфолка и островом Линкольна не существовало никакой связи.

Итак, владениям колонистов грозила страшная опасность. Остров с его доступной бухтой, небольшой гаванью, хорошо укрытым Гранитным Дворцом и всевозможными благами, которыми так прекрасно воспользовались колонисты, не мог не понравиться разбойникам. Они легко превратили бы остров Линкольна в превосходное убежище. Именно потому, что остров был никому не известен, он обеспечивал пиратам безопасный приют и безнаказанность. Столь же очевидным было и то, что колонисты не нашли бы пощады и Боб Гарвей со своими сообщниками безжалостно истребил бы их.

Итак, Сайресу Смиуту и его друзьям нельзя было даже искать спасения в бегстве или укрыться где-нибудь на острове, ибо пираты собирались обосноваться там. Даже в случае, если бриг отправится в какую-нибудь экспедицию, несколько человек команды, наверное, останутся на острове. Значит, надо было сражаться и уничтожить до последнего этих недо-

стойных жалости негодяев, против которых все средства хороши.

Вот что думал Айртон, и он хорошо знал, что Сайрес Смит разделит бы его точку зрения.

Но можно ли сопротивляться и в конечном счете победить? Это зависит от того, как бриг вооружен и сколько на нем человек команды.

Айртон решил любой ценой узнать это. Примерно через час после того, как он подплыл к бригу, разговоры и крики стали тише, и многие пираты заснули пьяным сном. Айртон отважился подняться на палубу, где царил глубокий мрак, так как все огни были потушены.

Он взобрался на водорез и через бушприт прошел на бак. Пробираясь среди спящих пиратов, Айртон обошел весь бриг и убедился, что он вооружен четырьмя пушками, стреляющими восьми- или десятифунтовыми ядрами. Айртон даже ощущал пушки и удостоверился, что они заряжаются с казенной части. Это были новейшие орудия, обладавшие страшной разрушительной силой.

Что же касается команды, то на палубе лежали человек десять; остальные, которых, вероятно, было больше, по-видимому, спали в каютах. Из подслушанных разговоров Айртон заключил, что на борту брига находятся не меньше пятидесяти человек. Для шести обитателей острова Линкольна это было многовато! Но, во всяком случае, Сайрес Смит благодаря преданности Айртона не окажется застигнутым врасплох: он будет знать, каковы силы противника, и сумеет принять соответствующие меры.

Итак, Айртону оставалось лишь возвратиться к своим друзьям и сообщить им о результатах рекогносцировки. Он собирался выйти на нос брига и соскользнуть в море.

Но вдруг этому человеку, который, как он сам сказал, хотел сделать больше, чем требовал его долг, пришла в голову самоотверженная мысль. Он решил пожертвовать своей жизнью, но спасти остров и его обитателей. Сайрес Смит, очевидно, не сможет устоять против пятидесяти хорошо вооруженных пиратов, которые либо справятся с колонистами в открытом бою, либо подвергнут Гранитный Дворец осаде и возьмут их измором. Айртону представилось, что эти люди, вновь сделавшие его человеком, и притом честным человеком, которым он был обязан всем, подвергнутся беспощадному избиению, и результаты их трудов будут уничтожены, а их остров превратится в разбойничий вертеп. Айртон решил, что именно он явится причиной стольких несчастий, так как его прежний приятель Боб Гарвей лишь осуществил задуманные им, Айр-

тоном, планы. Ужас охватил его. Он почувствовал непреодолимое желание взорвать бриг со всеми, кто был на нем. Он тоже погибнет при взрыве, но зато исполнит свой долг.

Айртон не колебался. Проникнуть в пороховую камеру, которая обычно находится в кормовой части судна, было нетрудно. На подобном корабле должно быть вдоволь пороха, и достаточно искры, чтобы в одно мгновение уничтожить судно.

Айртон осторожно спустился в межпалубное помещение, усеянное многочисленными телами спящих, которых свалила не усталость, а опьянение.

У подножия грот-мачты горел фонарь, и к мачте была подвешена планка с разным огнестрельным оружием.

Айртон вынул из планки револьвер и убедился, что он заряжен и капсюль на месте. Для того чтобы выполнить его разрушительную работу, это было все, что требовалось. Он осторожно направился к корме, намереваясь пробраться на ют, где, вероятно, находилась крюйт-камера¹. В темном межпалубном пространстве царила тьма, и было трудно не задеть на ходу кого-нибудь из преступников. Айртон поминутно слышал ругательства или получал удары; несколько раз ему приходилось останавливаться. Наконец он достиг перегородки, отделяющей кормовую часть от носовой, и нащупал дверь, которая, вероятно, вела прямо в крюйт-камеру. Ее надо было взломать, и Айртон принялся за работу. Это трудно было сделать без шума, так как надо было снять замок. Но Айртон сильной рукой сорвал его, и дверь распахнулась.

Вдруг тяжелая рука легла на плечо Айртона.

— Ты что здесь делаешь? — спросил его грубым голосом какой-то человек высокого роста, появившийся в темноте, и внезапно поднес к лицу Айртона ярко горевший фонарь.

Айртон отшатнулся. При свете фонаря он узнал своего бывшего сообщника Боба Гарвея. Но тот не мог узнать его, так как думал, что Айртон давно умер.

— Что ты здесь делаешь? — повторил Боб Гарвей, хватая Айртона за пояс штанов.

Не отвечая ни слова, Айртон с силой оттолкнул атамана пиратов и бросился к крюйт-камере. Один револьверный выстрел в бочку с порохом — и все будет кончено.

— Ко мне, ребята! — закричал Боб Гарвей.

Несколько пиратов проснулись от его крика и, бросившись на Айртона, пытались его повалить.

Айртон вырвался у них из рук. Он дважды выстрелил из

---

¹ Крюйт-камера — пороховая камера.

револьвера и уложил двух преступников. Но удар ножом, которого Айртон не смог отразить, поранил ему плечо.

Айртон понял, что ему не удастся осуществить свой план: Боб Гарвей закрыл дверь в крюйт-камеру. В межпалубном помещении слышался шум — пираты, очевидно, проснулись. Айртон должен был побереечь себя, чтобы сражаться рядом с Сайресом Смитом. Ему оставалось только бежать. Но можно ли было еще спастись бегством? Едва ли. Однако Айртон был готов сделать все, чтобы вернуться обратно к товарищам.

В его револьвере оставалось четыре пули. Айртон сделал два выстрела, один — в Боба Гарвея, но, по-видимому, не ранил его. Воспользовавшись замешательством противника, он бросился к лесенке, ведущей на палубу брига. Пробегая мимо фонаря, он разбил его револьвером, и наступил полный мрак, благоприятный для его бегства.

Несколько пиратов, которых разбудил шум, сбегали вниз по лесенке. Выстрелом Айртон отбросил одного из них, остальные шарахнулись в сторону, не понимая, что происходит. Айртон в два прыжка выскочил на палубу. Несколько секунд спустя, послав последнюю пулю в лицо пирату, который схватил Айртона за горло, он перегнулся через перила и бросился в море.

Не успел Айртон проплыть и шести сажень, как вокруг него градом посыпались пули.

Что должны были пережить Пенкроф, укрывшийся на берегу под скалой, Сайрес Смит, журналист, Харберт и Наб, сидевшие в Трубах, услышав грохот выстрелов? Они бросились на берег и, приложив ружья к плечу, ждали нападения, готовые отразить его. Положение казалось опасным. Вероятно, пираты захватили Айртона и убили его. Возможно, что эти недогая, пользуясь полной темнотой, высадятся на острове.

Прошло полчаса. Колонисты мучительно волновались. Между тем выстрелы стихли, но ни Айртон, ни Пенкроф не появлялись. Неужели пираты захватили островок? Надо спешить на помощь Айртону и Пенкрофу! Но как помочь им? Начался прилив, и через ручей нельзя было переправиться. Пирог не было. Можно себе представить, как тревожились Сайрес Смит и его товарищи!

Наконец около половины первого к берегу подошла пирога, в которой сидели два человека. Это были Айртон, легко раненный в плечо, и Пенкроф, здоровый и невредимый. Товарищи встретили их с распростертыми объятиями.

Колонисты немедленно укрылись в Трубах. Айртон рассказал, как было дело, но не упомянул о том, что пытался взорвать бриг.

Все горячо пожимали Айртону руку. Он не скрывал, что положение очень серьезно. Пираты будут насторожены. Им известно, что остров Линкольна обитаем. Они высадятся в достаточном числе, хорошо вооруженные, и не пощадят никого. Если колонисты попадут в руки разбойникам, им нечего ждать милости.

— Ну что ж, мы сумеем достойно умереть,— сказал журналист.

— Возвратимся в Трубы и будем бдительны,— предложил Сайрес Смит.

— Есть надежда, что мы как-нибудь выпутаемся, мистер Сайрес? — спросил Пенкроф.

— Да, Пенкроф.

— Гм... шесть против пятидесяти.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Туман рассеивается.— Диспозиция инженера.— Три сторожевых поста.— Айртон и Пенкроф.— Первая шлюпка.— Еще две лодки.— На островке.— Шесть пиратов на острове.— Бриг снимается с якоря.— Снаряды с «Быстрого».— Положение безнадежно.— Неожиданная развязка.

Ночь прошла без всяких событий. Колонисты были настроены и не покидали своего поста в Трубах. Пираты, по-видимому, не делали попыток высадиться. С тех пор как стихли последние выстрелы вдогонку Айртону, ни единый звук не указывал на присутствие брига у берегов острова. Можно было даже предположить, что пираты снялись с якоря и удалились, думая, что имеют перед собой сильного противника.

Но на самом деле было не так, и, когда занялась заря, колонисты увидели в утреннем тумане смутные очертания судна. Это был «Быстрый».

— Друзья мои, вот что, по-моему, следует сделать, пока туман не совсем рассеялся,— сказал инженер.— Он скрывает нас от взоров пиратов, и мы можем действовать, не привлекая их внимания. Важнее всего внушить этим преступникам убеждение, что обитатели острова многочисленны и сумеют им противостоять. Я предлагаю разделить нас на три группы. Первая останется здесь же, в Трубах, вторая направится к устью реки Благодарности. Что же касается третьей, то, по-моему, ей лучше всего отправиться на островок, чтобы пресечь или, по крайней мере, задержать всякую попытку десанта. Мы имеем в нашем распоряжении два карабина и четыре кремневых ружья. Следовательно, у каждого из нас будет оружие, а так как мы хорошо снабжены порохом, то нам

незачем экономить заряды. Нам не страшны ружья пиратов и даже их пушки. Что могут они сделать против этих скал? Мы не будем стрелять из окон Гранитного Дворца, и пиратам не придет в голову посылать туда снаряды, которые могли бы нанести нам непоправимый ущерб. Для нас страшен лишь рукопашный бой, так как преступники превосходят нас численностью. Поэтому надо всячески препятствовать высадке, не показываясь, однако, на глаза пиратам. Не будем же экономить порох и пули. Стреляйте часто и метко. Каждому из нас придется убить восемь-десять противников; и они должны быть убиты.

Сайрес Смит четко обрисовал положение. Он говорил совершенно спокойно, как будто речь шла не о битве, а о мирной работе. Товарищи инженера безмолвно приняли его предложение. Каждому оставалось занять свой пост, пока туман еще не совсем рассеялся.

Наб с Пенкрофом тотчас же поднялись в Гранитный Дворец и принесли оттуда достаточное количество боевых припасов. Гедеон Спилет и Айртон, оба отличные стрелки, вооружились карабинами, бившими на целую милю. Остальные ружья взяли себе Сайрес Смит, Наб, Пенкроф и Харберт.

Вот каким образом были распределены посты. Сайрес Смит и Харберт засели в Трубах и могли держать под обстрелом значительную часть берега у подножия Гранитного Дворца.

Гедеон Спилет и Наб притаились среди скал возле устья реки Благодарности, на которой были подняты все мосты и мостики. Они должны были воспрепятствовать переправе на лодке или высадке на противоположном берегу.

Что касается Айртона с Пенкрофом, то они спустили пирогу на воду и намеревались переплыть ручей, чтобы занять места в разных частях островка. Таким образом, стрельба могла начаться с четырех сторон, а это внушило бы преступникам мысль, что остров густо населен и хорошо защищен.

В случае же, если высадка все равно осуществится и ей нельзя будет воспрепятствовать, а также в случае угрозы быть обойденными с тыла Пенкроф и Айртон должны были вернуться на берег и отправиться в наиболее угрожаемый пункт острова.

Перед тем как разойтись по своим постам, колонисты в последний раз пожали друг другу руки. Пенкрофу с трудом удалось подавить волнение при прощании с Харбертом, своим названным сыном. Они расстались.

Спустя несколько мгновений Сайрес Смит, Харберт, журналист и Наб скрылись за скалами, а через пять минут Айр-

тон и Пенкроф благополучно переправились через пролив, высадились на островке и скрылись во впадинах скал на восточном берегу.

Никто из них не был замечен, да и сами они едва могли различить в тумане очертания брига.

Было половина седьмого.

Вскоре пелена тумана начала постепенно разрываться, и стали видны верхушки мачт брига. Еще несколько минут клочья тумана носились над поверхностью моря, потом поднялся ветер и быстро рассеял влажную дымку.

Теперь «Быстрый» был виден целиком: он стоял на двух якорях, носом к северу, обращенный к острову левым бортом. Как определил Сайрес Смит, бриг находился не дальше одной мили с четвертью от острова. Страшный черный флаг развевался на флагштоке.

Инженер увидел в подзорную трубу, что четыре пушки — вся артиллерия брига — наведены на остров. По первому сигналу они были готовы открыть огонь.

Однако «Быстрый» молчал. Человек тридцать пиратов расхаживали по палубе. Некоторые взошли на ют, двое других, стоя на салингах, внимательно смотрели на остров в подзорные трубы.

Несомненно, Боб Гарвей и его команда лишь смутно представляли себе, что произошло ночью на бригае. Остался ли цел полуголый человек, который сражался с ними, выпустив в них шесть пуль и взломав дверь в крюйт-камеру? Удалось ли ему доплыть до берега? Откуда он взялся? Для чего он пришел на корабль? Действительно ли он хотел взорвать бриг, как предполагал Боб Гарвей? Преступники не слишком хорошо понимали, в чем тут дело. Несомненно было для них лишь одно: неизвестный остров, возле которого «Быстрый» стал на якорь, обитаем и, возможно, что на нем находится многочисленная колония, готовая защищать свои владения. А между тем ни на берегу, ни на вершинах холмов не было видно ни одного человека. Побережье казалось совершенно пустынным. Во всяком случае, на нем не было признаков жилья. Быть может, население убежало в глубь острова? Такие предположения должны были возникнуть у атамана пиратов, и, видимо, он как человек осторожный хотел ознакомиться с местностью, прежде чем посылать туда своих людей. В течение полутора часов на борту брига нельзя было заметить никаких признаков подготовки к нападению или к десанту. Боб Гарвей, очевидно, колебался. Даже в лучшие подзорные трубы ему не удалось увидеть никого из колонистов, притаившихся между скалами. Завеса из зеленых веток и лиан перед

окнами Гранитного Дворца, выделявшаяся на голой стене, вероятно, не привлекла его внимания. Действительно, как мог Боб Гарвей предположить, что на такой высоте, в гранитном массиве, устроено жилище?

От мыса Когтя до мыса Челюстей, по всему побережью бухты Союза ничто не указывало, что остров кем-нибудь занят.

Однако в восемь часов утра колонисты заметили, что на борту «Быстрого» началось какое-то движение.

Матросы натянули тали и спустили на воду шлюпку. В шлюпку сели семь человек, вооруженных ружьями. Один из них поместился у руля, четверо взялись за весла, а остальные двое на носу, изучая остров, приготовились стрелять. Они, по-видимому, намеревались произвести первоначальную разведку, не предполагая высаживаться, так как в противном случае отряд был бы многочисленнее. Пираты, взобравшиеся на салинги, очевидно, заметили, что вблизи острова находится небольшой островок, отделенный от острова проливом примерно в полмили шириной. Однако Сайрес Смит вскоре убедился, наблюдая за шлюпкой, что она направляется не прямо в этот пролив, а собирается пристать к берегу островка. Это была вполне понятная мера предосторожности.

Пенкроф и Айртон, спрятавшиеся отдельно в узких расщелинах скал, увидели, что шлюпка идет прямо на них, и ждали, пока она будет на расстоянии выстрела.

Лодка подвигалась вперед очень осторожно. Весла лишь изредка погружались в воду. Было видно, что один из пиратов с лотом в руке ищет фарватер, проложенный течением реки Благодарности. Это указывало, что Боб Гарвей намерен подвести свой бриг как можно ближе к берегу. Человек тридцать пиратов, рассыпавшись по вантам, следили за каждым движением лодки и указывали своим товарищам удобные места, где можно было безопасно пристать.

До берега оставалось не больше двух кабельтовых, когда шлюпка остановилась. Рулевой поднялся, выскивая наиболее подходящее место для причала.

Сейчас же раздался два выстрела. Легкий дымок закружился над скалами. Рулевой и лоцман навзничь упали в лодку. Пули Айртона и Пенкрофа одновременно поразили их.

Немедленно послышался страшный грохот, над бригом взвилось облако дыма, и пушечное ядро снесло и вдребезги разбило верхушку скалы, под которой спрятались Айртон и Пенкроф. Но наши стрелки остались невредимы.

Страшные проклятья послышались из шлюпки, и она снова двинулась вперед. Один из товарищей убитого рулевого заменил его, и весла быстро ударили по воде.

Но вместо того чтобы повернуть к бригу, как этого можно было ожидать, шлюпка двинулась вдоль берега островка, видимо, намереваясь обогнуть его южную оконечность. Пираты гребли вовсю, желая подальше уйти от выстрелов.

Они подошли на пять кабельтовых к вогнутой части берега, заканчивающейся мысом Находки, и, обогнув его, двинулись к устью реки Благодарности, не выходя из-под защиты своих пушек.

Очевидно, они намеревались проникнуть таким образом в пролив и обойти с тыла колонистов, находящихся на островке, чтобы защитники острова, как бы они ни были многочисленны, оказались между орудиями брига и ружьями со шлюпки. Это поставило бы тех в очень невыгодное положение.

Так прошло четверть часа. Шлюпка подвигалась в прежнем направлении. В воздухе и на воде царили абсолютная тишина, полное спокойствие.

Пенкроф и Айртон понимали, что их могут обойти, но все же не покидали своего поста. Возможно, что они не хотели показываться нападающим и подставлять себя под дула пушек, а может быть, рассчитывали на Наба и Гедсона Спилета, наблюдавших за устьем реки, и на Сайреса Смита с Харбертом, укрывшихся в Трубах. Двадцать минут спустя после первого выстрела лодка находилась в двух кабельтовых от устья реки. Начиная прилив, очень сильный вследствие узости прохода между берегами, и пираты почувствовали, что их тянет к реке. Чтобы держаться посредине пролива, им приходилось грести изо всех сил. Когда они проходили на расстоянии выстрела от устья, две пули встретили их на ходу, и два пирата упали на дно лодки. Наб и Спилет не промахнулись.

С брига тотчас же полетело второе ядро и ударило туда, где вился дымок от выстрелов. Но оно не причинило никакого вреда и только обломало несколько утесов. К этому времени на шлюпке оставались только три здоровых пирата. Подхваченная течением, она прошла в пролив и стрелой промчалась мимо Сайреса Смита и Харберта, которые не стали стрелять, боясь промахнуться. Затем пираты обогнули северную оконечность островка и на четырех оставшихся веслах направились обратно к бригу.

Пока что колонистам было не на что жаловаться. Игра началась неудачно для их врагов. Последние насчитывали уже четырех убитых или, может быть, тяжело раненных; у колонистов, напротив, ни одной раны, и все их пули попали в цель. Если пираты будут и дальше вести нападение таким образом, если они повторяют попытку высадиться с лодки, их удастся перебить одного за другим.

Теперь понятно, насколько выгодной оказалась диспозиция, предложенная инженером. Пираты могли предположить, что имеют перед собой многочисленных, хорошо вооруженных противников, с которыми не так-то легко справиться.

Лишь через полчаса шлюпка, которой приходилось бороться с течением, дошла до «Быстрого». Страшные крики слышались с корабля, когда лодка подошла к бригу, имея на борту раненых. По острову три или четыре раза выпалили из пушек, но безрезультатно.

Затем еще дюжина пиратов, ослепленных яростью, пьяных после вчерашней выпивки, бросилась в шлюпку. Одновременно в море спустили вторую лодку, в которую сели восемь человек. В то время как первая лодка направилась прямо к островку, чтобы выгнать оттуда колонистов, вторая начала маневрировать, пытаясь проникнуть в реку Благодарности.

Положение Пенкрофа и Айртона становилось очень опасным, и они поняли, что им следует вернуться на остров.

Однако они сначала выждали минуту, когда первая лодка приблизилась на расстояние выстрела, и две меткие пули внесли беспорядок в ряды ее команды. Затем Айртон с Пенкрофом покинули свой пост и со всех ног побежали по островку. Под градом ружейных выстрелов они бросились в пирогу, переплыли пролив как раз в ту минуту, когда вторая шлюпка достигла его южного конца, и спрятались в Трубах.

Едва успели они присоединиться к Сайресу Смит и Харберту, как пираты с первой лодки высадились на островке и разбежались по всем направлениям.

Почти в ту же минуту в устье реки, куда быстро направилась вторая лодка, снова слышались выстрелы. Двое из восьми человек команды были убиты журналистом и Набом, а шлюпка, увлекаемая течением, разбилась о скалы у самого устья реки Благодарности. Но уцелевшие пираты, высоко подняв ружья над головой, чтобы не замочить их, сумели высадиться на правом берегу реки. Видя, что они находятся в сфере огня врагов, пираты бросились бежать к мысу Находки, где их не могли достать пули колонистов.

К этому времени положение было следующее: на островке находились двенадцать пиратов, среди которых было, правда, несколько раненых, но зато в их распоряжении имелась лодка; на самом острове высадились шесть человек, но они не могли достигнуть Гранитного Дворца, так как были лишены возможности переправиться через реку, на которой были подняты все мосты.

— Мы еще держимся, мистер Сайрес! — закричал Пенк-

роф, вбегая в Трубы.— Мы еще держимся! Что вы думаете о положении?

— Я думаю,— отвечал инженер,— что сражение вскоре примет другие формы. Не такие же тупицы эти пираты, чтобы продолжать его в столь не выгодных для себя условиях.

— Им не перебраться через пролив,— сказал моряк,— этому помешают карабины Айртона и мистера Спилета. Вы ведь знаете, что эти карабины бьют дальше чем на милю.

— Это верно,— сказал Харберт,— но что могут сделать два карабина против корабельных пушек?

— Ну, бриг ведь пока еще не в проливе,— ответил Пенкроф.

— А что, если он туда войдет? — сказал Сайрес Смит.

— Это невероятно. Корабль рискует сесть там на мель и погибнуть.

— Нет, это возможно,— вмешался в разговор Айртон.— Пираты могут воспользоваться приливом и войти в пролив, с тем чтобы сесть на мель во время отлива. Под огнем их пушек мы не сможем удержаться на своих постах.

— Ад и тысяча дьяволов! — вскричал Пенкроф.— Эти негодяи, кажется, и вправду собираются сняться с якоря.

— Может быть, нам лучше укрыться в Гранитном Дворце? — заметил Харберт.

— Подождем,— ответил Сайрес Смит.

— Но Наб и мистер Спилет...— сказал Пенкроф.

— Они сумеют к нам присоединиться, когда настанет время... Будьте наготове, Айртон. Теперь очередь вашего карабина и карабина Спилета.

Это было очень правильно. «Быстрый» поворачивался на якоре и проявлял намерение приблизиться к островку. Вода должна была подниматься еще полтора часа, и так как течение уже замедлилось, кораблю было нетрудно маневрировать. Но все же Пенкроф, в отличие от Айртона, не допускал, что бриг отважится войти в пролив.

Между тем пираты, занявшие островок, понемногу перешли на противоположную его сторону, и их отделял от острова только пролив. Вооруженные одними ружьями, они не могли причинить вреда колонистам, укрывшимся в Трубах или близ устья реки Благодарности. Не зная, что у их врагов имеются дальнобойные карабины, пираты считали, что и им самим тоже не грозит никакой опасности. Они, не скрываясь, ходили по островку и приближались к самому берегу.

Иллюзия длилась недолго. Карабины Айртона и журналиста заговорили и, очевидно, сказали двоим из пиратов нечто не совсем приятное, так как те попадали навзничь.

Тотчас же началось общее бегство. Остальные пираты, не успев даже подобрать своих раненых или убитых товарищей, поспешно кинулись на другой берег, сели в лодку и, усиленно гребя, вернулись на корабль.

— На восемь меньше! — закричал Пенкроф. — Право, можно подумать, что мистер Спилет и Айртон сговорились стрелять разом.

— Господа, — сказал Айртон, снова заряжая свой карабин, — положение становится серьезнее: бриг снимается с якоря.

— Да, он выходит из грунта.

Действительно, колонисты ясно слышали лязг фала, бывшего о брашпиль, когда команда брига поднимала якорь. «Быстрый» сначала потянулся было за якорем, но, когда якорь вытащили из грунта, бриг понесло к берегу. На корабле подняли стаксель и фок-марсель, и «Быстрый» стал понемногу приближаться.

Стоя на своих постах в Трубах и в устье реки, колонисты не без волнения наблюдали за маневрами корабля, но не подавали признаков жизни. Положение их стало бы ужасным, если бы пушки брига оказались близко: они бы не могли противостоять артиллерийскому огню. Каким образом можно было бы тогда помешать пиратам высадиться?

Сайрес Смит прекрасно все это понимал и спрашивал себя, что тут можно еще сделать. Скоро ему придется принять какое-нибудь решение, но какое? Замкнуться в Гранитном Дворце, подвергнуться осаде, выдержать несколько недель, даже месяцев, так как припасов хватит надолго? Хорошо. Ну а потом? Пираты все-таки станут хозяевами острова, опустошат его и в конце концов захватят узников Гранитного Дворца.

Однако оставался еще один шанс: может быть, Боб Гарвей не отважится ввести свой корабль в пролив и приблизиться к острову. Пока что он находился в полумиле от берега, а на этом расстоянии его выстрелы могли оказаться не очень вредоносными.

— Никогда, никогда этот Боб Гарвей, если он хороший моряк, не войдет в пролив! Он отлично знает, что это значит рисковать потерей брига при первом волнении на море. А что будет делать Боб Гарвей без своего корабля? — говорил Пенкроф.

Между тем бриг приближался к островку, и видно было, что он хочет подойти к его южной оконечности. Дул легкий ветерок, и течение значительно ослабело; поэтому Боб Гарвей мог маневрировать, как ему угодно.

Разведка первых двух лодок позволила атаману пиратов найти фарватер, и он смело вошел туда. Его план был вполне

ясен: он хотел бросить якорь напротив Труб и отвечать ядрами на пули, которые до сих пор истребляли его экипаж.

Вскоре «Быстрый» достиг окончечности островка и легко обогнул его; после этого подняли косой грот, и бриг, держась к ветру, оказался на траверсе реки Благодарности.

— Ах, негодяи! Они все-таки идут! — вскричал Пенкроф.

В это время Наб и Гедеон Спилет присоединились к остальным колонистам. Журналист и его товарищ сочли целесообразным покинуть свой пост у реки Благодарности, где они не могли противостоять артиллерии брига, и поступили вполне разумно. Перед решительной битвой колонистам лучше было держаться вместе. Наб и Гедеон Спилет, пробираясь в Трубы, крались позади скал под градом пуль, ни одна из которых не попала в цель.

— Спилет! Наб! — вскричал инженер. — Вы не ранены?

— Нет, только слегка контужены, — ответил журналист. — Но этот проклятый бриг входит в пролив.

— Да, — сказал Пенкроф, — меньше чем через десять минут он бросит якорь перед Гранитным Дворцом. — Есть у вас какой-нибудь план действий, Сайрес? — спросил Гедеон Спилет.

— Нам нужно укрыться в Гранитном Дворце, пока есть еще время и пираты не могут нас увидеть, — сказал инженер.

— Я тоже так думаю, — ответил Гедеон Спилет.

— Но когда мы будем там...

— ...то станем действовать сообразно обстоятельствам, — сказал Сайрес Смит.

— В таком случае, идем туда немедленно.

— Не желаете ли вы, мистер Сайрес, чтобы мы с Айртоном остались здесь? — спросил моряк.

— Зачем, Пенкроф? — сказал Сайрес Смит. — Не будем разлучаться.

Нельзя было терять ни минуты. Колонисты вышли из Труб. Небольшой выступ вала не позволил увидеть их с брига, но несколько ружейных выстрелов и удары ядер о скалы свидетельствовали, что «Быстрый» находится недалеко от берега.

Колонисты бросились к подъемнику, поднялись до дверей Гранитного Дворца, где со вчерашнего дня сидели взаперти Топ и Юп, и вбежали в большой зал. На все это потребовалась какая-нибудь минута.

Еще мгновение, и они бы опоздали, так как сквозь ветви было видно, что «Быстрый», окруженный густыми облаками дыма, шел по проливу. Колонистам пришлось даже отойти в сторону, так как пальба не прекращалась, и все четыре пушки били вслепую и по берегу реки, хотя сторожевой пост в

этом месте был снят, и по Трубам. Скалы разлетались вдребезги. После каждого выстрела слышались крики «ура». Все же можно было надеяться, что Гранитный Дворец уцелеет, так как Сайрес Смит позаботился замаскировать окна. Но вдруг пушечное ядро ударилось об стену, прилегающую к двери, и влетело в коридор.

— Проклятье, неужели нас увидели? — вскричал Пенкроф.

Быть может, колонисты и не были замечены, но, очевидно, Боб Гарвей счел нужным послать заряд в подозрительные ветви, прикрывавшие эту часть стены. Вскоре пальба усилилась, и второе ядро, прорвав листву, пробило в граните зияющее отверстие.

Положение колонистов стало отчаянным. Они не могли ничем отвечать этим ядрам, не могли укрыться от гранита, осколки которого летали вокруг, словно картечь. Им оставалось только спрятаться в верхнем коридоре Гранитного Дворца и оставить свое жилище на опустошение и разграбление, как вдруг послышались глухой шум и страшные крики.

Сайрес Смит и его товарищи бросились к окну.

Бриг, подброшенный каким-то непреодолимым водяным столбом, разломался надвое и меньше чем в десять секунд затонул со всей своей преступной командой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Колонисты на берегу. — Айртон и Пенкроф спасают все ценное. — Разговор за завтраком. — Рассуждения Пенкрофа. — Тщательное обследование острова брига. — Пороховая камера не пострадала. — Новые богатства. — Последние остатки. — Обломок железа.

— Они взлетели на воздух! — вскричал Харберт.

— Да, взлетели, как будто Айртон взорвал крюйт-камеру, — сказал Пенкроф, бросаясь в подъемник вместе с Набом и юношей.

— Но что же такое произошло? — спросил Геден Спилет, который все еще не мог опомниться после этой неожиданной развязки.

— Ну, теперь-то мы узнаем! — с живостью ответил инженер.

— Что же мы узнаем?

— Потом, потом! Идемте, Спилет. Важнее всего то, что эти пираты уничтожены.

И Сайрес Смит, увлекая за собой журналиста и Айртона, выбежал на берег, где уже находились Пенкроф, Наб и Харберт.

Корабль целиком исчез под водой, даже мачт не было видно. После того как его подбросило водяным столбом, бриг лег набок и затонул в этом положении, очевидно, вследствие огромной течи. Но глубина пролива в этом месте не превышала двадцати футов, и при отливе потонувший корабль, несомненно, должен был появиться.

На поверхности воды плавали обломки — целый плот из запасных мачт и рей, клетки с еще живыми курами, ящики, бочки, которые постепенно всплывали, с выбитыми филенками. Но течение не уносило ни одной доски с палубы, ни одного куска обшивки, так что внезапное затопление «Быстрого» казалось довольно загадочным.

Однако обе мачты брига, которые сломались в нескольких футах над палубой и упали, порвав ванты и штаги, вскоре всплыли вместе с парусами. Чтобы не дать отливу унести все эти богатства, Айртон с Пенкрофом кинулись к пироге, намереваясь пригнать эти обломки к берегу острова или островка. Когда они уже садились в лодку, Гедеон Спилет остановил их и сказал:

— А что сталось с шестью пиратами, которые высадились на правом берегу реки?

И действительно, нельзя было забывать, что шесть человек высадились на мысе Находки, после того как их лодка разбилась о рифы. Все посмотрели в ту сторону. Никого из пиратов не было видно. Убедившись, что бриг затонул, они, вероятно, убежали в глубь острова.

— Впоследствии мы займемся этими людьми, — сказал Сайрес Смит. — Они еще могут быть опасны, так как у них есть оружие, но в конце концов шансы теперь равные — шесть против шести. Перейдем к более спешным делам.

Айртон и Пенкроф сели в пирогу и, энергично гребя, направились к обломкам.

Море было спокойно, и вода стояла очень высоко, так как два дня назад началось новолуние. Корпус брига мог обнажиться не раньше чем через час.

Пенкроф и Айртон успели обвязать мачты и багры канатами, концы которых они выкинули на берег острова. После этого колонисты соединенными усилиями вытянули обломки на сушу. Потом пирога подобрала все плавающие предметы: клетки с курами, бочки, ящики, и тотчас же их перенесли в Трубы.

На воде плавали несколько трупов. Среди них Айртон узнал Боба Гарвея и указал на него своему товарищу.

— Вот таким и я был, Пенкроф, — сказал он с волнением в голосе.

— Но теперь вы уже не такой, славный Айртон,— ответил моряк.

Казалось непонятным, почему всплыли так мало трупов. Их было всего пять-шесть, и отлив уже уносил мертвые тела в море. Вероятно, катастрофа наступила совершенно неожиданно для пиратов, и они не успели бежать, а когда судно легло набок, большинство разбойников погибло, запутавшись в бордажных сетях. Благодаря отливу, уносившему трупы этих негодяев в открытое море, колонисты были избавлены от печальной обязанности хоронить их где-нибудь на острове.

Два часа подряд Сайрес Смит и его товарищи вытаскивали обломки на песок, отвязывали и сушили паруса, которые оказались совершенно целыми. Занятые работой, они говорили мало, но зато сколько мыслей проносилось у них в мозгу! Остатки брига, или, вернее, то, что на нем находилось, представляли собой целое богатство. Всякий корабль — это целый маленький мирок, и инвентарь колонистов мог теперь пополниться множеством полезных вещей. Тут было все, что нашлось в ящике, подобранном на мысе Находки, но в большем количестве.

«А потом,— думал про себя Пенкроф,— разве нельзя поднять этот бриг со дна? Если в нем течь, то течь ведь можно заделать, а корабль в четыреста тонн — это настоящий гигант в сравнении с нашим «Бонавентуром». На таком корабле можно далеко пойти и притом пойти куда угодно! Нам с мистером Сайресом и Айртоном надо выяснить это дело. Для этого стоит потрудиться!» И действительно, если бы оказалось, что на бриге можно еще плавать, то шансы колонистов на спасение сильно бы повысились. Но, чтобы решить этот важный вопрос, надо было подождать, пока спадет вода, и обследовать корпус судна во всех его частях.

Когда обломки были собраны на берегу в подходящем месте, Сайрес Смит с товарищами сделали небольшой перерыв, чтобы позавтракать. Они буквально умирали с голоду. К счастью, кладовая была недалеко, а Наб по праву считался расторопным поваром. Колонисты позавтракали возле Труб. За завтраком они, разумеется, беседовали только о неожиданном событии, которое таким чудесным образом спасло обитателей колонии.

— Это и правда чудо,— повторял Пенкроф.— Нужно признать, что пираты взлетели в самую подходящую минуту. В Гранитном Дворце становилось не очень-то уютно.

— А как вы себе представляете, Пенкроф, почему это случилось и что произвело взрыв на бриге? — спросил журналист.

— Э, мистер Спилет, ничего не может быть проще. Пиратский корабль — не то что военное судно. Ссылные преступники — не матросы. Очевидно, крюйт-камера была открыта, так как в нас все время палили, и достаточно было одного дурня или ротозея, чтобы взорвать всю эту махину.

— Меня удивляет, мистер Сайрес,— сказал Харберт,— что действие взрыва оказалось так незначительно. Раскат был не очень силен, и от корабля почти не осталось обломков и досок. Похоже, что бриг затопило, а не взорвало.

— Это тебя удивляет, Харберт? — спросил Сайрес Смит.

— Да, мистер Сайрес.

— И меня это тоже удивляет,— ответил инженер.— Но, когда мы осмотрим корпус судна, этот факт, несомненно, получит объяснение.

— Не станете же вы утверждать, мистер Сайрес, что «Быстрый» просто-напросто затонул, как корабль, который наткнулся на скалу? — сказал Пенкроф.

— А почему бы и нет, если на дне канала есть скалы? — спросил Наб.

— Что ты, Наб! — сказал Пенкроф.— Ты все проглядел. Я отлично видел, что бриг за секунду до того, как он затонул, подбросило огромной волной, и он упал на левый борт. А если бы он натолкнулся на скалу, то спокойно затонул бы, как всякий порядочный корабль с пробоиной в киле.

— В том-то и дело, что это непорядочный корабль,— ответил Наб.

— Скоро мы все узнаем, Пенкроф,— сказал инженер.

— Да, узнаем,— сказал моряк,— но я готов головой ручаться, что на дне пролива нет скал. Послушайте, мистер Смит: от чистого сердца — неужели вы думаете, что и в этом происшествии есть что-то чудесное?

Сайрес Смит промолчал.

— Во всяком случае, Пенкроф, согласитесь, что этот удар или взрыв случился как раз вовремя,— сказал Геден Спилет.

— Да... да...— ответил Пенкроф.— Но вопрос не в этом. Я спрашиваю мистера Смита, видит ли он во всем этом что-нибудь чудесное.

— Я не высказываюсь на этот счет, Пенкроф,— сказал инженер.— Вот все, что я могу вам ответить.

Такой ответ отнюдь не удовлетворил Пенкрофа. Моряк стоял за «взрыв» и не хотел уступать. Он ни за что не соглашался допустить, что в этом проливе, дно которого покрыто мелким песком, проливе, через который Пенкроф часто переправлялся при отливе, может оказаться неизвестная ему ска-

ла. К тому же в момент потопления брига был прилив, и вода стояла так высоко, что судно не задело бы скал, которых не видно при отливе. Значит, удара быть не могло. Значит, судно не налетело на скалу. Значит, оно взорвалось.

Нельзя не признать, что рассуждения моряка казались довольно справедливыми.

Около половины второго колонисты сели в лодку и отправились к месту крушения. К сожалению, обе судовые шлюпки не удалось сохранить: одна из них, как известно, разбилась в устье реки и была совершенно не годна к употреблению, другая исчезла при потоплении брига и, очевидно, была им раздавлена, так как больше не всплыла.

В это время корпус «Быстрого» начал появляться из-под воды. Бриг лежал даже не на боку: после того как его мачты сломались при падении и балласт сдвинулся с места, судно перевернулось килем кверху. Страшная, необъяснимая подводная сила буквально разворотила корабль, подняв при этом огромный столб воды.

Колонисты обошли корпус брига кругом. Отлив понемногу усиливался, и вскоре они могли уже установить если не причину страшной катастрофы, то хотя бы ее последствия. На носу, футах в семи или восьми от начала форштевня, судно было ужасающим образом разворочено на протяжении, по крайней мере, двадцати футов; там в двух местах открылась широкая течь, которую невозможно было заделать. Исчезли без следа не только обшивки, медная и деревянная, которые, очевидно, превратились в порошок, но самый остов, гвозди и клинья. По всему корпусу, вплоть до кормы, скрепы расшатались и не держали. Киль был со страшной силой сорван, а в нескольких местах треснул по всей длине.

— Тысяча чертей! — вскричал Пенкроф. — Этот корабль трудно будет поднять.

— Даже невозможно, — сказал Айртон.

— Во всяком случае, — сказал Гедеон Спилет, — взрыв, если это вообще был взрыв, произвел странное действие. Палуба и надводная часть судна не разрушены, но его остов пробит. Эти широкие пробоины — скорее результат удара о скалу, нежели взрыва.

— На дне пролива нет скал! — возразил Пенкроф. — Я готов допустить все что угодно, кроме удара о скалу.

— Постараемся проникнуть внутрь брига, — сказал инженер. — Быть может, мы узнаем причину его гибели.

Это было правильнее всего. Следовало составить еще опись богатств, находившихся на бриге, и принять меры к их спасению.

В это время было уже нетрудно попасть внутрь брига. Вода все убывала, и оказалось легко взобраться на нижнюю палубу, которая, после того как судно перевернулось, стала верхней. Во многих местах она была проломлена балластом, состоявшим из тяжелых чугунных болванок. Отчетливо слышался шум воды, вытекавшей сквозь щели в корпусе.

Сайрес Смит и его товарищи с топорами в руках двинулись вперед по полуразрушенной палубе. Ее загромождали всевозможные ящики; они пробыли в воде короткое время, и поэтому можно было рассчитывать, что их содержимое не слишком попорчено.

Колонисты решили переправить весь этот груз в надежное место. Прилив должен был начаться лишь через несколько часов, и оставшееся время было использовано наилучшим образом. Пенкроф с Айртоном привязали к пробойне тали, по которым вытаскивали бочки и ящики; потом их складывали в пирогу и тотчас же перевозили на берег. Колонисты брали все что попало, намереваясь впоследствии разобраться в найденном.

К большому их удовлетворению, оказалось, что груз корабля очень разнообразен. Там были всевозможные вещи: посуда, мануфактура, инструменты — все, что обычно грузится на суда, ведущие торговлю с Полинезией. Можно было рассчитывать найти всего понемногу. Это как нельзя более устраивало обитателей острова Линкольна.

Сайрес Смит с молчаливым удивлением констатировал, что не только остов судна, как уже сказано, страшно пострадал от какого-то удара, приведшего к катастрофе, но даже внутренние помещения были разрушены, особенно в носовой части. Перегородки и пилерсы рухнули, словно снесенные взрывом огромного снаряда. Колонистам легко удалось пройти от носа до кормы, предварительно оставив тюки, которые постепенно извлекались наружу. Это были не какие-нибудь тяжелые грузы, с трудом сдвигаемые с места, а обыкновенные тюки с товаром, которые в беспорядке лежали друг на друге.

Колонисты достигли кормы и оказались в той части, под которой прежде был ют. Именно здесь, по указанию Айртона, следовало искать крьюйт-камеру. Сайрес Смит надеялся, что она не взорвалась и что удастся спасти несколько бочек с порохом, который, вероятно, не подмок, так как пороховые бочки обычно обивают внутри металлом.

Так действительно и случилось. Среди большого количества снарядов оказалось штук двадцать бочек, обитых медью, которые были осторожно вытащены наружу. Пенкроф воочию убедился, что гибель «Быстрого» произошла не от внут-

ренного взрыва. Та часть корабля, где находилась крюйт-камера, как раз пострадала меньше всего.

— Все это возможно,— повторил упрямый моряк,— а все-таки в проливе нет скал.— Но как же это случилось? — спросил Харберт.

— Я не знаю,— отвечал Пенкроф.— Сайрес Смит тоже не знает. Никто не знает и никогда не узнает этого.

Осмотр корабля занял несколько часов, и снова начался прилив. Спасательные работы пришлось приостановить. Впрочем, не следовало опасаться, что прилив унесет остов брига в море: он уже завяз в песке и держался так крепко, словно стоял на якоре.

Итак, дальнейшие операции можно было без всякого ущерба отложить до следующего отлива. Что же касается самого корабля, то он осужден был на гибель. Надо было торопиться спасти остатки корпуса, чтобы их не затянуло зыбучим песком на дне пролива.

Было пять часов вечера. Наши работники хорошо потрудились за день. Они с аппетитом поели и после обеда, хоть и сильно устали, не могли сдержать любопытства и вскрыли ящики, составлявшие груз «Быстрого». В большинстве из них находилось готовое платье, которое, разумеется, было встречено с радостью. Тут были костюмы для целой колонии, всевозможное белье, обувь всех размеров.

— Теперь мы даже слишком богаты! — воскликнул Пенкроф.— Что мы будем делать с такой массой одежды?

Моряк то и дело радостно вскрикивал, находя бочки с водой, кипы табаку, огнестрельное и холодное оружие, мешки с хлопком, земледельческие орудия, столярный, плотничный и кузнечный инструмент, ящики со всевозможным зерном, которому не повредило кратковременное пребывание в воде. Как кстати пришлось бы все это два года назад! Но, конечно, даже теперь, когда трудолюбивые колонисты сами обзавелись инвентарем, найденные богатства получают свое применение.

Места на складах Гранитного Дворца было достаточно, но в тот день оставалось слишком мало времени, чтобы все сложить. Приходилось не упускать из виду, что на острове находится шестеро уцелевших пиратов — отчаянные негодяи, которых следовало остерегаться. Хотя мосты и мостики через реку Благодарности были подняты, этих преступников, конечно, не остановила бы река или ручеек; доведенные до крайности, пираты могли стать опасными.

Что именно следовало предпринять против них, должно было выясниться впоследствии. Пока же надлежало при-

смаатривать за тюками и ящиками, сложенными у Труб. Колонисты сторожили их до утра, сменяя друг друга.

Ночь прошла, однако, спокойно. Преступники не делали попыток к нападению. Дядюшка Юп и Топ, стоявшие на страже у подножия Гранитного Дворца, не замедлили бы поднять тревогу.

В ближайшие три дня — 19, 20 и 21 октября — колонисты сняли с корабля весь груз и части оснастки, которые представляли какую-либо ценность. Во время отлива они разгружали трюм, с наступлением прилива складывали спасенные вещи. От корпуса, который все глубже и глубже погружался в песок, удалось отодрать значительную часть медной обшивки. Но прежде чем песок успел поглотить тяжелые предметы, которые пошли ко дну, Пенкроф и Айртон сумели разыскать цепи, якоря брига и чугунные болванки, служившие балластом. Даже пушки удалось поднять на поверхность воды, подвязав к ним пустые бочки, а затем пригнать к берегу.

Как видим, арсенал колонистов обогатился не меньше, чем кладовые и склады Гранитного Дворца. Пенкроф, любивший строить широкие планы, уже мечтал о постройке батареи, которая бы господствовала над проливом и над устьем реки. С четырьмя пушками он брался помешать любому флоту, как бы силен он ни был, войти в территориальные воды острова Линкольна!

К тому времени, когда от брига оставался только ни на что не нужный каркас, наступила ненастная погода, которая окончательно уничтожила корабль. Сайрес Смит намеревался взорвать его и потом подобрать обломки на берегу, но сильный норд-ост и бурное море избавили инженера от необходимости тратить порох.

Действительно, в ночь на 24 октября остов брига окончательно распался, и часть обломков выбросило на берег.

Что же касается судовых бумаг, то незачем говорить, что Сайрес Смит тщательно обыскал все шкафы на юте, но не нашел даже следа каких-либо документов. Пираты, очевидно, уничтожили все, что имело отношение к личности капитана «Быстрого» и его владельца; название порта, к которому был приписан корабль, не обозначалось на кормовой доске, так что не было возможности судить о его национальности. Однако очертания носовой поверхности судна свидетельствовали, по мнению Айртона и Пенкрофа, что бриг построен в Англии.

Неделю спустя после катастрофы, или, вернее, после счастливой, но необъяснимой развязки, принесшей спасение колонистам, даже при отливе не было видно никаких следов ко-

рабля. Обломки брига были снесены в море, а его содержимое перешло в Гранитный Дворец.

Тайна его загадочной гибели, вероятно, никогда не раскрылась бы, если бы Наб 30 ноября, бродя по берегу, не нашел куска толстого железного цилиндра, носящего на себе следы взрыва. Этот цилиндр был изогнут и разломан вдоль ребра, словно подвергся действию сильно взрывчатого вещества.

Наб принес этот кусок металла своему хозяину, который работал вместе с товарищами в мастерской Труб.

Сайрес Смит внимательно осмотрел железный цилиндр и, обернувшись к Пенкрофу, спросил:

— Продолжаете ли вы утверждать, мой друг, что «Быстрый» погиб не от удара о скалу?

— Да, мистер Сайрес,— ответил моряк.— Вы не хуже меня знаете, что в проливе нет скал.

— Ну а если он наскочил на этот кусок железа? — сказал инженер, показывая Пенкрофу разбитый цилиндр.

— На эту трубочку? — воскликнул Пенкроф тоном полнейшего недоверия.

— Друзья мои,— продолжал инженер,— вы помните, что перед тем как пойти ко дну, бриг поднялся вверх, подброшенный огромным столбом воды?

— Да, мистер Сайрес,— ответил Харберт.

— Знаете ли вы, что подняло этот столб? Вот что,— сказал инженер, указывая на разбитую трубку.

— Эта трубка? — воскликнул Пенкроф.

— Да. Этот цилиндр — все, что осталось от торпеды.

— От торпеды! — вскричали товарищи инженера.

— А кто же пустил эту торпеду? — спросил Пенкроф, который все еще не желал сдаваться.

— Могу сказать вам одно — что это не я,— ответил Сайрес Смит.— Но кто-то пустил торпеду, и вы сами видели, какова ее сила.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Выводы инженера.— Грандиозные планы Пенкрофа.— Батарея в воздухе.— Четыре выстрела.— Как поступить с уцелевшими пиратами? — Айртон колеблется.— Великодушие Сайреса Смита.— Пенкроф сдается, но неохотно.

Итак, все объяснилось взрывом этой подводной мины. Сайрес Смит, которому приходилось во время междоусобной войны иметь дело с этими страшными орудиями разрушения, не мог ошибаться. От действия этого цилиндра, заряженного каким-то взрывчатым веществом, вода в проливе поднялась

столбом, киль корабля был разрушен, и он немедленно пошел ко дну. Именно потому и оказалось невозможным снова поднять его на воду, так как остов был слишком сильно поврежден. «Быстрый» не выдержал удара торпеды, которая потопила бы любой броненосец, словно простую рыбацкую лодку.

Да, все объяснилось, все... кроме появления этой мины в водах пролива.

— Друзья мои,— продолжал Сайрес Смит,— теперь уже нельзя сомневаться, что на острове находится какая-то таинственная личность — быть может, как и мы, жертва кораблекрушения. Я говорю об этом для того, чтобы Айртон узнал обо всех загадочных событиях последних двух лет. Кто этот неведомый благодетель, чье счастливое вмешательство так часто нам помогало,— не представляю себе. С какой целью он так себя ведет и скрывается, оказав нам столько услуг,— это мне не понятно. Но услуги его очень существенны, и оказать их мог только человек, располагающий огромной силой. Айртон, как и мы, обязан ему многим, ибо если этот незнакомец спас меня из воды после падения воздушного шара, то, очевидно, он же написал записку, бросил бутылку в пролив и дал нам знать о положении нашего товарища. Добавлю, что только он мог пригнать и выбросить на мыс Находки ящик, наполненный вещами, которых нам не доставало; он же зажег костер на возвышенности, который помог вам пристать к берегу; он же пустил в пеккари дробинку; он же пустил в пролив торпеду, которая разрушила бриг. Одним словом, все загадочные факты, которых мы не могли себе объяснить, обязаны своим происхождением этому таинственному человеку. Кто бы он ни был — потерпевший крушение или ссыльный, только неблагодарность могла бы заставить нас забыть, сколько он для нас сделал. На нас лежит немалый долг, и я надеюсь, что когда-нибудь мы его заплатим.

— Вы правильно говорите, милый Сайрес,— сказал Гедеон Спилет.— Действительно, на острове скрывается какой-то человек, почти всемогущий, влияние которого необычайно благотворно для нашей колонии. Если бы сверхъестественные силы могли действовать в обыденной жизни, я сказал бы, что этот человек располагает сверхъестественными возможностями. Быть может, он тайно сообщается с нами через колодец Гранитного Дворца и узнает наши планы? Не он ли прислал нам бутылку, когда наша лодка в первый раз вышла в море? Не он ли выбросил Топа из озера и был причиной смерти дюгоня? Не он ли — все указывает на это — спас вас из воды, Сайрес, при таких обстоятельствах, когда обыкновенный человек был бы лишен возможности вам помочь? Если да, то

он властвует над силами, которые делают его повелителем стихий.

Рассуждения журналиста были совершенно правильными, и его товарищи понимали это.

— Да,— ответил Сайрес Смит,— нельзя сомневаться, что какое-то человеческое существо действует в нашу пользу и средства, которыми он располагает, недоступны обычным людям. Это тоже загадка, но если мы обнаружим человека, загадка разъяснится. Вопрос, следовательно, заключается вот в чем: должны ли мы уважать инкогнито этого великодушного существа или обязаны сделать все возможное, чтобы найти его? Каково ваше мнение?

— Мое мнение,— сказал Пенкроф,— что кто бы этот человек ни был, он хороший малый, и я его уважаю.

— Пусть так, Пенкроф, но это ведь не ответ,— сказал Сайрес Смит.

— Хозяин,— проговорил Наб,— мне кажется, что мы можем искать этого господина сколько угодно, но найдем его только тогда, когда он сам этого захочет.

— То, что ты говоришь, неглупо,— сказал Пенкроф.

— Я согласен с мнением Наба,— заметил Гедеон Спитлет.— Но это не значит, что мы не должны сделать попытку. Удастся ли нам найти этого таинственного человека или нет, мы, во всяком случае, выполним свой долг.

— А ты, мой мальчик, что скажешь? — спросил инженер, обращаясь к Харберту.

— О, я хотел бы поблагодарить человека, который сначала спас вас, а потом нас всех! — воскликнул Харберт, глаза которого сверкали.

— Неплохое желание,— сказал Пенкроф.— Мне тоже хотелось бы это сделать. Я человек нелюбопытный, но охотно отдал бы один глаз, чтобы посмотреть другим глазом в лицо этому господину. Мне кажется, он должен быть могуч и красив.

— А вы что думаете, Айртон? — спросил инженер.

— Мистер Смит,— ответил Айртон,— я почти не могу высказать никакого мнения. Как вы сделаете, так и будет хорошо. Если вам будет угодно, чтобы я принял участие в ваших поисках, я последую за вами.

— Благодарю вас, Айртон,— продолжал Сайрес Смит,— но мне хотелось бы получить более прямой ответ на вопрос. Вы — наш товарищ, вы уже не раз жертвовали собой, чтобы защитить нас, и мы должны посоветоваться с вами, собираясь принять важное решение. Итак, говорите.

— Мистер Смит,— сказал Айртон,— мне кажется, мы должны сделать все, чтобы найти этого неизвестного благодетеля.

теля. Может быть, он одинок? Может быть, ему плохо? Может быть, мы ему поможем начать новую жизнь? Я тоже, как вы сказали, очень ему обязан. Это он, только он мог посетить остров Табор, увидеть дикаря, которого вы нашли, и сообщить вам, что надо спасти несчастного! Значит, я снова стал человеком благодаря ему. Я никогда этого не забуду!

— Итак, решено,— сказал Сайрес Смит.— Мы начнем поиски как можно скорее. Ни один уголок острова не останется необысканным. Мы исследуем самые недоступные места, и пусть наш неведомый друг простит нам это, приняв во внимание нашу благую цель.

В течение последующих дней колонисты деятельно косили сено и жали хлеб. Они хотели закончить все необходимые работы, прежде чем приступить к обследованию неизвестных еще частей острова. В это же время надлежало собрать различные овощи, привезенные с острова Табор; все это приходилось переносить в кладовые, и, к счастью, в Гранитном Дворце вполне хватало места: туда можно было сложить все богатства острова. Запасы колонистов хранились в большом порядке и были недоступны животным или двуногим врагам. Сырости тоже не приходилось опасаться в этом толстом гранитном массиве. Некоторые естественные пещеры в верхнем коридоре были расширены и углублены при помощи кирки или пороха, и Гранитный Дворец превратился в главный склад провизии, боевых припасов, посуды и инструментов — словом, всего имущества колонии.

Что касается пушек, снятых с брига, то это были превосходные орудия из литой стали. По настоянию Пенкрофа, их втащили при помощи крана и талей в самые сени Гранитного Дворца; между окнами пробили бойницы, и вскоре длинные стальные дула уже торчали в отверстиях стены. С такой высоты огненные жерла господствовали над всей бухтой Союза. Всякий корабль, показавшийся в виду острова, неминуемо попал бы под огонь воздушной батареи.

— Мистер Сайрес,— сказал однажды Пенкроф (дело было 8 ноября),— теперь, когда вооружение закончено, не мешало бы испытать, насколько далеко бьют наши орудия.

— Вы думаете, это будет полезно? — спросил инженер.

— Это не только полезно, это необходимо. Иначе, как мы узнаем, на какое расстояние можно послать одно из этих кругленьких ядер, имеющихся у нас в таком большом запасе?

— Ну так что ж, испытаем их, Пенкроф,— сказал инженер.— Но я думаю, что для пробной стрельбы следует употребить не порох, запас которого мне хотелось бы сохранить

неприкосновенным, а пироксилин. В пироксилине у нас никогда не будет недостатка.

— Выдержат ли эти пушки взрывчатую силу пироксилина? — спросил журналист, которому не меньше Пенкрофа хотелось испытать артиллерию Гранитного Дворца.

— Думаю, что да. Впрочем, мы будем действовать осторожно, — ответил инженер.

Сайрес Смит — знаток артиллерийского дела — имел основания думать, что эти пушки превосходны. Орудия были изготовлены из кованой стали и заряжались с казенной части. Они могли вмещать огромный заряд и, следовательно, били на значительное расстояние. Действительно, конечный результат попадания снаряда тем больше, чем более вытянута и траектория, описываемая снарядом, а протяженность траектории достигается лишь при очень большой начальной скорости.

— Начальная же скорость, — сказал Сайрес Смит своим товарищам, — стоит в прямом отношении к количеству использованного пороха. При изготовлении артиллерийских орудий весь вопрос сводится к тому, чтобы применить металл, обладающий максимальным сопротивлением, а сталь, несомненно, самый твердый из металлов. Я поэтому думаю, что наши пушки выдержат расширение газа пироксилина и будут прекрасно действовать.

— Мы убедимся в этом, когда испытаем их, — ответил Пенкроф.

Нечего и говорить, что все четыре пушки были в прекрасном состоянии. После того как орудия вытащили из воды, Пенкроф добросовестно их начистил. Сколько времени употребил он на то, чтобы натереть пушки, смазать их жиром, придать им блеск, вычистить механизмы затвора, нажимной винт, замок! Теперь все части орудия блестели так, точно находились на борту какого-нибудь американского фрегата.

Итак, в этот день, в присутствии всего состава колонии, не исключая Топа и Юпа, пушки одна за другой были подвергнуты испытанию.

Их зарядили пироксилином, учитывая, что взрывчатая сила его вчетверо больше, чем у пороха. Снаряды пушек имели форму цилиндрического конуса.

Пенкроф держал веревку запального фитиля и был готов стрелять.

По сигналу Сайреса Смита раздался выстрел. Ядро, направленное на море, пролетело над островком и скрылось в океане на расстоянии, которое невозможно было определить с точностью.

Вторую пушку навели на крепкие скалы мыса Находки. Ядро ударилось об острый камень приблизительно в трех милях от Гранитного Дворца и разнесло его вдребезги.

Наводил пушку и стрелял Харберт, который был очень горд своим первым выстрелом. Но еще больше гордился Пенкроф — ведь это его милый мальчик сделал такой замечательный выстрел!

Третье ядро, пущенное в сторону дюн на верхнем берегу бухты Союза, упало на песок более чем в четырех милях от Гранитного Дворца, подскочило и скрылось в воде, подняв облако пены.

Для четвертого выстрела Сайрес Смит немного увеличил заряд, чтобы установить предел дальности. Потом все отошли в сторону, так как пушку могло разорвать, и фитиль был подожжен с помощью длинной веревки.

Раздался громкий выстрел, но пушка выдержала. Колонисты бросились к окнам и увидели, что ядро задело верхушки скал на мысе Челюстей, примерно в пяти милях от Гранитного Дворца, и скрылось в волнах залива Акулы.

— Ну что же, мистер Сайрес,— спросил Пенкроф, восторженные крики которого едва не заглушили грохот выстрела,— что вы скажете о нашей батарее? Пусть все пираты Тихого океана явятся к Гранитному Дворцу! Ни один из них не высадится без нашего разрешения.

— Поверьте мне, Пенкроф: лучше не делать этого опыта,— ответил инженер.

— Кстати,— сказал моряк,— как мы поступим с шестью негодяями, которые блуждают по острову? Неужели мы им позволим расхаживать по нашим лесам, полям и лугам? Эти пираты — настоящие ягуары, и мы, мне кажется, должны поступить с ними, как с ягуарами... Как вы думаете, Айртон? — спросил моряк, обращаясь к своему товарищу.

Айртон медлил с ответом, и Сайрес Смит пожалел, что Пенкроф, не подумав, задал этот вопрос. С глубоким волнением услышал инженер ответ смущенного Айртона:

— Я тоже был таким ягуаром, мистер Пенкроф, и не имею права говорить.

И он медленно удалился.

Пенкроф понял.

— Ну и дурачина же я! — воскликнул он. — Бедный Айртон! Он имеет такое же право говорить, как и любой из нас.

— Да, но скромность делает ему честь, и надо уважать это чувство, оставшееся от его печального прошлого,— сказал Гедеон Спилет.

— Согласен, мистер Спилет,— сказал моряк. — Больше я

уже не попадусь. Лучше бы мне проглотить язык, чем огорчить Айртона! Но вернемся к моему вопросу. Мне кажется, что бандиты не имеют права на милосердие, и мы должны как можно скорее очистить от них остров.

— Вы действительно так думаете, Пенкроф? — спросил инженер.

— Да, я в этом уверен.

— И вы начнете беспощадную охоту за ними, не дожидаясь, чтобы они совершили какое-нибудь враждебное действие?

— А разве мало того, что они сделали раньше? — спросил Пенкроф, который не понимал колебаний инженера.

— В душе их могут возникнуть другие чувства. Быть может, они расскаются.

— Расскаются? Они? — воскликнул моряк, пожимая плечами.

— Пенкроф, вспомни об Айртоне, — сказал Харберт, взяв моряка за руку. — Он снова стал честным человеком.

Пенкроф недоуменно посмотрел на своих товарищей. Он никогда бы не поверил, что его предложение может встретить какой-либо отпор. По крутости своего характера он не мог допустить никаких компромиссов по отношению к негодяям, которые высадились на острове, — сообщникам Боба Гарвея, убийцам из команды «Быстрого». Моряк считал их дикими зверями, которых надо уничтожить без колебаний и без раскаiania.

— Вот так штука! — сказал он. — Все против меня. Вы хотите великодушничать с этими мерзавцами? Пусть так. Только бы потом не раскаяться.

— Какая нам может угрожать опасность, если мы будем настороже? — спросил Харберт.

— Гм... — произнес журналист, который больше молчал, чем говорил. — Их шесть человек, и они хорошо вооружены. Если каждый подстережет и застрелит одного из нас, они скоро станут хозяевами колонии.

— Почему же они этого не сделали до сих пор? — возразил Харберт. — Очевидно, потому, что это не в их интересах. К тому же нас тоже шестеро.

— Ладно, ладно, — сказал Пенкроф, которого не могли убедить никакие доводы. — Предоставим этим милым парням заниматься своими делишками и не будем больше о них думать.

— Послушайте, Пенкроф, — сказал Наб, — не корчи из себя такого злодея. Окажись один из этих несчастных под дулом твоего ружья, ты бы в него не выстрелил.

— Я застрелил бы его, как бешеную собаку,— холодно ответил Пенкроф.

— Пенкроф,— сказал инженер,— вы часто с большим вниманием прислушивались к моему мнению. Согласны вы в данном случае принять мой совет?

— Я поступлю так, как вам будет угодно, мистер Смит,— ответил Пенкроф, который отнюдь не казался убежденным.

— Тогда будем ждать и перейдем к нападению, только если на нас нападут.

Так и было решено держаться по отношению к пиратам, хотя Пенкроф не предвидел от этого ничего хорошего.

Нападать на них колонисты не собирались, но намеревались быть начеку. В конце концов, остров был велик и плодороден. Если в душе этих отверженных осталось хоть немного порядочности, они, может быть, еще исправятся. При создавшихся условиях они сами должны стремиться начать новую жизнь. Во всяком случае, следовало выждать, хотя бы из человеколюбия.

Теперь колонисты, может быть, не смогут спокойно ходить по острову. До сих пор им приходилось опасаться только диких зверей, а сейчас по острову бродили шестеро ссыльных — возможно, отчаянных преступников. Конечно, это было страшно, и если б и колонисты были менее храбрые люди, они навсегда утратили бы покой. Но все равно. Пока что в споре с Пенкрофом правда была на стороне колонистов. Не ошиблись ли они, покажет будущее.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Проект экспедиции.— Айртон в корале.— Посещение гавани Воздушного Шара.— Замечания Пенкрофа на борту «Бонавентура».— В кораль посылают телеграмму.— От Айртона нет ответа.— Выступление на следующий день.— Почему телеграф не действует.— Выстрел.

Колонисты считали своей важнейшей задачей произвести полное обследование острова, которое теперь имело две цели: во-первых, найти таинственного человека, в существовании которого нельзя было уже сомневаться, и в то же время выяснить, что случилось с пиратами, где они укрылись, какую вели жизнь и чего можно опасаться с их стороны.

Сайрес Смит желал бы выступить немедленно, но так как экспедиция должна была продолжаться несколько дней, то было решено нагрузить на повозку различные предметы лагерного оборудования и посуду — все необходимое для ночевки. Между тем одна из онагг поранила себе ногу, и ее нельзя

было запрягать. Животное нуждалось в отдыхе, и колонисты решили отложить отъезд до 20 ноября. Ноябрь в этих широтах соответствует маю Северного полушария. Приближалось лето. Солнце подходило к тропику Козерога, наступали самые длинные дни в году. Время для экспедиции было выбрано наиболее подходящее. Даже если главная цель не будет достигнута, поход колонистов мог привести ко многим открытиям, особенно в отношении естественных богатств: ведь Сайрес Смит намеревался обследовать густой лес Дальнего Запада, тянувшийся до конца Змеиного полуострова.

В течение девяти дней, оставшихся до начала экспедиции, колонисты решили закончить последние работы на плато Дальнего Вида.

Между тем Айртону было необходимо возвратиться в кораль, так как домашние животные нуждались в уходе. Было решено, что Айртон проведет там два дня и вернется в Гранитный Дворец, оставив в стойлах обильный запас корма.

Перед его отправлением Сайрес Смит спросил, не хочет ли он, чтобы кто-нибудь его проводил. Ведь теперь на острове не так безопасно, как прежде.

Айртон ответил, что это не нужно, что он отлично справится один и ничего не боится. Если в корале или окрестностях произойдет что-нибудь неожиданное, он немедленно сообщит об этом по телеграфу в Гранитный Дворец.

На заре Айртон уехал на повозке, которую везла одна онагга. Два часа спустя телеграф сообщил, что в корале все благополучно.

В ближайшие два дня Сайрес Смит осуществил одно мероприятие; оно должно было окончательно обезопасить Гранитный Дворец от всяких неожиданностей; Смит хотел сделать совершенно невидимым отверстие бывшего водостока на южной оконечности озера Гранта, ранее уже заделанное и полуприкрытое растениями и травой. Это было легко осуществить, так как требовалось только повесить на два-три фута уровень воды в озере, которая должна была окончательно затопить отверстие. Для этого достаточно было установить плотины у обоих проливов, питавших Глицериновый ручей и ручей Водопада. Остальные колонисты приняли участие в этой работе и быстро возвели две плотины из хорошо сцементированных камней. Ширина их не превосходила семи-восьми футов при трех футах высоты. После этого никто не мог бы предположить, что у оконечности озера существовал подземный проход, в который когда-то изливался избыток воды.

Незачем говорить, что небольшой рукав, через который поступала вода, наполнявшая резервуары Гранитного Двор-

ца и приводившая в движение подъемник, не был затронут, и колонистам не угрожал недостаток воды. Стоило втянуть подъемник наверх, и надежное, удобное убежище колонистов было в полной безопасности от неожиданного нападения.

С этой работой справились быстро, и Пенкроф, Геден Спилет и Харберт нашли время посетить гавань Воздушного Шара. Моряку очень хотелось знать, побывали ли пираты в маленькой бухте, где находился «Бонавентур».

— Эти джентльмены, — говорил он, — высадились именно на южном берегу. Я боюсь, что они обнаружили нашу маленькую гавань, и тогда я не дам и полдоллара за наш «Бонавентур».

Опасения Пенкрофа были довольно основательны, и посещение гавани Воздушного Шара казалось вполне уместным.

10 ноября после полудня моряк и его товарищи выступили в путь. Они были хорошо вооружены. Пенкроф демонстративно вложил по две пули в каждый ствол своего ружья и молча покачал головой. Это не предвещало ничего хорошего для того, кто вздумал бы подойти к нему слишком близко, будь это человек или зверь. Геден Спилет и Харберт также захватили ружья, и около трех часов маленький отряд покинул Гранитный Дворец.

Наб проводил товарищей до излучины реки и, когда они перешли на другой берег, поднял мост. Колонисты условились, что сообщат о своем возвращении выстрелом из ружья. Услышав этот сигнал, Наб должен был восстановить сообщение между обоими берегами реки.

Путники направились прямо по дороге в гавань, к южному берегу острова. Им предстояло пройти всего три с половиной мили, но Геден Спилет и его товарищи потратили на это два часа. По пути они обыскивали всю опушку леса как в более густой его части, так и со стороны болота Казарок, но не обнаружили никакого следа беглецов. Вероятно, последние, не зная в точности численности колонистов и их средств обороны, укрылись в наименее доступной части острова.

Придя в гавань Воздушного Шара, Пенкроф с величайшим удовлетворением увидел, что «Бонавентур» спокойно стоит на якоре в узкой бухте; впрочем, гавань Воздушного Шара была так хорошо укрыта среди высоких скал, что ее нельзя было обнаружить ни с моря, ни с суши, и только человек, находящийся в самой бухте или над нею, мог догадаться о ее существовании.

— Прекрасно! — сказал Пенкроф. — Эти негодяи еще не побывали здесь. Гады предпочитают прятаться в траве, и мы, очевидно, найдем их в лесу Дальнего Запада.

— Это большое счастье,— добавил Харберт.— Если бы они увидели «Бонавентур», то захватили бы корабль и убежали, а мы не могли бы еще раз побывать на острове Табор.

— Действительно,— ответил журналист,— было бы приятно доставить туда записку с указанием координат острова Линкольна и местонахождения Айртона, на случай, если «Дункан» вернется за ним.

— «Бонавентур» все еще здесь, мистер Спилет,— ответил Пенкроф.— Судно и его команда могут тронуться в путь по первому сигналу.

— Я думаю, Пенкроф, что это придется сделать сейчас же по окончании обследования острова. Возможно, что незнакомец, если нам только удастся его найти, сообщит нам много интересного об острове Линкольна и острове Табор. Вспомните, что он, и никто другой, написал ту записку, и ему, может быть, известно, вернется ли яхта.

— Тысяча чертей! — вскричал Пенкроф.— Кто же это может быть? Этот человек знаком с нами, а мы с ним незнакомы. Если это простой моряк, потерпевший кораблекрушение, то почему же он прячется? Мне кажется, мы порядочные люди, а общество порядочных людей никому не может быть неприятно. По доброй ли воле он сюда попал? Может ли он покинуть остров, если захочет? Здесь ли он еще? Или его уже нет?

Беседуя таким образом, Пенкроф и его товарищи поднялись на корабль и прошли по палубе «Бонавентура». Моряк случайно взглянул на битенг, вокруг которого был обмотан якорный канат, и вскрикнул:

— Черт возьми! Вот это здорово!

— Что такое, Пенкроф? — спросил журналист.

— А то, что этот узел завязан не моей рукой!

И Пенкроф указал на веревку, которая привязывала канат к битенгу, чтобы он не разматался.

— Как не вашей рукой? — спросил Геден Спилет.

— Готов поклясться, что не моей. Это плоский узел, а я обычно завязываю две удавки¹.

— Может быть, вы ошиблись, Пенкроф?

— Я не ошибся,— настаивал моряк.— Рука делает это незаметно, сама собой, и рука не ошибается.

— Значит, пираты побывали на корабле? — спросил Харберт.

— Не знаю,— ответил Пенкроф.— Несомненно одно, что

---

¹ Удавка — узел, употребляемый моряками, который всегда крепко держится.

якорь «Бонавентура» поднимали и потом снова бросили его. Вот еще одно доказательство: канат якоря травмили, и гарнитур¹ снят с того места, где канат трется об клюз. Говорю вам, кто-то пользовался нашим судном!

— Но если им пользовались пираты, они разграбили бы его или убежали.

— Убежали бы? Куда это? На остров Табор? — возразил Пенкроф. — Неужели вы думаете, что они отважились бы выйти в океан на судне с таким небольшим водоизмещением?

— К тому же пришлось бы допустить, что остров Табор им известен, — сказал Геден Спилет.

— Как бы то ни было, — продолжал моряк, — не будь я Бонавентур Пенкроф из Вайн-Ярда, если наш «Бонавентур» не поплавал без нас.

Моряк говорил так уверенно, что ни Геден Спилет, ни Харберт не решались его оспаривать. Судно, очевидно, не все время стояло на месте с тех пор, как Пенкроф привел его в гавань Воздушного Шара. Моряк нисколько не сомневался, что кто-то поднял якорь и потом снова опустил его на дно. Зачем было бы проделывать это, если корабль не сходил с места?

— Но как же мы могли не заметить «Бонавентур», когда он проходил мимо острова? — спросил журналист, которому хотелось выдвинуть все возможные возражения.

— Очень легко, мистер Спилет, — ответил моряк. — Достаточно выйти ночью, при хорошем ветре, и через два часа остров скроется из виду.

— В таком случае, — продолжал журналист, — объясните мне, с какой целью пираты могли воспользоваться «Бонавентуром» и почему, воспользовавшись им, они снова привели корабль в гавань?

— Эх, мистер Спилет, — ответил моряк, — отнесем это к прочим необъяснимым вещам и бросим об этом думать! Важно то, что «Бонавентур» с нами. К несчастью, если пираты возьмут его еще раз, он может не оказаться на месте.

— Может быть, было бы осторожнее отвести «Бонавентур» к Гранитному Дворцу? — сказал Харберт.

— И да и нет, но скорее — нет, — ответил Пенкроф. — Устье реки Благодарности — неподходящее место для корабля, и море там бурное.

— А что, если дотащить его по песку до самых Труб?

— Может быть, это будет правильнее, — сказал Пенк-

---

¹ Гарнитур — кусок старой парусины, которым обвертывают якорный канат в той части, где он касается клюза, чтобы канат не стирался.

роф,— но раз мы должны покинуть Гранитный Дворец и отправиться в довольно продолжительную экспедицию, то, мне кажется, «Бонавентуру» будет безопаснее здесь. Лучше его оставить в бухте, пока остров не будет очищен от этих негодяев.

— Я тоже так думаю,— сказал журналист.— Здесь он, по крайней мере, не будет так страдать от дурной погоды, как в устье реки Благодарности.

— Ну а что, если пираты вздумают еще раз посетить его? — сказал Харберт.

— Не найдя «Бонавентура» здесь, они быстро разыскали бы корабль в окрестностях Гранитного Дворца и захватили бы его в наше отсутствие,— ответил Пенкроф.— Я согласен с мистером Спилетом, что корабль следует оставить в гавани Воздушного Шара. Но когда мы вернемся, если нам не удастся освободить остров от негодяев, лучше будет отвести «Бонавентур» к Гранитному Дворцу и оставить его там на случай, если придется опасаться каких-либо неприятных посещений.

— Решено! Идем дальше! — сказал журналист.

Вернувшись в Гранитный Дворец, Пенкроф, Харберт и Геден Спилет сообщили инженеру о том, что произошло, и Сайрес Смит одобрил их решение. Он даже обещал Пенкрофу изучить участок пролива между островком и побережьем и выяснить, нельзя ли устроить там при помощи запруд искусственную гавань. Если это осуществимо, то «Бонавентур» будет всегда близко, на виду у колонистов, а в случае нужды его можно будет даже запереть.

В тот же вечер Айртону послали телеграмму с просьбой привести из коралля пару коз, которых Наб собирался выпустить на луга, покрывавшие плато. Как это ни странно, Айртон, вопреки своему обычаю, не подтвердил получения депеши. Инженер был очень удивлен. Могло случиться, что Айртон в это время не было в коралле, а может быть, он даже возвращался в Гранитный Дворец. Действительно, после его ухода прошло два дня, а 10-го вечером или, самое позднее, 11-го утром он должен был вернуться.

Колонисты ждали, что Айртон покажется на плато Дальнего Вида. Наб с Харбертом даже отправились к мосту, чтобы опустить его, как только появится их друг. Но к десяти часам вечера стало ясно, что Айртон не придет. Колонисты решили послать вторую телеграмму с просьбой немедленно ответить.

Звонок в Гранитном Дворце молчал.

Колонисты сильно встревожились. Что случилось? Значит, Айртон не было в коралле, а если он и находился там, то

был лишен свободы передвижения? Следовало ли им идти в кораль в эту темную ночь?

Поднялся спор. Одни хотели идти, другие нет.

— Но, может быть, что-нибудь случилось с телеграфом и он не действует? — спросил Харберт.

— Это возможно, — сказал журналист.

— Подождем до завтра, — предложил Сайрес Смит. — Может быть, Айртон действительно не получал нашей телеграммы или его ответ не дошел до нас.

Колонисты ждали с понятным беспокойством.

С первыми лучами зари 11 ноября Сайрес Смит снова пустил электрический ток по проводу, но не получил ответа.

Они повторили свою попытку. Результат был тот же.

— Идем в кораль, — сказал инженер.

— И притом во всеоружии, — добавил Пенкроф.

Колонисты тут же решили, что Гранитный Дворец не будет покинут всеми и что там останется Наб. Проводив своих товарищей до Глицеринового ручья, он должен был поднять мост и, укрывшись за деревом, ждать их возвращения или возвращения Айртона.

В случае, если появятся пираты и попытаются перейти через пролив, Наб должен был остановить их ружейными выстрелами. В конце концов он мог спрятаться в Гранитном Дворце и, втащив подъемник, оказаться в полной безопасности.

Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Харберт и Пенкроф предполагали направиться прямо в кораль, а если Айртон там не окажется, обыскать ближайший лес.

В шесть часов утра инженер со своими тремя спутниками перешел через Глицериновый ручей, а Наб остался на левом берегу и укрылся за небольшим пригорком, на котором росло несколько высоких драцен.

Колонисты, спустившись с плато Дальнего Вида, направились по дороге, ведущей в кораль. Они держали ружья наперевес и были готовы стрелять при первом появлении врагов. Два карабина и столько же ружей были заряжены пулями.

По обеим сторонам дороги тянулся густой кустарник, где легко могли притаиться злодеи. Они были вооружены и поэтому опасны.

Колонисты шли быстро и молчали. Топ бежал впереди то по дороге, то меж кустов, но тоже молчал, видимо, не чуя ничего необычного. Можно было быть уверенным, что верный пес не позволит захватить себя врасплох и начнет лаять при первых признаках опасности.

Вдоль дороги, по которой шел маленький отряд, тянулся телеграфный провод, соединявший кораль с Гранитным Дворцом. Отойдя около двух миль, колонисты не заметили ни одного обрыва. Столбы стояли крепко, изоляторы были целы, провод натянут правильно. Но дальше, как указал инженер, натяжение проволоки несколько ослабевало, а дойдя до столба № 74, Харберт, который шел впереди, крикнул:

— Провод оборван!

Спутники Харберта ускорили шаги и подошли к тому месту, где стоял юноша.

Столб был опрокинут и лежал поперек дороги. Обрыв провода можно было считать установленным, и телеграммы из Гранитного Дворца в кораль и из коралья в Гранитный Дворец, очевидно, не доходили до места назначения.

— Этот столб опрокинуло не ветром, — заметил Пенкроф.

— Нет, — подтвердил Геден Спилет. — Под ним подрывли землю и вырвали его руками.

— Кроме того, провод порван, — сказал Харберт, указывая на два конца проволоки, которая была кем-то разорвана.

— Что, излом свежий? — спросил Сайрес Смит.

— Да, проволока, несомненно, оборвана недавно, — ответил Харберт.

— В кораль! В кораль! — вскричал Пенкроф.

Колонисты находились на полпути между Гранитным Дворцом и коралем. Им оставалось пройти две с половиной мили. Они быстрым шагом двинулись вперед.

Очевидно, в корале произошло какое-то важное событие. Айртон, конечно, мог послать телеграмму, и она не дошла, но не это беспокоило его товарищей, а вот что казалось им непонятным: Айртон обещал вернуться в Гранитный Дворец накануне вечером и не пришел. Наконец связь между коралем и Гранитным Дворцом была прервана не без причины, а кто, кроме пиратов, был заинтересован в том, чтобы эта связь нарушилась?

Колонисты бежали, задыхаясь от волнения. Они были искренне привязаны к своему новому товарищу. Неужели они найдут его убитым рукой тех самых людей, во главе которых он когда-то стоял?

Вскоре маленький отряд достиг того места, где начинался ручеек, приток Красного ручья, орошавший луга в корале. Они умилили шаги, чтобы не чувствовать себя утомленными в ту минуту, когда, может быть, придется вступить в борьбу. Все взвели курки ружей. Каждый наблюдал за определенным участком леса. Топ издавал глухое рычание, не предвещавшее ничего хорошего.

Наконец между деревьями стал виден дощатый забор. С первого взгляда не было заметно никаких разрушений. Калитка была закрыта, как всегда. В корале царила глубокая тишина. Не слышалось ни блеяния муфлонов, ни голоса Айртона.

— Войдем туда,— сказал Сайрес Смит.

Инженер сделал несколько шагов вперед. Его товарищи стояли настороже в двадцати шагах, готовые стрелять. Сайрес Смит поднял внутреннюю шеколку калитки и хотел ее открыть, когда Топ громко залаял. Над забором прозвучал выстрел, и крик боли раздался ему в ответ.

Харберт, пораженный пулей, упал на землю.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Журналист и Пенкроф в корале.— Харберта переносят в дом.— Отчаяние моряка.— Инженер и журналист советуются.— Способ лечения.— Снова надежда.— Как известить Наба?— Верный и надежный посланник.— Ответ Наба.

Услышав крик Харберта, Пенкроф выронил ружье и бросился к нему.

— Они убили его! — закричал он.— Моего мальчика! Они убили его!

Сайрес Смит и Гедеон Спилет тоже подбежали к Харберту. Журналист послушал, бьется ли еще сердце бедного юноши.

— Он жив,— сказал Гедеон Спилет.— Его нужно перенести...

— В Гранитный Дворец?

— Это невозможно,— ответил инженер.

— Тогда в кораль! — воскликнул Пенкроф.

— Одну минуту,— сказал инженер.

Он бросился влево, стараясь обойти забор. Вдруг он увидел перед собой пирата. Тот прицелился, и его пуля пробила инженеру шляпу. Но второго выстрела он не успел сделать, так как упал на землю, пораженный кинжалом Сайреса Смита, более метким, чем ружье пирата.

Между тем Гедеон Спилет и моряк подтянулись на руках к верхним доскам забора, перелезли через него, спрыгнули в загон, вырвали болты, которые запирали дверь, и бросились в дом, оказавшийся пустым. Вскоре несчастный Харберт лежал на кровати Айртона. Несколько мгновений спустя Сайрес Смит был подле него.

Горе Пенкрофа при виде Харберта, лежавшего без сознания, было ужасно. Он плакал, рыдал, бился головой об стену.

Ни инженер, ни Геден Спилет не могли его успокоить. Они сами задыхались от волнения и не в состоянии были говорить.

Тем не менее они сделали все, что могли, чтобы вырвать из когтей смерти бедного юношу, умирающего у них на глазах. Геден Спилет, проживший столь бурную жизнь, имел кое-какой опыт в области медицины. Он знал всего понемногу, и ему часто приходилось лечить раны, нанесенные огнестрельным оружием. С помощью Сайреса Смита он принялся ухаживать за Харбертом.

Журналиста поразила полная неподвижность юноши, которая объяснялась, вероятно, кровотечением, а может быть, шоком, если пуля с силой ударилась о кость и вызвала сотрясение организма.

Харберт был очень бледен. Пульс его еле прощупывался, так что Геден Спилет улавливал его биение лишь с большими промежутками, словно сердце готово было вот-вот остановиться. Сознание совершенно отсутствовало. Это были очень опасные симптомы.

Журналист обнажил грудь Харберта, смыл кровь мокрым платком и холодной водой.

Рана стала ясно видна. На груди, между третьим и четвертым ребрами, в том месте, где поразила Харберта пуля, краснело овальное отверстие.

Сайрес Смит и Геден Спилет перевернули бедного юношу, который еле слышно стонал. Этот стон был больше похож на последний вздох умирающего.

На спине Харберта зияла вторая рана, из которой сейчас же выпала пуля.

— Слава Богу! — сказал журналист. Пуля не осталась в теле, и нам не придется ее извлекать.

— Но сердце? — спросил Сайрес Смит.

— Сердце не затронуто — иначе Харберт был бы мертв.

— Мертв? — закричал Пенкроф, испустив нечто похожее на рычание.

Моряк расслышал только последнее слово, произнесенное журналистом.

— Нет, Пенкроф, нет, он не умер, — ответил Сайрес Смит. — Его пульс продолжает биться. Он даже застонал. Но, ради блага вашего питомца, успокойтесь. Нам нужно все наше хладнокровие. Не волнуйте нас еще больше, друг мой.

Пенкроф умолк; в нем произошла реакция, и крупные слезы покатались из его глаз.

Между тем Геден Спилет старался вспомнить то, что знал, и действовать методически. Сомнений не было: пуля вошла спереди и вышла сзади. Но какие разрушения произ-

вела она на своем пути? Какие важные органы были задеты? Этого не мог бы сказать в данный момент даже профессиональный хирург, а тем более Гедеон Спилет.

Однако журналист знал одно: что ему придется бороться с воспалением поврежденных частей и затем с местным воспалением, лихорадкой, вызванной ранением, которое, быть может, смертельно. Какие средства мог он употребить? Какие противовоспалительные лекарства? Каким способом предупредить воспаление?

Во всяком случае, важнее всего было немедленно перевязать раны. Гедеон Спилет не считал нужным вызывать новое кровотечение, обмывая раны теплой водой и сдавливая их края. Кровотечение было и так очень обильно, а Харберт чрезвычайно ослаб от потери крови.

Поэтому журналист ограничился промыванием ран холодной водой.

Харберта повернули на левый бок и удерживали его в этом положении.

— Не нужно, чтобы он двигался,— сказал Гедеон Спилет.— Такое положение удобнее всего для того, чтобы из ран на груди и на спине мог свободно выделяться гной. Харберту необходим абсолютный покой.

— Что? Его нельзя перенести в Гранитный Дворец? — спросил Пенкроф.

— Нет, Пенкроф,— ответил журналист.

— Проклятие! — крикнул моряк, грозя небу кулаком.

— Пенкроф! — сказал Сайрес Смит.

Гедеон Спилет снова принялся тщательно осматривать раненого юношу. Харберт был по-прежнему страшно бледен, и журналист почувствовал тревогу.

— Сайрес,— сказал он,— я не врач... Я очень волнуюсь... Я страшно растерян... Вы должны помочь мне вашим опытом, вашим советом...

— Успокойтесь, мой друг,— ответил инженер, пожимая руку журналисту.— Действуйте хладнокровно... Помните одно: надо спасти Харберта.

Эти слова возвратили Гедеону Спилету самообладание, которое он было потерял, поддавшись на минуту отчаянию и тяжелому чувству ответственности. Он сел на край кровати. Сайрес Смит стоял рядом с ним. Пенкроф разорвал свою рубашку и машинально щипал корпию.

Гедеон Спилет объяснил Сайресу Смит, что он считает нужным прежде всего остановить кровь, не закрывая ран и не стремясь, чтобы они зажили, ибо внутренние органы были повреждены и нельзя было допустить скопления гноя в груди.

Сайрес Смит вполне одобрил это мнение, и было решено перевязать раны, не пытаясь немедленно закрыть их, соединяя края. К счастью, раны не приходилось расширять, но самый важный вопрос заключался в том, имеется ли у колонистов действительное средство против неизбежного воспаления.

Да, у них было такое средство. Природа не пожалела его: у них была холодная вода, то есть самое сильное успокаивающее средство при воспалении ран, самое действительное в тяжелых случаях: теперь им пользуются все врачи. У холодной воды есть и то преимущество, что она позволяет держать рану в полном покое и избавляет ее от частых преждевременных перевязок. Это преимущество очень велико, так как опыт доказывает, что в первые дни воздух производит на рану вредное действие.

Сайрес Смит и Геден Спилет рассуждали так, руководствуясь простым здравым смыслом, и действовали не хуже хорошего хирурга. На раны Харберта положили полотняные компрессы и все время смачивали их холодной водой.

Пенкроф прежде всего зажег огонь в очаге. В доме не было недостатка в предметах первой необходимости. Из тростникового сахара и лекарственных растений, тех самых, которые юноша собрал на берегах озера Гранта, приготовили освежающее питье и влили несколько капель его в рот больному, который все еще не приходил в сознание. У Харберта был сильный жар; весь день и всю ночь он пролежал без сознания. Жизнь его висела на волоске, и волосок этот каждую минуту мог оборваться.

На следующий день, 12 ноября, у Сайреса Смита появилась надежда. Харберт, наконец, очнулся от глубокого обморока. Он открыл глаза, узнал Сайреса Смита, журналиста, Пенкрофа, произнес несколько слов. Он не помнил, что с ним случилось. Юноше рассказали, и Геден Спилет умолял его лежать совершенно спокойно, говоря, что его жизнь вне опасности, а раны заживут через несколько дней. Впрочем, Харберт почти не страдал, а холодная вода, которой все время смачивали раны, не давала им воспалиться. Гной отходил правильно, жар не усиливался; можно было надеяться, что страшные раны не вызовут никакой катастрофы. У Пенкрофа немного отлегло от сердца. Точно сестра милосердия или мать, он не отходил от постели своего питомца.

Харберт снова заснул, и на этот раз как будто спокойнее.

— Скажите мне еще раз, что вы надеетесь, мистер Спилет,— говорил Пенкроф.— Скажите мне, что вы спасете Харберта!

— Да, мы спасем его,— ответил журналист.— Рана опасна, и пуля, быть может, даже пробила легкое, но ранение этого органа несмертельно.

Само собой разумеется, что за те сутки, которые они провели в корале, колонисты думали только о спасении Харберта. Они не вспоминали ни об опасности, которая могла им грозить, если бы возвратились пираты, ни о мерах предосторожности, которые следовало принять. Но на следующий день, когда Пенкроф дежурил у постели больного, Сайрес Смит и журналист заговорили о том, что им нужно предпринять. Прежде всего они обошли кораль. Нигде не было и следа Айртона. Неужели несчастного увели его бывшие сообщники? Захватили ли они его в корале? Быть может, он сопротивлялся и погиб в борьбе? Последнее предположение было более чем вероятно. Геден Спилет, перелезая через забор, отчетливо видел пирата, бежавшего по южному отрогу горы Франклина. За пиратом бросился Топ. То был один из преступников, находившихся в лодке, которая разбилась о скалы в устье реки Благодарности. Разбойник, которого убил Сайрес Смит (тело его было найдено за забором), несомненно, принадлежал к банде Боба Гарвея. Что же касается короля, то его еще не успели разрушить. Ворота оставались закрытыми, и домашние животные не смогли убежать в лес. Не видно было ни малейших следов борьбы, никаких повреждений в доме и в изгороди. Только боевые припасы, которые имелись у Айртона, исчезли вместе с ним.

— На этого несчастного напали,— сказал Сайрес Смит,— и так как он был человеком борьбы, то не хотел сдаться и погиб.

— Да, этого можно опасаться,— ответил журналист.— Затем пираты, очевидно, расположились в корале, где нашли большие запасы, и убежали, только завидя нас. Столь же очевидно, что в это время Айртон, живого или мертвого, здесь уже не было.

— Необходимо обыскать лес и очистить остров от этих негодяев,— сказал инженер.— Предчувствия Пенкрофа не обманывали его, когда он требовал, чтобы на них устроили охоту, как на диких зверей. Это избавило бы нас от многих бед.

— Да,— ответил журналист,— да, теперь мы имеем право быть безжалостными.

— Во всяком случае, нам придется выждать некоторое время и пробыть в корале до тех пор, пока можно будет перенести Харберта в Гранитный Дворец.

— А как же Наб? — спросил журналист.

— Наб в безопасности.

— А что, если наше отсутствие встревожит его, и он решит прийти сюда?

— Ему не следует приходить,— с живостью ответил Сайрес Смит.— Его убьют по дороге.

— Все же очень вероятно, что он попытается присоединиться к нам.

— О, если бы только телеграф еще действовал! Наба можно было бы предупредить. Но теперь этого уже нельзя сделать. Оставить здесь Пенкрофа и Харберта мы тоже не можем. Я один пойду в Гранитный Дворец.

— Нет, нет, Сайрес, вам не надо рисковать собой! Вся ваша храбрость не помогла бы нам. Эти негодяи, очевидно, следят за коралем. Они засели в густом лесу, и, если вы уйдете, нам придется страдать за двоих.

— Но как же быть с Набом? — спросил инженер.— Вот уже сутки, как он не имеет от нас вестей. Он захочет прийти сюда.

— Он будет еще меньше остерегаться, чем мы, и его, наверное, убьют,— сказал Гедеон Спилет.

— Неужели нет способа его предупредить?

Инженер погрузился в размышления. Вдруг его взгляд упал на Топа, который бегал взад и вперед, словно говоря: «А я-то на что?»

— Топ! — закричал Сайрес Смит.

Собака прибежала на зов своего хозяина.

— Да, Топ пойдет,— сказал журналист, который сразу понял мысль инженера.— Топ пройдет там, где мы не прошли бы. Он принесет в Гранитный Дворец известия о корале и доставит нам известия из Гранитного Дворца.

— Скорей, скорей! — сказал Сайрес Смит.

Гедеон Спилет быстро вырвал листок из блокнота и написал:

«Харберт ранен. Мы в корале. Будь настороже. Не покидай Гранитного Дворца. Появились ли пираты в окрестностях? Ответь через Топа».

Эта лаконическая записка заключала все, что должен был знать Наб, и вместе с тем спрашивала его о том, что интересовало колонистов. Листок сложили и привязали к ошейнику Топа на самом видном месте.

— Топ! Собачка! — сказал инженер, глядя собаку.— Наб, Наб! Иди, иди!

При этих словах Топ подскочил. Он угадал, понял, что от него требовалось. Дорога в Гранитный Дворец ему была знакома. Он мог пробежать туда меньше чем в полчаса и пройти

незамеченным там, где ни журналист, ни Сайрес Смит не рискнули бы показаться.

Инженер подошел к калитке коралля и распахнул ее.

— Наб, Топ, Наб! — повторил он еще раз, протягивая руку в сторону дворца.

Топ выскочил из калитки и сразу скрылся из виду.

— Он дойдет, — сказал журналист.

— Да, и вернется, верный пес.

— Который час? — спросил Гедеон Спилет.

— Десять часов.

— Через час он может быть здесь.

— Мы выйдем к нему навстречу.

Калитку снова заперли. Инженер и журналист вернулись в дом. Харберт все еще крепко спал. Пенкроф все время смачивал компрессы. Гедеон Спилет, видя, что ему пока нечего делать, занялся приготовлением пищи, в то же время тщательно наблюдая за частью забора, прилегающего к отрогу горы, откуда можно было ожидать нападения.

Колонисты с нетерпением ожидали возвращения Топы. За несколько минут до одиннадцати Сайрес Смит и журналист с карабинами в руках стояли у калитки, готовые открыть ее, как только услышат лай собаки. Они нисколько не сомневались, что, если Топу удалось добраться до Гранитного Дворца, Наб сейчас же отослал его обратно.

Они простояли минут десять, как вдруг услышали выстрел, вслед за которым раздался громкий лай. Инженер открыл калитку и, увидев в ста шагах от себя клуб дыма, выстрелил. Почти сейчас же Топ вбежал в коралль, и инженер быстро захлопнул калитку.

— Топ, Топ! — закричал Сайрес Смит, обнимая большую умную голову собаки.

К ошейнику Топы была привязана записка, написанная крупным почерком Наба:

«Пиратов в окрестности дворца нет. Я не двинусь с места. Бедный мистер Харберт!»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Пираты вокруг коралля. — Временное жилище. — Харберта продолжают лечить. — Первые восторги Пенкрофа. — Взгляд в прошлое. — Что таит в себе будущее. — Мысли Сайреса Смита по этому поводу.

Итак, пираты все еще на острове. Они следили за колонистами и, очевидно, решили перестрелять одного за другим. Колонистам следовало обойтись с ними, как с дикими жи-

вотными. Но нужна была большая осторожность, так как обстановка складывалась в пользу этих негодяев, видевших, но невидимых. Они могли напасть на колонистов, но сами не опасались внезапного нападения.

Сайрес Смит решил поэтому остаться в корале, где были сложены запасы провизии, достаточные на долгое время. Дом Айртона был снабжен всем необходимым для жизни, а пираты, испуганные появлением колонистов, не успели его разграбить. По мнению Гедсона Спилета, события протекали следующим образом: шестеро пиратов, которые высадились на острове, прошли по южному побережью. Обойдя оба берега Змеиного полуострова, они не пожелали углубиться в лес Дальнего Запада и достигли устья ручья Водопада. От этого места они двинулись вверх по правому берегу реки и оказались у отрогов горы Франклина. Там они стали искать для себя убежище и вскоре увидели кораль, где в то время никого не было. Они поселились там, чтобы осуществить свои отвратительные замыслы. Приход Айртона застиг их врасплох, но им удалось захватить несчастного, а дальнейшее... нетрудно себе представить!

Теперь пираты — их осталось только пять человек, но они были хорошо вооружены — бродили по лесу, и пробраться туда — значило подставить себя под выстрел, не имея возможности избежать его или спрятаться.

— Будем ждать! Ничего другого не остается,— повторял Сайрес Смит.— Когда Харберт поправится, мы устроим генеральную облаву и справимся с пиратами. Это будет второй задачей экспедиции, наряду...

— ...наряду с поисками нашего таинственного защитника,— закончил Гедсон Спилет.— Нельзя не признать, Сайрес, что его помощь прекратилась именно тогда, когда мы больше всего в ней нуждаемся.

— Кто знает...— произнес инженер.

— Что вы хотите сказать? — спросил журналист.

— Что наши испытания еще не кончены, дорогой Спилет, и что эта могучая сила успеет еще, может быть, проявиться. Но дело не в этом. Прежде всего надо спасти Харберта.

Это была самая мучительная забота колонистов. Прошло несколько дней, и положение несчастного юноши, к счастью, не ухудшилось. А каждый день, отвоеванный у болезни, означал многое. Вода, температура которой постоянно поддерживалась на нужном уровне, не позволяла ранам воспалиться. Журналисту показалось, что эта вода с небольшой примесью серы — поблизости ведь находился вулкан — оказывала и более непосредственное действие на заживление раны. Отде-

ление гноя было уже менее обильным, и Харберт благодаря хорошему уходу возвращался к жизни. Температура у него падала; соблюдая строгую диету, он ужасно ослаб, но в целебном питье не было недостатка, а полный покой принес ему пользу.

Сайрес Смит, Спилет и Пенкроф научились очень хорошо делать перевязки. Все белье, находившееся в доме, пошло на бинты. Раны Харберта, прикрытые корпией и бинтом, были перевязаны не туго, но и не слишком свободно, чтобы они могли зарубцеваться, не воспаляясь.

Журналист делал перевязку крайне тщательно. Он понимал, какое важное значение она имеет, и часто повторял своим товарищам истину, которую признают большинство врачей: что сделать хорошую перевязку, быть может, труднее, чем произвести удачную операцию.

Через десять дней, 22 ноября, Харберт чувствовал себя уже значительно лучше. Он начал принимать легкую пищу. Румянец возвращался на щеки юноши, его добрые глаза улыбались товарищам. Он даже иногда разговаривал, несмотря на все усилия Пенкрофа, болтавшего все время, чтобы помешать ему говорить; а рассказывал он ему самые невероятные истории. Юноша удивлялся, что не видит подле себя Айртона, и, думая, что тот в корале, спросил Пенкрофа, где Айртон. Пенкроф, чтобы не волновать Харберта, кратко ответил, что Айртон отправился к Набу, чтобы охранять Гранитный Дворец.

— Каковы эти пираты! — говорил моряк. — Вот джентльмены, которые не имеют права на снисхождение. А мистер Смит хотел взять их чувствительностью. Я угощу их чувствительностью, но только свинцовой, и крупного калибра.

— Их больше не видели? — спросил Харберт.

— Нет, мой мальчик, — ответил Пенкроф. — Но мы их найдем, и когда ты поправишься, мы посмотрим, осмелятся ли эти трусы, которые стреляют в спину, встретиться с нами лицом к лицу!

— Я еще очень слаб, мой бедный Пенкроф.

— Э, силы понемногу вернутся! Что значит рана навывлет в груди? Это сущие пустяки! Я получал и не такие раны и чувствую себя превосходно.

В общем, дело шло на поправку, и если не произойдет осложнений, Харберта можно было считать вне опасности. Но в каком положении оказались бы колонисты, если бы состояние юноши ухудшилось, если бы пуля застряла у него в теле, если бы ему пришлось отнять руку!

— Я не могу подумать об этом без содрогания! — часто говорил Геден Спилет.

— И все же, если бы пришлось, вы бы это сделали? — спросил его как-то Сайрес Смит.

— Конечно, Сайрес,— ответил журналист,— но хорошо, что мы избавлены от такого осложнения.

Как и во многих других случаях, колонисты призвали на помощь простой здравый смысл и благодаря своим знаниям вышли из затруднения. Но не наступит ли такая минута, когда все их знания окажутся недостаточными? Они были одни на острове. А человек совершенствуется только в обществе других, люди необходимы один другому. Сайрес Смит хорошо знал это и нередко задавал себе вопрос: не может ли возникнуть в их жизни такая трудность, которую они не в силах будут преодолеть?

Вообще ему казалось, что для него и для его друзей, до сих пор живших так счастливо, началась полоса несчастий. За те два с половиной года, что они находились на острове, все, можно сказать, складывалось в их пользу. Остров щедро одарил их минеральными, растительными и животными продуктами; природа постоянно благодетельствовала колонистам, а знания помогли им использовать ее дары. Материальное благосостояние островитян было, можно сказать, полным. К тому же во многих случаях им помогала какая-то таинственная сила. Но все это не могло продолжаться вечно.

Словом, Сайрес Смит как будто предчувствовал, что счастье начало изменять колонистам.

В окрестностях острова появился пиратский корабль, и если эти преступники были, можно сказать, чудом уничтожены, то все же, по крайней мере, шестеро из них избежали гибели. Они высадились на острове, и пять человек пиратов, оставшихся в живых, были почти неуловимы. Айртон, наверное, погиб от руки этих негодяев, которые обладали огнестрельным оружием; первый же их выстрел едва не умертвил Харберта. Были ли это лишь первые удары злого рока, направленного против колонистов? Вот о чем постоянно думал Сайрес Смит, вот о чем он часто беседовал с Геденом Спилетом. Обоим казалось, что покровительство незнакомца, необъяснимое, но столь действенное и так часто выручавшее их, теперь прекратилось. Может быть, этот таинственный человек, в существовании которого, кто бы он ни был, нельзя было сомневаться, покинул остров? Может быть, он тоже погиб? На эти вопросы невозможно было дать ответа.

Но не следует думать, что Сайрес Смит и его товарищи, хотя они и беседовали о таких вещах, приходили в отчаяние.

Ничего подобного. Они смотрели событиям прямо в лицо, анализировали свои шансы, были готовы ко всему, твердо и уверенно шли навстречу будущему, и если несчастье намеревалось их поразить, они готовы были бороться.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

От Наба нет известий.— Предложение Пенкрофа и Спилета.— Оно... отклонено.— Вылазка Гедеоны Спилета.— Кусок материи.— Записка.— Поспешный отъезд.— Прибытие на плато Дальнего Вида.

Выздоровление юного больного приближалось. Теперь оставалось желать лишь одного: чтобы состояние юноши позволило перенести его в Гранитный Дворец. Как бы хорошо ни был обставлен и снабжен дом в корале, он все же не был так удобен, как здоровое гранитное жилище колонистов. Кроме того, в корале было не так безопасно, и его обитатели, несмотря на всю свою осторожность, каждую минуту могли опасаться выстрела пиратов. Там же, в толще неприступного массива, им ничего не угрожало, и любое покушение на их жизнь должно было окончиться неудачей. Поэтому они с нетерпением ждали минуты, когда Харберта можно будет перенести во дворец, не повредив его ране, и твердо намеревались это сделать, хотя сообщение через лес Якамара было очень трудным.

От Наба не было известий, но это не тревожило колонистов. Смелый негр, хорошо укрывшийся в Гранитном Дворце, не даст себя захватить врасплох. Топа к нему больше не посылали, так как незачем было подвергать верного, лучшего помощника колонистов опасности быть убитым.

Итак, оставалось ждать, но колонистам не терпелось снова собраться в Гранитном Дворце. Инженеру было неприятно, что силы колонии распылены, так как это было только на руку пиратам. После исчезновения Айртонна колонистов осталось четыре человека против пяти, потому что на Харберта еще нельзя было рассчитывать. Это очень тревожило благородного юношу, который прекрасно понимал, сколько беспокойства он причиняет своим товарищам.

Вопрос о том, как следует при создавшемся положении вести себя по отношению к пиратам, был обсужден 23 ноября. Гедэон Спилет, Сайрес Смит и Пенкроф основательно продумали его, воспользовавшись тем, что уснувший Харберт не слышал их разговора.

— Друзья мои,— сказал журналист, когда зашла речь о Набе и о невозможности сообщаться с ним,— я думаю, так

же, как и вы, что выйти на дорогу, ведущую во дворец, значит подставить себя под выстрел, не имея возможности на него ответить. Но не считаете ли вы, что сейчас лучше всего было бы начать настоящую охоту за этими негодяями?

— Я только об этом и думаю,— ответил Пенкроф.— Мы не такие люди, чтобы бояться пуль, а что касается меня лично, то, если мистер Сайрес мне разрешит, я готов сейчас же идти в лес. Черт возьми, один человек стоит другого!

— Но стоит ли он пяти человек? — сказал инженер.

— Я присоединяюсь к Пенкрофу,— произнес журналист,— и мы вдвоем, хорошо вооруженные, да еще с Топом...

— Давайте рассуждать хладнокровно, дорогие,— сказал Сайрес Смит.— Если бы пираты находились в определенном месте на острове, если бы это место было нам известно и дело заключалось только в том, чтобы выбить их оттуда, я не возражал бы против прямой атаки. Но не следует ли, наоборот, опасаться, что преступникам обеспечена возможность выстрелить раньше нас?

— Э, мистер Сайрес, пуля не всегда попадает по адресу! — возразил Пенкроф.

— Пуля, которая поразила Харберта, не заблудилась, Пенкроф,— сказал инженер.— К тому же, заметьте, что если вы оба уйдете из коралля, мне придется защищать его в одиночку. Можете ли вы поручиться, что пираты не увидят, что вы ушли, и, предоставив вам удалиться в лес, не нападут на коралль в ваше отсутствие, зная, что там остался только один мужчина и раненый мальчик?

— Вы правы, мистер Сайрес,— ответил Пенкроф, в груди которого бушевала глухая ярость.— Они все сделают, чтобы завладеть кораллем, так как знают, что в нем много всяких припасов. А в одиночку вы с ними не справитесь. О, если бы мы были в Гранитном Дворце!

— Будь мы в Гранитном Дворце, положение было бы совсем иным,— сказал инженер.— Там бы я не побоялся оставить Харберта с одним из нас, а трое остальных пошли бы в лес. Но мы находимся в коралле и должны здесь оставаться, пока не сможем выйти отсюда все вместе.

Доводы Сайреса Смита были неопровержимы, и его товарищи понимали это.

— Ах, если бы Айртон был с нами! — сказал Геден Спитлет.— Бедняга! Его вторая жизнь среди людей оказалась недолгой.

— Если только он умер...— прибавил Пенкроф загадочным тоном.

— Неужели вы надеетесь, что эти мерзавцы его пощадят? — спросил Гедеон Спилет.

— Да, если это им было выгодно.

— Как! Вы полагаете, что Айртон, найдя своих бывших товарищей, забыл все, чем он нам обязан?

— Кто знает! — ответил моряк, который не без колебаний решился высказать это мрачное предположение.

— Пенкроф, — сказал инженер, беря его за руку, — это дурная мысль, и вы меня очень огорчите, если будете продолжать так говорить. Я ручаюсь за верность Айртона.

— Я тоже, — с живостью прибавил журналист.

— Да... да... мистер Сайрес, я не прав, — ответил Пенкроф. — Это и на самом деле дурная мысль, и ничто ее не оправдывает. Но что поделаешь, я как-то свихнулся. Это сидение в корале ужасно меня гнетет. Я никогда еще не был так возбужден.

— Будьте терпеливы, Пенкроф, — сказал инженер. — Так вы думаете, Спилет, через сколько времени можно будет перенести Харберта в Гранитный Дворец?

— Трудно сказать, — ответил журналист. — Малейшая неосторожность может повлечь за собой печальные последствия. Но выздоровление идет нормально, и если через неделю его силы несколько восстановятся, то посмотрим...

Через неделю! Значит, возвратиться в Гранитный Дворец можно будет не раньше начала декабря. Весна была в полном разгаре. Погода держалась хорошая, становилось жарко. Леса покрылись густой листвой, и приближалось время сбора урожая. Сейчас же по возвращении на плато Дальнего Вида должны были, следовательно, начаться сельскохозяйственные работы. Их предполагалось прервать только ради экспедиции по обследованию острова.

Понятно поэтому, насколько должно было повредить колонистам вынужденное пребывание в корале. Им приходилось покориться необходимости, но это было очень неприятно.

Раз или два журналист рискнул выйти на дорогу и обошел вокруг изгороди. Топ сопровождал его, и Гедеон Спилет, держа карабин в руках, был готов к любой неожиданности. С ним не случилось ничего дурного, он не заметил ни одного подозрительного следа. Собака предупредила бы его об опасности, но Топ ни разу не залаял, и из этого можно было заключить, что, по крайней мере, в настоящее время опасаться нечего и что пираты находятся в другой части острова.

Однако во время второй вылазки, 27 ноября, Гедеон Спилет, пройдя приблизительно четверть мили по лесу на южном склоне горы, заметил, что Топ чем-то встревожен. Соба-

ка шла не так спокойно, как прежде: она бегала взад и вперед, рыскала в траве и в кустах, словно чуя что-то подозрительное.

Журналист пошел за Топом, ободряя его голосом. Он приложил карабин к плечу, готовый стрелять, и настороженно смотрел перед собой, пользуясь каждым деревом, как прикрытием. Топ едва ли почуял присутствие человека, иначе он бы возвестил об этом сдержанным злобным лаем. Но он не ворчал, значит, опасность была неблизко.

Так прошло минут пять. Топ рыскал в кустах, журналист осторожно шел за ним следом. Внезапно Топ бросился в густой кустарник и вынес оттуда кусок материи. Это был обрывок одежды, грязный, растерзанный. Гедеон Спилет немедленно принес его в кораль.

Колонисты осмотрели находку и убедились, что это был лоскут одежды Айртона, кусок войлока — единственной материи, которая изготовлялась в мастерской Гранитного Дворца.

— Видите, Пенкроф,— сказал Сайрес Смит,— бедняга Айртон оказал сопротивление. Пираты утащили его против его воли. Сомневаетесь ли вы теперь в его честности?

— Нет, мистер Сайрес,— ответил Пенкроф,— я уже давно оставил свое минутное сомнение. Но из этого обстоятельства можно, мне кажется, сделать один вывод.

— Какой же? — спросил журналист.

— Тот, что Айртона не убили в корале. Раз он сопротивлялся, значит, его утащили живым. Может быть, он и сейчас еще жив.

— Да, может быть,— ответил инженер и задумался.

Это давало некоторую надежду, и товарищи Айртона жадно ухватились за нее. Действительно, они раньше думали, что Айртон подвергся нападению в корале и пал, как Харберт, сраженный чьей-то пулей. Но если пираты не сразу его убили, если они увели Айртона куда-нибудь живым, то нельзя ли предположить, что он и до сих пор томится в плену? Может быть, даже кто-нибудь из пиратов узнал в Айртоне Бен Джойса, своего прежнего товарища, атамана беглых каторжников. Кто знает, не питали ли они ложной надежды вернуть Айртона в свою среду? Он мог бы быть им очень полезен, если бы они сумели склонить его на предательство.

Находка куска материи была сочтена в корале благоприятным предзнаменованием, и колонисты снова поверили в возможность увидеть Айртона. Если Айртон жив, но в плену, то он, с своей стороны, наверное, сделает все возможное, что-

бы вырваться из рук бандитов, и будет хорошим помощником для колонистов.

— Во всяком случае, если Айртону, на счастье, удастся убежать, он направится прямо в Гранитный Дворец. Ему ведь ничего не известно о покушении на Харберта, и он не может предполагать, что мы заперты в корале, — сказал Геден Спилет.

— Хотел бы я, чтобы он был в Гранитном Дворце и чтобы мы тоже там были! — вскричал Пенкроф. — Ведь если эти негодяи ничего не могут предпринять против нашего дома, то они вполне могут опустошить плато, все наши посевы, птичник...

Пенкроф превратился в настоящего хуторянина и всей душой привязался к своему полю. Но больше всех хотелось вернуться в Гранитный Дворец Харберту, который хорошо понимал, насколько нужны там колонисты. А ведь это он задерживал их в корале. И тогда одна мысль овладела юношей — покинуть кораль во что бы то ни стало. Ему казалось, что он выдержит путешествие до Гранитного Дворца; он уверял, что силы его скорее восстановятся в его комнате от свежего воздуха и вида на море.

Несколько раз Харберт принимался упрасивать Гедена Спилета, но последний, опасаясь, что не совсем зажившие раны юноши могут по дороге открыться, не давал разрешения выступать.

Однако случилось одно обстоятельство, которое заставило Сайреса Смита и его друзей уступить настояниям юноши. Кто знал, сколько горя и раскаяния могло принести им это решение!

Это было 29 ноября. Часов в семь утра колонисты разговаривали в комнате Харберта. Вдруг они услышали громкий лай Топа.

Сайрес Смит, Пенкроф и Геден Спилет схватили свои ружья, всегда готовые стрелять, и вышли из дому.

Топ подбежал к изгороди и прыгал, заливаясь лаем. Но он явно выражал этим не злобу, а удовольствие.

— Кто-то подходит.

— Да.

— Это не враг.

— Может быть, это Наб?

— Или Айртон?

Едва колонисты успели обменяться этими словами, как кто-то перепрыгнул через изгородь, попав на двор коралля. Это был дядюшка Юп, собственной персоной. Топ оказал ему самый дружеский прием.

— Юп! — крикнул Пенкроф.

— Это Наб послал его к нам, — сказал журналист.

— В таком случае, — произнес инженер, — у него должна быть какая-нибудь записка.

Пенкроф бросился к обезьяне. Если Наб хотел сообщить своему хозяину что-нибудь важное, он не мог найти более проворного посланца, чем Юп, который сумел пройти там, где не могли пробраться ни колонисты, ни сам Топ.

Сайрес Смит не ошибся. У Юпа на шее висел мешочек, в котором лежала записка, написанная рукой Наба.

Можно было себе представить, каково было отчаяние Сайреса Смита и его друзей, когда они прочитали следующие слова:

«Пятница, 6 часов утра.

Пираты захватили плато!

Наб».

Не говоря ни слова, они переглянулись и воротились в дом. Что было делать? Пираты на плато Дальнего Вида — это значило: разрушение, опустошение, гибель.

Увидя, что инженер, журналист и Пенкроф вернулись, Харберт понял, что произошло что-то важное. А заметив Юпа, он не мог уже сомневаться, что Гранитному Дворцу грозит беда.

— Мистер Сайрес, я хочу уйти отсюда, — сказал он. — Я могу вынести дорогу, поедемте!

Гедеон Спилет подошел к Харберту. Он посмотрел на него и сказал:

— Ну что ж, поедем.

Колонисты быстро обсудили вопрос, нести ли Харберта на носилках или везти в повозке, которая привезла Айртона в кораль. На носилках раненый чувствовал бы себя спокойнее, но, чтобы нести их, требовалось два человека: иначе говоря, в случае нападения в маленьком отряде стало бы двумя стрелками меньше.

Не лучше ли было воспользоваться повозкой, чтобы все руки оставались свободными? Разве нельзя положить в нее матрац, на котором лежал Харберт, и осторожно двинуться вперед, избегая малейшего толчка? Это было вполне возможно.

Повозку подвезли к дому, Пенкроф запряг онаггу. Сайрес Смит с журналистом подняли матрац вместе с лежащим на нем Харбертом и положили в повозку. Погода была прекрасная. Яркие лучи солнца пробивались сквозь листву.

— Оружие в порядке? — спросил Сайрес Смит.

Все было в порядке. Инженер и Пенкроф были вооруже-

ны двустволками. Геден Спилет держал в руках карабин. Можно было трогаться в путь.

— Тебе удобно, Харберт? — спросил инженер.

— О, мистер Сайрес, не беспокойтесь. Я не умру в дороге, — ответил юноша.

Видно было, что несчастный мальчик, говоря это, призывает на помощь всю свою энергию, страшным напряжением воли удерживает в себе силы, готовые покинуть его.

Сердце инженера болезненно сжалось. Он все еще не решался дать знак к выступлению. Но остаться — значило огорчить Харберта, может быть, убить его.

— В дорогу! — сказал Сайрес Смит.

Калитка коралля распахнулась. Юп и Топ, умевшие молчать, когда следует, бросились вперед. Повозка двинулась, ворота снова закрыли, и онага, которой правил Пенкроф, медленно двинулась вперед.

Быть может, было бы лучше ехать не той дорогой, которая вела из коралля прямо в Гранитный Дворец, но повозка с большим трудом проехала бы в лесу. Поэтому пришлось избрать прямую дорогу, хотя она была известна пиратам.

Сайрес Смит и Геден Спилет шли по обеим сторонам повозки, готовые отразить любое нападение. Впрочем, было не очень вероятно, что пираты уже покинули плато Дальнего Вида. Наб, несомненно, написал и отослал свою записку, как только увидел пиратов. Записка была помечена шестью часами утра, и проворная обезьяна, часто бывавшая в коралле, прошла пять миль, отделявшие коралль от Гранитного Дворца, самое большее в сорок пять минут. Значит, на дороге было безопасно, и если бы пришлось пустить в ход оружие, то только на подступах к Гранитному Дворцу.

Тем не менее колонисты были настороже. Топ и Юп (последний был вооружен дубиной) то бежали впереди, то рыскали по лесу. Они, видимо, не чуяли никакой опасности.

Повозка, управляемая Пенкрофом, медленно подвигалась вперед. Она выехала из коралля в половине восьмого. Час спустя четыре из пяти миль были пройдены. За это время не случилось ничего особенного.

Дорога была пустынная, как и вся эта часть леса Якамара, которая тянулась между рекой Благодарности и озером. Чаща казалась столь же безжизненной, как в тот день, когда колонисты высадились на остров.

Маленький отряд подходил к плато. Еще миля — и будет виден мостик через Глицериновый ручей. Сайрес Смит не сомневался, что мостик опущен. Пираты либо прошли по нему, либо, если переправились через один из ручьев, окружавших

возвышенность, опустили его, чтобы обеспечить себе отступление.

Наконец сквозь редкие деревья показалось море. Повозка продолжала двигаться вперед, потому что ни один из ее защитников не мог ее оставить.

Внезапно Пенкроф остановил онаггу и закричал страшным голосом:

— Ах, негодяи!

Вытянув руку, он указывал на густой дым, клубившийся над мельницей, сараями и птичником,

В дыму копошился какой-то человек. Это был Наб.

Его друзья разом вскрикнули. Он услышал крик и подбежал к ним.

Пираты ушли с плато полчаса назад, совершенно опустошив его!

— А мистер Харберт? — спросил Наб.

Гедеон Спилет вернулся к повозке. Харберт потерял сознание.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Харберт перевезен в Гранитный Дворец. — Наб рассказывает, что произошло. — Сайрес Смит осматривает плато. — Гибель и опустошение. — Колонисты бессильны бороться с болезнью. — Ивовая кора. — Смертельная лихорадка. — Топ снова лает.

Пираты, опасность, которой подвергался Гранитный Дворец, развалины, покрывавшие плато, — все было забыто. Состояние Харберта заслонило все. Не оказалась ли перевозка для него роковой? Журналист не мог это установить, но он и его товарищи были в отчаянии.

Повозку подвезли к излучине реки. Из нескольких веток сделали носилки и положили на них Харберта, не снимая его с матраца. Юноша по-прежнему был в обмороке. Спустя десять минут Сайрес Смит, Пенкроф и Гедеон Спилет стояли у подножия стены. Набу было поручено отвезти повозку обратно на плато Дальнего Вида. Подъемник пошел вверх, и вскоре Харберт уже лежал на своей постели в Гранитном Дворце.

Юношу удалось быстро привести в чувство. Увидя себя в своей комнате, он слегка улыбнулся, но едва мог сказать несколько слов — до того ослаб. Гедеон Спилет осмотрел его раны. Журналист опасался, что они снова открылись, так как не успели как следует затянуться. Этого не случилось. Откуда же такое изнеможение? Почему состояние Харберта ухудшилось?

Юноша задремал лихорадочным сном. Журналист и Пенкроф остались возле его постели.

Тем временем Сайрес Смит рассказал Набу о том, что произошло в корале, а Наб сообщил своему хозяину, какие события разыгрались на плато.

Пираты показались на опушке леса, возле Глицеринового ручья, только прошлой ночью. Наб, который стоял на страже птичьего двора, не колеблясь, выстрелил в одного из разбойников, который собирался переправиться через ручей, но из-за темноты он не видел, попал ли в этого негодяя. Во всяком случае, это не испугало шайку, а Наб едва успел вернуться в Гранитный Дворец, где он, по крайней мере, был в безопасности.

Но что было делать дальше? Как помешать пиратам опустошить плато? Имел ли Наб возможность предупредить хозяина? Да и они, обитатели коралья, — в каком они были положении?

Сайрес Смит и его товарищи ушли 11 ноября, а в этот день было 29-е число. Итак, Наб уже восемнадцать дней не имел других известий, кроме тех, которые ему принес Топ. А это были печальные известия: Айртон исчез, Харберт тяжело ранен, инженер, журналист и моряк, по существу, арестованы в корале.

«Что делать?» — спрашивал себя бедный Наб. За себя лично он мог не опасаться, так как пираты не в состоянии были проникнуть в Гранитный Дворец. Но постройки, плантации, все оборудование — во власти разбойников. Не нужно ли спросить Сайреса Смита, что делать, и, по крайней мере, предупредить его об опасности?

Набу пришлось в голову прибегнуть к помощи Юпа и переслать с ним записку. Он знал, как умна эта обезьяна, которая не раз доказывала свою сообразительность. Юп понимал слово «кораль», которое при нем часто повторяли, и, как мы знаем, он неоднократно ездил туда на повозке вместе с Пенкрофом. Рассвет еще не наступил. Проворный оранг, несомненно, сумеет пройти через лес, и если даже пираты увидят Юпа, то сочтут его одним из обитателей лесной чащи.

Наб не стал медлить. Он написал записку и привязал ее к шее обезьяны. Потом он подвел Юпа к дверям дворца, спустил на землю длинную веревку и несколько раз повторил:

— Юп! Юп! Кораль! Кораль!

И обезьяна поняла. Юп уцепился за веревку, быстро соскользнул вниз и исчез во тьме, не обратив на себя внимания пиратов.

— Ты хорошо сделал, Наб,— сказал Сайрес Смит.— Но, если бы ты не извещал нас, было бы еще лучше...

Говоря это, Сайрес Смит думал о Харберте, который так сильно пострадал от перевозки.

Наб продолжал свой рассказ. Пираты не показывались на побережье. Не зная, какова численность колонии, они могли предполагать, что Гранитный Дворец находится под защитой большого отряда. Вероятно, они не забыли, что при нападении их бригада на остров они были встречены многочисленными выстрелами как с нижних, так и с верхних скал, и решили не подвергать себя опасности. Но плато Дальнего Вида было им доступно и не находилось в сфере огня Гранитного Дворца. Пираты, предавшись грабежу, принялись все жечь и опустошать, творя зло ради зла. Разбойники ушли всего за полчаса до появления колонистов, вероятно, думая, что последние все еще сидят в корале.

Таковы были эти важные события. Присутствие пиратов являлось постоянной угрозой для обитателей острова Линкольна, которые до сих пор были так счастливы. Они могли ожидать еще худших бед.

Геден Спилет остался во дворце с Харбертом и Пенкрофом, а Сайрес Смит вышел в сопровождении Наба, чтобы выяснить размеры бедствия.

К счастью, пираты не дошли до подножия Гранитного Дворца. Мастерские в Трубах не избежали бы разрушения. Но их было бы, пожалуй, легче восстановить, чем развалины, громоздившиеся на плато Дальнего Вида.

Сайрес Смит с Набом направились к реке Благодарности и поднялись по левому берегу, не встречая никаких следов пиратов. На другой стороне реки, в густом лесу, они также не увидели ничего подозрительного.

Впрочем, судя по всем признакам, можно было предположить следующее: либо пираты знали о возвращении колонистов в Гранитный Дворец, так как видели их на дороге из корала, либо они, разграбив плато, ушли в лес Якамара и не знали, что колонисты возвратились.

В первом случае они должны были вернуться в кораль, оставленный без защиты, где хранились ценные припасы.

Во втором случае они, вероятно, направились в свой лагерь и ждали удобной минуты, чтобы повторить нападение.

Их следовало бы предупредить, но начало мероприятий по очистке острова от пиратов зависело от состояния Харберта. Сайресу Смиту были нужны все его люди, а в настоящее время никто не мог покинуть Гранитный Дворец.

Инженер с Набом вышли на плато. На плантацию было

жалко смотреть: поля были вытоптаны, несжатые колосья валялись на земле. Другие посеы пострадали не меньше. Огород был весь изрыт. К счастью, в Гранитном Дворце имелся запас семян, и ущерб можно было возместить.

Что же касается мельницы, птичника, конюшен, то все это было уничтожено огнем. Перепуганные животные бродили по плато. Птицы, которые во время пожара улетели на озеро, возвращались на привычные места и бродили по берегу. Тут все приходилось строить заново.

Сайрес Смит был бледен. На лице его отражался трудносдерживаемый гнев, но он не произнес ни слова. В последний раз взглянули они на опустошенные поля, на дым, клубившийся над развалинами, и вернулись в Гранитный Дворец.

Наступили самые печальные в жизни колонистов дни. Харберт слабел все больше и больше. Казалось, в нем развивается какая-то новая тяжелая болезнь — результат сильного потрясения всего организма. Гедеон Спилет предчувствовал ухудшение здоровья юноши, против которого он мог оказаться бессильным.

Харберт все время находился в каком-то полузабытьи; иногда он начинал бредить. Освежающее питье — вот единственное лекарство, которым располагали колонисты. Лихорадка была еще очень сильна, но вскоре она приняла перемежающийся характер.

6 декабря Гедеон Спилет заметил, что нос, уши и пальцы юноши резко побелели. У него начинался озноб, иногда он сильно дрожал. Пульс был слабый, с перебоями, кожа сухая. Появилась сильная жажда. Затем это состояние сменилось жаром. Лицо больного воспалилось, кожа покраснела, пульс стал учащенным. После приступа лихорадки Харберт сильно вспотел, и жар спал. Припадок продолжался около пяти часов.

Гедеон Спилет не отходил от Харберта. Было ясно, что юноша заболел перемежающейся лихорадкой. Ее надо было во что бы то ни стало оборвать, пока она не усилилась.

— А чтобы оборвать лихорадку, необходимо жаропонижающее, — сказал Гедеон Спилет инженеру.

— Жаропонижающее! — ответил Сайрес Смит. — У нас нет ни простого, ни сернокислого хинина!

— Это верно, — ответил журналист, — но на берегу озера растут ивы, а ивовая кора в некоторых случаях может заменить хинин.

— Испытаем ее, не теряя ни минуты! — воскликнул Сайрес Смит.

Действительно, ивовая кора, как индийский каштан, мо-

жет заменить листья хинного дерева. Следовало испытать это средство, хотя оно и уступало хинину, и использовать его в естественном виде, так как у колонистов не было способа извлечь из коры ее алкалоид, то есть салицил.

Сайрес Смит собственноручно срезал со ствола черной ивы несколько кусков коры. Он принес их в Гранитный Дворец и растер в порошок. В тот же день этот порошок дали принять Харберту.

Ночью не произошло ничего важного. Харберт несколько раз начинал бредить, но температура не поднималась; на следующий день лихорадки тоже не было.

Пенкроф снова начал надеяться. Геден Спилет молчал. Могло случиться, что припадки будут повторяться не ежедневно, что лихорадка окажется трехдневной и что она вернется на следующий день. Колонисты с нетерпением ожидали утра.

Можно было заметить, что в промежутках между приступами Харберт чувствовал себя совершенно разбитым; голова у него была тяжелая и часто кружилась. Другой симптом крайне испугал журналиста: печень больного стала увеличиваться, а вскоре начался и сильный бред.

Новое осложнение совсем сразило Гедена Спилета. Он отвел инженера в сторону и сказал:

— Это злокачественная лихорадка.

— Злокачественная лихорадка! — воскликнул Сайрес Смит. — Вы ошибаетесь, Спилет! Злокачественная лихорадка не начинается самопроизвольно. Ею надо заразиться.

— Я не ошибаюсь, — ответил журналист. — Харберт, очевидно, схватил лихорадку на болоте. У него уже был один приступ. Если наступит второй припадок и если нам не удастся предупредить третий, то он погиб.

— Но ивовая кора?

— Она не поможет. Третий приступ, если его не оборвать хинином, всегда смертелен.

К счастью, Пенкроф ни слова не слышал из этого разговора. Иначе он сошел бы с ума.

Понятно, в какой тревоге провели инженер и журналист этот день, 7 декабря, и следующую ночь.

В середине дня начался второй приступ. Припадок был ужасен. Харберт чувствовал, что погибает. Он простирали руки к Сайресу Смиту, Пенкрофу, Гедону Спилету. Он не хотел умирать... Произошла такая тяжелая сцена, что Пенкрофа пришлось увести.

Пять часов длился припадок. Было ясно, что третий приступ Харберт не выдержит.

Ночь была ужасная. В бреду Харберт произносил слова, от которых разрывалось сердце его товарищей. Он что-то рассказывал, боролся с пиратами, звал Айртона. Он призывал таинственного незнакомца, теперь исчезнувшего, постоянно вспоминал его... Потом он впадал в глубокое забытие, совершенно обессиленный. Несколько раз Гедону Спилету казалось, что бедный мальчик умер...

На следующий день, 8 декабря, припадки слабости следовали один за другим. Похолодевшими пальцами Харберт хватался за простыни. Ему несколько раз давали тертую ивовую кору, но журналист не ожидал от этого никаких результатов.

— Если до завтрашнего утра мы не дадим ему сильного жаропонижающего средства, Харберт умрет, — сказал Гедон Спилет.

Наступила ночь — вероятно, последняя ночь в жизни этого смелого юноши, такого доброго, умного, развитого, которого колонисты любили, как сына. Единственное лекарство против злокачественной лихорадки, единственное радикальное средство, чтобы ее победить, отсутствовало на острове Линкольна.

В ночь на 9 декабря у Харберта начался еще более глубокий бред. Печень юноши страшно увеличилась, кровь приливала к мозгу.

Больной уже никого не узнавал.

Суждено ли ему дожить до завтра, до третьего приступа, который должен был неминуемо его унести? Едва ли. Силы его падали, и в промежутках между приступами он лежал, как мертвец.

Около трех часов утра Харберт испустил страшный крик. Казалось, предсмертные судороги потрясают его тело. Наб, который сидел у изголовья больного, в ужасе бросился в соседнюю комнату, где находились остальные колонисты.

В это время Топ как-то странно залаял. Все вошли в комнату Харберта и с трудом удержали умирающего юношу, который хотел соскочить с кровати. Гедон Спилет, взяв его руку, убедился, что пульс стал несколько ровнее.

Было пять часов утра. Свет восходящего солнца проникал в комнаты Гранитного Дворца. Все предвещало хороший день, и этот день должен был быть последним для несчастного Харберта! Луч солнца осветил стол, стоявший у постели больного.

Внезапно Пенкроф вскрикнул и указал рукой на какой-то предмет, находившийся на столе. Это была небольшая продолговатая коробочка, на крышке которой было написано: *«Сернокислый хинин»*.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Таинственная загадка.— Харберт поправляется.— Какие части острова необходимо исследовать.— Приготовления к выходу.— Первый день.— Ночь.— Второй день.— Каури.— Чета казуаров.— Следы пяти в лесу.— На мысе Пресмыкающегося.

Гедеон Спилет взял коробочку и открыл ее. В коробочке лежало приблизительно двести гран белого порошка. Сайрес Смит взял в рот несколько крупинки и почувствовал на языке сильную горечь. Сомнений быть не могло. Это действительно был драгоценный хинин, лучшее средство против лихорадки.

Надо было немедленно дать Харберту этот порошок. Как он попал в Гранитный Дворец, об этом будет время подумать.

— Кофе! — потребовал Гедеон Спилет.

Несколько мгновений спустя Наб принес чашку теплого напитка. Гедеон Спилет бросил в нее около восемнадцати гран (десять граммов) хинина и заставил Харберта выпить лекарство.

Было еще не поздно, так как третий приступ не наступил.

Забегая вперед, скажем, что ему и не суждено было наступить!

Все снова воспрянули духом, появилась надежда. Таинственная сила еще раз проявилась, и притом в самую тяжелую минуту, когда никто уже на нее не рассчитывал.

Через несколько часов Харберт стал более спокоен. Колонисты получили возможность поговорить о загадочном событии. Вмешательство неизвестного было более чем очевидно. Но как сумел он пробраться ночью в Гранитный Дворец? Это казалось совершенно непонятным, и, по правде говоря, образ действий «доброего гения острова» представлялся столь же загадочным, как и сам «добрый гений».

В этот день Харберт через каждые три часа принимал серноокислый хинин.

Назавтра же больному стало немного лучше. Он, конечно, еще не выздоровел — перемежающаяся лихорадка часто дает опасные рецидивы, — но за юношей хорошо ухаживали. А самое главное — лекарство было под рукой; недалеко, очевидно, находился и тот, кто его прислал. Словом, горячая надежда вернулась в сердца колонистов.

Надежда эта не была напрасной. Через десять дней, 20 декабря, Харберт начал поправляться. Он был еще слаб и должен был соблюдать строгую диету, но приступы лихорадки больше не повторялись. Послушный мальчик так охотно исполнял все, что ему предписывали! Ему так хотелось выздороветь!

Пенкроф был похож на человека, которого извлекли из бездны. На него нападали припадки радости, похожей на приступы горячки. Когда миновала опасность третьего припадка, он так стиснул журналиста в объятиях, что тот чуть не задохся. С этой минуты Пенкроф называл его не иначе, как «доктор Спилет».

Оставалось обнаружить подлинного доктора.

— Мы его найдем,— уверял Пенкроф.

Этому человеку, кто бы он ни был, не миновать было могучих объятий Пенкрофа.

Прошел декабрь, а с ним окончился и 1867 год, в течение которого колонисты пережили такие жестокие испытания. Наступил 1868 год. Стояла прекрасная погода, была сильная, чисто тропическая жара, которую, к счастью, смягчал морской ветер. Харберт явно оживал и, лежа на кровати, которую поставили у одного из окон, полной грудью вдыхал целебный воздух, пропитанный солеными испарениями. Он начинал понемногу есть, и как старался Наб, готовя ему всякие вкусные, легкие блюда!

— Такому больному прямо позавидовать можно,— говорил Пенкроф.

В течение всего этого времени пираты ни разу не показались в окрестностях Гранитного Дворца. От Айртона не было никаких вестей, и только инженер с Харбертом сохраняли надежду его увидеть. Товарищи их нисколько не сомневались, что несчастный погиб. Подобная неуверенность не могла больше продолжаться, и колонисты решили, что, как только юноша поправится, будет предпринята экспедиция, значение которой столь важно. Но ее следовало отложить, по крайней мере, на месяц, так как нужны были все силы колонии, чтобы справиться с пиратами.

Впрочем, Харберту становилось все лучше и лучше. Печень его приняла нормальные размеры, и раны окончательно зарубцевались. В течение января на плато Дальнего Вида были предприняты значительные работы с единственной целью спасти уцелевший урожай хлеба и овощей. Семена и злаки были собраны, и их предполагалось посеять в следующем земледельческом сезоне. Что касается построек на птичнике, конюшен и мельницы, то Сайрес Смит предпочел подождать с их восстановлением: пока колонисты будут заняты преследованием пиратов, последние могут нанести новый визит на плато, и не следует давать им повода к дальнейшим грабежам и поджогам. Сначала надо очистить остров от этих злодеев, а уже потом отстраиваться.

Выздоровливающий больной начал вставать с постели во

второй половине января. Сначала он поднимался всего на час в день, потом на два, на три. Силы возвращались к нему с каждой минутой — до того был крепок организм юноши. В это время Харберту исполнилось восемнадцать лет. Он был высок ростом и обещал стать представительным, красивым мужчиной. Выздоровление его шло быстрым темпом, но юноша требовал еще ухода, а «доктор Спилет» был очень строг.

К концу месяца Харберт уже расхаживал по берегу и по плато Дальнего Вида. Вместе с Пенкрофом он принял несколько морских ванн, которые принесли ему большую пользу. Сайрес Смит счел возможным уже тогда назначить день выступления: оно должно было состояться 15 февраля. Ночи в это время стояли очень светлые, и это облегчало предполагавшиеся поиски на острове.

Колонисты начали готовиться к экспедиции. Подготовка должна была быть весьма основательной, так как обитатели острова Линкольна поклялись не возвращаться в Гранитный Дворец, не достигнув двух целей: во-первых, уничтожить пиратов и найти Айртона, если он еще жив, и, во-вторых, отыскать человека, который принимал такое деятельное участие в делах колонии.

Колонисты основательно изучили весь восточный берег острова от мыса Когтя до мыса Челюстей и до болота Казарок, окрестности озера Гранта, часть леса Якамара между дорогой в кораль и течением реки Благодарности, берега реки и Красного ручья на всем их протяжении и, наконец, отроги горы Франклина, между которыми был устроен кораль. Они исследовали, но только поверхностно, обширное побережье бухты Вашингтона от мыса Когтя до мыса Пресмыкающегося, западный берег, покрытый лесами и болотами, и широкие дюны, которые заканчивались у раскрытой пасти залива Акулы.

Но они совершенно не заглядывали в густые леса, покрывавшие Змеиный полуостров, весь правый берег реки Благодарности, левый берег ручья Водопада и сеть островов и долин, на которые опиралась гора Франклина с трех сторон — с запада, с севера и востока. Там, несомненно, могло быть немало глубоких пещер. Итак, многие тысячи акров площади острова оставались еще не исследованными.

Поэтому колонисты решили двинуться через лес Дальнего Запада, чтобы охватить всю ту его часть, которая расположена на правом берегу реки Благодарности.

Быть может, было бы лучше направиться сначала в кораль, где пираты могли вторично укрыться, чтобы его разграбить или обосноваться там. Но если кораль уже опустошен,

то теперь ничего не поделаешь; если же пираты сочли выгодным укрепиться в корале, то колонисты всегда успеют выгнать их.

Итак, после зрелого обсуждения первоначальный план был оставлен в силе, и колонисты решили пройти через лес до мыса Пресмыкающегося. Они должны были идти с топорами в руках и намеревались проложить первую наметку дороги, которая свяжет Гранитный Дворец с оконечностью полуострова на протяжении шестнадцати-семнадцати миль.

Повозка была в прекрасном состоянии. Онаggi хорошо отдохнули и могли совершить большой переход. На повозку погрузили провизию, лагерное оборудование, переносную кухню и всякую посуду, а также ружья и боевые припасы, тщательно отобранные в богатом арсенале Гранитного Дворца. Но следовало помнить, что пираты, быть может, бродят по лесу и что в такой густой чаще нетрудно подстрелить человека. Поэтому маленький отряд должен был идти сомкнутым строем, ни в коем случае не разлучаясь.

Колонисты решили также, что никто не останется в Гранитном Дворце. Даже Топ с Юпом должны были принять участие в экспедиции. Неприступная крепость не нуждалась в защитниках.

14 февраля, в канун похода, было воскресенье. Этот день был посвящен отдыху. Харберт совсем поправился, но был еще слаб, и ему решили предоставить место в повозке.

На следующий день Сайрес Смит принял все необходимые меры, чтобы защитить Гранитный Дворец от нападения. Лестницы, когда-то служившие для подъема, были принесены в Трубы, и их глубоко закопали в песок. Они должны были еще пригодиться после возвращения колонистов, так как механизм подъемника был разобран, и аппарат не мог больше действовать. Пенкроф остался последним в Гранитном Дворце, чтобы выполнить эту работу. Он спустился оттуда по канату, нижний конец которого был укреплен на земле. После этого канат сдернули, и между берегом и верхней площадкой прервалось всякое сообщение.

Погода стояла великолепная.

— Тепленький будет денек! — весело сказал журналист.

— Ничего, доктор Спилет, — ответил Пенкроф, — мы пойдем под деревьями и даже не заметим солнца.

— В дорогу! — сказал инженер.

Повозка ждала на берегу, перед Трубами. Журналист потребовал, чтобы Харберт ехал в ней, по крайней мере, первые часы пути, и юноша принужден был подчиниться предписаниям своего врача.

Наб повел онагг, Сайрес Смит, Пенкроф и журналист пошли впереди. Топ весело прыгал возле них. Харберт предложил Юпу место в своем экипаже, и Юп, не церемонясь, уселся рядом с ним. Минута отъезда наступила, и маленький отряд тронулся в путь.

Повозка сначала обогнула устье реки, проехала с милю вверх по левому берегу и переправилась через мост, от которого начиналась дорога в гавань Воздушного Шара. Исследователи свернули вправо от этой дороги и углубились в лес, покрывающий область Дальнего Запада.

Первые две мили деревья были редки, и повозка свободно двигалась вперед. Время от времени приходилось разрубать лианы и продирались сквозь густой кустарник, но ни одно серьезное препятствие не мешало движению колонистов.

Под тенью густых деревьев царил прохладный полумрак. Гималайские кедры, ели, казуарины, банксии, драцены, камедные деревья и другие, уже известные колонистам растительные породы тянулись на необозримом пространстве. Птичье население острова было представлено во всей своей полноте: тут встречались тетерева, якамары, фазаны и все представители болтливой семейства какаду, попугаев и попугайчиков. Агути, кенгуру, дикие свиньи носились по траве. Все напоминало колонистам их первые экскурсии после прибытия на остров.

— Однако я замечаю, — сказал Сайрес Смит, — что четвероногие и птицы сейчас более пугливы, чем прежде. В этих лесах недавно побывали пираты, и мы, несомненно, обнаружим их следы.

И действительно, то тут, то там встречались признаки прохождения людей: кое-где на деревьях были обломаны ветки, может быть, с целью поставить вехи по дороге; изредка виднелись следы на глинистой почве и остатки потухшего костра. Но ничего не указывало на постоянное жилье.

Инженер посоветовал своим товарищам не охотиться. Ружейные выстрелы могли привлечь внимание пиратов, которые, может быть, бродят в лесу. К тому же охотникам неминуемо пришлось бы удалиться на некоторое расстояние от повозки, а участникам отряда было строго запрещено идти врозь.

Во второй половине дня, приблизительно в шести милях от Гранитного Дворца, продвигаться вперед стало довольно трудно. В некоторых местах, чтобы пройти сквозь чащу, приходилось рубить деревья и прокладывать дорогу. Прежде чем идти вперед, Сайрес Смит не забывал посылать в заросли Топа и Юпа, которые добросовестно выполняли поручение. Ес-

ли собака и обезьяна возвращались, не проявляя тревоги, значит, ничто не угрожало исследователям со стороны пиратов или хищников — этих двух представителей животного царства, дикие инстинкты которых позволяли поставить их на один уровень.

Вечером, в первый день похода, колонисты расположились на привал примерно в девяти милях от Гранитного Дворца, на берегу маленького притока реки Благодарности, о существовании которого они не знали. Этот приток, очевидно, являлся частью той оросительной системы, которой остров был обязан своим удивительным плодородием.

Исследователи плотно поужинали, так как аппетит у них сильно разыгрался, и приняли меры к тому, чтобы спокойно провести ночь. Если бы инженер предполагал иметь дело с обыкновенными хищниками вроде ягуаров, он просто развел бы вокруг лагеря костры, и это явилось бы достаточной защитой. Но пиратов огонь мог скорее привлечь, нежели устроить, и поэтому глубокий мрак был в данном случае предпочтительнее.

Охрана лагеря была организована очень тщательно. Сторожить должны были одновременно двое участников экспедиции; часовые сменялись каждые два часа. Харберт, несмотря на его протесты, не был допущен к несению сторожевой службы. Пенкроф и Геден Спилет, а на смену им инженер и Наб по очереди стояли на страже возле лагеря.

Впрочем, ночь продолжалась всего несколько часов. Темно было не столько потому, что скрылось солнце, сколько вследствие густоты ветвей. Ничто не нарушало тишины, кроме рева ягуаров и хохота обезьян, который особенно действовал на нервы дядюшки Юпа.

Ночь прошла без особых событий. Утром 16 февраля движение вперед возобновилось. Оно было не слишком затруднительно, но медленно.

В этот день удалось пройти всего шесть миль, так как каждую минуту приходилось браться за топор, чтобы прокладывать дорогу. Как хорошие хозяева, колонисты щадили высокие, могучие деревья, которые к тому же было очень трудно рубить, и жертвовали маленькими. Из-за этого дорога получилась не очень прямой и изобиловала поворотами.

В этот день Харберт открыл новые породы деревьев, которых он раньше не видел на острове: например, древовидный папоротник с поникшими ветвями, которые, казалось, изливались, как воды бассейна; рожковое дерево, длинные стручки которого содержат вкусную сладкую мякоть и являются лакомой пищей для онагг.

Колонисты увидели там также великолепные каури, которые росли группами. Их цилиндрический ствол возвышался на двести футов. Это действительно были царственные деревья, которыми Новая Зеландия славится не меньше, чем Ливан кедрами.

Что же касается фауны, то ее представители были уже известны нашим охотникам. Они увидели на расстоянии двух больших птиц, обитательниц Австралии, похожих на казуаров и называемых эму; эти коричневые птицы, достигающие пяти футов высоты, принадлежат к отряду голенастых. Топ со всех ног бросился за ними, но эму так быстро убежали, что легко оставили собаку позади.

Колонисты нашли также новые следы, оставленные в лесу пиратами. Возле недавно потухшего костра они заметили отпечатки ног и тщательно осмотрели их. Измерив длину и ширину каждого из этих отпечатков, им легко удалось обнаружить следы пяти пар ног. Очевидно, пять пиратов расположились лагерем в этом месте. Но, несмотря на самое тщательное исследование, не удалось обнаружить следы шестого человека, которым должен был быть Айртон.

— Айртон с ними не было, — сказал Харберт.

— Ты прав, — ответил Пенкроф. — А раз Айртон с ними не было, значит, эти негодяи успели его убить раньше. Но ведь есть же у этих негодяев какая-нибудь берлога, где их можно затравить, как тигров?

— Нет, — сказал журналист. — Более вероятно, что они бродят куда глаза глядят, и им выгоднее так блуждать, пока они не станут хозяевами острова.

— Хозяевами острова! — вскричал моряк. — Хозяевами острова! — повторял он сдавленным голосом, словно его душила чья-то железная рука. Затем, несколько успокоившись, он продолжал: — Знаете, мистер Сайрес, какую пулю я забил в мое ружье?

— Нет, Пенкроф.

— Пулю, которая пронзила грудь Харберта. Обещаю вам, что она попадет в цель.

Но даже справедливое возмездие не могло вернуть Айртон к жизни. Из осмотра следов, оставшихся на земле, приходилось сделать вывод, что нет надежды когда-нибудь снова увидеть его.

В этот вечер лагерь разбили в четырнадцати милях от Гранитного Дворца. Сайрес Смит считал, что до мыса Пресмыкающегося остается не более пяти миль.

Действительно, на следующий день исследователи достигли конечности полуострова и прошли лес на всем его протя-

жении. Но никаких следов убежища, в котором скрылись пираты, или таинственного жилья загадочного незнакомца они не заметили.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Исследование Змеиного полуострова. — Лагерь у устья ручья Водопада. — В шестистах шагах от коралля. — Геден Спилет и Пенкроф производят рекогносцировку. — Их возвращение. — Все вперед! — Калитка открыта. — Окно освещено. — При свете луны.

Следующий день, 18 февраля, был посвящен исследованию той части леса, которая тянулась вдоль моря от мыса Пресмыкающегося до ручья Водопада. Колонисты могли обыскать этот лес шириной от трех до четырех миль самым тщательным образом, так как его замыкали оба берега полуострова. Высота деревьев и густота ветвей свидетельствовали об огромной силе почвы, которая поражала здесь больше, чем в любой другой части острова. Можно было подумать, что находишься в уголке девственного леса, перенесенного из Америки или Центральной Африки в умеренную зону. Это заставляло думать, что великолепные растения находили в почве, влажной снизу, но согретой внутри вулканическим огнем, тепло, которое отсутствовало в умеренном климате. Среди деревьев преобладали каури и эвкалипты, достигавшие огромных размеров.

Но колонисты пришли сюда не для того, чтобы наслаждаться великолепной флорой. Они уже знали, что с этой стороны остров Линкольна заслуживает включения в группу Канарских островов, которые первоначально назывались Счастливыми. Теперь их остров, увы, не принадлежал им безраздельно, им завладели другие люди! Негодяи попирали его землю, и их надо было истребить до последнего.

На западном берегу не удалось обнаружить никаких следов пиратов, хотя их искали очень тщательно. Нигде не встречалось отпечатков ног, обломанных веток, потухших костров, брошенных стоянок.

— Это меня не удивляет, — сказал Сайрес Смит своим товарищам. — Пираты высадились на острове возле мыса Находки, немедленно переправились через болото Казарок и углубились в лес Дальнего Запада. Они шли примерно по той же дороге, по которой направились мы сами, выйдя из Гранитного Дворца. Вот почему мы увидели в лесу их следы. Однако, достигнув берега моря, пираты поняли, что не найдут там удобного убежища, и направились на север. Тогда-то они и обнаружили коралль.

— Куда они, быть может, и вернулись...— сказал Пенкроф.

— Не думаю,— ответил инженер.— Они не могут не понимать, что мы будем искать их в той стороне. Кораль является для них только источником снабжения, но не постоянным местом жительства.

— Я согласен с Сайресом,— поддержал инженера Геден Спилет.— По моему мнению, пираты искали себе приют в отрогах горы Франклина.

— Если так, мистер Сайрес, то идем прямо в кораль! — воскликнул Пенкроф.— С пиратами необходимо покончить, а до сих пор мы только теряли время.

— Нет, мой друг,— возразил инженер.— Вы забываете, что нам важно узнать, не находится ли в лесу Дальнего Запада человеческое жилье. Наша экспедиция имеет двойную цель, Пенкроф: с одной стороны, мы должны наказать преступников, с другой — выполнить долг признательности.

— Правильно сказано, мистер Сайрес,— согласился Пенкроф.— Мне только кажется, что мы найдем этого джентльмена не раньше, чем он того сам пожелает.

Этими словами Пенкроф выражал общее мнение колонистов. Можно было быть уверенным, что убежище незнакомца не менее таинственно, чем он сам.

В этот вечер повозка остановилась у устья ручья Водопада. Ночевка была организована, как всегда, тщательно; были приняты обычные меры предосторожности. Харберт, который стал таким же здоровым и сильным, как до болезни, очень поправился от жизни на открытом воздухе, от морского ветра и живительных испарений леса. Он больше не сидел в повозке, а шел во главе отряда.

19 февраля колонисты свернули с берега, на котором за устьем реки так живописно громоздились базальтовые скалы самой разнообразной формы, и направились вверх по левому берегу реки. Дорога была отчасти проложена во время предыдущих походов из корала на западный берег. Колонисты находились в шести милях от горы Франклина.

План инженера заключался в следующем: он хотел тщательно осмотреть всю долину, в которой протекала река, и осторожно пройти до корала. Если кораль был захвачен силой, надо было отбить его, а если нет — устроиться в нем и сделать его центром операции, целью которой являлось исследование горы Франклина.

Этот план получил единогласное одобрение колонистов, которым не терпелось снова завладеть всем островом.

Отряд двинулся вперед по узкой долине, разделявшей два наиболее мощных отрога горы Франклина. Деревья, ко-

торые росли на берегах реки очень густо, в верхней части вулкана становились реже. Почва изобиловала неровностями, очень подходящими для засады, и колонисты продвигались вперед с величайшей осторожностью. Топ и Юп шли во главе отряда в качестве разведчиков и рыскали по зарослям, соперничая в проворстве и ловкости. Но ничто не указывало на недавнее пребывание людей на берегах реки; ничто не выдавало близости пиратов.

Часов в пять вечера повозка остановилась примерно в шестистах шагах от изгороди. Она не была еще видна за завесой высоких деревьев.

Теперь надлежало выяснить, занят ли кем-нибудь кораль. Если пираты находились в корале, то идти туда открыто, при свете дня, значило получить пулю, как случилось с Харбертом. Лучше было подождать наступления ночи.

Однако Гедеон Спилет хотел, не откладывая, обследовать подступы к коралю. Пенкроф, окончательно потерявший терпение, вызвался сопровождать его.

— Не стоит, друзья мои,— удерживал их инженер.— Подождите до ночи. Я не позволю никому из вас рисковать собой.

— Но послушайте, мистер Сайрес...— возразил моряк, не очень склонный повиноваться.

— Пенкроф, я прошу вас,— сказал инженер.

— Хорошо,— ответил Пенкроф, который дал выход своему гневу, наградив пиратов отборными эпитетами из морского лексикона.

Итак, колонисты усадились вокруг повозки и внимательно всматривались в близлежащие части леса.

Так прошло три часа. Ветер стих, и среди высоких деревьев царила полная тишина. Можно было бы услышать треск самой мелкой ветки, шорох сухих листьев под ногой, движение человека в траве. Все было спокойно. Топ вытянулся на земле, положив голову на передние лапы, и не проявлял никаких признаков тревоги.

В восемь часов стало достаточно темно, чтобы безопасно произвести разведку. Гедеон Спилет заявил, что готов идти в компании с Пенкрофом. Сайрес Смит согласился. Топ и Юп остались с инженером, Харбертом и Набом, так как случайный взрыв лая или крик могли привлечь внимание пиратов.

— Будьте осторожны,— посоветовал Сайрес Смит моряку и журналисту.— Вы не должны захватывать кораль, а только выяснить, занят он или нет.

— Поняли,— ответил Пенкроф.

Оба разведчика удалились.

Под деревьями из-за густоты листвы было уже довольно темно, и сфера видимости не превышала тридцати или сорока шагов. Геден Спилет и Пенкроф подвигались вперед с величайшей осторожностью, останавливаясь при каждом подозрительном шуме.

Они шли поодаль друг от друга, чтобы в них труднее было попасть, и, говоря по правде, каждую секунду ожидали выстрела.

Пять минут спустя, после того, как Геден Спилет и Пенкроф отошли от повозки, они достигли опушки леса и были возле просеки, перед которой возвышалась изгородь.

Они остановились. Последние лучи зари еще освещали лужайку. В тридцати шагах виднелась калитка коралля, которая, по-видимому, была заперта. Эти тридцать шагов, оставшиеся до изгороди, представляли собою, как говорится в баллистике¹, «опасную зону». Действительно, пуля или несколько пуль, пущенные с изгороди, уложили бы на месте всякого, кто отважился бы вступить в эту зону.

Геден Спилет с Пенкрофом были не такие люди, чтобы отступать. Но они знали, что, допустив неосторожность, не только сами станут ее первыми жертвами, но из-за них страдают и их товарищи. Если их убьют, что станет с Сайресом Смитом, Набом и Харбертом?

Однако Пенкроф был до того возбужден, находясь так близко от коралля, где, по его мнению, укрылись пираты, что все время хотел броситься вперед. Но сильная рука журналиста удерживала его.

— Через несколько минут совсем стемнеет, — прошептал Геден Спилет, наклоняясь к уху моряка. — Тогда наступит время действовать.

Пенкроф судорожно стиснул в руке приклад ружья, но сдержался и ждал, ворча что-то про себя.

Вскоре последние проблески зари погасли. На опушке воцарился мрак, как будто распространившийся из леса. Гора Франклина возвышалась на западном горизонте, словно гигантский экран. Темнота наступила быстро, как это всегда бывает в низких широтах. Пришло время действовать.

Журналист и Пенкроф, стоя на опушке леса, не спускали глаз с изгороди. Коралль казался совершенно безлюдным. Верхушка изгороди слегка выделялась ровной, нигде не прерывавшейся линией. Если пираты находились в коралле, они,

---

¹ Баллистика — наука о движении тяжелых тел в пространстве. Баллистика изучает законы движения артиллерийского снаряда внутри канала ствола орудия (внутренняя баллистика) и после его вылета из орудия (внешняя баллистика).

несомненно, должны были выставить часового на случай какой-нибудь неожиданности.

Гедеон Спилет сжал руку своего спутника, и оба ползком двинулись к коралю, держа ружья наготове. Они достигли калитки. Ни один луч света не прорезал окружающей тьмы.

Пенкроф тихонько толкнул калитку, но, как и предвидели моряк и журналист, она оказалась запертой. Однако Пенкроф установил, что наружные засовы не были задвинуты.

Итак, можно было прийти к заключению, что пираты находились в корале. По-видимому, они укрепили дверь, чтобы ее нельзя было взломать.

Гедеон Спилет и Пенкроф прислушались.

За изгородью — ни звука. Муфлоны и козы, очевидно, спали в стойлах и не нарушали ночной тишины. Журналист и моряк, стараясь не шуметь, уже собирались было перелезть через изгородь, но это противоречило указаниям Сайреса Смита. Правда, предприятие могло окончиться успешно, но неудача тоже была возможна. Если пираты ни о чем не подозревали, если они не знали об экспедиции, предпринятой против них, если, наконец, был шанс застать их врасплох, то стоило ли рисковать этим шансом, необдуманно пытаясь перелезть через изгородь?

Журналист полагал, что не стоит. Он счел более благоразумным подождать, пока колонисты будут в сборе, и только тогда попытаться проникнуть в кораль. Было ясно, что можно добраться до изгороди незамеченными и что, по-видимому, изгородь не охраняли. Установив это, осталось только возвратиться к повозке и обсудить дальнейший план действий.

Пенкроф, по-видимому, разделял эту точку зрения, так как без возражений последовал за журналистом, когда тот повернул обратно в лес.

Несколько минут спустя инженер был осведомлен о положении вещей.

— Я думаю,— сказал он после краткого размышления,— что пиратов нет в корале.

— Мы это узнаем, когда перелезем через изгородь,— ответил Пенкроф.

— В кораль, друзья! — сказал Сайрес Смит.

— Повозку мы оставим в лесу? — спросил Наб.

— Нет,— ответил инженер,— это наш зарядный ящик и провиантский фургон. В случае опасности нам она послужит укрытием.

— Вперед! — воскликнул Гедеон Спилет.

Повозка выехала из лесу и бесшумно покатилась к изгороди. Стоял глубокий мрак. Было так же тихо, как в ту мину-

ту, когда Пенкроф и журналист ползком отправились на разведку. В густой траве совершенно не было слышно шума шагов.

Колонисты были готовы стрелять. Юп, по приказанию Пенкрофа, шел позади. Наб держал Топа на привязи, чтобы собака не убежала вперед.

Вскоре отряд дошел до опушки леса. Там никого не было. Немедля колонисты направились к изгороди. Опасная зона была быстро пройдена. Не последовало ни одного выстрела. Подъехав к изгороди, повозка остановилась. Наб остался с онаггами, чтобы они не убежали. Инженер, журналист, Харберт и Пенкроф направились к калитке, чтобы посмотреть, заперта ли она изнутри. Калитка была открыта.

— Но ведь вы говорили...— сказал инженер, оборачиваясь к Пенкрофу и журналисту.

Все были поражены.

— Клянусь вечным спасением,— воскликнул Пенкроф,— что калитка только что была заперта!

Колонисты стояли в нерешительности. Так, значит, пираты были в корале, когда Пенкроф и журналист ходили на разведку? В этом нельзя было сомневаться, так как только пираты могли открыть калитку, которую они заперли. Находятся ли они еще в корале или кто-нибудь из них вышел?

Все эти вопросы возникали в уме каждого из колонистов. Но как ответить на них?

В это время Харберт, который отошел на несколько шагов вперед, поспешно возвратился и схватил Сайреса Смита за руку.

— Что такое? — спросил инженер.

— Свет!

— В доме?

— Да.

Все пятеро подошли к дверям дома и действительно увидели через окно, что в доме горит слабый, мерцающий свет.

Сайрес Смит быстро принял решение.

— Вот исключительно удобный случай, чтобы напасть на пиратов, когда они сидят здесь и ничего не подозревают,— сказал он.— Они в наших руках. Вперед!

Колонисты, крадучись, вошли в кораль, держа ружья наготове. Повозку оставили за изгородью под охраной Топа и Юпа, которых из осторожности привязали.

Сайрес Смит, Пенкроф, Гедеон Спилет с одной стороны и Харберт с Набом — с другой прошли вдоль изгороди, глядя в эту часть коралья. Там было совершенно темно и

безлюдно. Через несколько мгновений все собрались перед дверью дома, которая была заперта.

Сайрес Смит движением руки приказал своим товарищам не двигаться с места и подошел к окну, слабо освещенному изнутри.

Он окинул взглядом единственную комнату, составляющую весь первый этаж дома. На столе горел фонарь. У стола стояла кровать, когда-то служившая ложем Айртону.

Внезапно Сайрес Смит отшатнулся и сказал приглушенным голосом:

— Айртон!

Дверь скорее сорвали, чем открыли, и колонисты ворвались в комнату.

Айртон казался спящим. По лицу его было видно, что он долго и жестоко страдал. На кистях рук и щиколотках несчастного виднелись большие красные полосы.

Сайрес Смит наклонился над Айртоном.

— Айртон! — крикнул он, хватая за руку своего товарища, которого он нашел при столь неожиданных обстоятельствах.

Услышав этот возглас, Айртон открыл глаза и воскликнул, смотря на Сайреса Смита и его товарищей:

— Вы? Это вы?

— Айртон! Айртон! — повторял Сайрес Смит.

— Где я?

— В корале.

— Один?

— Да.

— Они сейчас вернутся! — закричал Айртон. — Защищайтесь! Защищайтесь!

И он снова впал в беспамятство.

— Спилет, мы можем с минуты на минуту подвергнуться нападению, — сказал инженер. — Ввезите повозку в кораль, запрягите калитку и возвращайтесь все сюда.

Пенкроф, Наб и журналист поспешили исполнить приказание инженера. Нельзя было терять ни минуты. Может быть, повозка уже была в руках пиратов.

В одно мгновение Спилет и двое его товарищей прошли через кораль и вернулись к калитке, возле которой слышалось глухое ворчание Топа.

Инженер на минуту оставил Айртонa и вышел из дома, готовый пустить в ход оружие. Харберт шел с ним рядом. Оба вглядывались в вершину отрога, возвышавшуюся над коралем. Если пираты устроили там засаду, то они могли перебить колонистов одного за другим.

За это время на востоке над темной полосой леса взошла луна, и ее бледные лучи озарили изгородь. Кораль, группа деревьев, ручеек, обширные луга — все осветилось. Со стороны горы ярко выделился дом и часть изгороди. Противоположная ее часть, ближе к калитке, оставалась темной.

Вскоре стала видна какая-то темная масса: это была повозка. Сайрес Смит услышал, как его товарищи закрыли калитку и основательно укрепили запоры изнутри.

В это время Топ оборвал веревку, на которой он был привязан, и с яростным лаем бросился в глубь корала вправо от двери.

— Внимание, друзья! Целься! — крикнул Сайрес Смит.

Колонисты приложили ружья к плечу и ждали. Топ продолжал лаять, а Юп подбежал к собаке и пронзительно завысел.

Колонисты последовали за обезьяной и подошли к берегу ручейка, осененного развесистыми деревьями.

И при ярком свете луны, что же они увидели?

На берегу лежали пять трупов.

Это были трупы пиратов — тех самых, что четыре месяца назад высадились на остров Линкольна.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Рассказ Айртон. — Планы его прежних сообщников. — Они захватывают кораль. — Верховный судья острова Линкольна. — «Бонавентур». — Поиски вокруг горы Франклина. — Верхние долины. — Подземный гул. — Ответ Пенкрофа. — В глубине кратера. — Возвращение.

Что же произошло? Кто поразил преступников? Айртон? Нет, потому что минуту назад он сам боялся их возвращения.

Айртон был в это время погружен в глубокий сон, и его оказалось невозможно разбудить. После того, как он произнес несколько слов, его охватило оцепенение, и он снова упал на постель.

Тысячи всевозможных смутных предположений роились в умах колонистов. Чрезвычайно возбужденные, они провели всю ночь в доме Айртон и не подходили к тому месту, где лежали трупы пиратов. Айртон едва ли мог что-нибудь сообщить им об обстоятельствах, при которых эти разбойники нашли смерть, — ведь он даже не знал, что находится в корале! Но он, по крайней мере, имел возможность рассказать о предшествующих событиях.

На следующий день Айртон вышел из состояния оцепенения, и товарищи после ста четырех дней разлуки от всего сер-

дца выразили свою радость по поводу того, что он остался почти невредим.

Айртон в кратких словах рассказал о том, что произошло, или, вернее, о том, что ему самому было известно.

На следующий день после его прибытия в кораль, 10 ноября, на него в сумерках напали пираты, которые перелезли через изгородь. Они связали Айртона и заткнули ему рот; потом его увели в темную пещеру у подножия горы Франклина, где укрылись пираты.

Его решили казнить, и на следующий день он должен был умереть. Но вдруг один из пиратов узнал его и назвал тем именем, которое он носил в Австралии. Негодяи хотели убить Айртона — они пощадили Бен Джойса. Но с этой минуты пираты начали осаждать Айртона требованиями: они хотели вернуть его в свою среду и рассчитывали на его помощь, чтобы овладеть Гранитным Дворцом, чтобы проникнуть в эту неприступную крепость и стать хозяевами острова, перебив сначала колонистов.

Айртон сопротивлялся. Бывший ссыльный, который раскаялся и получил прощение, решил лучше умереть, чем выдать своих товарищей.

Связанный, с тряпкой во рту, Айртон провел в пещере почти четыре месяца.

Пираты узнали о существовании короля вскоре после высадки на остров. С этих пор они питались находившимися в корале запасами, но не поселились там. 11 ноября двое из этих бандитов, застигнутые врасплох появлением колонистов, стреляли в Харберта, и один из них, вернувшись, похвалялся, что убил колониста. Но он возвратился один. Его товарищ, как известно, пал сраженный Сайресом Смитом.

Можно судить, в каком отчаянии и волнении был Айртон, когда он услышал о смерти Харберта. Колонистов осталось всего четверо, и они были во власти пиратов.

После этого события, в течение всего времени, пока болезнь Харберта удерживала колонистов в корале, пираты не уходили из своей пещеры. Даже после опустошения плато Дальнего Вида они сочли более осторожным не покидать ее.

Но разбойники обращались с Айртоном все хуже и хуже. На его руках и ногах и теперь еще виднелись кровавые следы веревок, которыми он был связан днем и ночью. Каждую минуту он ждал смерти, не видя возможности ее избежать.

Так продолжалось до третьей недели февраля. Пираты все еще выжидали благоприятного случая и редко выходили из своего убежища. Они совершили лишь несколько охотничьих экспедиций в глубь острова и на южный его берег. Айртон

не имел известий от своих друзей и не надеялся больше их увидеть.

Наконец несчастный так ослаб от жестокого обращения, что впал в глубокое забытие и ничего больше не видел и не слышал. С этой минуты, то есть за прошедшие два дня, он даже не сознавал, что происходило вокруг.

— Мистер Смит,— спросил он,— каким же образом я оказался в корале? Ведь я же находился в плену, в пещере?

— Каким образом случилось, что пираты лежат здесь, в корале, мертвые? — в свою очередь, спросил инженер.

— Мертвые? — вскричал Айртон и, несмотря на слабость, приподнялся.

Товарищи поддержали его. Он захотел встать; ему не препятствовали, и все направились к ручейку.

Стало совершенно светло.

На берегу, в той же позе, как их застала смерть, которая, очевидно, наступила внезапно, лежали пять убитых пиратов.

Айртон был потрясен. Сайрес Смит и его товарищи смотрели на него, не говоря ни слова.

По знаку инженера, Наб и Пенкроф осмотрели уже окочевевшие трупы.

На них не было никаких явных следов ранения.

Только после тщательного исследования Пенкроф заметил — у одного на лбу, у других на груди, у третьего на спине, еще у одного на плече — маленькое, едва заметное красное пятнышко, происхождение которого невозможно было установить.

— Эти пятнышки — причина их смерти,— сказал Сайрес Смит.

— Но каким же оружием их убили? — воскликнул журналист.

— Страшным оружием, но каким, мы не знаем.

— Кто же их убил? — спросил Пенкроф.

— Человек, который творит суд на острове,— ответил Сайрес Смит.— Тот, кто перенес вас сюда, Айртон. Тот, чья справедливость только что проявилась еще раз. Тот, кто делает для нас все, чего мы сами не можем сделать, и, исполнив свое дело, исчезает.

— Отыщем его! — закричал Пенкроф.

— Конечно, мы будем его искать, но мы найдем его только тогда, когда он пожелает призвать нас к себе,— ответил Сайрес Смит.

Эта невидимая защита, снижавшая значение деятельности колонистов, одновременно радовала и раздражала инженера. Подчеркивание их слабости могло оскорбить и ранить

гордую душу. Великодушие, которое уклонялось от всяких выражений признательности, как бы подтверждало презрение к тем, кому оно благодетельствовало; по мнению Сайреса Смита, это отчасти обесценивало благодеяние.

— Будем искать,— продолжал он.— Хотел бы я, чтобы мы могли когда-нибудь доказать нашему высокомерному покровителю, что он не имеет дела с неблагодарными. Я отдал бы многое, чтобы расквитаться с ним и оказать ему, хотя бы ценою жизни, какую-нибудь важную услугу.

Начиная с этого дня единственной заботой обитателей острова Линкольна было отыскать таинственного благодетеля. Все побуждало их найти ключ к этой тайне, узнать имя человека, одаренного непонятной, сверхчеловеческой властью.

Через несколько минут колонисты вернулись в дом, и хороший уход быстро вернул Айртону нравственные и физические силы.

Наб с Пенкрофом унесли трупы пиратов в лес и глубоко закопали их в землю на некотором расстоянии от коралля.

Затем Айртону сообщили о событиях, которые произошли, пока он был в заключении. Он услышал о страданиях Харберта и о многих испытаниях, через которые прошли колонисты.

— А теперь,— сказал Сайрес Смит, заканчивая рассказ,— нам остается выполнить наш долг. Половина нашей задачи осуществлена, и если нечего больше опасаться пиратов, то мы обязаны этим не самим себе.

— Ну что же,— сказал Гедеон Спилет,— мы обыщем весь лабиринт отрогов горы Франклина, не пропустим ни одного углубления, ни одного отверстия. Честное слово, если какой-нибудь журналист стоял перед волнующей тайной, то это, конечно, я!

— Мы вернемся в Гранитный Дворец лишь после того, как найдем нашего благодетеля,— сказал Харберт.

— Да,— проговорил инженер.— Мы сделаем все, что в человеческих силах. Но, повторяю, мы найдем его не раньше, чем он нам это позволит.

— Мы останемся в корале? — спросил Пенкроф.

— Да,— ответил Сайрес Смит.— Запасы здесь достаточны, и мы находимся в самом центре круга наших поисков. К тому же, если будет необходимо, повозка быстро доставит нас в Гранитный Дворец.

— Хорошо,— сказал моряк.— У меня есть только одно замечание.

— Какое?

— Лето проходит, а не следует забывать, что мы должны совершить морской поход.

— Поход? — удивился Геден Спилет.

— Да, поход на остров Табор, — ответил Пенкроф. — Тут необходимо доставить записку, в которой будет сказано о местоположении нашего острова и о том, где сейчас находится Айртон, на случай, если «Дункан» придет за ним. Кто знает, быть может, сейчас уже поздно.

— Но на чем ты думаешь совершить этот поход, Пенкроф? — спросил Айртон.

— На «Бонавентуре».

— На «Бонавентуре»? — вскричал Айртон. — Его больше нет.

— Моего «Бонавентура» больше нет?! — взревел Пенкроф, вскакивая на ноги.

— Нет, — ответил Айртон. — Пираты нашли его в маленькой гавани неделю назад, вышли в море и...

— И что? — спросил Пенкроф с бьющимся сердцем.

— И, не имея на борту такого рулевого, как Боб Гарвей, они наскочили на скалу, и корабль разбился в щепки.

— Негодяи! Бандиты! Гнусные мерзавцы! — кричал Пенкроф.

— Пенкроф, — сказал Харберт и взял моряка за руку, — мы соорудим другой корабль, еще лучше. Ведь у нас есть теперь все железные части, вся оснастка брига.

— Но знаешь ли ты, что для того, чтобы построить судно в тридцать-сорок тонн, нужно не меньше пяти-шести месяцев? — ответил Пенкроф.

— Мы не будем спешить и откажемся на этот год от поездки, — сказал журналист.

— Что поделаешь, Пенкроф, приходится покориться! Надеюсь, что отсрочка не принесет нам ущерба, — проговорил Сайрес Смит.

— Мой «Бонавентур», мой бедный «Бонавентур»! — повторял Пенкроф, глубоко потрясенный гибелью корабля, которым он так гордился.

Действительно, колонисты могли пожалеть об уничтожении «Бонавентура», и они решили возместить эту утрату как можно скорее. А пока что их единственной целью было благополучно закончить исследование наименее доступных областей острова.

Поиски возобновились в тот же день, 20 февраля, и продолжались целую неделю. Нижняя часть горы между отрогами и их многочисленные разветвления представляли собой настоящий лабиринт прихотливо разбросанных долин и уще-

лий. Именно здесь, в глубине этих теснин, может быть, даже в самом массиве горы Франклина, следовало производить поиски. Только в этой части острова можно было замаскировать жилище, хозяин которого пожелал бы остаться неизвестным. Но отроги так тесно сплетались, что Сайресу Смиту приходилось исследовать их очень тщательно.

Прежде всего колонисты прошли по долине, начинавшейся к югу от горы, в которую изливались воды ручья Водопада. Там Айртон показал им пещеру, где он томился в заключении, пока его не перенесли в кораль. Все в этой пещере осталось в том виде, как было при Айртоне. В ней нашли немного еды и кучку патронов, которые пираты сложили там в качестве запаса. Колонисты обследовали всю долину, осененную развесистыми деревьями, среди которых преобладали хвойные. Обогнув юго-западный отрог, исследователи углубились в еще более узкое ущелье, начинавшееся от живописного нагромождения береговых скал.

Здесь растительность была менее густой, камни заменяли траву. Дикие козы и муфлоны прыгали среди утесов. Тут начиналась бесплодная часть острова. Из многочисленных долин, которые отходили, разветвляясь, от горы Франклина, только три были покрыты лесом и богаты пастбищами, например, долина короля, прилегавшая с запада к долине ручья Водопада и с востока к долине Красного ручья. Эти два ручья, которые ниже превращались в реки, принимая в себя несколько притоков, служили вместилищем всех вод, стекавших с горы, и делали плодородной ее южную часть. Что же касается реки Благодарности, то ее непосредственно питали многочисленные источники, скрытые под сенью леса Якамара. Такие же источники орошали почву Змеиного полуострова, разветвляясь на тысячи маленьких ручейков.

Любая из этих трех долин, где было достаточно воды, могла служить убежищем какому-нибудь отшельнику, который нашел бы там все, что нужно для жизни. Но колонисты уже обследовали их и нигде не могли заметить присутствия человека.

Неужели это убежище и его обитатель находились в бесплодных ущельях, среди обвалившихся скал, в изрытых оврагах на севере, между потоками застывшей лавы?

В северной части горы Франклина, у подножия ее, были только две широкие, но не глубокие долины без всяких признаков зелени, усеянные глыбами камня, оставшимися от ледникового периода, исполосованные длинными моренами, покрытые потоками лавы, взрыхленные большими буграми,

усыпанные обсидианом¹ и лабрадоридом². Исследование этой части острова оказалось долгим и трудным. Там попадалось множество впадин, конечно, не слишком удобных, но хорошо скрытых и малодоступных. Колонисты заходили даже в темные тоннели, образовавшиеся в весьма отдаленную эпоху и почерневшие от давно угасшего огня. Исследователи ходили по этим мрачным галереям, освещая их смоляными факелами, обыскивали малейшие впадины, проникали во все углубления. Но всюду царили тишина и мрак. Едва ли человеческое существо когда-нибудь ступало ногой по этим древним проходам, едва ли чья-либо рука когда-нибудь касалась этих камней. Они были такие же, как тогда, когда вулкан выбросил их на поверхность воды в период возникновения острова.

Но как ни пустынно и темно казались эти надстройки, Сайресу Смиту пришлось убедиться, что в них не всегда царила тишина.

Достигнув дна одной из мрачных впадин, которые тянулись на несколько сот метров внутрь горы, он с удивлением услышал глухой гул, отражаемый скалами, он звучал еще громче.

Гедеон Спилет, сопровождавший инженера, тоже услышал этот отдаленный гул, который указывал на оживление деятельности подземного огня. Оба несколько раз прислушались и пришли к убеждению, что в недрах Земли происходит какая-то химическая реакция.

— Так, значит, вулкан не совсем потух,— сказал журналист.

— Возможно, что, с тех пор как мы исследовали кратер, в нижних пластах началась какая-то деятельность. Всякий вулкан, даже тот, который считается потухшим, в любую минуту может начать действовать.

— Но если предстоит извержение горы Франклина, то разве это не грозит опасностью острову Линкольна? — спросил Гедеон Спилет.

— Не думаю,— сказал инженер.— Кратер, то есть предохранительный клапан, всегда существует, и избыток пара и лавы вырвется, как и раньше, через обычный выход.

— Если только лава не проложит себе новую дорогу к плодородным частям острова.

---

¹ Обсидиан — «естественное стекло», очень твердый минерал вулканического происхождения, по своему химическому составу приближается к полевым шпатам.

² Лабрадорид — кристаллически-зернистая горная порода, близкая к минералу из группы полевых шпатов — лабрадору.

— Но почему, мой милый Спилет, ей не пойти тем путем, который проложила природа? — ответил Сайрес Смит.

— Вулканы капризны, — сказал журналист.

— Заметьте, — продолжал инженер, — что наклон всего массива горы Франклина способствует излиянию потока лавы в долины, которые мы сейчас исследуем. Чтобы его направление стало иным, должно произойти землетрясение, которое изменит центр тяжести горы.

— Но при этих условиях всегда можно опасаться землетрясения, — сказал журналист.

— Да, всегда, в особенности, если подземные силы начинают пробуждаться и недра земного шара после долгого отдыха приходят в движение. Конечно, извержение вулкана будет для нас неприятным фактом, и было бы лучше, если бы этой горе не вздумалось пробудиться. Но ведь мы не можем ей помешать, не так ли? Во всяком случае, что бы ни случилось, я не думаю, что нашим владениям на плато Дальнего Вида грозит серьезная опасность. Между плато и вулканом уровень земли заметно понижается, и, если лава когда-нибудь направится к озеру, она зальет дюны и окрестности залива Акулы.

— Мы еще не видели над вулканом дыма, который бы указывал, что готовится извержение, — сказал Геден Спилет.

— Нет, — ответил Сайрес Смит. — Я только вчера смотрел на верхушку кратера и не заметил ни малейших признаков дыма. Но возможно, что в нижней части трубы образовалось нагромождение скал, пепла и окаменевшей лавы и что клапан, о котором я говорил, в данное время слишком перегружен. Но при первом серьезном напоре всякое препятствие будет устранено, и вы можете не сомневаться, что ни остров, который представляет собой котел, ни вулкан, играющий роль трубы, не разорвутся под давлением газов. Но все же, повторяю, было бы лучше, если бы извержения не произошло.

— И тем не менее мы не ошибаемся: в недрах вулкана ясно слышится глухой грохот, — сказал журналист.

— В самом деле, — ответил инженер и внимательно прислушался, — ошибки тут быть не может. Происходит реакция, и мы не в состоянии определить ее значительности и конечных результатов.

Сайрес Смит и Геден Спилет вышли из впадины и рассказали своим товарищам о положении дел.

— Вот здорово! — закричал Пенкроф. — Вулкан начинает выкидывать свои штуки! Но пусть попробует — на него найдется хозяин.

— Кто же такой? — спросил Наб.

— Наш добрый дух, Наб, наш добрый дух. Он заткнет кратер, если вулкан только попробует разинуть его!

Как видим, вера моряка в божество острова не знала пределов. И действительно, тайная сила, которая успела проявиться при стольких необъяснимых обстоятельствах, казалась безграничной. Несмотря на самые тщательные поиски, несмотря на все усилия, на все усердие, всю настойчивость колонистов, загадочное убежище не было найдено, и загадочная сила осталась столь же таинственной.

С 20 по 25 февраля поиски производились по всей южной части острова Линкольна. Исследователи обшарили наименее доступные ее места. Они простукивали каждую скалистую стену, как делают полицейские, обыскивая подозрительный дом. Инженер снял точный план горы и распространил свои поиски до самых нижних пластов камней. Не избежал обследования и усеченный конус, венчавший первую площадку скал, а также верхний выступ огромной «шляпы», в глубине которой открывался кратер.

Мало того, колонисты спустились в самую пропасть, еще не ожившую совсем, но в глубине которой явственно слышался гул. Ничто не указывало на близкое извержение: не было видно дыма или пара, стенки кратера нисколько не нагрелись.

Ни здесь, ни в какой-либо другой части горы Франклина колонисты не увидели следов того, кого они искали.

После этого исследователи направились в район дюн. Они тщательно осмотрели от верха до подножия высокие стены, окружавшие залив Акулы, хотя было чрезвычайно трудно спускаться к воде.

Ничего! Никого!

В этих двух словах заключался весь итог бесплодного труда и безрезультатной настойчивости; в них звучал гнев Сайреса Смита и его товарищей, раздосадованных неудачей.

Наконец пришлось подумать о возвращении, так как нельзя же было вечно продолжать эти поиски. Колонисты пришли к убеждению, что таинственное существо не обитало на поверхности острова, и самые странные предположения возникали в их возбужденном мозгу. Пенкроф и Наб не ограничивались областью загадочного и уносились в сверхъестественный мир.

25 февраля колонисты возвратились в Гранитный Дворец и, спустив на площадку при помощи стрелы двойной канат, восстановили сообщение со своим домом.

Через месяц, 24 марта, они праздновали третью годовщину своего пребывания на острове Линкольна.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Три года прошло.— Вопрос о новом корабле.— Как его разрешили.— Колония процветает.— Кораблестроительная верфь.— Холода в южном поясе.— Пенкроф покоряется.— Стирка белья.— Гора Франклина.

Три года прошло с тех пор, как ричмондские узники убежали из плена. Сколько раз за эти три года говорили они о родине, постоянно живущей в их мыслях!

Они не сомневались, что междоусобная война закончилась, и были убеждены, что справедливое дело Севера восторжествовало. Но каковы были обстоятельства этой ужасной войны? Сколько крови она стоила? Кто из их друзей пал в борьбе? Вот о чем они часто беседовали, не зная еще, суждено ли им будет снова увидеть свое отечество. Вернуться туда, хотя бы на несколько дней, возобновить связь с обитаемым миром, установить сообщение между родиной и их островом, затем провести остальные годы жизни, может быть, лучшие, в этой колонии, которую они основали.

Но для того чтобы осуществить эту мечту, им представлялись только две возможности: либо в водах острова Линкольна появится когда-нибудь корабль, либо колонистам придется самим построить достаточно большое судно, чтобы совершить переход по морю до ближайшей обитаемой земли.

— А может быть, наш добрый гений предоставит нам возможность возвратиться на родину? — говорил Пенкроф.

И поистине, если бы Пенкрофу и Набу объявили, что их ждет в заливе Акулы или в гавани Воздушного Шара корабль в триста тонн водоизмещением, они бы даже глазом не моргнули. Там, где дело касалось чудесного, их ничто не могло удивить.

Но Сайрес Смит, менее наивный, посоветовал им вернуться к реальности и подумать о постройке судна. Это было неотложное дело, так как им предстояло как можно скорее доставить на остров Табор записку со сведениями о новом местопребывании Айртона.

«Бонаventura» уже не было, и для постройки нового корабля требовалось, по крайней мере, шесть месяцев. Приближалась зима, так что поездка не могла состояться раньше следующей весны.

— Мы имеем время подготовиться к лету, — говорил инженер, беседуя обо всех этих делах с Пенкрофом. — Я думаю, мой друг, что раз уж нам приходится заново строить корабль, его следует сделать больше. Вернется ли яхта на остров Табор, неизвестно. Вполне возможно, что она побывала на острове несколько месяцев назад и после тщетных поисков Айр-

тона отправилась обратно. Не лучше ли было бы построить корабль, который в случае необходимости мог бы доставить нас либо на Полинезийские острова, либо на Новую Зеландию? Как вы думаете?

— Я думаю, мистер Сайрес, что вам так же легко построить большой корабль, как и маленький. Ни в дереве, ни в инструментах нет недостатка. Это только вопрос времени.

— А сколько месяцев займет постройка корабля от двухсот пятидесяти до трехсот тонн водоизмещением? — спросил Сайрес Смит.

— Не меньше семи-восьми месяцев, — ответил Пенкроф. — Но не надо забывать, что подходит зима и что в сильные морозы дерево с трудом поддается обработке. Необходимо учесть, что работа на несколько недель прервется, и если наш корабль будет готов к будущему ноябрю, мы сможем считать себя очень счастливыми.

— Ну что ж, — ответил Сайрес Смит, — ноябрь как раз самый благоприятный месяц для того, чтобы совершить большой переход на остров Табор или куда-нибудь дальше.

— Это верно, мистер Сайрес, — сказал моряк. — Готовьте чертежи. Рабочие к вашим услугам, и я думаю, что Айртон будет нам хорошим помощником в этом деле.

Колонисты на общем совете одобрили проект инженера; действительно, ничего лучше нельзя было придумать. Правда, постройка корабля в двести-триста тонн водоизмещением — большое дело. Но колонисты верили в себя и имели на это право.

Сайрес Смит начал готовить чертежи судна и устанавливать его габариты. Товарищи его в это время рубили и доставляли на место постройки деревья, нужные для изготовления различных частей и оснастки судна. Лучшие сорта вяза и дуба дал лес Дальнего Запада; колонисты воспользовались просекой, сделанной во время последней экспедиции, и проложили удобную дорогу, которая получила название дороги Дальнего Запада. Деревья переносились в Трубы, где была устроена верфь. Что касается названной дороги, то она была довольно извилиста, и остановились на ней главным образом из-за большого выбора нужных сортов деревьев; она же сделала доступной значительную часть Змеиного полуострова. Деревья необходимо было как можно скорее срубить и распилить: дерево нельзя употреблять свежим, а нужно дать ему время высохнуть. Плотники усердно работали весь апрель; хорошая погода только несколько раз нарушалась довольно сильными бурями. Дядюшка Юп ловко помогал: забирался

на верхушки деревьев, чтобы укрепить там веревки, либо таскал на своих сильных плечах отдельные стволы.

Весь этот лес сложили в просторном дощатом сарае, построенном возле Труб, в ожидании, пока его можно будет применить к делу.

Апрель был довольно хорош — таким часто бывает октябрь в северных широтах. Земледельческие работы энергично продолжались, и вскоре на плато не осталось никаких следов разорения. Мельницу отстроили заново. Рядом с птичьим двором появились новые конюшни и сараи. Их размеры сочли нужным несколько увеличить, так как население их быстро размножалось. В стойлах было уже пять штук онагг — четверо из них, крепкие и хорошо обученные, ходили в упряжи и под седлом; пятая только что родилась. Оборудование колонии пополнилось плугом, и онагги пахали, словно йоркширские или кентуккийские быки. Колонисты распределили между собой работу, и никто не сидел без дела. Зато каким завидным здоровьем обладали эти труженики, как весело проводили они вечера в Гранитном Дворце, строя тысячи планов на будущее!

Нечего и говорить, что Айртон жил общей жизнью с колонистами, не выражая больше желания уйти в кораль. Все же он постоянно был грустен и необщителен и охотнее принимал участие в работе, чем в развлечениях своих товарищей. Это был неутомимый работник, сильный, ловкий, умный и сметливый. Все его любили, и он чувствовал это.

Кораль, конечно, тоже не был оставлен. Каждые два дня кто-нибудь из колонистов отправлялся туда на повозке, чтобы ходить за стадом муфлонов и коз, и привозил из коралья молоко, которое сдавалось на кухню к Набу. Эти экспедиции давали возможность поохотиться. Харберт и Гедеон Спилет в сопровождении Топа чаще, чем другие, ходили по дороге в кораль. Благодаря их прекрасным ружьям дикие свиньи, агути, кенгуру, кабаны и более мелкая дичь: утки, тетерева, глухари, якамары и кулики, всегда в изобилии подавались к столу. Произведения крольчатника и устричной отмели, черепахи, пойманные во время ловли лососей, снова заплывшие в реку Благодарности, овощи с плато Дальнего Вида и дикие лесные плоды добывались в таком количестве, что Наб, главный повар, едва успевал складывать их в кладовую.

Само собой разумеется, что телеграфная линия, связывающая кораль с Гранитным Дворцом, была исправлена, и ею пользовались, когда кто-нибудь из колонистов находился в корале и считал нужным там переночевать. На острове было

теперь вполне безопасно, и не приходилось ожидать нападения, по крайней мере, нападения людей.

Тем не менее то, что уже раз случилось, могло повториться. Всегда можно было опасаться высадки пиратов или беглых каторжников. Возможно, что какие-нибудь друзья или сообщники Боба Гарвея были посвящены в его планы и собирались последовать его примеру. Поэтому колонисты, не переставая, наблюдали за подступами к острову, и их подзорная труба каждый день прогуливалась по широкому горизонту между бухтой Союза и бухтой Вашингтона. Находясь в корале, они столь же тщательно осматривали западную часть моря, а с отрогов горы был виден значительный участок восточного горизонта.

Ничего подозрительного не было видно, но приходилось держаться настороже.

Однажды вечером инженер поделился со своими товарищами возникшим у него планом укрепления корала. Он считал необходимым сделать изгородь выше и пристроить сбоку нечто вроде блокауза¹, в котором колонисты могли бы в случае нужды выдержать осаду неприятеля. Гранитный Дворец по самому своему положению должен был казаться неприступным; поэтому кораль, его постройки, запасы и животные, находившиеся там, явились бы приманкой для пиратов какого угодно происхождения, которые могли бы высадиться на острове. Если бы колонистам пришлось укрыться в корале, они должны были иметь возможность защищаться.

Этот план надлежало обдумать. Выполнение его так или иначе приходилось отложить до будущей весны.

К 15 мая киль нового корабля уже лежал на верфи, и вскоре на концах его почти перпендикулярно возвышались форштевень и ахтерштевень. Киль из доброго дуба имел в длину сто десять футов, что позволяло сделать средний бимс шириной в двадцать пять футов. Но это было все, что успели сделать плотники до наступления холодов и ненастья. В течение следующей недели на корму поставили первые шпангоуты, а затем работу пришлось приостановить.

Погода в последние дни месяца стояла очень дурная. Ветер дул с востока и иногда переходил в ураган. Инженер тревожился за судьбу своей верфи; ведь он не мог ее построить ни в каком другом месте вблизи Гранитного Дворца, так как

---

¹ Блокгауз — отдельная оборонительная постройка с насыпями и бойницами. Блокгаузы используются в позиционной и маневренной войне для защиты небольших отрядов от обстрела артиллерии и как позиция, с которой ведется обстрел неприятеля. Блокгауз может также служить и жильем.

островок плохо защищал побережье от непогоды, а при сильных бурях волны доходили до самой гранитной стены.

Но, к счастью, опасения инженера не оправдались. Ветер дул чаще с юго-востока, и берег у Гранитного Дворца оказался прикрыт выступом мыса Находки.

Пенкроф и Айртон, наиболее усердные кораблестроители, не прерывали своей работы до последней возможности. Не такие это были люди, чтобы обращать внимание на ветер, который трепал их волосы, или на дождь, из-за которого они промокали до костей; удар их молотка был одинаково хорош и в дождь и в хорошую погоду. Но когда период сырости сменился сильным морозом, дерево, волокна которого стали тверды, как железо, лишь с величайшим трудом поддавалось обработке, и около 10 июня пришлось окончательно прекратить постройку корабля.

Сайрес Смит и его товарищи не могли не заметить, что на острове Линкольна стоят зимой жестокие холода. Такие морозы бывают в штатах Новой Англии, находящихся примерно на том же расстоянии от экватора, как остров Линкольна. Если в Северном полушарии или, по крайней мере, в той его части, где находятся Новая Британия и северные районы Америки, это явление можно объяснить тем, что местности, прилегающие к полюсу, чрезвычайно плоски и на них нет возвышений, преграждающих путь северным ветрам, то по отношению к острову Линкольна это объяснение не годилось.

— Ученые установили,— говорил как-то Сайрес Смит своим товарищам,— что на равных широтах острова и прибрежные местности меньше страдают от холода, чем центр материка. Я часто слышал утверждение, что, например, в Ломбардии зима более суровая, чем в Шотландии, и это будто бы объясняется тем, что море зимой отдает тепло, которое оно накопило летом. Естественно, что острова получают больше этого тепла.

— Но, мистер Сайрес, почему же остров Линкольна как будто составляет исключение из общего закона? — спросил Харберт.

— Это трудно объяснить,— ответил инженер.— Я склонен приписать эту особенность тому, что наш остров находится в Южном полушарии, где, как тебе известно, холоднее, чем в Северном.

— Это верно,— сказал Харберт.— Ведь плавучие льды встречаются в южной части Тихого океана под более низкими широтами, чем в северной.

— Правильно,— подтвердил Пенкроф.— Когда я был

китоловом, мне случалось видеть ледяные горы, айсберги у самого мыса Горн.

— В таком случае, возможно, что холода на острове Линкольна объясняются близостью льдов,— сказал Геден Спилет.

— Ваше предположение вполне допустимо, дорогой Спилет, и, очевидно, суровость наших зим вызвана близостью ледяных полей,— ответил Сайрес Смит.— Заметьте, что Южное полушарие холоднее Северного также и по чисто физическим причинам. В самом деле, если солнце летом ближе к Южному полушарию, то зимой оно, естественно, дальше от него. Это объясняет, почему наблюдаются такие колебания температуры в обоих направлениях. Нам кажется, что зимой на острове Линкольна очень холодно; но не будем забывать, что летом здесь, наоборот, очень жарко.

— Но почему же, скажите, пожалуйста, у нашего полушария, как вы его называете, такая несчастная судьба? — спросил Пенкроф с недовольным видом.— Это несправедливо.

— Справедливо это или нет,— смеясь, сказал инженер,— приходится подчиняться неизбежности, дружище Пенкроф. Вот чем объясняется эта особенность: Земля, подчиняясь законам механики, описывает вокруг Солнца не круг, а эллипс. Солнце находится в одном из фокусов эллипса, и, следовательно, Земля в известный момент бывает в афелии, то есть в наиболее удаленной от Солнца точке, а в известный момент — в перигелии, то есть в точке, ближайшей к Солнцу. Когда Земля находится дальше всего от Солнца, тогда в Южном полушарии наступает зима и становится очень холодно. Тут уж ничего не поделаешь, и люди, как бы учены они ни были, не смогут изменить систему мироздания.

— А ведь люди очень учены! — сказал Пенкроф, которому не хотелось сдаваться.— Вот бы толстая книга получилась, мистер Сайрес, если бы записать в нее все, что мы знаем!

— Но если записать все, чего мы не знаем, то книга вышла бы еще толще,— ответил Сайрес Смит.

Как бы то ни было, по той или другой причине, в июне вернулись холода, столь же суровые, как обычно, и колонистам пришлось часто сидеть, запершись в Гранитном Дворце.

Все с трудом выносили это вынужденное заключение, особенно Геден Спилет.

— Знаешь,— сказал он однажды Набу,— я охотно подарил бы тебе все, что когда-нибудь получу в наследство, и даже засвидетельствовал бы дарственную у нотариуса, если бы ты пошел куда-нибудь и подписал бы меня на какую угодно газету! Для полного счастья мне не хватает только одного: это

каждое утро узнавать, что произошло накануне во всем мире, кроме нашего острова.

Наб засмеялся.

— А меня,— ответил он,— больше всего занимает наша ежедневная работа.

В самом деле, как внутри, так и вне дома работы было вдоволь.

Колония острова Линкольна переживала в то время период наивысшего процветания, которого она достигла после трех лет упорной работы. Разбитый бриг явился для ее обитателей новым источником богатства. Кроме оснастки, годной для строящегося корабля, кладовые Гранитного Дворца были завалены всевозможными орудиями, инструментами, боевыми припасами и оружием. Теперь уже больше не приходилось изготавливать грубую одежду из войлока: если в первую зимовку колонисты страдали от холода, то теперь они безбоязненно встречали ненастье. Белья тоже было достаточно; с ним обращались очень аккуратно. Из хлористого натра, то есть, попросту говоря, из морской соли, Сайрес Смит без труда извлек натрий и хлор; натрий, из которого легко получить углекислую кислоту, и хлор, давший хлористую известь и другие соединения, были использованы для всевозможных домашних надобностей, в частности для стирки белья. Впрочем, стирку устраивали всего четыре раза в год, как это делалось когда-то в почтенных семействах. Добавим, что Пенкроф и Геден Спилет, который все еще ждал, когда почтальон принесет ему газету, оказались прекрасными прачками.

Так прошли зимние месяцы: июнь, июль, август. Они были очень суровы, и средняя температура не превышала 8 градусов по Фаренгейту (13 градусов ниже нуля по Цельсию). Таким образом, она оказалась ниже средней температуры прошедшей зимы. В каминах Гранитного Дворца всегда пылал яркий огонь, дым оставлял длинные черные полосы на гранитной стене. Топливо не приходилось экономить: оно росло тут же, в нескольких шагах от дворца. К тому же остатки леса, предназначенного для постройки корабля, позволяли сберечь каменный уголь, который труднее было доставлять.

И люди и животные были совершенно здоровы. Лишь дядюшка Юп, надо признаться, иногда мерз. Это был, кажется, его единственный недостаток, и ему пришлось сделать хороший, теплый халат. Но какой это был слуга — ловкий, усердный, неутомимый, деликатный и не болтун! Юпа можно было поставить в пример всем его двуногим собратьям в Старом и Новом Свете.

— В сущности,— говорил Пенкроф,— если кто имеет четыре руки, от него можно требовать хорошей работы!

И действительно, умная обезьяна работала превосходно.

За семь месяцев, которые прошли со времени последних поисков в окрестностях горы, и в течение сентября, когда снова настала хорошая погода, колонистам ни разу не пришлось вспомнить о добром гении острова. Его влияние не проявилось ни в чем. В сущности, в нем и не было нужды, так как не случилось ничего такого, что могло бы затруднить колонистов.

Сайрес Смит заметил, что если даже между незнакомцем и обитателями Гранитного Дворца установилось общение через толщу гранита и Топ чувствовал его чутьем, то за этот период времени оно ни в чем не проявлялось. Пес совсем перестал ворчать, беспокойство обезьяны прошло. Оба друга — а они были искренними друзьями — не издавали больше вокруг отверстия внутреннего колодца, не издавали тех странных звуков, которые с самого начала привлекли внимание инженера. Но мог ли Сайрес Смит с уверенностью сказать, что загадка останется загадкой и что он никогда не получит к ней ключа? Имел ли он право утверждать, что не возникнет такое положение, при котором таинственный незнакомец вновь выступит на сцену? Кто знает, что таится в будущем?

Наконец зима миновала. И как раз в первые дни весны произошло событие, которое могло иметь серьезные последствия.

7 сентября Сайрес Смит, наблюдая вершину горы Франклина, заметил, что над кратером появился дым, первые клубы которого таяли в воздухе.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Вулкан пробуждается.— Лето.— Возобновление работ.— Вечер 15 октября.— Телеграмма.— Вопрос.— Ответ.— Поход в кораль.— Записка.— Добавочный провод.— Берег из базальтовых скал.— Прилив.— Отлив.— Пещера.— Ослепительный свет.

Инженер сообщил об этом колонистам, которые бросили работу и молча смотрели на вершину горы. Итак, вулкан пробудился, и пары пробили слой минералов, скопившихся в глубине кратера. Но вызовет ли подземный огонь сильное извержение? Это означало бы катастрофу, которую колонисты бессильны были предотвратить.

Однако даже в случае извержения остров Линкольна в целом, вероятно, не пострадал бы. Изливающиеся вулканические вещества не всегда несут с собой разрушение. Некогда

остров уже подвергся такому испытанию — об этом свидетельствовали потоки лавы, покрывавшие южные склоны горы. Кроме того, форма самого кратера, расширяющегося кверху, должна была способствовать направлению лавы в сторону, противоположную от плодородных частей острова.

Однако прошлое не всегда служит ручательством за будущее. Нередко старые кратеры на вершинах вулканов закрываются и открываются новые. Это случалось и в Старом и в Новом Свете: на Этне, на Попокатепетле, на Оризабе. А перед угрозой извержения можно опасаться всего. Достаточно случиться землетрясению — а им часто сопровождается деятельность вулканов, — чтобы внутреннее строение горы изменилось, открыв новые пути для раскаленной лавы.

Сайрес Смит объяснил это своим товарищам. Не преувеличивая опасности положения, он изложил все «за» и «против» создавшейся ситуации.

В конце концов, колонисты были бессильны. Гранитному Дворцу могла грозить беда только от землетрясения, которое поколебало бы почву. Кораль — другое дело. Если бы на южном склоне горы открылся новый кратер, это создало бы серьезную угрозу для короля.

Начиная с этого дня вершина горы была постоянно окутана густым дымом, который поднимался все выше и выше, но в его плотных клубах не было видно пламени. Дым пока сосредотачивался над нижней частью центрального массива.

С наступлением ясных дней работы возобновились. Колонисты спешили с постройкой корабля. Пользуясь силой прибрежного водопада, Сайрес Смит устроил гидравлическую пилу, которая быстро превращала стволы деревьев в доски и балки. Этот механизм был так же несложен, как деревенские лесопилки, работающие в Норвегии. Все, что требовалось, — это придать куску дерева горизонтальное движение, а пиле — вертикальное.

Инженеру удалось достигнуть цели при помощи колеса, двух цилиндров и соответствующей комбинации блоков.

К концу сентября на верфи уже возвышался каркас корабля (это должна была быть шхуна). Остов был почти вполне закончен, шпангоуты удерживались на временных креплениях; это давало представление о внешней форме судна. Шхуна, узкая спереди и очень широкая в кормовой части, могла в случае нужды совершить довольно большой переход, но для внешней и внутренней обшивки и настилки палубы требовалось еще продолжительное время. К счастью, после взрыва судна удалось спасти железную оковку брига. Из изуродованных ребер и досок Пенкроф с Айртоном вырвали

много болтов и медных гвоздей. Это сберегало труд кузнецов, но плотникам оставалось много работы. Постройку пришлось на неделю прервать по случаю жатвы, сенокоса и уборки всевозможных овощей и злаков, посеянных на плато Дальнего Вида. Покончив с этим, колонисты посвятили все свое время окончанию шхуны.

К ночи труженики буквально изнемогали. Чтобы не терять времени, они изменили часы еды — обедали в полдень, а ужинали не раньше наступления сумерек. Возвратившись в Гранитный Дворец, все немедленно ложились спать. Иногда, если завязывался интересный разговор, колонисты несколько засиживались за беседой. Они говорили о будущем и любили мечтать о том, как изменится их положение, когда они дойдут на своей шхуне до ближайшей обитаемой земли. Но среди этих планов у колонистов всегда преобладала мысль об их позднейшем возвращении на остров Линкольна. Они решили не покидать своей колонии, основанной с таким трудом и достигшей таких успехов. Ведь связь с Большой землей будет лишь способствовать ее процветанию.

Пенкрофа и Наба больше других привлекала мысль окончить свои дни на острове Линкольна.

— Харберт, — спрашивал моряк, — ты ведь никогда не оставишь наш остров? Никогда?

— Никогда, Пенкроф, — в особенности, если ты решишь здесь остаться.

— Я уже так и решил, мой мальчик, я буду тебя ждать, — отвечал Пенкроф. — Ты привезешь сюда жену и детей, и я сделаю из твоих мальчиков замечательных молодых.

— Договорились! — сказал Харберт, смеясь и краснея.

— А вы, мистер Сайрес, — продолжал Пенкроф, увлекаясь, — вы будете постоянным губернатором острова. Кстати, сколько жителей он сможет прокормить? Наверное, не меньше десяти тысяч.

Товарищи не мешали Пенкрофу фантазировать. В конце концов и журналист оказывался издателем газеты «Нью-Линкольн Геральд».

Такова уж душа человека. Потребность сделать нечто постоянное, жить вечно в творениях своих рук — доказательство его превосходства над всем, что есть на Земле. На этом основано его господство, этим оправдывается его владычество над всем миром.

Айртон, как всегда молчаливый, говорил себе, что ему хотелось бы увидеть Гленарвана и вернуть себе всеобщее уважение.

Однажды, 15 октября, беседа затянулась дольше обычно

го. Было девять часов вечера. С трудом подавляемые зевки указывали, что настал час отдыха. Пенкроф направился было к своей кровати, как вдруг зазвенел электрический звонок, проведенный в зал.

Все колонисты — Сайрес Смит, Гедеон Спилет, Харберт, Айртон, Пенкроф, Наб — были налицо. Ни один из них не находился в корале.

Сайрес Смит встал.

Его товарищи переглянулись, думая, что им послышалось.

— Что это значит? — вскричал Наб. — Уж не черт ли это звонит?

Все промолчали.

— На дворе собирается гроза, — заметил Харберт. — Не могло ли действие электричества...

Юноша не закончил фразы. Инженер, на которого смотрели все колонисты, отрицательно покачал головой.

— Подождем, — сказал Гедеон Спилет. — Если это сигнал, то он, во всяком случае, повторится.

— Но кто же это может быть? — спросил Наб.

— Как кто? — ответил Пенкроф. — Тот, кто...

Новый звонок прервал слова моряка.

Сайрес Смит подошел к аппарату. Пустив ток по проводу, он послал в кораль вопрос:

«Что вам нужно?»

Через несколько мгновений иголка задвигалась по диску и передала обитателям Гранитного Дворца ответ:

«Приходите в кораль как можно скорее».

— Наконец-то! — воскликнул Сайрес Смит.

Да! Наконец тайна должна была раскрыться. Властное чувство, которое влекло их в кораль, заставило забыть усталость, и всякая потребность в отдыхе пропала. Не говоря ни слова, они вышли из Гранитного Дворца и через несколько мгновений были на берегу. Только Юп с Топом остались дома. Без них можно было обойтись.

Была черная ночь. Молодой месяц исчез сразу после захода солнца. Как и говорил Харберт, густые грозовые тучи тяжелыми сводами нависли над землей; не было видно ни одной звездочки. Только редкие зарницы, отблески отдаленной грозы, освещали горизонт.

Через несколько часов гроза могла разразиться и над островом. Ночь была страшная.

Но самый глубокий мрак не служил препятствием для людей, которые так хорошо знали дорогу в кораль. Они поднялись вверх по левому берегу реки Благодарности, вышли

на плато, перешли по мосту через Глицериновый ручей и двинулись дальше лесом.

Колонисты шли быстрым шагом. Все были очень взволнованы. Сомнений быть не могло: они наконец узнают разгадку этой тайны, узнают имя незнакомца, который так глубоко вошел в их жизнь, узнают этого могущественного и великодушного человека. В самом деле, для того чтобы действовать всегда вовремя, незнакомец должен был пристально следить за жизнью колонистов, знать о любом ничтожнейшем событии, слышать все, что говорится в Гранитном Дворце.

Каждый из колонистов был погружен в думы и невольно ускорял шаг. Под сводом деревьев стояла такая тьма, что не было видно даже края дороги. В лесу — полная тишина; животные и птицы, чувствуя приближение грозы, были неподвижны и безмолвствовали. Дуновение не коснулось ни одного листочка. Лишь шаги колонистов, ступавших по жесткой земле, гулко раздавались во мраке.

В первые четверть часа пути молчание было нарушено только следующим замечанием Пенкрофа:

— Нам следовало бы захватить с собой фонарь.

— Мы найдем фонарь в корале, — ответил инженер.

Сайрес Смит и его товарищи покинули Гранитный Дворец в двенадцать минут десятого. В сорок семь минут десятого они находились в трех милях от устья реки Благодарности, а всего до корала было пять миль.

В это время над островом засверкали яркие молнии, при свете которых отчетливо вырисовывались черные узоры листьев. Свет молний был ослепителен. Очевидно, гроза должна была вот-вот начаться. Вспышки сверкали все чаще и ярче, в глубине неба слышались отдаленные раскаты грома. Воздух был нестерпимо душен.

Колонисты продолжали идти, словно их толкала невидимая сила.

В четверть одиннадцатого при яркой вспышке молнии они увидели изгородь корала. Не успел маленький отряд войти в калитку, как послышался страшный удар грома.

В одно мгновение колонисты пробежали через кораль и оказались перед домом.

Возможно, что в доме находился незнакомец, так как именно оттуда была послана телеграмма. Тем не менее в окне не было света.

Инженер постучался.

Никакого ответа.

Сайрес Смит распахнул дверь, и колонисты вошли в комнату, где было совершенно темно.

Наб высек огонь и зажег фонарь, пламя которого осветило все уголки комнаты.

В комнате никого не было.

Вещи стояли на своих обычных местах.

— Неужели мы ошиблись? — тихо проговорил Сайрес Смит.

Нет, ошибки не было. В телеграмме, несомненно, было написано:

«Приходите в кораль как можно скорее».

Колонисты подошли к столу, на котором стоял телеграфный аппарат. Все было на месте: и батареи, и футляр, и приемник, и передатчик.

— Кто здесь был последний? — спросил инженер.

— Я, мистер Смит, — ответил Айртон.

— Когда это было?

— Четыре дня назад.

— Вот записка! — закричал Харберт и указал на бумажку, лежавшую на столе.

На бумажке было написано по-английски:

«Идите вдоль нового провода».

— Вперед! — вскричал Сайрес Смит.

Он понял, что телеграмма была послана не из коралья, а из таинственного убежища незнакомца, который соединил свое жилище с Гранитным Дворцом при помощи добавочного провода.

Наб взял зажженный фонарь, и все вместе вышли из коралья.

Гроза бушевала со страшной силой. Промежутки между вспышками молнии и ударами грома становились все короче. Грозная стихия завладела всем островом. В прерывистом свете молнии можно было видеть вершину горы Франклина, окутанную дымом.

Во всем корале, между изгородью и домом, не было никаких признаков телеграфного провода. Но, выйдя за калитку, инженер подбежал к первому столбу и увидел при вспышке молнии, что к изолятору прикреплен провод, спускающийся к земле.

— Вот он! — воскликнул Сайрес Смит.

Провод тянулся по земле, но был по всей длине обернут изоляционным материалом, словно подводный кабель. Это обеспечивало беспрепятственную передачу тока. Проволока, видимо, шла через лес и южные отроги горы и, следовательно, вела на запад.

— Пойдем вдоль провода, — сказал Сайрес Смит.

При свете фонаря и блеске молнии колонисты шли вдоль

дороги, которую указывал провод. Гром грохотал непрерывно и притом с такой силой, что нельзя было расслышать ни одного слова. Впрочем, теперь следовало не разговаривать, а идти вперед.

Сайрес Смит и его товарищи взобрались на отрог, возвышавшийся между долиной кораля и долиной ручья Водопада, и перевалили через него в самой узкой части. Провод, укрепленный на нижних ветвях деревьев или стлавшийся по земле, неизменно указывал им путь.

Инженер думал, что этот провод, может быть, кончится в глубине долины и что именно там находится неведомое убежище.

Но нет, колонистам пришлось выйти на юго-западный отрог и спуститься на пустынное плато, которым заканчивалась базальтовая стена из прихотливо нагроможденных скал. Время от времени кто-нибудь из них наклонялся, ощупью находил провод и в случае нужды давал верное направление. Теперь уже нельзя было сомневаться, что проволока ведет прямо к морю. Очевидно, там в какой-нибудь расщелине скалы находится жилище, которое до сих пор так долго и тщательно искали колонисты.

Небо было в огне. Молнии вспыхивали одна за другой. Многие из них ударяли в вулкан и низвергались в кратер, окутанный дымом. Временами казалось, что гора извергает пламя.

В одиннадцать часов без нескольких минут они достигли высокого, западного берега океана. Поднялся ветер. Внизу, на расстоянии пятисот футов, ревел прибой.

Сайрес Смит высчитал, что маленький отряд прошел полторы мили от кораля.

В этом месте провод тянулся между скалами, следуя по крутому склону узкого, извилистого ущелья.

Колонисты углубились в него, рискуя столкнуть какую-нибудь неустойчивую глыбу камня и упасть в море. Спускаться было очень опасно, но колонисты не знали страха; они словно перестали распоряжаться собой: какая-то neodо-лимая сила тянула их к таинственному месту, как магнит притягивает железо.

Почти бессознательно спустились они в ущелье, которое даже при дневном свете можно было считать непроходимым. Камни скатывались вниз, сверкая при вспышках молнии. Сайрес Смит шел во главе, Айртон замыкал шествие. Колонисты шли то медленно, шаг за шагом, то скатывались по гладкой скале, то снова поднимались и продолжали путь.

Наконец провод резко повернул и потянулся вдоль скал,

густо покрывавших берег, которых, вероятно, касался прилив. Колонисты достигли нижней границы базальтовой стены.

Тут начинался узкий вал, тянувшийся горизонтально, параллельно поверхности моря. Провод стлался вдоль вала. Колонисты не уклонялись от своего пути. Не успели они пройти ста шагов, как начался отлогий спуск, который вел к самой воде.

Инженер схватил проволоку и увидел, что она погружается в море.

Его спутники остановились. Они были поражены.

Из груди их вырвался крик, похожий на крик отчаяния. Неужели придется бросаться в воду и искать какую-нибудь подземную пещеру? Все были возбуждены предельно, но, не колеблясь, сделали бы это.

Сайрес Смит остановил их.

Он подвел своих товарищей к углублению в скале и сказал:

— Подождем. Теперь прилив. При отливе дорога будет открыта.

— Но почему вы думаете...— спросил Пенкроф.

— Он бы нас не позвал, если бы не было возможности до него дойти.

Сайрес Смит говорил с таким убеждением, что никто не стал возражать. Приходилось допустить, что у подножия стены есть отверстие, проходимое при отливе и теперь скрытое волнами.

Ждать предстояло несколько часов. Колонисты сидели молча, укрывшись в глубоком портике, выдолбленном в скале.

Начался дождь, и вскоре облака, освещенные молниями, разразились ливнем. В раскатах грома, которые повторяло эхо, было что-то грандиозное.

Колонисты были чрезвычайно взволнованы. Множество странных, необычайных мыслей теснилось у них в мозгу. Им представлялось какое-то великое, сверхчеловеческое существо, которое соответствовало их представлению о добром гении острова.

В полночь Сайрес Смит взял фонарь и спустился на берег, чтобы заметить расположение скал. Отлив начался уже два часа назад.

Инженер не ошибся. Над водой обрисовывались очертания обширной пещеры. Провод сворачивал к правому ее углу и исчезал в зияющей пасти.

Сайрес Смит вернулся к товарищам и коротко сказал:

— Через час в отверстие можно будет пройти.

— Значит, оно существует? — спросил Пенкроф.

— Неужели вы в этом сомневаетесь? — ответил Сайрес Смит.

— Но ведь пещера будет до известной высоты залита водой,— заметил Харберт.

— Если она просыхает, мы пройдем через нее пешком, если она не просыхает, то нам будет предоставлен какой-нибудь способ сообщения.

Прошел час. Под дождем все спустились к морю. За три часа уровень воды понизился на пятнадцать футов. Вершина свода пещеры возвышалась над ее полом не меньше чем на восемь футов. Свод напоминал арку моста, под которым бежали пенящиеся воды.

Инженер наклонился и увидел какой-то черный предмет, плававший на поверхности моря. Он подтянул его к себе.

Это была лодка, привязанная веревкой к выступу внутренней стены.

Лодка была сделана из полос толя, скрепленных болтами. На дне ее под скамьями лежали два весла.

— В лодку! — сказал Сайрес Смит.

Через мгновение колонисты сидели в лодке. Наб и Айртон взялись за весла, Пенкроф правил рулем. Сайрес Смит стоял на носу и освещал море фонарем.

Лодка прошла под низко спускавшимися сводами, которые внезапно стали выше. Было очень темно, и фонарь светил слишком слабо, чтобы можно было судить о размерах этой пещеры: ее ширине, высоте и глубине. В этой базальтовой галерее царила торжественная тишина. Ни единый звук не доносился снаружи. Даже раскаты грома не проникали сквозь массивные стены пещеры.

В некоторых местах земного шара существуют такие огромные пустоты, нечто вроде естественных катакомб, возникших в отдаленные геологические эпохи. Некоторые из них залиты морем, в других образуются целые озера. Такова Фингалова пещера на одном из Гебридских островов, таковы Моргатские гроты в бухте Дуарнене, в Бретани, пещера Бонифаччо на Корсике, пещеры около Лизе-фьорда в Норвегии и, наконец, огромная Мамонтова пещера в штате Кентукки, имеющая пятьсот футов высоты и больше двадцати миль длины. В нескольких местах Земли природа выдолбила эти впадины и сохранила их, на удивление целому.

А пещера, которую сейчас исследовали колонисты, неужели она тянулась до центра острова? Уже четверть часа лодка продвигалась вперед. Инженер кратко указывал Пенкрофу, куда поворачивать. Внезапно он воскликнул:

— Правее!

Лодка изменила направление и пошла вдоль правой стены. Инженер хотел проверить, тянется ли провод по-прежнему вдоль этой стены.

Проволока была прикреплена к выступам скалы.

— Вперед! — сказал Сайрес Смит.

Весла погрузились в черную воду, и лодка двинулась дальше. Еще с четверть часа плыла она вперед и прошла, считая от входа в пещеру, около полумили. Вдруг снова слышался голос Сайреса Смита:

— Стоп!

Лодка остановилась, и колонисты увидели яркий свет, озарявший огромную пещеру, спрятанную глубоко в недрах острова.

Теперь колонисты могли осмотреть эту пещеру, о существовании которой они и не подозревали.

На высоте ста футов виднелся свод, опирающийся на базальтовые колонны, которые, казалось, были отлиты по одному образцу. Неправильной формы заплечья, прихотливо вырезанные ребра покоились на этих колоннах, которые тысячами создавала природа в первые времена образования Земли. Куски базальта, нагроможденные один на другой, возвышались на сорок-пятьдесят футов. Спокойные воды, которых не волновала буря, бушевавшая снаружи, плескались у их подножия. Яркий свет, замеченный инженером, отражался в призматических гребнях, усеивая их тысячами огней; он как бы пронизывал стены, словно они были прозрачны; каждый выступ их сверкал, как яркий алмаз.

Отражаясь в воде, эти огни играли на ее поверхности, и казалось, что лодка плывет между двух полос света.

Природа лучей, исходивших из очага света в виде прямых ярких снопов, разбивавшихся о выступы и гребни пещеры, не вызывала никаких сомнений. Источником этого света было электричество, что доказывалось, между прочим, его белизной. В этой пещере электричество заменяло солнце, целиком наполняя ее.

По знаку Сайреса Смита, весла снова упали в воду, поднимая целый фонтан искр, и лодка направилась к источнику света, от которого ее отделяло всего полкабельтова.

В этом месте ширина озера составляла примерно триста пятьдесят футов; позади светящегося центра можно было видеть огромную базальтовую стену, которая замыкала выход с другой стороны. Пещера значительно расширялась, и море образовало в ней небольшое озеро. Своды, боковые стены, все эти призмы, цилиндры и конусы так ярко сияли в электриче-

ском свете, что казалось, будто они сами источают его; камни, граненные, как дорогие бриллианты, были словно пропитаны светом.

В центре озера находился какой-то длинный веретенообразный предмет. Он был неподвижен и окутан безмолвием. Свет, исходящий им, струился с боков, словно из жерл двух печей, накаленных добела. Этот аппарат, напоминавший огромного кита, был длиной приблизительно в двести пятьдесят футов и возвышался на десять-двенадцать футов над уровнем воды.

Лодка медленно подплывала к нему. Сайрес Смит, сидевший на носу, поднялся. Он смотрел вперед, охваченный волнением. Вдруг он схватил журналиста за руку и вскричал:

— Это он! Это может быть только он!

Инженер шепотом произнес имя, которое услышал один только Геден Спилет.

Без сомнения, это имя было известно журналисту, так как произвело на Спилета огромное впечатление, и он глухо произнес:

— Он! Человек вне закона...

— Да, он,— подтвердил Сайрес Смит.

По приказанию инженера, лодка приблизилась к этому странному плавучему снаряду. Она подошла к его левому боку, из которого исходил пучок света, проникая сквозь толстое стекло.

Сайрес Смит и его друзья поднялись на площадку. На ней виднелся открытый люк. Все вошли в отверстие люка.

Внизу лесенки был внутренний коридор, освещенный электричеством. В конце коридора находилась дверь. Сайрес Смит толкнул ее.

Богато убранная комната, через которую быстро прошли колонисты, примыкала к библиотеке, залитой потоками света, струившимися с потолка. В глубине библиотеки виднелась широкая дверь. Инженер открыл ее.

Глазам колонистов представился большой зал, нечто вроде музея, где были собраны, наряду со всевозможными сокровищами минерального происхождения, произведения искусства, чудеса техники. Товарищам Сайреса Смита показалось, что какая-то волшебная сила перенесла их в мир чудес.

На роскошном диване лежал человек, который как будто не замечал их присутствия.

Сайрес Смит заговорил и, к крайнему изумлению своих товарищей, произнес следующие слова:

— Капитан Немо, вы звали нас. Мы здесь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Капитан Немо.— Его первые слова.— История борца за независимость.— Ненависть захватчиков.— Спутники капитана Немо.— Жизнь под водой.— Один.— Последнее убежище «Наутилуса». — Таинственный добрый гений острова.

При этих словах человек, который лежал, поднялся, и лицо его стало ясно видно: прекрасная голова, высокий лоб, гордый взгляд, белоснежная борода, густые волосы, отброшенные назад.

Человек оперся рукой о спинку дивана.

Взгляд его был спокоен. Видно было, что болезнь медленно и постепенно подтачивала его силы. Но голос незнакомца, когда он заговорил, звучал твердо. С величайшим удивлением он произнес по-английски:

— У меня нет имени, сударь.

— Я знаю, кто вы,— ответил Сайрес Смит.

Капитан Немо устремил на инженера сверкающий взгляд, словно желая испепелить его. Но тотчас же откинулся на подушки дивана и тихо проговорил:

— Не все ли равно... Я скоро умру.

Сайрес Смит подошел к капитану Немо.

Гедеон Спилет взял старца за руку; рука его пылала. Айртон, Пенкроф, Харберт и Наб почтительно стояли в отдаленном углу зала.

Капитан Немо тотчас же отдернул руку и знаком предложил инженеру и журналисту сесть.

Все смотрели на него с нескрываемым волнением. Так вот он — тот, кого они называли добрым гением острова, этот могущественный человек, чье вмешательство так часто приносило им пользу, тот благодетель, которому они были обязаны великой признательностью. Пенкроф и Наб готовились найти божество, но видели перед собой человека, и этот человек был накануне смерти.

Но как мог Сайрес Смит знать капитана Немо? Почему последний с такой живостью поднялся, услышав имя, которое он считал никому не известным?

Капитан Немо снова сел. Опершись на локоть, он смотрел на инженера, который поместился с ним рядом.

— Вы знаете имя, которое я носил, сударь? — спросил он.

— Да, я знаю его и знаю название этого великолепного подводного корабля.

— «Наутилуса»? — сказал, слегка улыбаясь, капитан Немо.

— Да, «Наутилуса».

— Но знаете ли вы... знаете ли вы, кто я?

— Я знаю и это.

— А между тем я уже много лет как порвал связь с обитаемым миром, уже много лет я живу в глубине морской. Только на дне моря нашел я независимость. Кто же мог выдать мою тайну?

— Человек, который не брал на себя никакого обязательства перед вами, капитан Немо, и которого нельзя обвинять в вероломстве.

— Француз, которого случай забросил на мой корабль несколько лет назад?

— Да, он.

— Значит, этот человек и два его спутника не погибли в водовороте, в который попал «Наутилус»?

— Они не погибли, и на французском языке появилось сочинение «Восемьдесят тысяч километров под водой», в котором рассказывается ваша история...

— История лишь нескольких месяцев моей жизни, сударь,— с живостью перебил инженера капитан Немо.

— Вы правы, но нескольких месяцев этой необычайной жизни достаточно, чтобы вы стали известны...

— ...как великий преступник, конечно,— сказал капитан Немо, на губах которого промелькнула высокомерная улыбка.— Да, как бунтовщик, быть может, изгнанный из среды человечества.

Инженер промолчал.

— Что же вы не отвечаете, сударь?

— Не мне судить капитана Немо, по крайней мере, за его прошлую жизнь,— сказал Сайрес Смит.— Я не знаю, как и никто не знает, каковы были мотивы этого необычайного образа жизни, и не могу осуждать последствий, не ведая причин. Но зато я знаю, что с самого нашего прибытия на остров Линкольна над нами простерлась благодетельная рука, что все мы обязаны жизнью могущественному, доброму и великодушному человеку и что этот могущественный, добрый и великодушный человек — вы, капитан Немо.

— Да, это я,— кратко ответил капитан.

Инженер и журналист встали. Их товарищи приблизились и хотели выразить словами и жестами признательность, переполнявшую их сердца.

Капитан Немо знаком остановил их и, более взволнованно, чем сам хотел бы, проговорил:

— Сначала выслушайте меня.

В немногих словах, кратких и точных, капитан Немо рассказал историю всей своей жизни.

Его рассказ был недолог, но, чтобы закончить его, капитану Немо пришлось собрать все свои силы.

Было ясно, что он с трудом преодолевает слабость. Несколько раз Сайрес Смит просил его отдохнуть, но старец отрицательно качал головой, как человек, который не уверен, что доживет до завтра. Журналист предложил ему свои услуги как врач, но капитан Немо ответил:

— Это не нужно. Мои дни сочтены.

Капитан Немо был индус, принц Даккар, сын раджи, правителя Бандельканда — в то время независимой от англичан территории — и племянник индийского героя Типпо-Саиба. Когда мальчику исполнилось десять лет, отец послал его в Европу, желая дать ему законченное образование. При этом раджа втайне надеялся, что его сын получит возможность бороться равным оружием с теми, кто угнетает его родину.

С десяти до тридцати лет принц Даккар, одаренный блестящими способностями, выдающимся умом и благородной душой, поглощал всевозможные знания. Он много успел в науках, литературе и искусствах.

Принц Даккар объехал всю Европу. Его богатство и происхождение делали юношу желанным гостем для всех, но мирские соблазны никогда не привлекали его. Молодой и красивый, он был серьезен и мрачен. Он горел жадной знания, жажда мести владела его сердцем.

Принц Даккар ненавидел. Он ненавидел ту единственную страну, куда он не пожелал ступить ногой, единственный народ, чьи заискивания он неизменно отвергал. Он ненавидел Англию, и эта ненависть была тем сильнее, что многое в Англии восхищало его.

Этот индус сосредоточил в себе всю ненависть побежденного к победителю. Угнетатель не находил прощения у угнетенного. Сын одного из трех князей, которых Соединенное королевство сумело подчинить себе только юридически, вельможа из рода Типпо-Саиба, с детства обуреваемый жадной мести, протеста и любовью к своей поэтической родине, скованной цепями англичан, не пожелал ступить ногой на проклятую им землю, хозяева которой обрекли Индию на рабство.

Принц Даккар стал художником: сокровища искусства преисполняли его благородным восторгом; он сделался ученым, для которого не было тайн в высших науках; государственным деятелем, изучившим все тонкости дипломатии при европейских дворах. Поверхностный наблюдатель мог принять его за одного из тех «граждан мира», которые хотят все

знать, но не желают действовать, за богатого путешественника с высокомерным и отвлеченным умом, бродящего по свету и не имеющего родины.

Это было неверно. Художник, ученый, государственный деятель остался индусом в душе, индусом, жаждущим мщения, индусом, который надеялся когда-нибудь вернуть родине утраченные права, изгнать оттуда чужеземцев, снова сделать Индию независимой.

В 1849 году принц Даккар возвратился в Бандельканд. Он женился на благородной индуске, сердце которой, как и его, обливалось кровью в эти несчастные для родины дни. У него было двое детей, он очень любил их. Но, наслаждаясь семейным счастьем, Даккар не забывал о порабощении Индии. Он ждал удобной минуты. И эта минута наступила.

Иго англичан стало невыносимым для народов, населяющих Индию. Принц Даккар сделался глашатаем недовольных. Он заразил их ненавистью, которую питал к чужеземцам. Он объехал не только не зависимые еще области полуострова Индостан, но и провинции, непосредственно подчиненные британским властям. Он напоминал о героических днях Типпо-Саиба, который пал смертью храбрых в Сирингапатаме, защищая свою родину.

В 1857 году разразилось великое восстание сипаев¹. Душой его был принц Даккар. Он организовал этот гигантский протест. Он отдал этому делу все свои таланты, все свое состояние. Он не жалел самого себя: сражаясь в первых рядах бойцов, он рисковал жизнью, как любой из незаметных героев, которые поднялись, чтобы освободить родину. В двадцати сражениях он получил десяток ран, но не умер даже тогда, когда последние борцы за независимость пали, сраженные пулями англичан.

Никогда господство Британии в Индии не подвергалось такой опасности. Если бы оправдалась надежда сипаев и они получили поддержку извне, может быть, наступил бы конец владычеству Соединенного королевства в Азии.

Имя принца Даккара покрылось славой. Его храбрый носитель не тайлся и выступал открыто. За его голову назначили цену, и если не нашлось предателя, который его выдал, то

---

¹ Восстание сипаев (1857—1859) — крупнейшее национально-освободительное выступление индусской демократии против английского колониального господства в Индии. Восставшими была захвачена почти вся северная Индия. Но отсутствие единого командования, феодальная раздробленность Индии и предательство феодалов помогли англичанам подавить восстание. Индия была подвергнута террору, во многих местах была устроена резня.

отец и мать героя, его жена и дети заплатили за него своей жизнью раньше, чем он узнал, какой опасности подвергаются его близкие.

Право и на сей раз уступило силе. Но цивилизация никогда не отступает. Сипаи были побеждены, и страна древних раджей снова подпала под владычество Англии, еще более жестокое.

Принц Даккар, которому не пришлось умереть, возвратился в горы Бандельканда. Он остался навеки один. Принц Даккар собрал все, что осталось от его богатства, призвал к себе десятка два самых верных своих товарищей, и в один прекрасный день все они исчезли.

Где же думал принц Даккар найти независимость, в которой ему отказал наш обитаемый мир? Под водой, в пучине морей, куда никто не мог за ним последовать.

Воин превратился в ученого. На одном пустынном острове в Тихом океане он построил свои мастерские. Там по его чертежам был создан подводный корабль. Средствами, которые когда-нибудь станут всем известны, принц Даккар сумел использовать огромную механическую силу электричества. Добывая его из неисчерпаемых источников, ученый применил электричество для всех нужд своего плавучего снаряда — оно двигало, согревало и освещало подводный корабль. Море с его огромными сокровищами, мириадами рыб, бесконечными полями водорослей, огромными морскими млекопитающими — не только все то, что похоронила в море природа, но и то, что потеряли в его пучинах люди, пошло на удовлетворение потребностей принца и его экипажа.

Таким образом, исполнилось заветнейшее желание принца Даккара — ведь он не хотел иметь никакой связи с землей.

Он назвал свой корабль «Наутилус», себя самого — капитан Немо и скрылся в морской глубине.

В течение многих лет капитан Немо посетил все океаны от полюса до полюса. Изгнанный из обитаемого мира, он собрал в этих неведомых мирах дивные сокровища. Миллионы, погибшие в бухте Виго вместе с испанскими кораблями в 1702 году, явились для капитана Немо неисчерпаемым источником богатства, которое он неизменно употреблял, оставаясь неизвестным, на пользу народов, боровшихся за свою свободу.

Итак, капитан Немо давно уже потерял связь со своими ближними. Но в ночь на 6 ноября 18... года на борту его корабля оказались три человека. Это был француз-профессор, его слуга и канадец-рыбак. Они упали в море при столкновении «Наутилуса» с американским фрегатом «Авраам Линкольн», который его преследовал.

Капитан Немо узнал от этого профессора, что «Наутилус» принимали то за гигантское млекопитающее из семейства китообразных, то за подводную лодку, попавшую в руки пиратов, и что за ним охотились во всех морях.

Капитан Немо мог бы вернуть океану этих трех человек, с которыми свел его случай на пути его таинственной жизни, но не сделал этого. Они остались у него в качестве пленников и семь месяцев могли наслаждаться всеми чудесами путешествия, пройдя за это время восемьдесят тысяч километров под водой.

Однажды, 22 июня 1867 года, эти три человека, которые ничего не знали о прошлом капитана Немо, сумели убежать, завладев одной из шлюпок «Наутилуса». «Наутилус» в это время неся к берегам Норвегии, увлекаемый течением. Капитан Немо решил, что беглецы попали в этот страшный водоворот и погибли в пучине. Он не знал, что француз и его два спутника были каким-то чудом выброшены на берег, что их подобрала рыбаки с Лофотенских островов и что профессор, вернувшись во Францию, опубликовал книгу, в которой рассказал и раскрыл для публики историю своего необычайного, полного приключений семимесячного путешествия на «Наутилусе».

Некоторое время капитан Немо продолжал вести такую жизнь и плавать по морям. Но постепенно его спутники умерли и нашли отдых в коралловом кладбище на дне Тихого океана. «Наутилус» опустел, и наконец остался жив один лишь капитан Немо из числа тех, кто вместе с ним укрылся в глубинах океана.

Капитану Немо было тогда шестьдесят лет. Оставшись один, он отвел «Наутилус» в одну из гаваней, которые иногда служили ему местом стоянки. Эта гавань находилась под островом Линкольна. Именно там и стоял сейчас «Наутилус».

Капитан Немо провел в этой гавани шесть лет. Он больше не плавал и ждал смерти, ждал той минуты, когда он присоединится к своим товарищам. Случайно он видел, как упал шар, на котором неслись пленники южан. Облачившись в скафандр¹, он гулял под водой в нескольких кабельтовых от побережья острова, когда инженер погрузился в море. В душе капитана Немо проснулось доброе чувство, и он спас Сайреса Смита.

Сначала он хотел бежать от этих пяти несчастных, потерпевших крушение. Но его гавань оказалась запертой. Под действием вулканических сил базальтовая скала поднялась,

---

¹ С к а ф а н д р — специальный костюм водолазов.

и корабль не мог выйти из подводной пещеры. Там, где было достаточно воды, чтобы легкая лодка могла переплыть через преграду, не мог пройти «Наутилус», водоизмещение которого было довольно значительно.

Капитан Немо остался. Он начал наблюдать за этими людьми, выброшенными без всяких средств к жизни на пустынный остров, но ему не хотелось, чтобы они его видели. Мало-помалу он заинтересовался их жизнью, увидев, что это честные, энергичные люди, которых связывала братская дружба. Невольно проник он во все тайны маленькой колонии. При помощи скафандра ему было нетрудно пробираться на дно внутреннего колодца Гранитного Дворца, а поднявшись по выступам стенок доверху, он мог слышать, как колонисты беседуют о своем прошлом, размышляют о настоящем и будущем. Таким образом он узнал о войне одной части Америки с другой за уничтожение рабства. Да, такие люди были способны примирить капитана Немо с человечеством. Они были его благородными представителями на острове.

Капитан Немо спас Сайреса Смита; он же привел Топа в Трубы, выбросил собаку из озера, выкинул у мыса Находки ящик, где было так много предметов, полезных для колонистов, пустил лодку по течению реки Благодарности, сбросил лестницу с высоты Гранитного Дворца во время нападения обезьян, сообщил о пребывании Айртона на острове Табор с помощью бутылки с запиской, взорвал бриг торпедой, лежавшей на дне канала, спас Харберта от неминуемой смерти, прислав серноокислый хинин, и перебил пиратов электрическими пулями, которые он умел делать и которыми пользовался во время охоты под водой. Так объяснилось множество событий, которые могли казаться сверхъестественными. Все они свидетельствовали о могуществе и великодушии капитана Немо.

Этот человеконенавистник все еще жаждал творить людям добро. Желая преподать тем, кому он покровительствовал, несколько полезных советов и чувствуя приближение смерти, он вызвал, как мы уже знаем, колонистов из Гранитного Дворца при помощи провода, соединявшего кораль с «Наутилусом», где тоже стоял телеграфный аппарат. Быть может, он не сделал бы этого, если бы ему было известно, что Сайрес Смит достаточно знает его историю, чтобы назвать его «капитаном Немо».

Капитан закончил рассказ о своей жизни. Тогда взял слово Сайрес Смит. Он напомнил о всех событиях, последствия которых были столь благотворны для колонии, и от имени

своего и своих товарищей поблагодарил великодушного человека, которому они были столь многим обязаны.

Но капитан Немо не думал о расплате за оказанные им услуги. Одна только мысль волновала его; прежде чем положить руку, которую протягивал ему инженер, он сказал:

— Теперь, когда вы знаете мою жизнь, будьте мне судьей.

Говоря так, капитан, видимо, намекал на одно важное событие, свидетелями которого были три пришельца, оказавшиеся на борту его корабля. Французский профессор не мог не рассказать об этом событии в своей книге, и его рассказ вызвал страшный шум.

За несколько дней до бегства профессора и его спутников «Наутилус», преследуемый каким-то фрегатом в северной части Атлантического океана, бросился на этот фрегат и, ударив его словно таран, без милосердия потопил судно.

Сайрес Смит понял намеки и промолчал.

— Это был английский фрегат, сударь! — вскричал капитан Немо, в котором на минуту ожил принц Даккар. — Слышите, английский фрегат! Он напал на меня. Я был зажат в узкой мелкой бухте. Мне нужно было пройти, и я прошел.

Успокоившись немного, он продолжал:

— Право и справедливость были на моей стороне. Всюду, где я мог, я творил добро, но не отступал перед злом, когда был к этому вынужден. Правосудие не всегда заключается в прощении.

На несколько минут воцарилось молчание, а затем капитан Немо произнес снова:

— Что вы думаете обо мне, господа?

Сайрес Смит протянул руку капитану Немо и серьезным тоном ответил:

— Капитан, вы были не правы, думая, что можно вернуть прошлое, и боролись против необходимого прогресса. Но ваша ошибка не мешает восхищаться вами, и ваше имя может не бояться суда истории. История любит отважных безумцев, хотя осуждает результаты их деятельности.

Капитан Немо глубоко вздохнул и прошептал:

— Был ли я прав или ошибался?

Сайрес Смит продолжал:

— Вам нечего бояться суда истории, капитан Немо, правы вы или виноваты. Честные люди, которые находятся здесь, вечно будут вас оплакивать!

Харберт приблизился к капитану Немо. Он встал на колени, взял руку старца и поцеловал ее.

Слезы покатались по щеке умирающего.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Последние часы капитана Немо.— Пожелания умирающего.— Подарок на память друзьям.— Гроб капитана Немо.— Несколько советов колонистам.— Последняя минута.— На дне океана.

Настал день. Ни один луч солнца не проникал в глубокую пещеру. Был прилив, и море залило вход в нее. Искусственный свет, длинные снопы которого вырывались из стен «Наутилуса», не померк, и вода по-прежнему сверкала вокруг подводного корабля.

Изнемогая от усталости, капитан Немо упал на подушки. Не приходилось и думать о том, чтобы перенести его в Гранитный Дворец, так как он выразил желание остаться среди сокровищ «Наутилуса», которых нельзя было бы купить за миллионы, и там ожидать неизбежной смерти.

Довольно долгое время он лежал совершенно неподвижно, почти без сознания. Сайрес Смит и Гедеон Спилет внимательно наблюдали за больным. Было видно, что жизнь капитана постепенно угасает. Силы скоро должны были покинуть его тело, когда-то такое могучее, а теперь представляющее лишь хрупкую оболочку души, готовой умереть. Вся жизнь его сосредотачивалась в голове и в сердце.

Инженер и журналист разговаривали вполголоса. Нуждался ли умирающий в уходе? Можно ли было если не спасти его жизнь, то хотя бы продлить ее на несколько дней? Сам он сказал, что против его недуга нет никакого лекарства, и спокойно ожидал смерти, не боясь ее.

— Мы бессильны,— сказал Гедеон Спилет.

— Но отчего же он умирает? — спросил Пенкроф.

— Он угасает,— ответил журналист.

— А что, если его перенести на вольный воздух, на солнце? Может быть, он тогда оживет? — предложил моряк.

— Нет, Пенкроф, не стоит и пробовать,— ответил инженер.— К тому же капитан Немо не согласится покинуть свой корабль. Тридцать лет он прожил на «Наутилусе» и на «Наутилусе» хочет умереть.

Капитан Немо, по-видимому, расслышал слова Сайреса Смита. Он слегка приподнялся и сказал голосом еще более слабым, но все же ясным:

— Вы правы, сударь. Я должен и хочу умереть здесь. У меня есть к вам одна просьба.

Сайрес Смит и его товарищи подошли ближе к дивану и поправили подушки, чтобы умирающему было удобнее лежать.

Капитан Немо обвел взглядом все сокровища этого зала,

озаренного электрическим светом, который рассеивался, проходя сквозь узоры потолка; он смотрел на картины на стенах, покрытых роскошными обоями; на шедевры французских, фламандских, итальянских, испанских мастеров; на мраморные и бронзовые скульптуры, стоявшие на пьедесталах; на великолепный орган, придвинутый к задней стене; на витрины, окружавшие бассейн в центре комнаты, в котором находились прекраснейшие дары моря: морские растения, зоофиты, бесценный жемчуг. Наконец его глаза остановились на девизе, украшавшем фронтон этого музея,— девизе «Наутилуса»:

«Mobilis in mobili»¹.

Казалось, он хочет в последний раз порадовать глаза видом этих шедевров искусства и природы, которыми любовался столько лет в глубине морей.

Сайрес Смит не нарушил молчания капитана Немо. Он ждал, пока умирающий заговорит.

Прошло несколько минут. За это время перед старцем, вероятно, прошла вся его жизнь. Наконец капитан Немо повернул голову к колонистам и сказал:

— Вы считаете, господа, что обязаны мне признательностью?

— Капитан, мы бы охотно пожертвовали собою, чтобы спасти вашу жизнь.

— Хорошо,— продолжал капитан Немо,— хорошо. Обещайте мне, что исполните мою последнюю волю, и я буду вознагражден за то, что сделал для вас.

— Мы обещаем вам это,— ответил Сайрес Смит.

Это обещание обязывало не только его, но и его товарищей.

— Господа,— продолжал капитан Немо,— завтра я умру.

Движением руки он остановил Харберта, который начал было возражать.

— Завтра я умру, и мне хочется, чтобы «Наутилус» был мне могилой. Это будет мой гроб. Все мои друзья покоятся на дне моря, и я тоже хочу лежать там.

Глубокое молчание было ответом на эти слова капитана Немо.

— Выслушайте меня внимательно, господа,— продолжал он.— «Наутилус» в плену в этой пещере, выход из которой заперт. Но если он не может покинуть тюрьму, то он может погрузиться в пучину и хранить в себе мои останки.

Колонисты благоговейно слушали слова умирающего.

---

¹ Mobilis in mobili — движущееся в движущемся.

— Завтра, когда я умру,— продолжал капитан,— вы, мистер Смит, и ваши товарищи покинете «Наутилус». Все богатства, которые здесь хранятся, должны исчезнуть вместе со мной. Один лишь подарок оставит вам на память о себе принц Даккар, историю которого вы теперь знаете. В этом ларце лежит на несколько миллионов бриллиантов — большинство их сохранилось от того времени, когда я был мужем и отцом и почти верил в возможность счастья,— и коллекция жемчуга, которую я собрал вместе с моими друзьями на дне морей. Это сокровище поможет вам в нужную минуту сделать доброе дело. В руках таких людей, как вы и ваши товарищи, мистер Смит, деньги не могут быть орудием зла.

Слабость заставила капитана Немо немного передохнуть. Через несколько минут он продолжал:

— Завтра вы возьмете этот ларец, выйдете из зала и закроете дверь. Затем вы подниметесь на верхнюю площадку «Наутилуса», закроете люк и завинтите крышку.

— Мы так и сделаем, капитан,— ответил Сайрес Смит.

— Хорошо. Потом вы сядете в лодку, которая вас доставила сюда. Но прежде чем покинуть «Наутилус», откройте два больших крана, которые находятся на ватерлинии. Вода проникнет в резервуары, и «Наутилус» понемногу начнет опускаться и ляжет на дно.

Сайрес Смит сделал движение рукой, но капитан Немо успокоил его:

— Не бойтесь, вы похороните мертвеца.

Ни Сайрес Смит, ни его товарищи не считали возможным возражать капитану Немо. Это были его последние распоряжения, и оставалось только исполнить их.

— Обещаете ли вы мне это, господа? — спросил капитан Немо.

— Обещаем, капитан,— ответил инженер.

Капитан Немо знаком поблагодарил колонистов и попросил их на несколько часов оставить его одного. Гедеон Спилет предложил побыть возле больного, на случай, если наступит кризис, но капитан Немо отказался.

— До завтра я, во всяком случае, проживу, сударь,— сказал он.

Все вышли из зала, прошли через библиотеку и столовую и оказались на носу, в машинном отделении, где стояли электрические машины. Согревая и освещая «Наутилус», они в то же время были источником его двигательной силы.

«Наутилус» был чудом техники, в котором заключалось много других чудес. Они восхищали инженера.

Колонисты вышли на площадку, которая возвышалась

над водой на семь-восемь футов, и остановились возле большого стекла в форме чечевицы, из-за которого сверкал пучок света. За стеклом видна была каютка со штурвалом, в которой сидел рулевой, когда ему приходилось вести «Наутилус» сквозь пласты воды, освещаемые электричеством на значительное расстояние.

Сайрес Смит и его друзья сначала ничего не говорили: все, что они только что видели и слышали, произвело на них сильное впечатление, и сердца их сжимались в груди при мысли, что покровитель, столько раз их спасавший, с которым они познакомились всего несколько часов назад, должен умереть так скоро.

— Вот это человек! — сказал Пенкроф. — Подумать только, что он так жил, на дне океана! А ведь, может быть, там было так же беспокойно, как и на земле.

— Быть может, «Наутилус» помог бы нам покинуть остров Линкольна и добраться до обитаемой земли, — сказал Айртон.

— Тысяча чертей! — воскликнул Пенкроф. — Что до меня, то я никогда бы не отважился вести такой корабль! На поверхности воды я согласен, но под водой — нет!

— Я думаю, Пенкроф, что управлять таким подводным кораблем, как «Наутилус», совсем не трудно и что мы бы скоро привыкли к этому, — сказал журналист. — Под водой не страшны ни бури, ни нападения пиратов. В нескольких футах от поверхности океан так же спокоен, как озеро.

— Возможно, — возразил моряк, — но я предпочитаю славную бурю на хорошо оснащенном судне. Корабли делают для того, чтобы плавать на воде, а не под водой.

— Не стоит спорить о подводных кораблях, по крайней мере, поскольку это касается «Наутилуса», — вмешался инженер. — «Наутилус» не принадлежит нам, и мы не имеем права им распоряжаться. Впрочем, он не мог бы нам служить ни при каких обстоятельствах: возвышение базальтовых скал мешает ему выйти из этой пещеры. Кроме того, капитан Немо желает, чтобы после его смерти корабль погрузился вместе с ним на дно. Воля его выражена совершенно определенно, и мы ее исполним.

Побеседовав еще некоторое время, Сайрес Смит и его товарищи спустились внутрь «Наутилуса». Слегка подкрепившись пищей, они вернулись в зал. Капитан Немо вышел из оцепенения; глаза его блеснули по-прежнему. На губах старца играла слабая улыбка.

Колонисты подошли к нему.

— Господа, — сказал им капитан, — вы храбрые, благо-

родные, добрые люди. Вы все посвятили себя общему делу. Я часто наблюдал за вами, я вас любил и люблю. Вашу руку, мистер Смит.

Сайрес Смит протянул капитану руку, и тот дружески пожал ее.

— Хорошо...— прошептал он.— Довольно говорить обо мне,— продолжал капитан Немо,— поговорим о вас самих и об острове Линкольна, на котором вы нашли убежище. Рассчитываете ли вы покинуть его?

— Только с тем, чтобы вернуться, капитан,— с живостью ответил Пенкроф.

— Вернуться?.. Да, Пенкроф, я знаю, как вы любите этот остров,— с улыбкой ответил капитан.— Благодаря вам он изменился и по праву принадлежит вам.

— Не захотите ли вы что-нибудь поручить нам? — с живостью спросил инженер.— Передать что-нибудь на память друзьям, оставшимся в горах Индии.

— Нет, мистер Смит. У меня нет больше друзей. Я последний представитель моего рода, и я давно умер для тех, кто меня знал... Но вернемся к вам. Уединение, одиночество — вещь тяжелая, превышающая человеческие силы. Я умираю потому, что думал, что можно жить в одиночестве. Поэтому вы должны сделать все возможное, чтобы покинуть остров Линкольна и вновь увидеть те места, где вы родились. Я знаю, что эти негодяи разрушили судно, которое вы построили.

— Мы строим новый корабль,— сказал Гедеон Спилет,— корабль, который достаточно велик, чтобы перенести нас к ближайшей обитаемой земле. Но, если даже нам удастся когда-нибудь покинуть остров Линкольна, мы вернемся сюда. Слишком много воспоминаний привязывает нас к этому острову, чтобы мы могли его забыть.

— Ведь здесь мы узнали капитана Немо,— сказал Сайрес Смит.

— Только здесь мы найдем память о вас,— прибавил Харберт.

— И здесь я буду покоиться вечным сном, если...— произнес капитан Немо.

Он умолк и, не закончив фразы, обратился к инженеру:

— Мистер Смит, я хотел бы поговорить с вами наедине.

Уважая желание больного, спутники инженера удалились.

Сайрес Смит провел наедине с капитаном всего несколько минут. Вскоре он снова призвал своих друзей, но не поделился с ними тем, что пожелал передать ему умирающий.

Гедеон Спилет осмотрел больного. Было несомненно, что

капитана поддерживали только духовные силы, и что скоро он не сможет бороться с телесной слабостью.

День прошел, и в состоянии больного не наступило никаких перемен. Колонисты ни на секунду не покидали «Наутилус».

Вскоре наступила ночь, но в подземной пещере нельзя было заметить, что стемнело.

Капитан Немо не страдал, но силы его иссякли.

Благородное лицо старца, покрытое предсмертной бледностью, было спокойно. С губ его порой слетали едва слышные слова; он говорил о разных событиях своей необычайной жизни. Чувствовалось, что жизнь постепенно оставляет его тело; ноги и руки капитана Немо начинали холодеть.

Раза два он заговорил с колонистами, которые стояли возле него, и улыбнулся им той последней улыбкой, которая не сходит с лица до самой смерти.

Наконец, вскоре после полуночи, капитан Немо сделал судорожное движение; ему удалось скрестить руки на груди, словно он хотел умереть в этой позе.

К часу ночи вся его жизнь сосредоточилась в глазах. Зрачки в последний раз вспыхнули огнем, который когда-то сверкал так ярко. Потом он тихо испустил дух.

Сайрес Смит наклонился и закрыл глаза того, кто когда-то был принцем Даккаром, а теперь не был уже и капитаном Немо.

Харберт и Пенкроф плакали. Айртон украдкой вытирал набежавшую слезу. Наб стоял на коленях рядом с журналистом, который был неподвижен, словно изваяние.

.....

Несколько часов спустя колонисты, исполняя обещание, данное капитану, осуществили его последнюю волю.

Сайрес Смит и его товарищи покинули «Наутилус», унося с собой подарок, который оставил им на память их благодетель: ларец, заключавший в себе несметные богатства.

Великолепный зал, по-прежнему залитый светом, был тщательно заперт. После этого колонисты закрутили толевую крышку люка так, что внутрь «Наутилуса» не могло проникнуть ни одной капли воды.

Затем они сошли в лодку, которая была привязана к подводному кораблю. Лодку отвели к корме. Там на уровне ватерлинии виднелись два больших крана, сообщавшихся с резервуарами, которые обеспечивали погружение «Наутилуса» в воду. Колонисты открыли краны, резервуары наполнились, и «Наутилус», постепенно погружаясь, скрылся под водой.

Некоторое время колонисты могли еще следить за ним глазами. Яркий свет озарял прозрачные воды, но в пещере становилось все темнее. Наконец мощный блеск электричества угас, и вскоре «Наутилус», ставший гробом капитана Немо, уже покоился в глубине океана.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Размышления колонистов. — Возобновление строительных работ. — 1 января 1869 года. — Дым над вершиной вулкана. — Первые признаки извержения. — Айртон и Сайрес Смит в корале. — Исследование Пещеры Даккара. — Что же сказал капитан Немо инженеру?

На заре колонисты в глубоком молчании подошли к входу в пещеру, которую они называли в память капитана Немо Пещерой Даккара. В это время был отлив, и им без труда удалось пройти под сводом, о базальтовые стены которого разбивались морские волны.

Толевую лодку оставили тут же, в месте, защищенном от волн. Для вящей предосторожности Пенкроф, Наб и Айртон вытащили ее на маленькую отмель, примыкавшую с одной стороны к пещере, и таким образом лодке ничего не угрожало.

С наступлением утра гроза утихла. Последние раскаты грома замирали на западе. Дождь прекратился, но небо было еще покрыто облаками. В общем, октябрь, начало весны Южного полушария, обещал быть не очень хорошим, и ветер имел тенденцию перебрасываться с одного румба на другой, что не позволяло рассчитывать на устойчивую погоду.

Сайрес Смит и его товарищи, покинув Пещеру Даккара, снова вышли на дорогу в кораль. По пути Наб и Харберт не забыли отвязать провод, которым капитан соединил пещеру с коралем. Он мог пригодиться впоследствии.

Возвращаясь, колонисты говорили мало. События этой ночи произвели на них глубочайшее впечатление. Незнакомец, который так часто их защищал, человек, которого они мысленно считали своим добрым гением, умер. Капитан Немо и его «Наутилус» были погребены на дне моря. Колонисты чувствовали себя еще более одинокими, чем прежде. Они, если можно так выразиться, привыкли надеяться на властное вмешательство силы, которой теперь уже не было, и даже Геден Спилет и Сайрес Смит не были свободны от этого чувства. Поэтому все они, направляясь в кораль, хранили глубокое молчание.

Около девяти часов утра колонисты возвратились в Гранитный Дворец.

Постройку корабля было решено продолжать самым

спешным образом; Сайрес Смит посвящал все свое время и мысли этому делу. Никто не мог знать, что принесет будущее. Для колонистов был бы спасением крепкий корабль, могущий выдержать даже сильную бурю и в случае нужды совершить дальний переход. Если бы, закончив корабль, они не решились покинуть остров Линкольна и отправиться на один из Полинезийских островов или к берегам Новой Зеландии, то могли, по крайней мере, совершить поездку на остров Табор, чтобы оставить там записку, касающуюся Айртона. Это совершенно необходимо было сделать на тот случай, если шотландская яхта вновь появится в этих водах, и для достижения этой цели нельзя было ничем пренебрегать.

Постройка корабля была немедленно возобновлена. Сайрес Смит, Пенкроф и Айртон с помощью Наба, Гедсона Спилета и Харберта занялись этой работой, прерывая ее лишь тогда, когда их призывало другое срочное дело. Новый корабль нужно было закончить через пять месяцев, то есть к началу марта, чтобы иметь возможность съездить на остров Табор раньше, чем начнутся грозные бури. Поэтому плотники не теряли ни одной минуты. Впрочем, им не надо было заботиться об оснастке, так как оснастка «Быстрого» была полностью спасена. Прежде всего предстояло закончить остоу корабля.

Последние месяцы 1868 года были посвящены этим важным работам, которые почти заслонили все остальные дела. Через месяца два с половиной были поставлены шпангоуты и пришиты первые доски. Теперь можно было уже видеть, что чертежи Сайреса Смита оказались превосходными, и что корабль будет отлично держаться на море.

Пенкроф отдавался работе с поглощающим жаром и, не стесняясь, ворчал, когда кто-нибудь из его товарищей менял плотничий топор на ружье охотника. Однако было необходимо пополнять припасы для Гранитного Дворца, имея в виду будущую зиму. Но все равно, моряк был недоволен, когда в верфи не доставало рабочих. В этих случаях он, продолжая ворчать, словно со злобы работал за шестерых.

Все лето в этом году было ненастное. Несколько дней стояла сильная жара, и облака, насыщенные электричеством, раздражались страшными грозами. Отдаленные раскаты грома почти не затихали. В воздухе стоял глухой непрерывный гул, как это часто бывает в экваториальных зонах земного шара.

1 января 1869 года ознаменовалось особенно сильной грозой, и молния не раз как бы разрезала остров. Электрический ток ударял в деревья и расколол многие из них, между про-

чим огромные каркасы, которые росли на птичнике, с южной стороны озера. Стояло ли это атмосферическое явление в связи с теми процессами, которые происходили в глубине земли? Было ли нечто общее между состоянием воздуха и земных недр? Сайрес Смит думал, что было, так как усиление гроз совпало с усилением вулканической деятельности.

Третьего января Харберт, который с рассветом поднялся на плато Дальнего Вида, чтобы оседлать одну из онагг, заметил, что из кратера поднимается огромная струя дыма. Юноша сейчас же сообщил об этом колонистам, которые немедленно присоединились к нему и устремили глаза на вершину горы Франклина.

— Теперь это не пары! — закричал Пенкроф. — Кажется, наш великан не только дышит, но и курит.

Образ, употребленный моряком, правильно отражал изменение деятельности вулкана. Уже три месяца из кратера вылетали более или менее густые пары, но это был лишь результат кипения минеральных веществ. Теперь же вместо паров показался плотный дым, который тянулся в виде сероватого столба у подножия горы шириной более чем в триста футов и расходился на высоте от семи до восьми тысяч футов над вершиной вулкана, напоминая огромный гриб.

— В кратере вспыхнул огонь, — сказал Гедеон Спилет.

— И мы не сможем его погасить! — воскликнул Харберт.

— В вулкан следовало бы послать трубочистов, — заметил Наб с самым серьезным видом.

— Прекрасно, Наб! — ответил Пенкроф. — Не возьмешь ли ты за это дело?

И моряк громко расхохотался.

Сайрес Смит, отойдя в сторону, внимательно наблюдал густой дым, возвышавшийся над горой Франклина, и иногда прислушивался, словно пытаясь уловить какой-то отдаленный гул. Затем он вернулся к своим товарищам и сказал:

— Друзья мои, произошла серьезная перемена. Не следует этого скрывать от себя. Вулканические вещества теперь уже не только кипят. Они вспыхнули, и нам, несомненно, угрожает в недалеком будущем извержение.

— Ну что же, мистер Смит, мы поглядим на это извержение и поаплодируем, если оно хорошо удастся, — сказал Пенкроф. — Мне кажется, это не должно нас особенно беспокоить.

— Нет, Пенкроф, — ответил Сайрес Смит, — старая дорога всегда открыта для лавы, и до сих пор она неизменно текла на север. И все-таки...

— И все-таки, раз от извержения нет никакой пользы, то

было бы лучше, если бы оно не случилось,— сказал журналист.

— Кто знает,— ответил моряк,— может быть, в этом вулкане есть какие-нибудь полезные и драгоценные вещества, которые он любезно извергнет, а мы сумеем их хорошо использовать.

Сайрес Смит покачал головой, не ожидая ничего хорошего от этого внезапно открывшегося явления. Он смотрел не так легко, как Пенкроф, на последствия извержения. Если благодаря расположению кратера потоки лавы и не угрожали непосредственно частям острова, покрытым лесами и полями, то могли быть другие осложнения. В самом деле, извержения нередко сопровождаются землетрясениями, и такой остров, как остров Линкольна, образовавшийся из самых разнообразных элементов: базальта, гранита, лав на севере и рыхлых почв на юге — элементов, которые не были достаточно плотно связаны между собой, всегда мог пострадать от извержения. Поэтому, если извержение вулканических веществ и не представляло такой серьезной опасности, то всякое движение земной коры, которое поколебало бы остров, могло иметь очень важные последствия.

— Мне кажется,— сказал Айртон, который лег на землю и приник к ней ухом,— что я слышу глухой гул, словно едет телега, груженная железом.

Колонисты внимательно прислушались и убедились, что Айртон не ошибался. К подземным раскатам иногда примешивался рев, который то усиливался, то стихал, словно в недрах земного шара проносились порывы ветра. Но взрывов, в собственном смысле, еще не было слышно. Следовательно, пары и дым находили себе свободный выход через центральный кратер. Клапан, по-видимому, был достаточно широк, и можно было не опасаться взрыва.

— Черт возьми,— сказал Пенкроф,— не вернуться ли нам к работе? Пусть гора Франклина дымит, орет, стонет, извергает огонь и пламя, сколько ей угодно — это не резон, чтобы не работать! Айртон, Наб, Харберт, мистер Сайрес, мистер Спилет — все должны сегодня приложить руки к делу! Мы будем ставить переборки, и дюжины лишних рук было бы немного. Я хочу, чтобы не позже чем через два месяца наш новый «Бонавентур» — не правда ли, мы сохраним за кораблем это название? — уже качался на волнах гавани Воздушного Шара. Итак, не будем терять ни одного часа.

Все колонисты, от которых Пенкроф требовал работы, отправились на верфь и приступили к укреплению переборок, то есть толстых досок, которые составляют пояс корабля и

связывают между собой отдельные части остова. Это была долгая и тяжелая работа, в которой пришлось участвовать всем.

3 января колонисты прилежно трудились весь день. Они не думали о вулкане, который к тому же не был виден с побережья Гранитного Дворца, но густая тень затмевала несколько раз солнце, совершавшее свой дневной путь по совершенно ясному небу, и плотное облако дыма загораживало его от острова. Ветер, дувший с моря, уносил все эти испарения на запад. Сайрес Смит и Гедеон Спилет видели эти тени и часто говорили друг другу, что извержение, видимо, развивается, но не прерывали работы. Со всех точек зрения было чрезвычайно важно закончить постройку корабля в самый короткий срок. В связи с возможными осложнениями безопасность колонистов при наличии корабля была бы значительно более обеспечена. Кто знает, не окажется ли когда-нибудь этот корабль единственным их убежищем!

Вечером, после ужина, Сайрес Смит, Гедеон Спилет и Харберт снова поднялись на плато Дальнего Вида. Уже наступила ночь, и в темноте было легче определить, примешиваются ли к парам и дыму, которые скопились над кратером, пламя или пылающие вещества, изверженные вулканом.

— Кратер в огне! — воскликнул Харберт; более проворный, чем его спутники, он первый забрался на плато.

Гора Франклина, находившаяся примерно на расстоянии шести миль, казалась гигантским факелом с извивающимся пламенем; к пламени, однако, было подмешано столько дыма и золы, что его свет не очень резко вырисовывался во мраке ночи. Но все же бледный свет озарял остров, смутно выделяя лесные массивы. Громадные клубы дыма поднимались к небу. Сквозь дым поблескивали редкие звезды.

— Извержение развивается быстро, — сказал инженер.

— Это неудивительно, — ответил журналист. — Вулкан пробудился очень давно. Не забудьте, Сайрес, что дым впервые появился в то время, когда мы обыскивали отроги горы, чтобы обнаружить убежище капитана Немо. Это было, если не ошибаюсь, около пятнадцатого октября?

— Да, — ответил Харберт, — с тех пор прошло уже два с половиной месяца.

— Значит, огонь вынашивался под землей десять недель, — продолжал Гедеон Спилет. — Неудивительно, что он бушует теперь с такой яростью.

— Не чувствуете ли вы подземных колебаний? — спросил Сайрес Смит.

— Да, чувствую,— ответил Геден Спилет.— Но от этого до землетрясения...

— Я не говорю, что нам угрожает землетрясение,— сказал Сайрес Смит.— Сохрани нас Боже, от этого! Нет, эти содрогания вызваны подземным огнем. Земная кора представляет собой не что иное, как стенки котла, а вы знаете, что стенки котла под давлением газа вибрируют, словно звучащая пластинка. Именно это и происходит в настоящее время.

— Какие красивые снопы огня! — воскликнул Харберт.

В это время из кратера вылетело нечто вроде фейерверка, и даже густой дым не мог ослабить его блеска. Тысячи светящихся осколков и ярких точек устремились в разных направлениях. Некоторые из них залетали выше дыма, быстро пронзая его и оставляя за собой сверкающую пыль. Вслед за этими брызгами света раздавались выстрелы, похожие на залпы картечи.

Проведя час на плато Дальнего Вида, Сайрес Смит, журналист и юноша спустились на берег и вернулись в Гранитный Дворец. Инженер был задумчив и казался настолько озабоченным, что Геден Спилет счел нужным спросить его, не предвидит ли он в близком будущем какой-нибудь опасности, прямо или косвенно связанной с извержением.

— И да и нет,— ответил Сайрес Смит.

— Однако же,— продолжал журналист,— наибольшая беда, нам угрожающая,— это землетрясение, которое разрушило бы остров. Я не думаю, чтобы этого следовало опасаться, так как пары и лава нашли себе свободный выход.

— Поэтому я и не опасаясь землетрясения в обычном смысле этого слова, то есть смещения земной коры, вызванного расширением подземных газов,— ответил Сайрес Смит.— Но и другие причины могут повлечь за собой большое бедствие.

— Какие же, милый Сайрес?

— Я и сам хорошо не знаю. Надо посмотреть... обследовать гору... Через несколько дней я буду знать, наверное.

Геден Спилет не стал настаивать, и вскоре, несмотря на взрывы, которые становились все сильнее и гулко разносились по острову, обитатели Гранитного Дворца спали крепким сном.

Прошло три дня — 4, 5 и 6 января. Колонисты продолжали трудиться над постройкой корабля. Инженер, не пускаясь в дальнейшие объяснения, всячески старался ускорить работу.

Гора Франклина была окутана темным, мрачным облаком и вместе с пламенем извергала пылающие камни, которые

иногда падали обратно в кратер. Пенкроф, который старался видеть в этом явлении только смешную сторону, говорил:

— Смотрите-ка, великан играет в бильбоке! Великан жонглирует!

В самом деле, изверженные вещества снова падали в бездну, и казалось, что лава, вздувшаяся от внутреннего давления, не доходила еще до отверстия кратера. По крайней мере, из северо-восточного жерла, которое было отчасти видно, ничто не изливалось на южный склон горы.

Однако как ни спешили колонисты с постройкой, им все же приходилось отрываться и посещать различные пункты острова ради других дел. Прежде всего надо было съездить в кораль, где были заперты стада муфлонов и коз, и возобновить запас корма для этих животных. Айртон решил отправиться туда на следующий день, 7 января. Обыкновенно он один справлялся с этой работой, к которой успел привыкнуть. Поэтому Пенкроф и другие колонисты не без удивления услышали, что инженер сказал Айртону:

— Раз вы завтра едете в кораль, я поеду с вами.

— Что вы, мистер Сайрес! — вскричал моряк. — У нас остались считанные дни на работу и, если вы тоже уедете, не хватит сразу четырех рук.

— Послезавтра мы вернемся, — ответил Сайрес Смит. — Мне необходимо съездить в кораль. Я должен посмотреть, насколько развилось извержение.

— Извержение, извержение! — с неудовольствием проворчал Пенкроф. — Экая важность это извержение! Вот уж оно несколько меня не беспокоит!

Несмотря на возражения моряка, исследование, намеченное инженером, было все же назначено на завтра. Харберту очень хотелось сопровождать Сайреса Смита, но он боялся огорчить Пенкрофа своим отъездом.

На следующий день, с самой зари, Сайрес Смит и Айртон сели в повозку, запряженную двумя онагами, и крупной рысью поехали по дороге в кораль.

Над лесом неслись густые облака, в которые кратер горы Франклина непрестанно подбавлял дыму. Облака эти, тяжело плывшие в небе, состояли из самых разнообразных элементов. Не только дым из вулкана делал их такими густыми и тяжелыми. Распыленные минеральные вещества, пуццолана и сероватый мелкий, словно отборная мука, пепел висели в воздухе. Этот пепел так легок, что иногда он держится в воздухе несколько месяцев подряд. После извержения в Испании в 1783 году атмосфера была насыщена вулканической пылью более года, и даже лучи солнца едва проникали через нее.

Но чаще всего эти распыленные вещества падают на землю. Так случилось и теперь. Не успели Сайрес Смит и Айртон приехать в кораль, как посыпалась черноватая пыль, похожая на охотничий порох, резко изменившая окружающий вид: деревья, луга — все исчезло под темным слоем толщиной в несколько дюймов. Но, к счастью, ветер дул с северо-востока, и облако вскоре почти рассеялось.

— Вот странное явление, мистер Смит! — сказал Айртон.

— Это очень важное обстоятельство, — ответил инженер. — Мелкая пущолоана, пемза, вся эта минеральная пыль указывают, насколько глубоко возмущение в нижних пластах вулкана.

— Но неужели мы не можем ничего сделать?

— Нет, мы можем только следить за развитием извержения. Займитесь коралем, Айртон, а я пока поднимусь к источнику Красного ручья и посмотрю, в каком положении южные склоны горы. А потом...

— А потом, мистер Смит?

— Потом мы пойдем в Пещеру Даккара. Я хочу посмотреть... словом, я вернусь за вами через два часа.

Айртон вошел во двор короля и в ожидании возвращения инженера занялся муффонами и козами, которые были как будто встревожены первыми признаками извержения.

Между тем Сайрес Смит забрался на вершину восточных отрогов, обогнул Красный ручей и вышел к тому месту, где колонисты обнаружили во время своей первой экспедиции серный источник. Как все вокруг изменилось! Вместо одного столба дыма инженер насчитал тринадцать. Они били из земли, словно вытолкнутые каким-то поршнем. Очевидно, земная кора подвергалась в этом месте сильнейшему давлению. Воздух был наполнен сернистым газом, водородом и углекислотой, смешанной с водянистыми парами. Сайрес Смит чувствовал, как содрогаются вулканические туфы, устилавшие землю. Это был, в сущности, порошокобразный пепел, который от времени превратился в твердый камень. Но инженер не увидел никаких следов свежей лавы.

То же самое Сайрес Смит констатировал, осмотрев южный склон горы Франклина. Из кратера вырывались клубы дыма и языки пламени; мелкие камни градом падали на землю, но из жерла кратера не лилась лава, а это доказывало, что вулканические вещества не поднялись еще до верхнего отверстия.

«Я бы предпочел, чтобы это уже случилось, — сказал про себя Сайрес Смит. — По крайней мере, я был бы уверен, что лава потекла обычным путем. Кто знает, не выльется ли она

через какой-нибудь новый выход? Но не в этом опасность, капитан Немо это предчувствовал. Нет, опасность не в этом!»

Сайрес Смит дошел до широкой дороги, тянувшейся вдоль узкого залива Акулы. Здесь он мог достаточно ясно видеть следы прежних потоков лавы. Для него казалось несомненным, что предыдущее извержение вулкана произошло когда-то очень давно.

После этого он двинулся обратно, прислушиваясь к подземному гулу, который походил на непрерывный гром. Изредка раздавались отдельные громкие выстрелы. В девять часов утра инженер вернулся в кораль.

Айртон ожидал его.

— Животные обеспечены кормом, мистер Смит,— сказал он.

— Хорошо, Айртон.

— Они, кажется, в тревоге, мистер Смит.

— Да, инстинкт у них заговорил, а инстинкт не обманывает... Возьмите фонарь и огниво, Айртон, и пойдём,— сказал инженер.

Айртон исполнил приказание. Онагги были выпряжены и бродили по коралю. Исследователи заперли калитку снаружи, и Сайрес Смит пошел впереди Айртона на запад по узкой тропинке, ведущей к берегу.

Земля была покрыта, словно ватой, порошкообразным веществом, упавшим с неба. Среди деревьев не было видно ни одного животного. Иногда набегающий ветер вздымал слои пепла, и колонисты, окруженные густым вихрем, не видели друг друга. Они закрывали платком глаза и рот, чтобы не задохнуться и не ослепнуть.

В таких условиях Сайрес Смит и Айртон, естественно, не могли двигаться быстро. К тому же воздух был тяжелый, словно кислород частью сгорел, и дышать было трудно. Через каждые сто шагов приходилось останавливаться и переводить дух. Было больше десяти часов, когда инженер и его спутник достигли вершины гигантского нагромождения базальтовых и порфиритовых скал, образующих северо-западный берег острова.

Айртон и Сайрес Смит начали спускаться с этого крутого берега, двигаясь приблизительно по той же скверной дороге, по которой они шли в ту грозовую ночь, направляясь в Пещеру Даккара. Днем спуск казался менее опасным; к тому же слой пепла, покрывавший гладкие скалы, не давал ногам скользить по покатой поверхности.

Вскоре колонисты достигли вала, служившего продолже-

нием берега, на высоте примерно сорока футов. Сайрес Смит помнил, что этот вал отлого спускался до самого моря.

Несмотря на то, что был отлив, берега не было видно, и волны, покрытые вулканической пылью, бились о базальтовые скалы.

Сайрес Смит и Айртон без труда нашли вход в Пещеру Даккара и остановились под последней скалой, которая представляла собой нижнюю площадку вала.

— Толевая лодка должна быть здесь,— сказал инженер.

— Да, она здесь, мистер Смит,— подтвердил Айртон, протянув к селe легкую шлюпку, укрытую под сводами пещеры.

— Сядем в нее, Айртон!

Колонисты сели в лодку. Она проскользнула по волнам под низкие своды пещеры. Айртон высек огонь и зажег фонарь. Затем он взялся за весла и поставил фонарь на форштевень. Сайрес Смит сел у руля, и лодка поплыла во мраке.

«Наутилус» уже больше не освещал мрачную пещеру своими огнями. Может быть, электрические лучи, все еще исходявшие из мощного очага энергии, продолжали сиять в глубине моря, но никакой свет не проникал из бездны, где покоился капитан Немо.

Блеск фонаря, хотя и слабый, позволял двигаться вперед вдоль правой стены пещеры. Гробовое молчание царило под ее сводами, по крайней мере, в передней части. Однако Сайрес Смит вскоре услышал гул, доносившийся из внутренности горы.

— Это вулкан,— сказал он.

Спустя несколько мгновений Сайрес Смит почувствовал резкий неприятный запах, и сернистые пары стали душить инженера и его спутника.

— Этого-то и боялся капитан Немо,— прошептал Сайрес Смит, слегка побледнев.— Однако необходимо дойти до конца.

— Вперед! — ответил Айртон; он налег на весла и погнал лодку к концу пещеры.

Через двадцать пять минут хода шлюпка приблизилась к задней стене пещеры и остановилась.

Сайрес Смит встал на скамью и осветил фонарем различные части стены, отделявшие пещеру от центрального очага вулкана. Какова была толщина этой стены: сто футов или десять? Этого нельзя было сказать. Но стена могла быть не особенно толстой, так как подземный гул слышался очень отчетливо.

Осмотрев стену по горизонтали, инженер прикрепил фо-

нарь к концу весла и вновь осветил им базальтовую скалу на большей высоте.

Там сквозь еле видимые щели между неплотно соединенными камнями проходил едкий дым, наполнявший своим запахом пещеру. Стена пестрела изломами; некоторые из них, более глубокие, спускались почти до самой воды.

Сайрес Смит некоторое время размышлял; потом он произнес:

— Да, капитан был прав. Опасность таится здесь, и опасность страшная.

Айртон ничего не говорил, но по знаку Сайреса Смита снова взял в руки весла, и полчаса спустя оба выходили из Пещеры Даккара.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Сайрес Смит рассказывает о своей экспедиции. — Работа по постройке ускоряется. — Последний визит в кораль. — Бой между водой и огнем. — Что осталось на поверхности острова. — Колонисты решают спустить корабль на воду. — Ночь на 9 марта.

На следующий день, 8 января, проведя сутки в корале и устроив там все дела, Сайрес Смит и Айртон вернулись в Гранитный Дворец.

Инженер немедленно собрал своих товарищей и сообщил им, что остров Линкольна грозит величайшая опасность, которую не в состоянии предотвратить никакая человеческая сила.

— Друзья мои, — сказал он глубоко взволнованным голосом, — остров Линкольна не принадлежит к числу тех островов, которые будут существовать до тех пор, пока существует Земля. Он обречен на более или менее близкую гибель, причина которой заключается в нем самом, и ничто не может его спасти.

Колонисты переглянулись и устремили глаза на инженера. Они не понимали, что хочет сказать Сайрес Смит.

— Объяснитесь, Сайрес, — сказал Гедеон Спилет.

— Я сейчас объяснюсь, или, вернее, сообщу вам то, что передал мне капитан Немо во время нашей краткой беседы наедине, — ответил инженер.

— Капитан Немо! — хором вскричали колонисты.

— Да, он, и это была его последняя услуга перед смертью.

— Последняя услуга! — воскликнул Пенкроф. — Последняя услуга! Вот увидите: даже мертвый, он окажет нам еще много услуг.

— Что же вам сказал капитан Немо? — спросил журналист.

— Знайте же, друзья,— ответил инженер,— что остров Линкольна находится в иных условиях, чем прочие острова Тихого океана. Особенность строения нашего острова, о которой говорил мне капитан Немо, должна рано или поздно привести к разрушению его подводной части.

— Разрушится! Остров Линкольна разрушится! Что вы! — воскликнул Пенкроф.

Несмотря на все свое уважение к Сайресу Смиту, он не удержался и недоверчиво пожал плечами.

— Выслушайте меня, Пенкроф,— продолжал инженер.— Вот что установил капитан Немо и что мне удалось установить самому вчера при исследовании Пещеры Даккара. Эта пещера тянется под островом до самого вулкана, и ее отделяет от центрального очага только задняя стена. Эта стена испещрена изломами и щелями, через которые уже сейчас проходит сернистый газ, образующийся внутри вулкана.

— Ну так что же? — спросил Пенкроф, наморщив лоб.

— Ну так вот, я убедился, что эти щели постепенно увеличиваются под влиянием внутреннего давления, что базальтовая стена понемногу раскалывается и что через более или менее короткое время она даст выход воде океана, которая наполняет пещеру.

— Здорово! — сказал Пенкроф, который еще раз попробовал пошутить.— Вода погасит вулкан, и все будет кончено.

— Да, все будет кончено,— ответил Сайрес Смит.— В тот день, когда море пробьет стену и проникнет через средний ход во внутренность вулкана, где кипят вулканические вещества,— в тот день, Пенкроф, остров Линкольна взорвется, как взорвалась бы Сицилия, если бы Средиземное море влилось в Эtnу.

Колонисты ничего не могли ответить на это решительное утверждение инженера. Они понимали, как велика грозящая им опасность.

Надо сказать, что Сайрес Смит отнюдь не преувеличивал. Многим уже приходило в голову, что, может быть, можно погасить вулканы, которые почти все возвышаются на берегах морей или озер, открыв воде доступ в эти вулканы. Но те, кто так думают, не понимают, что при этом часть земного шара взорвалась бы, как паровой котел, в который выстрелили из ружья. Вода, устремившись в замкнутое пространство, где температура достигает нескольких тысяч градусов, превратилась бы в пар, и образовалось бы такое количество энергии, которого бы не выдержала самая твердая оболочка.

Итак, не приходилось сомневаться, что острову в близком будущем грозит разрушение и что он просуществует лишь до тех пор, пока выдержит стена Пещеры Даккара. Это был вопрос не месяцев или недель, или дней, а, быть может, часов!

Первым чувством колонистов была глубокая печаль. Они не думали об опасности, угрожающей им самим: их больше огорчало разрушение острова, на котором они нашли приют, острова, который они полюбили и хотели сделать цветущим, плодородным. Столько трудов пропадает напрасно, столько сил потрачено даром! Пенкроф не мог удержать слез и не пытался скрыть, что плачет.

Беседа продолжалась еще некоторое время. Колонисты обсуждали, каковы их шансы на спасение, и в конце концов пришли к выводу, что им нельзя терять ни одного часа.

Постройку и оснастку корабля нужно было закончить как можно скорее. Это была единственная возможность для обитателей острова Линкольна спастись. Все дружно принялись за работу. К чему было теперь жать хлеб, собирать урожай, охотиться и умножать запасы Гранитного Дворца? Того, что находилось на складе и на кухне, было более чем достаточно, чтобы снабдить корабль для путешествия, как бы продолжительно оно ни было. Важнее всего было колонистам иметь в своем распоряжении корабль раньше, чем наступит неизбежная катастрофа.

Работа продолжалась с лихорадочной поспешностью. Около 23 января корабль был наполовину обшит. К этому времени состояние вулкана не изменилось: из кратера по-прежнему вылетали пары и дым, смешанные с огнем и пылающими камнями. Но в ночь на 24-е лава, достигшая уровня верхней части вулкана, снесла его коническую верхушку. Раздался страшный грохот. Колонисты решили, что остров разваливается на части, и выбежали из Гранитного Дворца. Было около двух часов ночи.

Небо пылало огнем. Верхний конус — массив вышиной в тысячу футов и весом в несколько миллиардов фунтов — низвергся на остров. Земля задрожала от удара. К счастью, этот конус был направлен к северу и упал на равнину, покрытую песком и туфом, которая тянулась между вулканом и морем. Из расширившегося жерла кратера блистал настолько яркий свет, что весь воздух вокруг казался пылающим. Поток лавы вздулся и изливался длинными каскадами, словно вода из переполненного сосуда. Тысячи огненных струй змеились по откосам вулкана.

— В кораль! В кораль! — закричал Айртон.

Действительно, лава устремлялась к коралю, следуя на-

правлению нового кратера. Бедствие грозило плодородным частям острова, Красному ручью, лесу Якамара.

Услышав крик Айртона, колонисты бросились к конюшням. Онагги сейчас же были запряжены в повозку. У всех колонистов было на уме одно: бежать в кораль и освободить запертых там животных.

Еще не было трех часов утра, когда колонисты достигли коралья. Громкий рев свидетельствовал, что муфлоны и козы охвачены страхом. Поток пылающей лавы и расплавленных минералов стремился с отрогов на луга, достигая самой изгороди. Айртон отпер калитку, и охваченные ужасом животные разбежались во все стороны.

Час спустя кипящая лава наполнила кораль, превращая в пар воду ручейка, и подожгла дом, который вспыхнул, как сноп соломы. Изгородь сгорела до последнего столба; от коралья ничего не осталось.

Колонисты решили было бороться против этого нашествия, но все их безумные попытки оказались бесплодны: перед грандиозными катастрофами человеческие усилия тщетны.

Наступило утро 24 января. Прежде чем возвратиться в Гранитный Дворец, Сайрес Смит и его друзья хотели установить, в какую сторону устремится этот поток лавы. Общий наклон поверхности вел от горы Франклина к восточному берегу, и можно было опасаться, что, несмотря на преграду, которую представлял собой густой лес Якамара, кипящая лава достигнет плато Дальнего Вида.

— Нас защитит озеро,— сказал Гедеон Спилет.

— Надеюсь,— кратко ответил Сайрес Смит.

Колонисты хотели дойти до равнины, на которую упала верхушка горы Франклина, но лава преграждала им путь. С одной стороны она текла по долине Красного ручья, с другой — по долине ручья Водопада, превращая на своем пути в пар оба эти потока. Не было никакой возможности пройти сквозь лаву; наоборот, приходилось отступать перед ней. Вулкан, лишенный своей вершины, нельзя было узнать. На месте прежнего кратера было нечто вроде ровной поверхности. Из двух жерл, образовавшихся на южной и восточной сторонах горы, непрерывно изливались струи лавы, образуя два отдельных потока. Над новым кратером висели облака дыма и золы, сливавшиеся с небесными тучами. Слышались гулкие раскаты грома, которым вторил грохот подземных сил. Жерло вулкана выбрасывало пылающие камни; взлетая на тысячу футов, они разрывались в облаках и падали, словно осколки картечи. Небо отвечало вспышками молнии извержению вулкана.

Около семи часов утра положение колонистов, пытавшихся найти убежище на опушке леса Якамара, стало невыносимым. Им угрожали не только камни, падавшие вокруг дождем, но и потоки лавы, которые переполнили русло Красного ручья и грозили перерезать дорогу в кораль. Первые ряды деревьев запылали, и сок их, внезапно превратившись в пар, разорвал стволы, словно детские хлопушки. Другие деревья, более сухие, не пострадали.

Колонисты продолжали свой путь. Они шли медленно, очень часто оборачиваясь назад. Но лава, следуя наклону поверхности, быстро продвигалась к востоку. Едва нижние слои ее успевали затвердеть, как их снова покрывали кипящие волны.

К тому же главный поток, стремившийся по направлению Красного ручья, становился все более угрожающим. Лес в этой части весь пылал; огромные клубы дыма плавали над деревьями, подножие которых было залито лавой.

Колонисты остановились близ озера, в полумиле расстояния от устья Красного ручья. Вскоре должен был решиться вопрос, жить им или умереть.

Сайрес Смит привык разбираться в сложных положениях. Зная, что он имеет дело с людьми, готовыми услышать правду, какова бы она ни была, инженер сказал:

— Либо озеро остановит поток и часть острова будет спасена от полного разрушения, либо лава зальет лес Дальнего Запада, и ни одного дерева, ни одного растения не останется на поверхности земли. Тогда мы умрем на этих голых скалах; смерть не замедлит прийти, когда наш остров взорвется.

— В таком случае,— сказал Пенкроф, топнув ногой и скрестив на груди руки,— нам незачем больше строить корабль, не так ли?

— Мы должны исполнить свой долг до конца, Пенкроф,— ответил Сайрес Смит.

Между тем поток лавы, прокладывая себе дорогу среди великолепных деревьев, которые он пожирал на своем пути, докатился до озера. В этом месте почва была несколько приподнята. Будь преграда немного выше, она могла бы сдерживать кипящий поток.

— За работу! — вскричал Сайрес Смит.

Все тотчас же поняли мысль инженера. Поток лавы надо было, так сказать, запрудить и заставить его излиться в озеро.

Колонисты побежали на верфь и принесли оттуда лопаты, заступы, топоры. Из земли и поваленных деревьев через несколько часов образовалась плотина высотой в три фута, дли-

ной в несколько сот шагов. Плотина была закончена, и колонистам казалось, что они проработали всего какой-нибудь час.

Еще несколько минут, и было бы поздно. Жидкая лава достигла подножия вала. Поток вздулся, словно река в паводок, стремящаяся выйти из берегов, и грозил снести единственное препятствие, которое мешало ему распространиться по всему району Дальнего Запада. Но плотина все же его сдержала. Прошло несколько томительных секунд, и лава низверглась с высоты двадцати футов в озеро Гранта. Колонисты стояли на месте и молча, затаив дыхание, наблюдали за борьбой двух стихий.

Какое ужасное зрелище — бой между водой и огнем! Чье перо опишет это сражение, столь страшное и вместе с тем прекрасное? Чья кисть сможет нарисовать его? Вода, шипя, испарялась при приближении лавы. Пар взлетал на воздух и клубился на неизмеримой высоте, как будто внезапно открылись клапаны огромного котла. Но сколько бы ни было воды в озере, она должна была в конце концов испариться, так как убыль воды не пополнялась, тогда как лава, источник которой был неисчерпаем, все время катила новые и новые пламенеющие волны.

Первые струи лавы, влившись в озеро, сейчас же застыли, и вскоре над водой образовалась гора. На поверхности ее громоздилась новая лава, которая тоже превратилась в поток камней, стремящихся к центру горы. Постепенно возникла отмель, угрожавшая заполнить все озеро. Вода не могла выйти из берегов, так как избыток ее тотчас же превращался в пар. В воздухе слышались оглушительное шипение и свист; пар, уносимый ветром, превращался в дождь и падал в море. Отмель становилась все длиннее, глыбы лавы громоздились друг на друга. Там, где еще недавно колыхались спокойные воды озера, появилась громадная куча дымящихся камней, словно земля приподнялась и вытолкнула из озера тысячи подводных утесов. Вообразите, что ураган возмущил воды реки, а затем они внезапно застыли на двадцатиградусном морозе, и вы сможете себе представить, каков был вид озера спустя три часа после того, как в него полились потоки лавы.

На этот раз огонь победил воду.

То обстоятельство, что лава устремилась в озеро Гранта, было благоприятно для колонистов. У них оказалось несколько дней передышки. Плато Дальнего Вида, Гранитный Дворец и кораблестроительная верфь были на время спасены. За эти дни нужно было обшить корабль и тщательно законопатить его. Затем он будет спущен на море, и колонисты перейдут на корабль, с тем чтобы оснастить его на воде. Ввиду

угрозы взрыва, несущего гибель острову, оставаться на земле было очень опасно. Стены Гранитного Дворца, этого когда-то столь надежного убежища, каждую минуту могли обрушиться.

В течение шести последующих дней — с 25 по 30 января — колонисты работали не покладая рук. Они почти не отдыхали, так как свет пламени, извергаемого кратером, позволял им трудиться и днем и ночью. Лава продолжала литься, но, пожалуй, не столь обильно. Это было очень хорошо, так как озеро Гранта почти совсем наполнилось, и если бы к прежней лаве прибавились новые вулканические вещества, они бы, несомненно, разлились по плато Дальнего Вида и по берегу близ Гранитного Дворца.

Но если эта часть острова была вне опасности, то южная оконечность его оставалась беззащитной.

В самом деле, второй поток лавы, устремившийся по долине ручья Водопада — это была широкая долина, понижающаяся с обеих сторон реки, — не встречал на своем пути никаких препятствий. Жидкое пламя разлилось по лесу Дальнего Запада. Деревья, совершенно засохшие от страшной жары, стоявшей все это время, моментально загорелись, и пожар вспыхнул одновременно наверху, в ветвях, и внизу, у корней. Сучья густо переплелись между собой, и огонь быстро распространялся. Казалось даже, что поток пламени бежит по верхушкам деревьев скорее, чем река лавы у их подножия.

Охваченные ужасом мирные и хищные обитатели леса — ягуары, кабаны, дикие свиньи, куланы и всякая пернатая дичь — искали спасения на берегах реки Благодарности и в болоте Казарок, по ту сторону гавани Воздушного Шара. Но колонисты были слишком заняты своим делом, чтобы обращать внимание на самых страшных зверей. Они даже покинули Гранитный Дворец и, не желая укрыться в Трубах, жили в палатке возле устья реки Благодарности.

Сайрес Смит и Геден Спилет каждый день выходили на плато Дальнего Вида. Иногда их сопровождал Харберт. Что касается Пенкрофа, то он не хотел и смотреть на остров, подвергшийся почти полному разрушению.

Действительно, остров Линкольна представлял собой печальное зрелище. Вся лесистая часть его теперь обнажилась. Только несколько зеленых деревьев уцелело на краю Змеиного полуострова. Кое-где торчали почерневшие стволы с обломанными ветвями. Место, где прежде находился лес, было более пустынно, чем болото Казарок. Лава полностью уничтожила растительность. На месте великолепных лесов теперь в

беспорядке громоздились вулканические туфы. По долине ручья Водопада и реки Благодарности не текло больше в море ни капли воды, и, если бы озеро Гранта полностью высохло, колонистам было бы нечем утолить жажду. Но, к счастью, его южная сторона не пострадала. Она превратилась в нечто вроде пруда, где находился весь запас питьевой воды, имеющейся на острове. На северо-западе отчетливо и резко рисовались отроги вулкана, похожие на гигантскую когтистую лапу. Какое печальное зрелище! Какой страшный вид! Какое горе для колонистов, которые с плодородного острова, покрытого лесом, орошаемого водой и засеянного злаками, в одно мгновение как бы перенеслись на пустынную скалу! Не будь у них старых запасов пищи, им нечем было бы питаться.

— У меня сердце разрывается,— сказал как-то раз Гедон Спилет.

— Да, Спилет, это печальное зрелище,— ответил инженер.— Только бы мы успели достроить корабль! Теперь это наша единственная надежда.

— Не кажется ли вам, Сайрес, что вулкан начинает успокаиваться? Он еще извергает лаву, но, если я не ошибаюсь, не так обильно.

— Это не имеет значения,— ответил Сайрес Смит.— В недрах горы продолжает бушевать огонь, и море может ворваться в вулкан с минуты на минуту. Мы находимся в положении пассажиров горящего корабля, которые не могут потушить пожар и знают, что огонь рано или поздно доберется до порохового погреба. Идем, Спилет, идем, не будем терять ни часа!

Еще целую неделю, то есть до 7 февраля, лава продолжала изливаться, но не выходила из прежних пределов. Сайрес Смит больше всего боялся, что лава подойдет к берегу у Гранитного Дворца, и колонистам не удастся отстоять верфь. Вскоре они почувствовали в недрах острова содрогания, которые их крайне обеспокоили.

Было 20 февраля. До спуска корабля на воду предстояло работать еще месяц. Выдержит ли остров до тех пор? Пенкроф и Сайрес Смит намеревались спустить корабль, как только его остов станет непроницаемым. Настилку палубы и оснастку можно будет произвести потом. Для колонистов было важнее всего обеспечить себе надежное убежище вне острова. Быть может, придется даже отвести корабль в гавань Воздушного Шара, то есть возможно дальше от центра извержения. В устье реки Благодарности, между островом Спасения и гранитной стеной, судно могло быть раздавлено в слу-

чае разрушения острова. Поэтому колонисты всячески старались как можно скорее закончить остов корабля.

Наступило 3 марта. Можно было рассчитывать, что спуск корабля на воду произойдет дней через десять.

Надежда вернулась в сердца колонистов, которым пришлось выдержать столько испытаний в четвертый год пребывания на острове Линкольна. Даже Пенкрофа как будто покинула мрачность, охватившая его после гибели и разрушения его владений. Правда, он ни о чем не мог думать, кроме корабля, на котором сосредоточились все его надежды.

— Мы его достроим, мистер Сайрес, мы обязательно достроим его! — говорил моряк. — Пора, пора, время идет, и скоро наступит равноденствие. Если понадобится, мы пристанем к острову Табор и проведем там зиму. Но что такое остров Табор после острова Линкольна? Горе мне! Мог ли я думать, что когда-нибудь увижу нечто подобное!

— Надо спешить! — неизменно отвечал инженер.

Колонисты работали, не теряя ни минуты.

— Хозяин, — спросил Наб несколько дней спустя, — как вы думаете, случилось бы все это, если бы капитан Немо был жив?

— Да, Наб, — ответил Сайрес Смит.

— Ну а я думаю, что нет, — шепнул Пенкроф на ухо негру.

— И я тоже, — серьезно отвечал Наб.

В первую неделю марта гора Франклина снова приняла грозный вид. Тысячи стеклянных нитей, образовавшихся из жидкой лавы, дождем падали на землю. Кратер вновь наполнился вулканическими веществами, которые изливались по всем склонам вулкана. Потоки их устремились по затвердевшим туфам и окончательно сожгли тощие скелеты деревьев, уцелевших после первого извержения. На этот раз река лавы потекла вдоль юго-западного берега озера Гранта, миновала Глицериновый ручей и залила плато Дальнего Вида. Это последнее бедствие окончательно погубило все труды колонистов. Мельница, постройки на птичнике, конюшни исчезли без следа. Испуганные птицы разлетелись во все стороны. Топ и Юп по-своему выражали охвативший их великий ужас: инстинкт предупреждал их, что близится катастрофа. Большинство животных, населявших остров, погибли при первом извержении. Уцелевшие звери могли найти спасение только на болоте Казарок; лишь немногие из них укрылись на плато Дальнего Вида, но теперь и это последнее убежище было у них отнято.

Потоки лавы перелились через стену, и огненная река устремилась на берег у Гранитного Дворца. Это было неопи-с-

емо страшное зрелище. Ночью казалось, что низвергается на-
стоящая Ниагара из расплавленного чугуна: сверху — огнен-
ные пары, снизу — кипящая лава.

Колонистам некуда было больше отступать. Хотя верхние
швы корабля еще не были законопачены, наши герои решили
спустить его на воду.

Пенкроф и Айртон начали готовиться к спуску, который
должен был состояться на следующий день, 9 марта.

Но в ночь на 9-е из кратера под грохот оглушительных
взрывов поднялся огромный столб дыма, больше трех тысяч
футов высоты. Стена Пещеры Даккара, очевидно, не выдер-
жала давления газов, и море, проникнув через центральный
очаг в огнедышащую пропасть, превратилось в пар. Кратер
не давал этой массе пара достаточно просторного выхода.
Взрыв, который мог быть услышан на расстоянии ста миль,
потряс воздух. Гора Франклина разлетелась на куски и обру-
шилась в море. Через несколько минут волны Тихого океана
покрывали то место, где был остров Линкольна.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

*Одинокая скала в Тихом океане.— Последнее убежище обитателей
острова Линкольна.— Впереди смерть.— Неожиданное спасение.—
Как и почему оно пришло.— Последнее благодеяние.— Остров сре-
ди материка.— Могила капитана Немо.*

Одинокая скала длиной в тридцать и шириной в пятнад-
цать футов, выступающая из воды не больше чем на десять
футов,— таково было единственное место на острове, которое
пощадили волны океана.

Вот все, что осталось от массива Гранитного Дворца!
Стена сначала была опрокинута, потом развалилась. Не-
сколько скал, нагроможденных друг на друга, образовали
этот утес, торчавший из воды. Все вокруг него скрылось в
бездне: нижний конус горы Франклина, разлетевшейся от
взрыва, челюсти залива Акулы, плато Дальнего Вида, ост-
ров Спасения, гранитные скалы гавани Воздушного Шара,
базальтовые стены Пещеры Даккара и даже длинный Змеи-
ный полуостров, столь удаленный от центра извержения. От
острова Линкольна уцелел только этот узкий утес, служив-
ший теперь убежищем для шести уцелевших колонистов и их
собаки Топа.

Животные тоже погибли во время катастрофы. Птицы,
как и другие представители фауны острова, были раздавле-
ны или утонули. Даже бедняга Юп, и тот, увы, встретил
смерть, провалившись в какую-то пропасть.

Сайрес Смит, Геден Спилет, Харберт, Пенкроф, Наб и Айртон спаслись только потому, что, находясь в палатке, были сброшены в море, когда остров раскололся на части.

Выбравшись на поверхность воды, они увидели невдалеке от себя нагромодившиеся скалы, подплыли к ним и вскарабкались на утес.

На этом утесе и жили они теперь вот уже девять дней. Скучные припасы, захваченные из Гранитного Дворца, немного дождевой воды в углублениях скал — вот все, что осталось у этих несчастных. Корабль, их последняя надежда, был разбит. У них не было никакой возможности покинуть утес. Не имея огня, они не могли ниоткуда и добыть его. Неминуемая гибель ожидала их.

18 марта у колонистов осталось провизии всего на двое суток, хотя они расходовали ее более чем экономно. Вся их наука, вся их изобретательность были теперь ни к чему. Они всецело зависели от судьбы.

Сайрес Смит был спокоен. Геден Спилет, более нервный, и Пенкроф, охваченный глухой яростью, расхаживали взад и вперед. Харберт ни на минуту не покидал инженера и смотрел на него, словно прося помощи, которой Сайрес Смит не мог оказать. Наб и Айртон покорно ждали конца.

— Господи, господи, — часто повторял Пенкроф, — если бы мы могли хоть в ореховой скорлупе добраться до острова Табор! Но у нас ничего нет, ничего!

— Капитан Немо вовремя умер, — сказал однажды Наб.

Прошло еще пять дней. Сайрес Смит и его товарищи соблюдали строжайшую экономию и ели ровно столько, сколько нужно было, чтобы не умереть с голоду. Все очень ослабели. Харберт и Наб иногда начинали бредить.

Оставалась ли у колонистов хоть тень надежды? Нет! На что они могли рассчитывать? Что в виду скалы покажется корабль? Но им по опыту было прекрасно известно, что корабли никогда не заходят в эту часть Тихого океана. Можно ли было ожидать, что, по велению судьбы, яхта Гленарвана именно теперь вернется на остров Табор за Айртоном? Это было маловероятно. К тому же если бы «Дункан» даже и вернулся на остров Табор, то командир яхты после безрезультатных поисков снова ушел бы в море и направился бы к более низким широтам. Ведь колонисты не успели доставить на остров Табор записку с указанием нового местопребывания Айртона.

Нет, у них не могло быть больше никаких надежд на спасение. Их ожидала страшная смерть на скале — смерть от голода и жажды.

Они лежали на этой скале бессильные, не отдавая себе отчета в том, что происходит вокруг. Только Айртон, напрягая все силы, время от времени поднимал голову и взором, полным отчаяния, смотрел на пустынное море.

Вдруг днем 24 марта Айртон протянул руки к морю. Он встал на колени, потом поднялся на ноги, пытаясь подать рукой сигнал.

В виду острова был корабль. Этот корабль проходил здесь не случайно. Утес служил для него определенной целью, и корабль на всех парах направлялся в его сторону. Колонисты, будь они в силах наблюдать за горизонтом, могли бы заметить этот корабль уже несколько часов назад.

— «Дункан»! — успел прошептать Айртон и упал на землю без движения.

.....
Когда Сайрес Смит и его товарищи пришли в себя, они увидели, что находятся в каюте парохода. Никто из них не понимал, как им удалось избежать смерти. Но одного слова Айртона было достаточно, чтобы разъяснить это.

— «Дункан»! — прошептал он.

— «Дункан»! — повторил Сайрес Смит.

Действительно, они находились на яхте Гленарвана, которой командовал в то время Роберт Грант. «Дункан» направился к острову Табор, чтобы взять на борт Айртона и отвезти его на родину после двенадцатилетнего изгнания.

Колонисты были спасены. Они все возвращались домой.

— Капитан Роберт, — спросил Сайрес Смит, — почему вы решили, не найдя Айртона на острове Табор, пройти еще сто миль к северо-востоку?

— Мистер Смит, мы шли не только за Айртоном, но и за всеми вами, — ответил Роберт Грант.

— За всеми нами?

— Да, конечно, на остров Линкольна.

— На остров Линкольна? — хором вскричали Геден Спилет, Харберт, Наб и Пенкроф, удивленные до последней степени.

— Откуда вы знаете о существовании острова Линкольна? Ведь этот остров не обозначен даже на картах, — спросил Сайрес Смит.

— Из записки, которую вы оставили на острове Табор, — ответил Роберт Грант.

— Из записки? — вскричал Геден Спилет.

— Ну да, вот она, — сказал Роберт Грант и протянул журналисту листок бумаги, на котором были обозначены ши-

рота и долгота острова Линкольна, «где находятся в настоящее время Айртон и еще пятеро потерпевших крушение».

— Капитан Немо! — произнес Сайрес Смит, прочитав записку и убедившись, что она написана той же рукой, что и документ, найденный в корале.

— Так, значит, это он взял наш «Бонавентур» и отважился пойти на остров Табор один? — вскричал Пенкроф.

— И оставил там эту записку, — подхватил Харберт.

— Друзья мои, — сказал Сайрес Смит глубоко взволнованным голосом. — Будем всегда помнить капитана Немо, спасшего нас.

При последних словах инженера его товарищи обнажили головы, повторяя шепотом имя капитана Немо.

В эту минуту Айртон подошел к инженеру и спросил его очень просто:

— Куда поставить эту шкатулку?

В руках у Айртона была шкатулка, которую он спас, рискуя жизнью, когда остров обрушился в море. Теперь он честно возвращал ее инженеру.

— Айртон, Айртон! — воскликнул глубоко растроганный Сайрес Смит. — Сударь, — обратился он к Роберту Гранту, — тот, кто был когда-то преступником, искупил свою вину и снова стал честным человеком. Я горжусь тем, что могу пожать ему руку.

После этого Роберту Гранту рассказали необычайную историю капитана Немо и обитателей острова Линкольна. Затем, отметив координаты утеса, который отныне должен был быть нанесен на карту Тихого океана, Роберт Грант приказал отправляться в обратный путь.

Две недели спустя колонисты высадились в Америке.

Большая часть состояния, заключавшегося в шкатулке, которую капитан Немо завещал обитателям острова Линкольна, была истрачена на покупку обширного участка земли в штате Айова. Самую крупную жемчужину из этого сокровища преподнесли жене Гленарвана в подарок от бывших колонистов, возвращенных на родину «Дунканом».

В своем хозяйстве Сайрес Смит и его товарищи предложили работу, то есть довольство и счастье, всем тем, кого они думали поселить на острове Линкольна. На этом участке земли возникла колония, названная именем острова, погибшего в волнах Тихого океана. Там была река Благодарности, гора, которую называли горой Франклина, маленькое озеро — озеро Гранта — и леса, названные лесами Дальнего Запада. Получился как бы остров посреди материка.

Под умелым руководством инженера и его товарищей ко-

лония процветала. Все обитатели острова Линкольна, без исключения, находились в этой колонии: они поклялись никогда не расставаться. Наб не покинул своего хозяина, Айртон был всегда готов пожертвовать собой, Пенкроф стал больше земледельцем, чем моряком, Харберт закончил курс наук под руководством инженера, а Гедеон Спилет даже основал газету «Нью-Линкольн Геральд» — самый осведомленный печатный орган на земном шаре.

Сайреса Смита и его друзей несколько раз посещали Гленарван и его жена, капитан Джон Мангльс со своей женой — сестрой Роберта Гранта, сам Роберт Грант, майор Мак-Наббс и все те, кто имел отношение к истории капитана Гранта и капитана Немо.

Все были счастливы в новой колонии и жили так дружно, как прежде. Но никогда не забывали они остров, который принял их, одиноких и бедных, и четыре года удовлетворял все их нужды, остров, от которого осталась только гранитная скала, омываемая волнами Тихого океана, — могила того, кто был капитаном Немо.

1875 г.

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ТРОИХ РУССКИХ
И ТРОИХ АНГЛИЧАН**

ГЛАВА I

На берегах реки Оранжевой

Двадцать седьмого февраля 1854 года на берегу реки Оранжевой, у подножия гигантской плакучей ивы, тихо беседовали между собой два человека.

Эта река, прозванная голландцами Гроуте-Ривер, а готтентотами — Гарьеп, вполне могла соперничать с тремя крупными водными артериями Африки — Нилом, Нигером и Замбези. Как и названные три реки, Оранжевая известна своими широкими разливами, порогами и водопадами. Путешествовавшие по ней Томпсон и Александер (их имена теперь знают по всему бассейну реки), вторя один другому, без устали восхваляли прозрачность ее вод и живописность берегов.

В том месте, где мы застали наших героев, река Оранжевая, протекая через горы Герцога Йоркского, являла взору великолепное зрелище. Непрístupные скалы, огромные нагромождения камней и окаменевших под воздействием времени стволов деревьев, глубокие пещеры, непроходимые леса, которых еще не касался топор дровосека, — все это вместе, обрамленное на заднем плане Гарьепскими горами, представляло картину красоты неопишуемой. Здесь воды реки, запертые в слишком узком для них ложе, стремительно падают с высоты четырехсот футов¹. Наверху — это клокотание обрамленных гирляндами зеленых ветвей водяных потоков, там и сям бьющихся о каменные выступы. А внизу — водоворот бурных струй, увенчанный густой шапкой водяной пыли, переливающейся всеми цветами радуги. Из этой бездны поднимается оглушительный гул, на все лады повторяемый и усиливаемый эхом в долине.

Один из собеседников, которых, похоже, привели сюда

---

¹ Фут — английская мера длины, принятая во многих странах; равен 30,5 см.

превратности судьбы, едва обращал внимание на открывавшиеся взору красоты природы. Он был охотник, бушмен, яркий представитель этого отважного племени. Само слово «бушмен» — переименованное на английский лад и взятое из голландского «Boschjesman» — означает буквально «человек из кустов». Оно относится ко всем бродячим племенам северо-запада Капской колонии. Их жизнь проходит в скитаниях между Оранжевой рекой и восточными горами, в разбойных нападениях на фермы, в истреблении урожая колонистов из империи, которые оттеснили их в бесплодные земли внутри страны, где камней больше, чем растений.

Бушмен, о котором идет речь, выглядел человеком лет сорока, обладал высоким ростом и хорошо развитой мускулатурой. Тело его даже во время отдыха оставалось подтянутым. Четкость, непринужденность и свобода жестов выдавали в нем энергичную личность, нечто вроде персонажа, скроенного по мерке Кожаного Чулка, знаменитого охотника канадских прерий, но только, быть может, не такого спокойного, каклюбимый герой Купера. Это было видно по постоянно меняющемуся выражению лица, отражавшему каждое движение души.

Бушмен, рожденный от подданного Британской империи и женщины-готтентотки, бегло говорил на языке отца и уже не был таким дикарем, как его соплеменники, древние сакасы. Костюм этого человека, наполовину готтентотский, наполовину европейский, состоял из красной фланелевой рубашки, куртки, штанов из кожи антилопы и самодельной обуви, сшитой из шкуры дикой кошки. На шее охотника висел небольшой мешочек с ножом, трубкой и табаком. Голову его покрывало нечто вроде фески из бараньей кожи. Пояс из кожи диких животных стягивал талию. Открытые запястья обхватывались браслетами из слоновой кости, выделанными с необычайным умением. На плечах покоился скроенный из тигровой шкуры и достававший до колен «кросс» — нечто вроде плаща со складками. Возле бушмена спала собака местной породы. Делая частые затяжки, он курил костяную трубку, всем своим видом выказывая явное нетерпение.

— Ну успокойтесь, Мокум,— говорил его компаньон.— Вы воистину самый нетерпеливый из людей, когда находитесь не на охоте! Но поймите же, уважаемый, что мы с вами ничего не можем поделать. Те, кого мы ждем, рано или поздно придут сюда, если не сегодня, так завтра!

Спутник бушмена, англичанин лет двадцати пяти-двадцати шести, был полной противоположностью охотнику. Спокойный характер молодого человека проявлялся во всех

его движениях, а слишком «городской» костюм путешественника указывал на то, что путешествия — не его стихия. Он скорее походил на служащего, заблудившегося в дикой местности, и невольно хотелось проверить, нет ли у него пера за ухом, как у кассира, конторщика, бухгалтера или какого-нибудь другого представителя огромной семьи служащих.

И действительно, молодой англичанин был отнюдь не путешественником, но известным ученым Вильямом Эмери, астрономом, прикомандированным к Капской обсерватории — весьма полезному учреждению, которое уже давно оказывает неоценимые услуги науке.

Ученый, чувствуя себя не совсем в своей тарелке здесь, в этом пустынном районе Южной Африки, в нескольких сотнях миль от Кейптауна, с трудом сдерживал нетерпеливого по натуре компаньона.

— Господин Эмери,— говорил ему охотник на чистом английском языке,— мы уже восемь дней как находимся на условленном месте у Оранжевой реки возле Мергедского водопада. А ведь уже давно ничего подобного не случилось ни с одним членом моей семьи — чтобы восемь дней оставаться на одном месте! Вы забываете, что мы — кочевники, что у нас ноги зудят, когда мы вот так застаиваемся!

— Друг мой Мокум,— возразил ему астроном,— те, кого мы ждем, едут из Англии, и мы вполне можем простить им эти восемь дней. Надо учитывать величину расстояния, препятствия, которые могло встретить при подъеме вверх по Оранжевой реке их паровое судно — одним словом, тысячу трудностей, возможных при подобном предприятии. Нам было предписано подготовить все необходимое для научно-исследовательской экспедиции по Южной Африке, после чего ожидать у Моргедских порогов моего коллегу из Кембриджской обсерватории полковника Эвереста. Вот они, Моргедские пороги, мы находимся в указанном месте, и мы ждем. Чего же вы еще хотите, дорогой мой бушмен?

Охотник явно хотел чего-то большего, ибо его рука лихорадочно сжимала приклад длинноствольного карабина. Это был превосходный «ментон», очень точное оружие, с коническими пулями, позволявшее сразить дикую кошку или антилопу на расстоянии от восьми до девяти сотен ярдов¹. Отсюда видно, что бушмен отказался от колчана из дерева алоэ и от отравленных стрел, коими пользуются его соотечественники, в пользу оружия европейцев.

---

¹ Ярд — английская мера длины, равная 0,9144 м, делится на три фута.

— Но, может быть, вы ошиблись, господин Эмери,— снова заговорил Мокум.— Действительно ли у Моргедских порогов и именно в конце января назначена вам эта встреча?

— Да, друг мой,— спокойно ответил Вильям Эмери,— и вот письмо господина Эри, директора Гринвичской обсерватории, которое докажет вам, что я не ошибся.

Бушмен взял в руки письмо, протянутое ему компаньоном. Он повертел его так и сяк, как человек, не слишком посвященный в тайны каллиграфии, и возвратил его Вильяму Эмери, сказав при этом:

— Повторите же мне, о чем говорится на этом исписанном клочке бумаги.

Молодой ученый, обладающий непоколебимым терпением, в двадцатый раз начал пересказывать содержание письма своему другу-охотнику.

В последних числах прошлого года Вильям Эмери получил послание, извещавшее его о скором прибытии в Южную Африку полковника Эвереста с международной научной комиссией. Каковы были планы этой комиссии, почему она отправилась на оконечность Африканского континента? Эмери не мог этого сказать, поскольку в письме господина Эри об этом умалчивалось. Он же, следуя полученным наставлениям, поспешил в Латтаку, одно из самых южных селений Готтентотии, чтобы приготовить там повозки, продовольствие — словом, все, что необходимо для бушменского каравана. Затем, зная о хорошей репутации туземца-охотника Мокума, сопровождавшего Андерсона во время его охоты в Западной Африке и бесстрашного Дэвида Ливингстона во время его первой исследовательской экспедиции к озеру Нгами и к порогам Замбези, Эмери предложил ему взять под свое начало этот караван.

Далее было договорено, что бушмен, великолепно знавший местность, сопроводит Вильяма Эмери до берега реки Оранжевой, к Моргедским порогам, в условленное место. Именно здесь к ним должны будут присоединиться члены научной комиссии. Но прежде им предстояло совершить большое плавание на фрегате британского флота «Августа» вдоль западного побережья Африки и на широте мыса Вольпас войти в устье реки Оранжевой, а затем подняться вверх по ее течению до водопадов. Итак, Вильям Эмери и Мокум прибыли сюда с фурией, оставленной сейчас в долине и предназначенной для того, чтобы переправить в Латтаку иностранцев и их багаж, если они не предпочтут отправиться туда по Оранжевой реке и ее притокам. Но тогда им придется сделать пере-

ход в несколько миль¹ по суше, чтобы обойти Моргедские пороги.

Когда рассказ был окончен и на этот раз хорошо усвоен бушменом, тот прошел к краю обрыва, в который с грохотом устремлялась пенящаяся река. Астроном последовал за ним. Отсюда, с выступающего вперед утеса, русло Оранжевой можно было видеть на расстоянии многих миль.

Несколько минут Мокум и его компаньон внимательно обзревали поверхность реки, воды которой вновь обретали свою первоначальную плавность четвертью мили ниже водопадов. Никакого предмета — ни парохода, ни пироги — не было видно на всем ее протяжении. Стрелки циферблата показывали три часа. Январь здесь, на двадцать девятой параллели Южного полушария, соответствует июлю в северных странах, и солнечные лучи, падающие почти отвесно, прогревают воздух до ста пятидесяти градусов в тени по Фаренгейту. Без западного бриза, который немного умерял эту температуру, она была бы непереносима для всех, кроме бушмена. Тем не менее молодой ученый, будучи худощавым, состоящим, как говорится, из костей и нервов, не слишком страдал от жары. Впрочем, густая листва деревьев, нависавших над обрывом, защищала его от солнечных лучей. Ни одна птица не нарушала тишины в эти жаркие часы суток. Ни одно четвероногое не покидало прохладного убежища в чаще кустарника и не выбегало на полянку. Не было слышно ни звука в этом безлюдном месте, и только один водопад наполнял воздух своим ревом и гулом.

Понаблюдав минут десять за рекой, Мокум обернулся к Вильяму Эмери, в нетерпении постукивая своей широкой ступней по земле. Его глаза, отличавшиеся необыкновенной зоркостью, ничего не обнаружили.

— А если ваши люди не явятся? — спросил он астронома.

— Они придут, мой храбрый охотник, — ответил Вильям Эмери. — Это люди слова, и они будут точны, как подобает астрономам. Кстати, что вы можете поставить им в упрек? В письме сообщалось об их прибытии в конце января месяца. Сегодня у нас двадцать седьмое число, и эти господа имеют в своем распоряжении еще четыре дня, чтобы добраться до Моргедских порогов.

— А если они не появятся тут и через четыре дня? — спросил бушмен.

— Что ж, тогда представится случай испытать наше тер-

---

¹ Милья — путевая мера длины, различная в разных странах; географическая миля равна 1609 м, морская (во всех государствах) — 1852 м.

пение, ибо мы будем ждать их здесь до того момента, пока я не смогу окончательно убедиться, что они уже не придут!

— Клянусь нашим богом Ко! — громко воскликнул бушмен. — Вы человек, способный дождаться даже того, что Гарьеп перестанет сбрасывать свои темные воды в эту бездну!

— О нет, охотник, нет! — ответил Вильям Эмери как всегда невозмутимым тоном. — Надо, чтобы всеми нашими действиями руководил рассудок. А что нам говорит рассудок? Он говорит, что если полковник Эверест и его спутники, измученные трудным путешествием, нуждающиеся, быть может, в самом необходимом, плутающие сейчас в этой пустынной местности, не найдут нас на месте назначенной встречи, мы будем заслуживать порицания во всех отношениях. Если с ними случится какое-нибудь несчастье, ответственность за это падет непосредственно на нас. Так что мы должны оставаться на своем посту, пока долг будет обязывать нас к этому. Впрочем, здесь мы ни в чем не нуждаемся. Наша фура ждет нас в долине и дает нам надежное убежище на ночь. Провизии предостаточно. Природа в этом месте великолепна и достойна всяческого восхищения! Для меня — большое счастье провести несколько дней под сенью превосходного леса, на берегу этой несравненной реки! Что же касается вас, Мокум, то чего вам еще желать? Четвероногой и пернатой дичи в лесу сколько угодно, и ваше ружье неизменно поставляет нам мясо к ежедневному рациону. Охотьтесь, мой brave охотник, убивайте время, стреляя в ланей и буйволов. Идите, brave бушмен. А я тем временем буду караулить наших припозднившихся друзей — по крайней мере, вы избегнете риска пустить здесь корни!

Охотник понял, что совету астронома стоит последовать. Он решил пойти побродить несколько часов по близлежащим кустарникам и зарослям. Львы, гиены и леопарды были не страшны такому Немвроду, как он, привыкшему к африканским лесам. Он свистнул свою собаку Топа, похожую на «гиену» Калахарской пустыни, происходившую из той породы, из которой вывели некогда гончих псов. Это умное животное, которое, казалось, испытывало то же нетерпение, что и хозяин, вскопило рывком и радостным лаем выразило свое одобрение намерениям бушмена. Вскоре охотник и собака исчезли под сенью леса, плотная масса которого возвышалась позади водопада.

Оставшись один, Вильям Эмери лег у подножия ивы и, пока его из-за сильной жары не сморил сон, стал размышлять о сложившейся ситуации. Он находился здесь вдалеке от обитаемых мест, возле еще мало изученной реки Оранжевой. Он ждал европейцев — соотечественников, покинувших свою страну, чтобы испытать все превратности дальней экспеди-

ции. Но какова цель этой экспедиции? Какую научную проблему она должна была решить в пустынных местах Южной Африки? Какие наблюдения собиралась осуществлять на тридцатой параллели южной широты? Об этом-то как раз ничего не говорилось в письме почтенного господина Эри, директора Гринвичской обсерватории. От него, Эмери, требовалась помощь, как от человека, знакомого с климатом южных широт, и как от ученого, содействие и помощь которого были весьма необходимы коллегам из Соединенного Королевства.

Пока молодой астроном размышлял надо всем этим, задавая себе множество вопросов и не находя на них ответа, сон смежил его веки, и он крепко заснул. Когда же он проснулся, солнце уже скрылось на западе за живописными холмами, которые четко вырисовывались на багряном горизонте. У Вильяма Эмери засосало под ложечкой, и он понял, что близится час ужина. И действительно, было уже шесть часов, наступало время возвращаться к фуру, оставленной в долине.

Как раз в этот момент в зарослях древовидного вереска, высотой в двенадцать-пятнадцать футов, росшего справа по склону холма, раздался выстрел. Почти тотчас на опушке леса показались бушмен с Топом. Мокум ташил убитое животное, которое только что застрелил из ружья.

— Идите-ка сюда, мастер-поставщик! — закричал ему Вильям Эмери. — Что вы несете нам на ужин?

— Козленка, господин Вильям, — ответил охотник, бросив на землю свою ношу.

Это была разновидность антилопы, более широко известная под названием «прыгающий козел», которая часто встречается во всех регионах Южной Африки. Прекрасное животное с рогами, закруглявшимися в форме лиры, с туловищем, покрытым длинной, густой и шелковистой шерстью ослепительной белизны, с пятнистым брюхом каштанового цвета.

Взвалив на плечи палку с перекинутым через нее животным, охотник с астрономом покинули обрыв у водопада и через полчаса добрались до своей стоянки, расположенной в узком ущелье долины, где их ждала фура, охраняемая двумя возницами из племени бушменов.

ГЛАВА II

Официальное представление

Двадцать восьмого, двадцать девятого и тридцатого января Мокум и Вильям Эмери не покидали места назначенной встречи. В то время как бушмен, увлекаемый своими охот-

ничьими инстинктами, преследовал без всякого разбору дичь в районе лесного массива, прилегающего к водопаду, молодой астроном наблюдал за руслом реки. Зрелище природы, дикой и величественной, восхищало его и наполняло душу новыми впечатлениями. Он, человек, до сих пор имевший дело лишь с цифрами, ученый, днем и ночью склоненный над своими каталогами или прикованный к окуляру телескопа, вечно наблюдающий за прохождением звезд через меридиан или вычисляющий их затмения, теперь наслаждался жизнью на лоне природы, под сенью почти непроходимых лесов, покрывающих склоны холмов, на этих безлюдных вершинах, куда долетали брызги Моргеды. Он испытывал радость приобщения к поэзии этих пустынных просторов, почти не изученных человеком, его рассудок отдыхал от математических выкладок. Так скрашивались тяготы ожидания, и отсюда то неистощимое терпение, которого никак не мог разделять бушмен. А потому со стороны охотника раздавались одни и те же жалобы, а со стороны ученого — одни и те же невозмутимые ответы, которые отнюдь не успокаивали нервничавшего Мокума.

Наступило тридцать первое января — последний день, намеченный в письме почтенного Эри. Если ученые не появятся и сегодня, Вильяму Эмери придется принимать какое-то решение, что было бы для него очень затруднительно. Их опоздание могло продлиться бесконечно долго, а как можно бесконечно долго ждать?

— Господин Вильям,— сказал ему охотник,— почему бы нам не отправиться навстречу иностранцам? Мы не можем разминуться с ними по дороге. Здесь только один путь — эта река, и если они поднимаются по ней вверх, как говорится об этом в вашем клочке бумаги, мы непременно встретим их!

— У вас превосходная идея, Мокум,— ответил астроном.— Пойдем сделаем разведку ниже порогов. В любом случае мы сможем вернуться на стоянку по прилегающей к берегу долине. Но скажите мне, честный бушмен, вы достаточно хорошо знаете русло Оранжевой реки?

— Да, господин,— ответил охотник,— я два раза поднимался вверх по течению от мыса Вольпас до ее слияния с Гартом, на границе Трансваальской республики.

— А она судоходна везде, кроме Моргедских водопадов?

— Так оно и есть, господин,— ответил бушмен.— Правда, я добавлю, что к концу засушливого сезона Оранжевая река на расстоянии пяти-шести миль от устья мелеет. Тогда на ней образуется песчаная отмель, о которую с силой бьют набегающие с запада волны.

— Это не страшно,— ответил астроном,— к тому време-

ни, когда наши европейцы, согласно плану, должны были высадиться на берег, устье оставалось еще судоходным. Таким образом, нет никакой причины для их задержки, а, следовательно, они скоро прибудут.

Бушмен ничего не ответил. Он закинул карабин за плечо, свистнул Топа и пошел впереди своего спутника по узкой тропинке, спускавшейся с высоты четырехсот футов к подножию водопада.

Было девять часов утра. Оба исследователя — а их и вправду можно так назвать — стали спускаться вниз по течению реки, идя по ее левому берегу. Дорога отнюдь не представляла собой ровной и гладкой поверхности типа насыпи или мостовой. Берега реки, сплошь заросшие кустарником, исчезали под густым сводом деревьев различных пород. Гирлянды так называемого «*Syncauchium filiforme*» свешивались с одного дерева на другое, создавая непроницаемую зеленую сеть на пути двух пешеходов. А потому нож бушмена все время находился в действии. Он безжалостно рассекал эти создававшие преграду лианы. Вильям Эмери полной грудью вдыхал острые запахи леса, особенно богатого ароматом камфары, который источали многочисленные цветки диосмеев. К счастью, несколько полянок — участков берега, лишенных растительности, — вдоль которых мирно протекали богатые рыбою воды реки, позволили охотнику и его спутнику несколько быстрее продвигаться в западном направлении. К одиннадцати часам утра они преодолели около четырех миль.

Ветер дул с той стороны, где заходит солнце. А значит — в сторону водопада, и поэтому его рев не долетал до слуха путешественников, уже находившихся от него на приличном расстоянии. Зато звуки, раздававшиеся ниже по течению, они могли расслышать очень отчетливо.

Вильям Эмери с охотником остановились и стали всматриваться в прямую ленту реки. Здесь ее русло пролегалo между двумя возвышавшимися над нею меловыми утесами высотой в двести футов.

— Подождем в этом месте, — сказал астроном, — заодно и отдохнем. Я ведь не обладаю ногами охотника, мистер Мокум, и гораздо ловчее прогуливаюсь по звездному небосводу, чем по земным дорогам. Так что давайте здесь остановимся. Отсюда мы можем видеть реку на протяжении двух-трех миль, и как только самоходная барка появится у последнего поворота, мы ее сразу заметим.

Молодой астроном сел, прислонившись спиной к гигантскому молочаю, ствол которого поднимался на высоту сорока футов. Отсюда ему было далеко видно реку. Охотник же, не

привыкший расслаиваться, продолжал ходить взад и вперед по берегу, в то время как Топ вспугивал тучи диких птиц, которые не привлекали никакого внимания его хозяина.

Бушмен с компаньоном пробыли на этом месте не более получаса, когда Вильям Эмери увидел, что Мокум, находившийся шагов на сотню ниже его, вдруг насторожился. Уж не заметил ли бушмен барку, ожидаемую с таким нетерпением?

Покинув свое ложе из мха, астроном направился к охотнику. В несколько секунд они оказались рядом.

— Вы видите что-нибудь, Мокум? — спросил он у бушмена.

— Нет, я ничего не вижу, господин Вильям, — ответил охотник, — но мне кажется, что кроме природных звуков, привычных моему уху, с нижнего течения реки доносится какое-то необычное гудение!

Сказав это, бушмен попросил своего спутника соблюдать тишину, лег, прислонив ухо к земле, и стал внимательно слушать.

Через несколько минут охотник встал, тряхнул головой и сказал:

— Вероятно, я ошибся. Гул, который мне слышался, — всего-навсего шелест ветра в листве и шум речной воды, бьющейся о камни. И однако...

Тут он снова стал прислушиваться, но ничего не услышал.

— Мокум, — сказал тогда Вильям Эмери, — если шум, привлечший ваше внимание, происходит от машины самоходной барки, вы лучше расслышите его, спустившись к самой реке. Вода проводит звуки с большей скоростью, чем воздух.

— Вы правы, господин Вильям! — ответил охотник. — Ведь я не раз таким способом засекал, как гиппопотам переходит реку.

Бушмен спустился с крутого и обрывистого берега, хватаясь за лианы и пучки травы. Когда он добрался до реки, то вошел в нее по колено и, наклонившись, приложил ухо к поверхности воды.

— Да! — воскликнул он, послушав несколько мгновений. — Да! Я не ошибся. Там, в нескольких милях ниже по течению, раздается шум от сильных ударов по воде. Однообразные и непрерывные всплески, производимые на определенной глубине.

— Шум винта? — спросил в ответ астроном.

— Вероятно, господин Эмери. Значит, те, кого мы ждем, уже недалеко.

Вильям Эмери, зная, каким острым зрением, тонким слухом и обонянием наделен охотник, не усомнился в верности

такого предположения. Бушмен поднялся обратно на берег, и они оба остались ждать в этом месте, откуда им было легко наблюдать за течением реки Оранжевой.

Прошло полчаса, которые Вильяму Эмери, несмотря на его врожденное спокойствие, показались бесконечными. Сколько раз ему мерещилось, что он видит неясный профиль судна, скользящего по воде. Но зрение обманывало его. Наконец восклицание бушмена заставило сильно забиться его сердце.

— Дым! — закричал Мокум.

Глядя в том направлении, которое указал охотник, Вильям Эмери не без труда заметил легкое облачко, вытянувшееся на повороте реки. Больше сомневаться не приходилось.

Судно быстро продвигалось вперед. Вскоре Вильям Эмери смог различить его трубу, выбрасывавшую струю черного дыма, смешивавшегося с белым паром. Очевидно, экипаж прибавил в топке огня, чтобы увеличить скорость и успеть добраться до места встречи в назначенный день. Барка находилась еще на расстоянии примерно семи миль от Моргедских порогов.

Стоял полдень. Астроном подумал, что им следовало бы вернуться к подножию водопада, поскольку место, где они находились, было неудобно для высадки. Он поделился своими мыслями с охотником, и тот, не говоря ни слова, зашагал обратно по дороге, уже проделанной им вдоль левого берега реки. Вильям Эмери последовал за своим спутником, в последний раз обернувшись туда, где река делала изгиб, различив при этом британский флаг, развевавшийся за кормой судна.

Возвращаться назад к порогам удалось легче и быстрее, и уже через час бушмен и астроном сделали остановку, не доходя четверти мили до водопада. Здесь течение, делая полукруг, образовало небольшую бухточку с глубоким дном. В нее легко могла войти самоходная барка.

Должно быть, судно уже приближалось, ведь ему не составляло труда нагнать двух пешеходов, как бы быстро они ни двигались. Только его нельзя еще было увидеть, так как высокие деревья, росшие вдоль берега, склоняясь к самой воде, не давали простора взгляду. Но уже сквозь рев водопада слышались пронзительные свистки машины. Это экипаж давал сигнал о своем приближении к Моргедским порогам. Охотник ответил на него выстрелом из карабина, его повторило громкое эхо над рекой. Наконец судно появилось.

По знаку, поданному астрономом, барка развернулась и тихо пристала к берегу. Отдали швартовы. Бушмен схватил

канат и обмотал его вокруг низкого пня. На берег тотчас легко сбежал человек высокого роста и направился к молодому ученому, его компаньоны стали высаживаться следом за ним. Вильям Эмери сразу двинулся к этому человеку.

— Полковник Эверест?

— Господин Вильям Эмери? — спросил в ответ полковник.

Астроном и его коллега из Кембриджской обсерватории раскланялись и пожали друг другу руки.

— Господа, — сказал после этого полковник, — позвольте мне представить вам уважаемого Вильяма Эмери из обсерватории в Кейптауне, который был так любезен, что встретил нас у Моргедских водопадов.

Четыре пассажира, сошедшие с судна и стоявшие позади полковника Эвереста, один за другим раскланялись с астрономом из Кейптауна, который поклонился им в ответ. Потом полковник представил их всех Вильяму Эмери, конечно, в чисто британской манере:

— Господин Эмери, сэр Джон Муррэй из Девоншира, ваш соотечественник; господин Матвей Струкс из Пулковской обсерватории, господин Николай Паландер из обсерватории в Гельсингфорсе и господин Михаил Цорн из Киевской обсерватории — трое русских ученых, представляющих в нашей международной комиссии правительство Его величества.

ГЛАВА III

Преодоление преграды

Полковник Эверест, делегированный английским правительством, разделял с Матвеем Струксом председательство в этой международной комиссии. Эмери, кстати, знал полковника как выдающегося ученого, которому принесли известность его определения вращения туманностей и расчеты затмений звезд. Этот пятидесятилетний астроном, человек холодный и методичный, вел жизнь, с математической точностью рассчитанную по часам. С ним не происходило ничего неожиданного. Его точность во всех вещах была не меньшей, чем точность светил, пересекающих меридиан. Однако молодой астроном ждал, что полковник Эверест объяснится с ним относительно цели своей миссии здесь, в Южной Африке. Но полковник Эверест молчал, и Вильям Эмери не считал возможным расспрашивать его. Вероятно, по понятиям полковника, пора заговорить об этом еще не наступила.

Вильям Эмери знал также понаслышке и сэра Джона

Муррэя, богача и ученого, соперничавшего с Уильямом Россом и лордом Эльджином, который, не имея официального научного титула, прославил Англию своими астрономическими работами. Наука была обязана ему также и значительными денежными поступлениями. Двадцать тысяч фунтов стерлингов были пожертвованы им на устройство гигантского отражателя, конкурирующего с телескопом Парсонса-Тауна, с помощью которого удалось определить составляющие элементы нескольких двойных звезд. Это был человек лет сорока с лишним, с внешностью вельможи, его бесстрастное лицо никак не выдавало характера.

Что же касается троих русских, господ Струкса, Паландера и Цорна, то их имена Вильям Эмери тоже слышал не впервые. Однако молодой астроном не был знаком с ними лично. Николай Паландер и Михаил Цорн проявляли явное почтение к Матвею Струксу. Про себя Вильям Эмери отметил, что английских и русских ученых оказалось поровну, трое англичан и трое русских. И сам экипаж самоходной барки, имевшей название «Королева и Царь», насчитывавший десять человек, состоял из пяти выходцев из Англии и пяти — из России.

— Господин Эмери,— обратился к своему молодому коллеге полковник Эверест, как только взаимное представление было окончено,— мы знакомы теперь так же хорошо, словно совершили вместе это путешествие от Лондона до мыса Вольпас. Я испытываю к вам особое уважение и высоко оцениваю те работы, которыми вы, еще молодой ученый, снискали себе славу. Именно по моей просьбе английское правительство указало на вас в качестве участника тех операций, которые мы попытаемся предпринять в Южной Африке.

Вильям Эмери поклонился в знак признательности и подумал, что сейчас он наконец узнает мотивы, побудившие этих ученых прибыть именно в Южное полушарие. Но полковник не стал распространяться на эту тему.

— Господин Эмери,— сказал он,— позвольте вас спросить, завершены ли ваши приготовления?

— Полностью, полковник,— ответил астроном.— Следуя предписанию, данному мне в письме почтенным господином Эри, я месяц назад выехал из Кейптауна, отправившись на стоянку в Латтаку. Там я собрал все необходимое для проведения исследовательской работы в дебрях Африки — продовольствие и фуры, лошадей и бушменов. В Латтаку вас ждет конвой из ста вооруженных людей, а предводительствовать ими будет искусный и знаменитый охотник бушмен Мокум, которого я, с вашего позволения, вам представляю.

— Бушмен Мокум,— воскликнул полковник Эверест, если только можно назвать восклицанием тот ровный и холодный тон, каким были сказаны эти слова,— бушмен Мокум! Но это имя мне хорошо знакомо.

— Это имя ловкого и бесстрашного африканца,— добавил сэр Джон Муррэй, обернувшись к охотнику, которого европейцы с их славословиями несколько не смутили.

— Охотник Мокум,— сказал Вильям Эмери, представляя своего спутника.

— Ваше имя хорошо известно в Соединенном Королевстве,— отозвался полковник Эверест.— Вы были другом Андерсона и проводником прославленного Ливингстона, почтившего меня своей дружбой. Англия в моем лице благодарит вас, и я поздравляю господина Эмери с тем, что он выбрал вас в качестве начальника каравана. Такой охотник, как вы, должен быть любителем хорошего оружия. У нас с собой достаточно большой арсенал, и я попрошу вас выбрать из него то, что больше вам подойдет. Мы знаем, что оружие попадет в хорошие руки.

Радостная улыбка промелькнула на губах бушмена. То, как были оценены его услуги в Англии, несомненно, тронуло Мокума, но безусловно меньше, чем предложение полковника Эвереста. Он в достойных выражениях поблагодарил полковника и отошел в сторону, чтобы не мешать беседе Вильяма Эмери с европейцами.

Молодой астроном подробно рассказал, какая работа по организации экспедиции была им проделана, и полковник Эверест, похоже, остался доволен. Речь теперь шла о том, чтобы поскорее добраться до селения Латтаку, ибо каравану следовало отправиться в путь в первых числах марта, сразу после сезона дождей.

— Извольте решить, полковник,— сказал Вильям Эмери,— каким способом вы хотите добраться до этого селения.

— По Оранжевой реке, а потом по одному из ее притоков — Куруману, который протекает возле Латтаку.

— Все это хорошо,— заметил астроном,— но каким бы превосходным, каким бы быстрым ни было ваше судно, оно не сможет преодолеть Моргедский водопад!

— Мы обойдем водопад, господин Эмери,— ответил полковник.— Преодолев пешком несколько миль, мы сможем возобновить наше плавание выше порогов, и, если я не ошибаюсь, от верховья водопада до Латтаку река вполне судоходна для такой барки, как наша, ее осадка совсем незначительна.

— Несомненно, полковник,— вновь заговорил астроном,— но ваша судоходная барка так тяжела, что...

— Господин Эмери,— перебил его полковник Эверест,— наше судно — настоящий шедевр, сошедший со стапелей «Леард энд Компани» в Ливерпуле. Оно разбирается на части и собирается обратно с чрезвычайной легкостью. Ключ и несколько болтов — вот все, что нужно людям, проделывающим эту работу. Вы подогнали фуру к Моргедским водопадам?

— Да, полковник. Наш лагерь находится не далее мили от этого места.

— Тогда я попрошу бушмена пригнать фуру к месту нашей высадки. В нее будут погружены части судна и его машина, которая также легко и быстро разбирается, а сами мы пойдем вверх до того места, где Оранжевая река снова становится судоходной.

Приказания полковника Эвереста были исполнены. Бушмен сразу исчез в чаще, пообещав вернуться менее чем через час. За время его отсутствия барку разгрузили. Впрочем, груз оказался не особенно велик — ящики с инструментами, внушительная коллекция ружей фабрики Пардея Мура из Эдинбурга, несколько бидонов с водкой, бочонки с сушеным мясом, ящики с боеприпасами, чемоданы небольшого объема с самым необходимым, брезент для палаток и другие принадлежности, словно сошедшие с прилавка магазина для путешественников,— тщательно сложенная резиновая лодка, занимавшая не больше места, чем скатанное одеяло, кое-какие предметы для оборудования лагерной стоянки и так далее и тому подобное и, наконец, нечто вроде веерной митральезы¹ — орудия еще несовершенного, но которое должно было показаться очень грозным противнику, если бы тот вздумал приблизиться к судну.

Все эти вещи были снесены на берег. Машину мощностью восемь лошадиных сил и весом двести килограммов разобрали на три части: топка с котлами, механизм, который отделялся от топки одним поворотом ключа, и винт, поставленный на искусственный ахтерштевень. Сняв их с судна, матросы тем самым освободили всю внутренность барки. Кроме помещения, предназначенного для машины и трюмов, она имела еще передний отсек, отведенный для членов экипажа, и задний отсек, занимаемый полковником Эверестом и его спутниками. В мгновение ока все перегородки исчезли, а коф-

---

¹ Митральеза — стрелковое оружие, имеющее несколько стволов (до 25), расположенных веером, из которых стрельба ведется последовательно, с большой скоростью.

ры и койки были сняты и убраны. И судно превратилось просто в скорлупу.

Скорлупа эта, длиной тридцать пять футов, состояла из трех частей, как корпус самоходного баркаса «Ма-Роберт», сослужившего службу доктору Ливингстону во время его первого путешествия по Замбези. Она была сделана из оцинкованной стали, легкой и прочной одновременно. Болты, скреплявшие планки на опорной раме из того же металла, обеспечивали их плотное прилегание и герметичность барки.

Вильям Эмери был просто поражен несложностью всей работы и той легкостью, с которой она выполнялась. Не прошло и часа до прибытия фуры, управляемой охотником и двумя его бушменами, как судно уже подготовили к погрузке.

Устройство фуры было довольно примитивным. Она покоилась на четырех массивных колесах, образующих две оси, отстоящие друг от друга на двадцать футов, а по своей длине не уступала нынешнему американскому автобусу. Эта тяжелая, скрипучая махина, передняя часть которой выступала впереди колес на добрый фут, передвигалась с помощью шести домашних буйволов, запряженных попарно и очень чутко реагирующих на длинную остроконечную палку погонщика. Только такие огромные жвачные животные и могли сдвинуть с места повозку, когда она бывала полностью нагружена. Несмотря на ловкость «водителя», ей, вероятно, доводилось не раз застревать в топких болотистых местах.

Экипаж барки «Королева и Царь» занялся укладкой груза на фуру таким образом, чтобы хорошенько уравновесить все ее части. Всем известна вошедшая в поговорки ловкость моряков. Укладка и крепление частей судна казались не более чем игрой для этих бравых ребят. Более тяжелые его части они уложили прямо над осями — в самом устойчивом месте фуры. Между ними легли ящики, ящички, бочки, бочонки и другие предметы — все они легко нашли себе место. Что касалось самих путешественников, то дорога в четыре мили была для них всего лишь прогулкой.

В три часа дня, когда погрузка полностью завершилась, полковник Эверест дал сигнал к отправлению. Он со своими компаньонами под предводительством Вильяма Эмери пошел впереди. Бушмен, члены экипажа и погонщики фуры отправились вслед за ними более медленным шагом.

Путешествие оказалось не слишком утомительным. Подъемы и спуски, лежавшие на пути к верхнему течению Оранжевой реки, были не столь уж крутыми — очень удачное обстоятельство для тяжело нагруженной фуры. Что касалось членов ученой комиссии, то они легко взбирались на склоны

холмов. Между ними завязался общий разговор. Европейцы не могли налюбоваться чудесными видами, раскрывавшимися перед их глазами. Эта величавая природа, столь прекрасная в своей нетронутости, восхищала их точно так же, как она восхищала Вильяма Эмери. За время плавания европейцы еще не успели пресытиться красотами этого района Африки. Они восторгались, но сдержанным восторгом, как это и подобало англичанам — противникам всего, что могло бы показаться «неуместным». Водопад, например, вызвал у них аплодисменты, хотя и скупые, и лишь кончиками пальцев обозначенные, зато выразительные. Словом, правила «*Nil admirari*»¹ они придерживались не слишком строго. Вильям Эмери был здесь у себя дома и, стараясь показать гостям достопримечательности Южной Африки, не пропустил ни одной особенности этого своего африканского парка.

К половине пятого путешественники благополучно обошли Моргедские водопады. Европейцы достигли плато, с которого их взору, насколько хватало глаз, представилась река в ее верхнем течении, плавно катившая свои воды. Они расположились лагерем на берегу, ожидал прибытия фуры.

Около пяти часов на вершине холма показалась повозка. Она совершила переезд вполне благополучно. Полковник Эверест тотчас распорядился приступить к разгрузке, объявив, что отплытие состоится завтра утром, на рассвете.

Вся ночь прошла в работе. Корпус судна матросы собрали менее чем за час, машина и винт были поставлены на место, металлические перегородки возведены между каютами, отсеки восстановлены, тюки разложены в должном порядке — все эти действия, выполненные быстро и четко, делали честь команде барки «Королева и Царь». Составлявшие ее англичане и русские, люди тщательно отобранные, отличались дисциплинированностью и ловкостью, и на них можно было положиться.

На следующий день, первого февраля, на рассвете судно приняло на борт пассажиров. Из его трубы уже вырывался кольцами черный дым, а механик, чтобы усилить тягу, выпускал сквозь этот дым струи белого пара. Машина, имея высокое давление и не имея конденсатора, выпускала пар при каждом подъеме клапана, как в системе, используемой на локомотивах. Топке, имевшей большую нагревательную поверхность, требовалось не более получаса, чтобы выработать достаточное количество пара. Экипаж позаботился о дровах,

---

¹ Ничему не удивляться (лат.).

приготовив хороший запас черного и бакаутового дерева, не пожалев ценных пород, которыми изобиловали окрестности.

В шесть часов утра полковник Эверест дал сигнал к отплытию. Вместе с пассажирами и матросами в плавание отправлялся охотник Мокум, хорошо знавший русло реки. Он поручил своим бушменам перегнать фуру в Латтаку.

В тот момент, когда судно отдавало швартовы, полковник Эверест сказал астроному:

— Кстати, господин Эмери, а известно ли вам, что мы собираемся здесь делать?

— Не имею ни малейшего представления, полковник.

— А все просто, господин Эмери. Мы должны измерить дугу меридиана в Южной Африке.

ГЛАВА IV

Несколько слов по поводу метра

Во все времена идея об универсальной единице измерения Земли владела умами людей. Представлялось важным, чтобы мера эта оставалась точной и неизменной, какие бы катаклизмы ни потрясали нашу планету.

Над этим думали еще ученые древности. Аристотель, по свидетельству древних историков, принял за нее стадию, или египетский локоть времен фараона Сезостриса, как сотысячную часть расстояния от полюса до экватора. Эратосфен, в век Птолемеев, вычислил, правда, довольно приблизительно, длину градуса, измерив длину Нила между Сиеной и Александрией. Такого же рода геодезические операции проделали Посидоний и Птолемей, но они не смогли вычислить градус с достаточной точностью, равно как и их последователи.

Во Франции первым начал отрабатывать методы измерения градуса Пикар, и в 1669 году, определив длину дуги небесной и дуги земной между Парижем и Амьеном, он дал в качестве величины градуса пятьдесят семь тысяч шестьдесят туазов¹.

Затем подобную работу провели Жак Кассини и Лаир в 1683—1718 годах, измеряя дугу меридиана до Дюнкерка и Кольюра, а в 1739 году на участке от Дюнкерка до Перпиньяна их вычисления выверяли Франсуа Кассини и Лакайль. Впоследствии измерение дуги этого меридиана было продолжено до Барселоны ученым Мешеном. Когда Мешен умер —

---

¹ Туаз — старинная мера длины, равная 196 см (в некоторых расчетах применяется округленно — 2 м).

он скончался от чрезмерного напряжения сил, выполняя столь трудную задачу,— измерение французского меридиана возобновилось лишь в 1807 году усилиями Араго и Бю. Эти двое ученых «протянули» дугу до Балеарских островов. Измерение дало в качестве средней величины дуги в «один градус» пятьдесят семь тысяч двадцать пять туазов.

Как видим, вплоть до начала девятнадцатого столетия только отдельные французские ученые занимались этой сложной проблемой. Хотя уже в 1790 году французское правительство, по предложению Талейрана, выпустило декрет, в котором Академии наук предлагалось найти эталоны для мер и весов, и вскоре в докладе, подписанном такими прославленными именами, как Борда, Лагранж, Лаплас, Монж, Кондорсе, предлагалось единицей длины считать одну десятиллионную часть четверти меридиана, а единицей веса всех тел — вес одного кубического сантиметра дистиллированной воды. Так была предложена десятичная система для увязывания всех мер между собой.

Работы по определению величины одного градуса земного меридиана проводились в различных местах, поскольку земной шар является не сфероидом¹, а эллипсоидом², и вычисление его сплюснутости на полюсах стало возможно только после множества замеров.

В 1736 году Мопертюи, Клеро, Камю, Лемонье, Утье и швед Цельсий произвели измерение северной дуги в Лапландии и вычислили, что длина дуги в один градус составляет пятьдесят семь тысяч четыреста девятнадцать туазов. В 1745 году Кондамин, Буге, Годэн, которым помогали испанцы Хуан и Антонио Уллоа, измерили градус меридиана в Перу, определив, что его длина составляет пятьдесят шесть тысяч семьсот тридцать семь туазов.

В 1752 году Лакайль доложил о длине в пятьдесят семь тысяч тридцать семь туазов, составляющей величину одного градуса меридиана на мысе Доброй Надежды. В 1754 году святые отцы Мэр и Боскович получили в качестве одного градуса меридиана между Римом и Римини пятьдесят шесть тысяч девятьсот семьдесят три туаза.

В 1762 и 1763 годах Беккариа вычислил длину градуса в Пьемонте, составившую пятьдесят шесть тысяч четыреста шестьдесят восемь туазов. В 1768 году астрономы Мейсон и

---

¹ Сфероид — шар, сплюснутый сжатием с двух сторон одного перпендикуляра, проходящего через центр.

² Эллипсоид — замкнутая поверхность, получаемая из шара, если шар сжать (растянуть) в произвольных отношениях в трех взаимно перпендикулярных направлениях.

Диксон в Северной Америке нашли, что длина американского градуса на границе Мэриленда и Пенсильвании составляет пятьдесят шесть тысяч восемьсот восемьдесят восемь туазов.

Потом, в XIX веке, было сделано множество других измерений дуги меридиана в Бенгалии, в восточной Индии, в Пьемонте, в Финляндии, в Курляндии, в Ганновере, в Восточной Пруссии, в Дании и так далее.

Англичане и русские менее активно, чем другие, занимались этими сложными проблемами, и самым значительным из подобных вычислений явилась работа генерал-майора Рояма, в 1784 году сделавшего попытку увязать французские меры длины с английскими.

Итак, теперь мы знаем, что измерения различных дуг меридиана в различных местах не совпадали полностью между собой, и можем сделать вывод, что за среднюю длину градуса следует взять пятьдесят семь тысяч туазов, то есть двадцать пять старинных, французских лье, и что, помножив эту среднюю величину на триста шестьдесят градусов, составляющие поверхность Земли, можно определить, что окружность ее равняется девяти тысячам лье¹. Из этой средней величины — пятьдесят семь тысяч туазов, принятой за длину градуса, вычислили величину «метра», то есть одну десятимиллионную часть четверти земного меридиана, которая, как оказалось, составляет три фута и одиннадцать целых двести девяносто шесть тысячных линий².

На самом деле эта цифра немного занижена. Новые расчеты, учитывающие сплюснутость Земли на полюсах, дают уже не десять миллионов метров в качестве длины четверти меридиана, а десять миллионов восемьсот пятьдесят шесть метров. Эта разница в восемьсот пятьдесят шесть метров малозначительна по сравнению с такой большой длиной; тем не менее, если подойти с точки зрения математики, приходится сказать, что общепринятый метр не представляет собой действительно одну десятимиллионную часть четверти земного меридиана. Здесь есть ошибка, по крайней мере, примерно в две десятитысячных линий.

Такой метр почти сразу приняли Бельгия, Испания, Пьемонт, Греция, Голландия, бывшие испанские колонии, республика Эквадор, Новая Гренада, Коста-Рика и другие страны. Однако, несмотря на очевидное превосходство метри-

---

¹ Лье — единица длины во Франции. Сухопутное лье равно 4,444 км, морское — 5,556 км. Девять тысяч лье равны 40 500 км. По современным данным, окружность Земли по экватору равна 40 075 км.

² Линия — в английской системе мер длины единица, равная $\frac{1}{12}$ дюйма, или 0,21167 см.

ческой системы над всеми другими, Англия до сих пор упорно отказывалась принять ее.

Возможно, что эта система была бы принята населением Соединенного Королевства, если бы не политические осложнения, ознаменовавшие конец XVIII столетия. Когда восьмого мая 1790 года вышел упомянутый декрет, английских ученых из Королевского общества пригласили присоединиться к французским ученым. И те и другие собирались провести совместное заседание, чтобы обсудить, что принять за длину метра — длину обычного маятника, который делает шестьдесят колебаний в минуту, или же какую-то определенную часть одной из окружностей Земли. Но только в этом, 1854 году, уже давно понимая преимущества метрической системы и видя, кстати, что всюду образуются общества ученых и коммерсантов для пропагандирования реформы в этой области, Англия решила принять ее.

Английское правительство пожелало держать это решение в секрете, пока новые геодезические измерения не позволят дать земному градусу более точное значение. Тем не менее в этом вопросе британское правительство сочло своим долгом договориться с русским правительством, которое тоже склонялось к принятию метрической системы. Таким образом, была составлена комиссия, в которую вошли отобранные среди самых выдающихся членов научных обществ три английских и три русских астронома. Как мы уже видели, от Англии таковыми явились полковник Эверест, сэр Джон Муррэй и Вильям Эмери; от России — господина Матвей Струкс, Николай Паландер и Михаил Цорн.

Эта международная научная комиссия, тогда в ее состав еще не вошел Вильям Эмери, собравшись на заседание в Лондоне, решила, что прежде всего измерение дуги меридиана следует предпринять в Южном полушарии. Выполнив его, они затем предпримут новое измерение дуги меридиана, но уже в Северном полушарии: по результатам своих экспедиций ученые двух стран надеялись вывести точную величину, которая отвечала бы всем условиям их программы. Оставалось сделать выбор между несколькими английскими владениями, расположенными в Южном полушарии — Капской колонией, Австралией и Новой Зеландией. Но, во-первых, две последние страны слишком удалены от Европы, и научной комиссии пришлось бы проделать очень долгое путешествие. Во-вторых, маори и австралийцы, постоянно находясь в состоянии войны со своими завоевателями, могли бы затруднить проведение планируемой операции. Капская же колония предлагала реальные преимущества: прежде всего, она

расположена на том же меридиане, что и некоторые области Европейской России, и после того как будет измерена дуга меридиана в Южной Африке, можно будет измерить другую дугу того же меридиана в Российской империи, по-прежнему сохраняя все предприятие в секрете; кроме того, само путешествие в английские владения в Южной Африке было относительно коротким; и наконец, английским и русским ученым здесь представлялась уникальная возможность проверить вычисления французского ученого Лакайля, делая измерения в тех же местах, что и он, и узнать, был ли он прав, дав цифру пятьдесят семь тысяч тридцать семь туазов при определении градуса меридиана на мысе Доброй Надежды.

Таким образом, обе стороны решили, что геодезические работы следует проводить на Капской территории. Правительство Великобритании и России поддержали решение научной комиссии и открыли для этой цели кредиты. Все инструменты, необходимые для проведения триангуляции, были изготовлены в двойном количестве, а фрегат «Августа» Королевского флота получил приказ доставить к устью реки Оранжевой членов комиссии и их сопровождающих.

Добавим еще, что к вопросу науки здесь примешивался вопрос национальной чести, волновавший ученых, объединившихся для общего дела. Действительно, речь шла о том, чтобы постараться превзойти Францию в проведении вычислений, победить ее самых прославленных астрономов в точности работы, причем в дикой и почти не изученной стране. А потому члены англо-русской экспедиции решили пожертвовать всем и не пожалеть ничего, чтобы добиться результатов, полезных науке и в то же время могущих принести славу отечеству.

Вот почему в последние дни января 1854 года астроном Вильям Эмери появился у Моргедских водопадов на берегу реки Оранжевой.

ГЛАВА V

Поселок бечуанов

Путешествие по верховью реки было недолгим. Пассажиры, с комфортом устроившиеся в каюте судна, несколько не страдали от проливных дождей, обычных здесь в это время года. «Королева и Царь» двигалась быстро. На пути судна не встречалось ни стремнин, ни отмелей, течение реки, будучи не столь уж сильным, тоже не мешало быстрому движению барки.

Берега Оранжевой реки по-прежнему восхищали взоры. Деревья самых разнообразных пород сменяли друг друга вдоль ее берегов, в их зеленых кронах копошились мириады птиц. Там и тут купами стояли деревья, принадлежащие к семейству протеевых, и в частности, «Wagenboom» — деревья с корой цвета красного мрамора, производившие удивительное впечатление своими темно-синими листьями и крупными бледно-желтыми цветами; или еще «Zwartebast» — деревья с черной корой и вечнозеленые «Kagrees» с темной листвой. Иногда лес тянулся на расстоянии многих миль в сторону от берега, тенистого в любом месте благодаря плакучим ивам. То тут, то там неожиданно вдруг появлялись большие незаросшие участки. Это были обширные равнины, во множестве усеянные горькой тыквой, перемежаемой «сахарными кустарниками», состоящими из медоносных растений, откуда выпархивали стаи крохотных птичек с чудесным пением, которых каские колонисты называют «сахарными соловьями».

Пернатый мир был представлен здесь самыми разнообразными образцами. Бушмен показывал всех их сэру Джону Муррэю, большому любителю пернатой и четвероногой дичи. Так между англичанином-охотником и Мокумом завязалась особая, тесная дружба. Мокум получил в подарок от своего благородного спутника превосходный карабин системы «Rauhy», с большой дальностью стрельбы. Излишне описывать радость бушмена, ставшего вдруг обладателем такого великолепного оружия.

Новые приятели хорошо понимали друг друга. Являясь видным ученым, сэр Джон Муррэй в то же время слыл одним из самых блестящих охотников на лис старой Каледонии. Он с воодушевлением слушал рассказы бушмена, у него загорались глаза, когда тот показывал ему в чаще на каких-нибудь жвачных — то на стадо жирафов голов в пятнадцать-двадцать, то на буйволов высотой в шесть футов, с головою, увенчанной спиралью черных рогов, чуть дальше — на свирепых гну с лошадиными хвостами, где-то еще — на стадо «саатас», разновидность больших ланей с горящими глазами, рога которых представляют собой грозные треугольные пирамиды, и всюду, будь то густой лес или голая равнина, — на многочисленных представителей рода антилоп, которыми так и кишит Южная Африка: серну-бастард, gemsbok, газель, кустарникового козла, прыгающего козла — всех и не перечислить. Не правда ли, было от чего взыграть охотничьим инстинктам? Да разве могла охота на лисицу где-нибудь в низинах Шотландии соперничать с подвигами Кумминса, Андерсона или Болдвина. Надо сказать, что компаньоны сэра

Джона Муррэя не были столь же взволнованы видом этих великолепных образчиков дичи. Вильям Эмери, например, внимательно присматривался к членам экспедиции, стараясь угадать, что за люди его новые коллеги. Сверстники полковник Эверест и Матвей Струкс казались одинаково сдержанными и замкнутыми. Разговор они вели осторожно и размеренно, а когда встречались утром, то можно было подумать, что впервые в жизни увиделись друг с другом только накануне вечером. Не приходилось даже надеяться, что когда-нибудь между двумя этими выдающимися личностями сможет установиться тесная близость. Всем известно, что даже две льдины, оказавшись рядом, в конце концов соединятся друг с другом, но такого никогда не случится с двумя учеными, если оба они занимают видное положение в науке.

Николай Паландер, пятидесяти пяти лет от роду, казался одним из тех людей, которые никогда не были молодыми и которые никогда не будут старыми. Этот астроном из Гельсингфорса постоянно пребывал в сосредоточенности, погруженный в свои вычисления, как великолепно организованная машина; да это и была машина, нечто вроде абаки или универсального счетчика. «Счетная машина» англо-русской комиссии, этот ученый являл собою одного из трех «чудолодей», которые могут множить в уме любое число на пятизначное, то есть был человеком вроде Монде, только пятидесятилетним.

Михаил Цорн более всех подходил Вильяму Эмери и по возрасту, и по темпераменту энтузиаста, и по своему добродушию. Его приятные качества не мешали ему стать достаточно заслуженным астрономом, рано получившим известность. Открытия, сделанные им лично и под его руководством в Киевской обсерватории в области туманности Андромеды, наделали много шума в ученых кругах Европы. К его бесспорным заслугам относилась и большая скромность — он всегда старался держаться в тени.

Вильяму Эмери и Михаилу Цорну просто суждено было стать друзьями. Одни и те же вкусы, одни и те же устремления соединили их. Теперь они частенько беседовали вдвоем. А в это время полковник Эверест и Матвей Струкс хладнокровно присматривались друг к другу, Паландер извлекал в уме кубические корни, не замечая пленительных ландшафтов побережья, а сэр Джон Муррэй и бушмен строили планы жертвоприношения богине охоты.

Плавание на «Королеве и Царе» по верховью реки Оранжевой проходило без приключений. Правда, иногда скалистые выступы, гранитные берега, окаймлявшие извилистое

русло реки, казалось, преграждали судну путь. Или бывало так, что покрытые густым лесом острова, возникавшие перед баркой, вызывали некоторую неуверенность в том, какую дорогу следует выбрать. Бушмен в таких случаях никогда не колебался, и судно очень скоро выбиралось из тупика. Штурман ни разу не пожалел о том, что последовал наставлениям Мокума.

За четыре дня барка преодолела двести сорок миль, отделяющие Моргедские водопады от Курумана — одного из притоков реки Оранжевой, протекающего как раз мимо селения Латтаку, куда и направлялась экспедиция Эвереста. На расстоянии тридцати лье выше водопадов река делала поворот и, поменяв свое обычное направление, устремлялась на юго-восток, омывая острый угол, который образует на севере территория Капской колонии. Затем она поворачивала на северо-восток и терялась в трехстах милях отсюда в лесистых районах Трансваальской республики.

Пятого февраля ранним утром, в сильный дождь, барка достигла стойбища Клаарватер — готтентотской деревни, возле которой Куруман впадает в Оранжевую реку. Быстро миновав несколько бушменских хижин, составлявших эту деревню, судно начало подниматься вверх, против течения притока. Пассажиры «Королевы и Царя» знали об одной особенности этой водной артерии: русло Курумана, очень широкое у истоков, ниже по течению все больше сужается из-за обмеления реки под иссушающими лучами солнца, но в период дождей Куруман становится полноводным и быстрым потоком. Поэтому капитан приказал поддать пару, чтобы судно поднялось вверх по течению Курумана со скоростью трех миль в час.

Река буквально кишела гиппопотами. Эти громадные толстокожие, которых капские голландцы называют «морскими коровами», грузные животные длиною от восьми до десяти футов, не отличались особой агрессивностью. Пыхтение самоходной барки и шум винта пугали их. Судно казалось им диковинным чудовищем, которого следовало опасаться, и потому приблизиться к ним на расстояние ружейного выстрела оказалось делом весьма трудным. Сэр Джон Муррэй охотно бы испробовал свои разрывные пули на их мясистых тушах, но бушмен убедил его, что гиппопотамы еще встретятся им в северных реках, и сэр Джон Муррэй решил дожидаться более благоприятного случая.

Расстояние в сто пятьдесят миль, которое отделяет устье Курумака от стоянки в Латтаку, было преодолено за пятьде-

сят часов. Седьмого февраля в три часа дня они достигли пункта назначения.

Когда самоходная барка причалила к плотине, на ее борт поднялся человек лет пятидесяти, серьезного вида, но с добродушным лицом. Он протянул руку Вильяму Эмери. Астроном, представляя новоприбывшего своим спутникам, сказал:

— Преподобный Томас Дэйл, член Лондонского миссионерского общества, руководитель миссии в Латтаку.

Европейцы поклонились преподобному Томасу Дэйлу, тот поздравил их с благополучным прибытием и сказал, что находится в их полном распоряжении.

Город Латтаку, скорее — селение с таким названием, представляет собой самую северную миссионерскую станцию Капской колонии. Он делится на старую и новую Латтаку. Старая, почти полностью покинутая в настоящее время, к которой только что подошла «Королева и Царь», в начале века еще насчитывала двенадцать тысяч жителей, которые с тех пор уехали на северо-восток. Этот город, пришедший в упадок, сменила новая Латтаку, выстроенная неподалеку, в долине, некогда сплошь покрытой акациями.

Новый город Латтаку, в который европейцы и отправились под предводительством преподобного отца, состоял примерно из сорока групп домов и насчитывал приблизительно пять-шесть тысяч жителей, принадлежавших к большому племени бечуанов. Именно здесь, в этом городе, прожил три месяца в 1840 году доктор Дэвид Ливингстон, прежде чем отправиться в путь по Замбези, — в путь, которому суждено было привести прославленного путешественника на побережье Мозамбика — через всю Центральную Африку, от залива Лоанда в Конго до порта Келимане.

Прибыв в новую Латтаку, полковник Эверест передал Томасу Дэйлу письмо доктора Ливингстона, рекомендовавшего англо-русскую комиссию своим друзьям в Южной Африке. Миссионер прочел его с живейшим удовольствием, потом, вернув его полковнику Эвересту, сказал, что оно может быть ему весьма полезным во время экспедиции, поскольку имя Дэвида Ливингстона известно и почитаемо во всей этой части Африки.

Членов комиссии разместили в миссионерском доме — просторном здании, построенном на возвышении и окруженном непреодолимой изгородью наподобие крепостной стены. В этом доме им было гораздо удобнее, чем если бы они поселились у туземцев. И не потому, что жилища бечуанов не содержались в чистоте и порядке. Напротив, на глиняном полу любой из хижин не было ни пылинки, а крыша из длинной со-

ломы совсем не пропускала дождя; но домики эти были всего лишь шалашами, входом в них служило небольшое круглое отверстие, что представляло явное неудобство. В таких хижинах жить пришлось бы со всеми домочадцами в одной комнате, а это не вызывало восторга у европейцев, привыкших к совсем иным условиям жизни.

Вождь племени бечуанов, живший в Латтаку, некий Мулибахан, счел долгом явиться к приезжим и засвидетельствовать им свое почтение. Мулибахан, довольно красивый плотный мужчина, был одет в плащ из разных шкур, сшитый с большим искусством, и набедренную повязку, называемую «рикоје» на местном наречии. На голове он носил кожаную феску, на ногах — сандалии из бычьей кожи. Выше локтя на смуглой коже выделялись белизной браслеты из слоновой кости, в ушах качались медные пластины длиною в четыре дюйма¹ — нечто вроде серег, являвшихся также и амулетом. К феске его был прикреплен хвост антилопы. В руке он держал охотничий посох с пучком коротких черных страусовых перьев наверху. Густой слой охряной краски, покрывавший бечуанского вождя с ног до головы, скрывал естественный цвет его кожи. Несколько надрезов на ляжке, оставивших глубокий след, указывали на число врагов, убитых Мулибаханом.

Вождь, державшийся, по крайней мере, столь же важно, как Матвей Струкс, приблизился к европейцам и потрогал всех по очереди за нос. Русские восприняли этот жест серьезно. Англичан он несколько покоробил. Тем не менее, согласно африканским обычаям, такой жест означал торжественное обязательство оказать европейцам гостеприимство.

Завершив свою церемонию, Мулибахан удалился, не произнеся ни единого слова.

— А теперь, когда мы стали натурализованными бечуанами,— сказал полковник Эверест,— давайте займемся, не теряя ни дня, ни часа, нашими делами.

Ни дня и ни часа действительно потеряно не было, и все же (ведь организация подобной экспедиции требует столько хлопот и содержит столько мелочей) комиссия подготовилась к исследованиям не раньше первых чисел марта. Впрочем, пока не закончился сезон дождей, их и не стоило начинать. Зато потом вода, наполнив подземные резервуары, станет драгоценным источником жизни для путешествующих по пустыне.

Отъезд назначили на второе марта. В этот день весь караван, поставленный под начало Мокума, был готов выступить

---

¹ Дюйм — мера длины, равная 2,54 см.

в поход. Европейцы попросились с миссионерами Латтаку и в семь часов утра покинули селение.

— Куда мы идем, полковник? — спросил Вильям Эмери в тот момент, когда караван миновал последнюю хижину селения.

— Все прямо и прямо, господин Эмери, — ответил полковник, — пока не найдем подходящего места для постройки базиса.

В восемь часов караван перешел через невысокие, покрытые низкорослыми деревцами холмы, со всех сторон окружавшие Латтаку. И перед взорами путешественников раскинулась пустыня со всеми ее опасностями и тайнами.

ГЛАВА VI,

в которой знакомство довершается

Конвой под командой Мокума состоял из ста человек туземцев. Все они были бушменами — людьми трудолюбивыми, не раздражительными, не строптивыми, способными переносить любые лишения. Когда-то, до появления здесь миссионеров, бушмены пробавлялись лишь убийствами да грабежами, расправляясь обычно со своими противниками, когда те спали. Миссионерам удалось немного смягчить их дикие нравы: и все же эти туземцы и по сей день время от времени грабят фермы и уводят скот.

Десять повозок, похожих на ту фуру, которую бушмен доставил к Моргедским водопадам, составляли гужевой транспорт экспедиции. Две из них представляли собой нечто вроде домов на колесах, и, предлагая определенный комфорт, они должны были сослужить хорошую службу в лагере европейцев. Таким образом, за полковником Эверестом и его спутниками следовало жилище, сделанное из дерева, хорошо укрытое брезентом, снабженное спальными местами и всем необходимым для туалета. В местах лагерной стоянки благодаря им к тому же экономилось время, необходимое на установку палатки, поскольку это жилище прибывало к месту уже собранным.

Одна из таких повозок была предназначена для полковника Эвереста и двух его соотечественников — сэра Джона Муррэя и Вильяма Эмери. Обитателями другой повозки были русские — Матвей Струкс, Николай Паландер и Михаил Цорн. Еще две, выполненные примерно по тому же образцу, принадлежали пятерым англичанам и пятерым русским, составлявшим экипаж судна «Королева и Царь».

Корпус и машину самоходной барки, разобранной на части и погруженной на одну из фур, тоже везли за путешественниками через всю африканскую пустыню. На континенте есть много внутренних озер. Некоторые из них могли оказаться на пути возможного следования научной комиссии, и тогда судно весьма бы пригодилось.

Другие повозки везли инструменты, продовольствие, вещи путешественников, их оружие, боеприпасы, приборы, необходимые для проведения запланированной триангуляции, — такие, как портативные пилон¹, сигнальные столбы², фонари, подставки для измерения базиса треугольника и, наконец, вещи, предназначенные для ста человек конвоя. Провизия бушменов состояла в основном из «biltongue» — мяса антилопы, буйвола или слона, разрезанного на длинные полоски и высушенного на солнце или умеренном огне, которое может сохраняться в течение нескольких месяцев. Такой способ приготовления мяса сокращает потребление соли и очень распространен в тех районах, где испытывается недостаток в этом полезном минерале. Что касается хлеба, то бушмены рассчитывали заменить его различными плодами и корешками, ядрами арахиса, луковцами некоторых видов мезембриантенума — таких как местный инжир, каштаны или сердцевина разновидности саговой пальмазамии, которая так и называется «кафрским хлебом». Эти запасы провизии растительного происхождения должны были пополняться по дороге. Что касается живности, то и о ней подумали организаторы экспедиции, поручив охотникам каравана прочесывать леса и долины, которые встретятся на их пути. Кстати, последние с необычайным искусством владели своими луками из дерева алоэ и своими «ассагэ», напоминающими длинное копье.

В каждую повозку впрягли шесть быков капской породы — длинноногих, ширококостных и большерогих — с помощью упряжки из буйволиной кожи. Тяжелые повозки, эти неуклюжие образцы первобытного гужевого транспорта, могли не бояться ни крутых склонов, ни оврагов и передвигаться если не быстро, то надежно на своих массивных колесах.

Что касалось верховых животных, предназначенных для самих путешественников, то в караване имелись маленькие лошадки испанской породы, черной или сероватой масти, вывезенные в капские земли из Южной Америки, — добрые и выносливые животные, которые очень ценились в этих местах.

---

¹ Пилон — массивный столб, служащий опорой перекрытий или стоящий у входов и въездов.

² Сигнальные столбы — вышки высотой от 6 до 55 м, применяемые при триангуляционной съемке местности для наведения приборов.

Расчет делался также и на полдюжину таких представителей отряда четвероногих, как домашние «souaggas» — разновидность тонконогих ослов с крутыми боками, рев которых напоминает лай собаки. Эти «souaggas» должны были пригодиться во время коротких вылазок, связанных с геодезическими операциями, чтобы перевозить инструменты и приборы там, где не смогут проехать тяжелые повозки. И только бушмен Мокум, составляя исключение, с грацией и необыкновенной ловкостью гарцевал на великолепном животном, вызывавшем восхищение сэра Джона Муррэя, большого знатока. Это была зебра, шкура которой, испещренная поперечными коричневыми полосами, отличалась несравненной красотой. Она была высотой в холке четыре фута и семи футов от пасти до хвоста. Это недоверчивое и пугливое животное не стерпело бы на себе никакого другого всадника, кроме Мокума, сумевшего приручить его.

Несколько собак полудикой породы, которых иногда ошибочно называют «охотничьими гиенами», бежали с двух сторон каравана. Своим строением и длинными ушами они напоминали европейскую легавую. Таков был общий состав каравана, намеревавшегося углубиться в пустынные дебри Африки. Быки, направляемые «джамбоксами» своих возниц, коловших их в бок, продвигались вперед спокойно и размеренно, и вид этого отряда, растянувшегося в походном порядке на фоне холмов, представлял весьма занятное зрелище.

Куда направлялась эта экспедиция, покинувшая Латаку?

«Все прямо и прямо», — сказал полковник Эверест.

И действительно, в настоящий момент полковник и Матвей Струкс не могли придерживаться какого-то вполне определенного направления. Дело в том, что, прежде чем начать свои геодезические операции, они должны были найти большую, совершенно гладкую равнину с тем, чтобы построить на ее поверхности основание первого из тех треугольников, сеть которых покрывает южный район Африки на протяжении нескольких градусов. Но руководители экспедиции понимали, что без подсказки Мокума им вряд ли удастся скоро набрести на такое место. Поэтому полковник Эверест призвал охотника и с основательностью ученого заговорил с ним о треугольниках, прилегающих углах, о базисе, измерении меридиана, зенитном расстоянии и так далее. Бушмен какое-то время дал ему высказываться, но скоро прервал его.

— Полковник, — сказал он, сделав нетерпеливый жест, — я ничего не понимаю в ваших углах, базисах и меридианах. Я даже никак не могу взять в толк, что вы собирае-

тесь делать в африканской пустыне. Но, в конце концов, это ваше дело. Что вы хотите от меня? Хорошую и большую равнину, очень ровную и очень гладкую? Хорошо, мы вам такую найдем.

И по распоряжению Мокума караван, только что переваливший через холмы Латтаку, взял направление на юго-запад, к притоку Оранжевой Куруману, надеясь в долине этой реки найти место, подходящее для планов полковника.

С этого дня охотник взял себе в привычку ехать во главе каравана. Хорошо экипированный сэр Джон Муррэй не отставал от него, и по раздававшемуся время от времени выстрелу коллеги узнавали, что сэр Джон осуществил знакомство с очередной африканской дичью. Полковник же, весь погруженный в свои мысли, ехал на лошади, не правя, думая о том, как сложится судьба экспедиции в этих диких краях, руководить которой действительно очень нелегко. Матвей Струкс, либо верхом на лошади, либо сидя в повозке, в зависимости от характера местности, всю дорогу ехал, не разжимая губ. Что касается Николая Паландера — настолько плохого всадника, что хуже нельзя себе представить, то он чаще всего шел пешком либо забирался в свою повозку и там уходил с головой в самые глубокие абстракции высшей математики.

Вильям Эмери и Михаил Цорн по ночам занимали каждый свою повозку, днем же, во время перехода каравана, они были неразлучны. Эти молодые люди с каждым днем привязывались друг к другу все более тесными узами дружбы. Каждый этап они преодолевали верхом, держась рядом, беседуя и споря о многом. Часто они отрывались от каравана, то удаляясь в сторону, то обгоняя его на несколько миль — перед ними, насколько хватало глаз, простиралась равнина. Тогда они становились свободными детьми природы, словно затерянными в этой дикой местности. Тут-то они начинали болтать обо всем на свете, кроме науки! Они забывали о цифрах и проблемах, о вычислениях и наблюдениях, это были уже не астрономы, созерцатели усеянного звездами небосвода, а два сбегавших с уроков школьника, которым так радостно ехать сквозь густую чащу леса, мчаться по бесконечной равнине, вдыхать полной грудью воздух, насыщенный пряными запахами. Они смеялись, да-да, смеялись, как простые смертные, а не как степенные люди, которые проводят жизнь в обществе комет и других небесных тел. И если они никогда не смеялись над самой наукой, они все же порой подсмеивались над мрачными учеными. Впрочем, это делалось без всякой злобы. Они оба были славными молодыми людьми — экс-

пансивными¹, общительными, преданными науке, составляя резкий контраст со своими начальниками, являвшимися скорее натянутыми, чем подтянутыми,— полковником Эверестом и Матвеем Струком.

Эти ученые часто становились предметом их обсуждения. Вильям Эмери начинал лучше узнавать их по рассказам своего друга Михаила Цорна.

— Да,— сказал однажды Михаил Цорн,— я достаточно долго наблюдал за ними во время нашего переезда на борту «Августы» и, к сожалению, вынужден констатировать, что два этих человека завидуют один другому. Кроме того, хотя полковник Эверест формально является главой нашей экспедиции, все же Матвей Струкс не обязан беспрекословно ему подчиняться. Русское правительство четко оговорило его положение. Оба наши начальника одинаково властны, как один, так и другой, и, я это повторяю, между ними существует зависть ученых, а это самая скверная из всех завистей.

— И самая бессмысленная,— отозвался Вильям Эмери,— потому что каждый из нас получает выгоду от усилий всех. Но если ваши наблюдения верны, а у меня есть все основания думать, что это так, дорогой Цорн, то это — досадное обстоятельство для нашей экспедиции. Ведь нам нужно полное согласие для того, чтобы столь сложная операция завершилась успешно.

— Несомненно,— ответил Михаил Цорн,— и я очень опасюсь, что такого согласия не будет. Представьте всеобщее смятение, если каждая деталь операции — выбор базиса, метод подсчета, размещение ориентиров, проверка цифр — всякий раз станет вызывать все новые и новые споры! Я, конечно, могу ошибаться, но я предвижу такие разногласия, когда речь пойдет о сведении записей в две наши реестровые книги и о внесении туда цифр с точностью до четырехсотмиллионной доли туаза².

— Вы меня пугаете, дорогой Цорн,— ответил Вильям Эмери.— Действительно, будет очень обидно, если, рискнув забраться так далеко, мы потерпим крах из-за отсутствия согласия в подобном деле. Пусть Богу будет угодно, чтобы ваши опасения не оправдались.

— Я тоже этого желаю, Вильям,— ответил молодой русский астроном,— но, повторяю вам, во время нашего плаванья я несколько раз становился свидетелем их споров относительно научных методов, в которых проявилось невообрази-

---

¹ Экспансивный — несдержанный в проявлении чувств, бурно реагирующий на все.

² То есть до двухсотой доли миллиметра. (Примеч. авт.)

мое упрямство полковника Эвереста и его соперника. Честно говоря, я почувствовал во всем этом элементарную зависть.

— Но оба эти господина всегда вместе,— заметил Вильям Эмери.— Ни одного из них никогда не встретишь без другого. Они неразлучны, даже более неразлучны, чем мы с вами.

— Да,— ответил Михаил Цорн,— они не расстаются в течение всего дня, но не обмениваются за день и десятью словами, они наблюдают друг за другом. Если одному из них не удастся одержать верха над другим, нам придется работать в условиях поистине экстремальных.

— А вот как по-вашему,— спросил Вильям с некоторой долей нерешительности,— кого бы из этих двух ученых вы предпочли?

— Дорогой Вильям,— ответил Михаил Цорн совершенно откровенно,— я покорно приму в качестве руководителя того из двух, кто сможет поставить себя в этом качестве. Когда касается дела, я не проявляю никаких предассудков, никакого национального самолюбия. Они оба представляют большую ценность для науки. Англия и Россия должны в равной степени воспользоваться результатами их работы. А потому не слишком важно, кто этой работой будет руководить — англичанин или русский. Вы не такого же мнения?

— Абсолютно такого же, дорогой Цорн,— ответил Вильям Эмери.— Давайте не дадим увлечь себя нелепым предассудком и по мере наших сил употребим с вами все усилия на благо общего дела. Быть может, нам удастся предотвратить удары, которые собираются нанести друг другу оба противника. Кстати, а ваш соотечественник Николай Паландер...

— О! — со смехом ответил Михаил Цорн.— Он ничего не видит, ничего не слышит, ничего не понимает. Он будет считать ради кого угодно, лишь бы считать. Он не является ни русским, ни англичанином, ни немцем, ни китайцем! Это даже не житель нашего подлунного мира. Он — Николай Паландер, вот и все!

— Я не сказал бы того же о моем соотечественнике сэре Джоне Муррэе,— ответил Вильям Эмери.— Его милость — англичанин до мозга костей, но он еще и страстный охотник и скорее кинется по следу жирафа или слона, чем пустится в спор относительно научных методов. Так что будем рассчитывать лишь на самих себя, дорогой Цорн, в попытках сгладить постоянные трения между нашими руководителями. Излишне добавлять: что бы ни случилось, мы должны быть откровенны и до конца заодно.

— Всегда, что бы ни случилось! — подтвердил Михаил Цорн, протянув руку своему другу.

Тем временем караван, ведомый бушменом, продолжал двигаться на юго-запад. Четвертого марта, в полдень, он подошел к подножию тех вытянутых, поросших лесом холмов, к которым держал путь, начиная от самого Латтаку. Охотник не ошибся: он привел экспедицию на равнину. Но эта равнина, все же волнистая, оказалась непригодной для первоначальных работ по триангуляции. Поэтому Мокум снова занял место во главе всадников и повозок, и караван двинулся дальше.

К концу дня отряд добрался до одной из тех стоянок, что разбивают фермеры-кочевники — те самые «буры», которые иногда по целым месяцам стоят на одном месте, обнаружив богатое пастбище. Полковника Эвереста и его спутников радушно принял хозяин, колонист-голландец, глава многочисленного семейства, не пожелавший принять никакого вознаграждения за свои услуги. Этот фермер был из тех мужественных, скромных и работающих людей, умевших небольшой капитал, умно вложенный в выращивание быков, коров и коз, быстро превратить в крупное состояние. Когда найденный источник корма иссякает, фермер, словно патриарх былых времен, отправляется на поиски нового обильного пастбища и, найдя его, устраивает стоянку на новом месте.

Разговорившись, фермер очень кстати сказал гостям про большую равнину, находившуюся на расстоянии пятнадцати миль, — обширный ровный участок, который мог бы подойти для геодезических работ.

На следующий день, пятого марта, караван с рассветом выступил в путь. Он двигался все утро. Монотонного однообразия этого перехода не нарушило бы никакое происшествие, если бы не выстрел Джона Муррэя, попавшего на расстоянии двести метров в любопытное животное с головой, украшенной острыми рогами, с мордой быка и длинным белым хвостом. Это был гну, издавший при падении глухой стон.

Бушмен выразил бурный восторг от того, что несмотря на порядочное расстояние, животное, пораженное с удивительной точностью, сразу упало замертво. Эти звери, высотой примерно пять футов, обычно дают внушительное количество превосходного мяса, так что охотников каравана попросили впредь охотиться именно на них.

В полдень караван был уже на месте, указанном фермером. Далеко на север расстился луг, поверхность которого не имела никаких неровностей. Невозможно было представить себе участка, более удобного для измерения базиса. А потому бушмен, осмотрев местность, вернулся к полковнику Эвересту и сказал:

— Заказанная равнина подана, полковник.

Как известно, перед учеными стояла задача измерить дугу меридиана. Кстати, измерение непосредственно на земле при помощи металлических линеек, прикладываемых конец к концу, было бы совершенно непрактичным делом — с точки зрения математической точности. К тому же ни в одной точке земного шара не найдется участка в несколько сотен лье, годного для выполнения столь сложной задачи. К счастью, существует другой, более надежный способ — разделить весь участок, по которому проходит меридиан, на определенное число «воздушных» треугольников, измерение которых относительно несложно.

Эти треугольники строятся визированием с помощью точных инструментов — теодолита и угломера — и ориентиров, естественных или искусственных, таких, как колокольная, башня, фонарь, столб. К каждому ориентиру примыкает вершина треугольника, около его основания определяются углы вышеуказанными приборами с математической точностью. Ведь положение какого-либо предмета, колокольной — днем, фонаря — ночью, может быть с большой точностью определено хорошим наблюдателем, визирующим его с помощью зрительной трубы со специальной сеткой. Так получают треугольники, стороны которых измеряются подчас несколькими милями. Именно таким способом Араго соединил побережье Валенсии в Испании с Балеарскими островами огромным треугольником, одна из сторон которого имела длину восемьдесят две тысячи пятьсот пятьдесят пять туазов.

Итак, согласно правилу геометрии, если известна одна из сторон треугольника и два его угла, то «известен» и весь треугольник, потому что сразу можно вычислить величину третьего угла и длину двух других сторон. Таким образом, приняв одну из сторон уже построенного треугольника за основание другого и измерив углы, прилежающие к этому основанию, легко определить остальные треугольники, выстроив их последовательно один за другим до предельной точки измеряемой дуги. С помощью этого метода получают длину всех прямых, входящих в ряд треугольников, и путем тригонометрических вычислений определяют величину дуги меридиана, пересекающего сеть треугольников между двумя конечными точками.

Только что было сказано, что треугольник известен, если известны одна из его сторон и два его угла. А эти углы можно получить очень точно с помощью теодолита или угломера. За-

то самую первую сторону треугольника — базис всей системы триангуляции — следует сначала «измерить непосредственно на земле», причем с необычайной точностью. И это самая сложная работа при проведении триангуляции.

Когда Делабри и Мешен измеряли французский меридиан от Дюнкерка до Барселоны, они принимали за базис своей триангуляции прямолинейный участок дороги, ведущей из Мелена в Льезен, в департаменте Сена-и-Марна. Этот базис составил двенадцать тысяч сто пятьдесят метров, и на его измерение понадобилось до сорока пяти дней. Какие способы употребили эти ученые, чтобы добиться математической точности, станет ясно из описания операции полковника Эвереста и Матвея Струкса, действовавших точно так же, как действовали два французских астронома. И можно будет судить, до какой степени была доведена точность измерений.

В тот же день, пятого марта, и начались первые геодезические работы, к великому удивлению бушменов, которые ничего не могли в них понять. Мерить землю с помощью линейек длиною в шесть футов, прикладывая их концами друг к другу, казалось охотнику вздорной забавой ученых. Но, во всяком случае, он долг свой выполнил. Ему заказали гладкую равнину, и он такую равнину предоставил.

Место для измерения базиса действительно было выбрано очень удачно. Участок, сплошь покрытый низкой сухой травой, простирался до самого горизонта, представляя собой безупречно ровную поверхность (те, кто прокладывал базис на дороге из Мелена, конечно же, не имели столь благоприятных условий). На заднем плане вырисовывалась линия холмов, составлявших южную границу пустыни Калахари. К северу — бесконечный простор. На востоке — ставшие пологими склоны тех крутых высот, что образовали Латтакское плато. На западе, понижаясь, эта равнина делалась болотистой и заполнялась стоячими водами, питавшими притоки Курумана.

— Я думаю,— обратился Матвей Струкс к полковнику Эвересту, оглядывая покрытую травяной скатертью местность,— я думаю, что когда мы установим базис, то сможем здесь же зафиксировать конечную точку меридиана.

— Я буду думать так же, как вы, господин Струкс,— ответил полковник Эверест,— как только мы определим точную долготу этой точки. Ведь надо узнать, перенеся ее на карту, не встретит ли эта дуга меридиана при своем прохождении непреодолимых препятствий, которые могли бы помешать геодезическим работам.

— Полагаю, нет,— ответил русский астроном.

— Мы это скоро увидим,— ответил астроном-англичанин.— Измерим сначала базис в этом месте, поскольку оно годится для такой операции, а потом решим, стоит ли соединять его серией вспомогательных треугольников с сетью треугольников, через которую будет проходить дуга меридиана.

Операция обещала быть долгой, так как члены англо-русской комиссии хотели выполнить ее с неукоснительной тщательностью. Речь шла о том, чтобы превзойти в точности геодезические измерения, сделанные во Франции на Меленском базисе,— измерения, кстати, столь совершенные, что новый базис, проложенный позднее близ Перпиньяна, на южной оконечности триангуляции, с целью проверки расчетов по всем треугольникам, показал расхождение лишь в одиннадцать дюймов на расстоянии в триста тридцать туазов.

Тут были отданы распоряжения об устройстве лагеря, и на равнине возникло некое подобие бушменского селения, что-то вроде импровизированного «крааля». Повозки на лугу выглядели как настоящие домики, и поселение поделилось на английскую и русскую части, над каждой из которых взвился национальный флаг. В центре находилась общая площадь. Вокруг лагеря под присмотром своих возниц паслись лошади и буйволы, на ночь их загоняли внутрь кольца из повозок, чтобы уберечь от нападения хищных зверей, которых очень много в Южной Африке.

Мокум взялся организовать охотничьи вылазки, чтобы добыть пропитание для образовавшего поселения. Сэр Джон Муррэй, присутствие которого не было необходимым при измерении базиса, более основательно занялся проблемой продовольствия. Действительно, стоило побережечь на будущее консервированное мясо, а для этого приходилось ежедневно доставлять в караван свежую, подстреленную дичь. Благодаря искусству Мокума и умению его товарищей, свежее мясо в отряде не переводилось. Равнины и холмы прочесывались в радиусе нескольких миль вокруг лагеря, и выстрелы европейских ружей слышались непрерывно.

Шестого марта геодезические работы начались. Двум самым молодым ученым были поручены подготовительные операции.

— В дорогу, приятель,— радостно сказал Михаил Цорн Вильяму Эмери,— и да поможет нам бог точности!

Первая операция состояла в том, чтобы наметить на участке, на самой ровной и гладкой его части, прямолинейное направление. Характер почвы дал этой прямой ориентацию с юго-востока на северо-запад. Вехами служили колышки, вбитые в землю на небольшом расстоянии друг от друга. Михаил

Цорн, вооружившись зрительной трубой с сеткой, проверял правильность положения этих вех, признавая его точным, если вертикальная полоска сетки делила их фокусное изображение на равные части. Такое прямолинейное направление было намечено на протяжении примерно девяти миль — запланированной длины базиса, который намеревались построить астрономы. Каждый колышек снабдили наверху нивелирной рейкой, которая облегчала размещение на них металлических линеек. Эта работа потребовала нескольких дней. Молодые люди выполнили ее со скрупулезной тщательностью.

Теперь речь шла о том, чтобы уложить конец к концу линейки, предназначенные для непосредственного измерения основания первого треугольника, то есть об операции, которая может показаться очень простой, но которая тем не менее требует величайших стараний, ибо от нее в огромной степени зависит успех проведения всей триангуляции.

Вот как это делалось.

В течение утра десятого марта вдоль уже обозначенного прямолинейного направления астрономы установили на земле деревянные подставки. Подставки эти, в количестве двенадцати штук, в нижней своей части крепились на трех железных болтах (люфт которых составлял лишь несколько дюймов), не дававших им скользить и державших их в неподвижном положении. На эти подставки положили гладко выструганные деревянные бруски, на которые потом должны быть уложены линейки. Последние удерживались с помощью маленьких рамок; эти рамки также фиксировали направление линеек.

Когда Михаил Цорн и Вильям Эмери закрепили все двенадцать подставок и на них положили деревянные бруски, полковник Эверест и Матвей Струкс занялись столь тонким делом, как укладка линеек, — работой, в которой приняли участие и два молодых человека. Что касается Николая Паландера, то он с карандашом в руке уже готовился заносить в оба реестра цифры, которые ему будут названы.

Длина шести линеек была заранее определена с абсолютной точностью и соотнесена со старинным французским туазом, обычно принятым при геодезических измерениях. Она составляла два туаза. Ширина линейки измерялась шестью линиями и толщина — одной линией. При их изготовлении был использован такой металл, как платина, не реагирующий на воздух в обычных условиях и совершенно не окисляющийся ни на холоде, ни в тепле. Но платиновые линейки под влиянием изменения температуры могли либо увеличиваться,

либо уменьшаться в длину, что следовало принимать во внимание. Придумали даже снабдить каждую собственным термометром — металлическим термометром, основанным на свойстве различных металлов неодинаково расширяться под воздействием тепла. Вот почему все измерительные линейки были накрыты другими линейками — из меди, чуть короче платиновых. Верньер, расположенный на конце медной линейки, точно показывал относительное ее удлинение, что позволяло вывести абсолютное удлинение платиновой линейки. Более того, показания верньера позволяли определить расширение, каким бы малым оно ни было, у платиновой линейки. Этот прибор, кроме всего прочего, был снабжен лупой, позволявшей уловить изменение в четверть стотысячной туаза.

Итак, линейки укладывались на деревянные бруски, один конец к другому, но без соприкосновения, ибо следовало избегать даже самого легкого удара, который мог возникнуть от непосредственного их контакта. Полковник Эверест и Матвей Струкс сами положили первую линейку на деревянный брусок, в направлении базиса. Примерно в ста туазах отсюда над первым колышком установили нивелирную рейку, и поскольку линейки были снабжены двумя вертикальными железными штифтами на самой оси, они легко укладывались в желаемом направлении. Эмери и Цорн, отступив назад и распростершись на земле, проверили — легли ли два железных штифта на середину нивелирной рейки.

— Теперь, — сказал полковник Эверест, — нам надо точно определить начальную точку нашей работы, опустив отвес от конца первой линейки. Поблизости нет никакой горы, которая могла бы повлиять на положение отвеса, поэтому он точно укажет начальную точку базиса на поверхности почвы.

— Да, — откликнулся Матвей Струкс, — при условии, однако, что мы примем в расчет половину толщины отвесного шнура в точке соприкосновения.

— Я тоже так думаю, — ответил полковник Эверест.

Когда удалось зафиксировать начальную точку шнура, работа была продолжена. Мало того, что линейка должна была уложиться точно по прямолинейному направлению базиса, следовало еще принять в расчет ее наклон по отношению к горизонту.

— Я думаю, — сказал полковник Эверест, — мы не должны стараться расположить линейку в совершенно горизонтальном положении.

— Да, — ответил Матвей Струкс, — достаточно будет определить ватерпасом угол, который каждая линейка образу-

ет с горизонтом, и мы сможем таким образом соотнести долготу с долготой настоящей.

Так, в полном согласии друг с другом, оба ученых приступили к определению угла с помощью ватерпаса, специально сконструированного для этой цели и имевшего вид подвижной алидады, вращающейся вокруг шарнира, установленного на вершине деревянного угольника. Верньер указывал отклонение через совпадение своих делений с делениями зафиксированной линейки, содержащей дугу в десять градусов, поделенную на деления, равные пяти минутам.

Ватерпас поставили на линейку, и результат зафиксировали. В тот момент, когда Николай Паландер уже собирался записать его в свой реестр, Матвей Струкс попросил поставить ватерпас поочередно на оба конца линейки, чтобы узнать разницу между двумя дугами и перепроверить полученный результат. Этому совету русского астронома стали следовать и в дальнейшем при всех операциях подобного рода.

Итак, были определены два важных момента: направление линейки по отношению к базису, и угол, который она образовала по отношению к горизонту. Цифры, полученные при этом наблюдении, астрономы занесли в два отдельных реестра, который подписали все члены англо-русской комиссии. Оставалось сделать еще два не менее важных наблюдения, чтобы закончить работу с первой линейкой: сначала заметить ее изменение под влиянием температуры, затем зафиксировать длину, измеренную ею.

Что до изменения под влиянием температуры, то его было легко определить, сравнивая длину линейки платиновой с длиной линейки медной. Лупа, через которую по очереди смотрели Матвей Струкс и полковник Эверест, показала абсолютную цифру изменения длины платиновой линейки (изменения, внесенного в оба экземпляра реестра), потом следовало перевести данные в исчисление по стоградусной шкале. Как только Николай Паландер записывал полученные цифры, они тотчас же всеми проверялись.

Теперь следовало определить реальную длину, положив на деревянную подставку вторую линейку вслед за первой с небольшим промежутком между ними. Эту вторую линейку уложили так же, как предыдущую, после того как вполне убедились, что четыре железных штифта пришлось как раз на середину нивелирной рейки.

Оставалось лишь замерить промежуток между обеими линейками. На конце первой линейки, в той ее части, которую не покрывала медная линейка, находилась маленькая платиновая пластинка, которая с небольшим трением скользила

между двух пазов. Полковник Эверест подвинул эту пластину так, чтобы она коснулась второй линейки. Поскольку платиновая пластинка имела деления в десяти тысячные доли туаза, а верньер возле одного из пазов был снабжен лупой и показывал с ее помощью стотысячные доли туаза, то удавалось с большой математической точностью измерить промежуток, специально оставленный между двумя линейками. Цифра эта тотчас заносилась в оба реестра и немедленно перепроверялась.

По совету Михаила Цорна была соблюдена еще одна мера для достижения большей точности. Медная линейка покрывала сверху платиновую. Могло поэтому случиться так, что под воздействием солнечных лучей закрытая ею платина будет нагреваться медленнее, чем медь. Для предупреждения разницы в температурных изменениях над линейками на высоте нескольких дюймов устроили маленький навес, причем таким образом, чтобы он не мешал проводить наблюдения. Когда же вечером и утром косые солнечные лучи проникали под навес и падали на линейки, с солнечной стороны навешивался холст, преграждавший доступ лучам.

Описанные работы велись более месяца с неизменным терпением и тщательностью. Когда последовательно были уложены четыре линейки и выверены с четырех позиций — направления, наклона, растяжения и действительной длины, работа возобновлялась в том же порядке; при этом подставки, бруски и первая линейка переносилась к концу четвертой. Эти маневры требовали много времени, несмотря на умение операторов. В день они измеряли не более двухсот двадцати-двухсот тридцати туазов, к тому же в неблагоприятную погоду, например, когда дул слишком сильный ветер, который мог нарушить неподвижность приборов, работу приостанавливали. Каждый день с наступлением сумерек ученые прекращали работу. Тогда линейку номер один приносили и временно укладывали, отмечая на земле точку там, где она кончалась. В этой точке делали отверстие, куда вставляли колышек с прикрепленной к нему свинцовой пластинкой. Потом эту линейку ставили в ее окончательное положение, отметив при этом наклон, температурное изменение и направление; далее записывали длину, измеренную линейкой номер четыре, потом, с помощью отвеса, спущенного с конца линейки номер один, делали отметку на свинцовой пластинке. Из этой точки тщательно вычерчивались две линии, пересекающиеся под прямым углом, одна — в направлении самого базиса, другая — в перпендикулярном направлении. Потом свинцовую пластинку закрывали деревянным футляром, ямку закапывали, и колы-

шек оставляли зарытым до утра. Так что даже если ночью по какой-либо случайности инструменты сдвинулись бы, то не было необходимости начинать всю операцию сначала.

На следующий день с пластинки снимали футляр и первую линейку укладывали снова в то же положение, что накануне, с помощью отвеса, острие которого должно было точно совпасть с точкой, отмеченной пересечением двух линий на пластинке.

Эта серия операций, производившихся на ровном, как скатерть, лугу, продолжалась в течение тридцати восьми дней. Все полученные цифры записывались дважды, фиксировались, проверялись и удостоверялись всеми членами ученой комиссии.

Полковник Эверест и его русский коллега проводили измерения почти в полном согласии. Лишь некоторые цифры, считанные с верньера и расходившиеся на какую-нибудь одну четырехсоттысячную туаза, вызвали у них несколько раз обмен колкостями. Но тут на помощь приходило принятие решения большинством голосов, оно являлось законом, перед которым следовало смириться. И все-таки один вопрос вызвал спор двух ученых-соперников, так что даже потребовалось вмешательство сэра Джона Муррэя. А именно вопрос о том, какую длину дать основанию первого треугольника. Всем ясно, что чем больше основание, тем больше будет угол вершины первого треугольника, который тем легче измерить, чем больше он развернут. Но эта длина не могла быть бесконечной. Полковник Эверест предлагал сделать базис длиной шесть тысяч туазов — почти равным базису, измеренному на Меленской дороге. Матвей Струкс хотел увеличить его до десяти тысяч туазов, поскольку это позволяла ровная поверхность участка.

Тут полковник Эверест проявил всю свою несговорчивость. Матвей Струкс, казалось, тоже решил не уступать. После доводов более или менее терпимых они перешли на личности. Возникла угроза, что в какой-то момент будут затронуты национальные чувства, а это уже был бы не спор двух ученых, а ссора англичанина с русским. К счастью, плохая погода, установившаяся на несколько дней и прекратившая работу, не дала разгореться дебатам. Страсти утихли, а большинством голосов было решено завершить измерение базиса примерно на восьмой тысяче метров, то есть спорщики сошлись на середине. Наконец в результате непосредственного измерения базиса ученые получили длину в восемь тысяч тридцать семь целых и семьдесят пять сотых туазов; на нем теперь предстояло построить ряд треугольников, и их сеть покроеет Южную Африку на площади в несколько градусов.

Измерив базис, руководители экспедиции решили, не теряя времени, приступить к построению треугольников. Прежде всего следовало определить широту южной точки, с которой начнется дуга меридиана, подлежащая измерению, а затем — и самой северной. Из разности этих широт ученые получают число градусов измеряемой дуги.

С самого начала Вильям Эмери и Михаил Цорн с помощью угломера Фортэна занимались вычислением высоты звезд. Молодые люди проводили свои наблюдения с такой точностью, что предел крайних отклонений не составлял даже двух шестидесятых секунды. Вполне возможно, что причиной таких отклонений явилась разница в преломлении света, вызванная изменением конфигурации атмосферных слоев. По результатам этих тщательных и неоднократно повторенных измерений астрономы смогли вычислить с достаточным приближением широту астральной точки дуги. Эта широта составляла 27,951789 градуса.

Затем вычислили долготу, и полученную точку нанесли на превосходную карту Южной Африки, выполненную в крупном масштабе. Карта отражала все географические открытия, сделанные за последнее время в этой части Африканского континента, все пути следования путешественников и натуралистов — таких, как Ливингстон, Андерсон, Мадьяр, Болдвин, Вайлан, Варчелл, Лихтенштейн. Теперь пришла очередь выбрать на этой карте меридиан, дугу которого, равную нескольким градусам, следовало измерить в двух довольно отдаленных друг от друга точках. Ведь понятно, что чем длиннее измеряемая дуга, тем меньше влияние ошибок, возможных при определении широт. Дуга от Дюнкерка до Форментеры равнялась, например, приблизительно десяти градусам парижского меридиана, а точнее — девяти градусам пятидесяти шести минутам.

Вообще выбор меридиана следовало произвести с особой осмотрительностью, чтобы не наткнуться на естественные преграды — такие, как непреодолимые горы или большие водные пространства. К счастью, этот район Южной Африки как нельзя более подходил для операции подобного рода. Подъемы почвы были в допустимых пределах, реки немногочисленны и легко преодолимы. Здесь могли встретиться опасности, но не препятствия.

Между двадцать девятой и двадцатой южными параллелями, от реки Оранжевой до озера Нгами протянулась пустыня

Калахари. С запада на восток она простирается от Атлантики до двадцать пятого восточного меридиана по Гринвичу. Но пустыня Калахари, строго говоря, не совсем пустыня. Это отнюдь не пески Сахары, нескончаемые пески, лишенные растительности; это саванны с характерной для них растительностью — здесь произрастает множество растений; поверхность ее изобилует травами; в ней есть густые кустарники и леса с большими деревьями, травами и кустарником; здесь во множестве водятся дичь и опасные звери; здесь живут оседлые или кочевые племена бушменов и бакалахаров. Но большую часть года в этой области Африканского материка нет воды; русла многочисленных рек, пересекающих ее, высыхают. Правда, экспедиция могла рассчитывать на то, что в болотах, озерах и ручьях еще не истощились запасы накопившейся воды.

Мокум поведал своим спутникам о Калахари все, что знал сам, бывая здесь и как охотник, добывающий себе пропитание, и как проводник. Полковник Эверест и Матвей Струкс пришли к выводу, что на этом обширном пространстве есть все условия для проведения триангуляции.

Оставалось избрать меридиан, на котором следовало измерить дугу в несколько градусов. А нельзя ли взять тот, что проходит через одну из конечностей базиса? Это дало бы возможность обойтись без связывания этого базиса с другой точкой Калахари целой серией вспомогательных треугольников¹. После обсуждения было решено, что южная конечность базиса может послужить такой начальной точкой меридиана. Меридиан оказался двадцать четвертым к востоку от Гринвича: на протяжении самое малое семи градусов он проходил по пространству, на котором не встречалось никаких естественных препятствий — или, по крайней мере, они не были отмечены на карте. Только на севере он пересекал озеро Нгами, в его восточной части, но это отнюдь не являлось непреодолимой преградой для исследователей. Араго испытал гораздо большие трудности, когда геодезически соединял побережье Испании с Балеарскими островами.

Так было решено выбрать дугу для измерения на двадцать четвертом меридиане, которая будет продолжена на территории Российской империи. Астрономы занялись выбором точки для вершины первого треугольника, основанием которому должен был служить уже измеренный базис. Ею

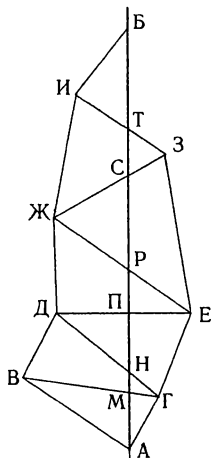
---

¹ Чтобы лучше понять, что представляет собой геодезическая операция, называемая триангуляцией, позанимствуем следующие геометрические построения из учебника «Новые уроки космографии» г-на А. Гарсе, преподавателя математики лицея Генриха IV. С помощью прилагаемого здесь рисунка эта любопытная процедура будет легко понята:

стало одинокое дерево, стоящее на небольшом взгорке примерно в десяти милях отсюда. Оно было хорошо видно и с юго-восточной, и с северо-западной оконечности базиса.

Сначала астрономы приступили к определению угла, который составляет это дерево с юго-восточным концом базиса. Угол измерили угломером Борда, оба окуляра которого были установлены так, чтобы их оптические оси точно совпали с плоскостью круга; один из них был наведен на северо-западную оконечность базиса, а другой — на выбранное дерево; образовавшийся между окулярами угол показывал угловое расстояние между этими двумя точками. Этот замечательный инструмент позволял исследователям сводить к минимуму возникающие при измерении ошибки. Что касается верньеров, нивелиров и ватерпасов, обеспечивающих устойчивое положение прибора, то о лучших нельзя было и мечтать. Англо-русская научная комиссия располагала четырьмя угломерами. Два из них служили для определения углов на поверхности земли; два других (их круги размещены вертикально) позволяли с помощью искусственных горизонтов получать зенитные расстояния и, следовательно, вычислять, даже ночью, широту ориентира с приближением в крохотную долю секун-

«Пусть AB — меридиан, длину которого требуется найти. Тщательно измеряем основание (базис) AB , идущий от оконечности A меридиана до первой позиции B . Затем по обеим сторонам этого меридиана избираем дополнительные позиции — $Г, Д, Е, Ж, З, И$ и так далее, каждая из которых позволяет видеть соседнюю позицию, и измеряем с помощью теодолита углы каждого из треугольников $ABГ, ВГД, ДЕЖ$ и т. д., которые они образуют между собой. Эта первая операция позволяет определить параметры различных треугольников, ибо в первом известна длина AB и углы, и можно вычислить сторону $ВГ$; во втором — сторона $ВГ$ и углы, и легко подсчитывается сторона $ГД$; в третьем — известна сторона $ГД$ и углы и можно получить сторону $ДЕ$ и так далее. Затем определяем наклон меридиана относительно основания AB , для чего измеряем угол $МAB$. Таким образом, в треугольнике ABM известны сторона AB и прилежащие к ней углы и можно вычислить первый отрезок AM меридиана. Аналогично вычисляются угол BMH и сторона BM : таким образом, в треугольнике $МГH$ оказывается известной сторона $ГM = ВГ - BM$ и прилежащие к ней углы и можно подсчитать второй отрезок MH меридиана, угол $ДНП$ и сторону $ГH$. Таким образом, в треугольнике $HДП$ становится известна сторона $ДH = ГД - ГH$ и прилежащие к ней углы и можно определить третий отрезок HP меридиана, и так далее. Понятно, что таким образом получается по частям общая длина оси AB ». (Примеч. авт.)

ды. Действительно, в этой трудоемкой работе по триангуляции надо было не только определить величину углов, составляющих геодезические треугольники, но измерить с некоторыми интервалами меридиональную высоту звезд — высоту, равную широте каждого ориентира.

Четырнадцатого апреля полковник Эверест, Михаил Цорн и Николай Паландер вычислили угол между юго-восточным концом базиса и деревом, в то время как Матвей Струкс, Вильям Эмери и сэр Джон Муррэй измерили угол между тем же самым деревом и северо-западным концом базиса. Погода благоприятствовала нашим исследователям, но если бы она помешала им днем, то замеры велись бы ночью при свете электрических фонарей, которыми была оснащена экспедиция.

Тем временем лагерь снялся с места, быков запрягли в повозки, и караван под предводительством бушмена направился к первому ориентиру, который должен был послужить и местом стоянки. Два «каамас» с погонщиками, предназначенные для транспортировки инструментов, сопровождали астрономов. Когда ученые, измерявшие оба угла, закончили работу, они присоединились к каравану, расположившемуся вокруг дерева-ориентира.

Это был огромный баобаб, достигавший более восьмидесяти футов в обхвате. Кора его, цвета сиенита, придавала ему необычный вид. Под необъятной кроной этого гиганта, населенной великим множеством белок, охочих до его яйцевидной формы фруктов с белой мякотью, смог уместиться весь караван; судовой кок принялся готовить ужин для европейцев. При этом в дичи не было недостатка: охотники отряда прочесали окрестности и подстрелили несколько антилоп. Скоро запах дымящегося жареного мяса распространился в воздухе, вызывая аппетит у исследователей, на который они и без того не жаловались.

Сытно поужинав, астрономы удалились в свои повозки, а Мокум стал расставлять часовых вдоль границ лагеря. Большие костры, для которых пошли в ход засохшие ветви гигантского баобаба, оставались зажженными всю ночь, что помогало держать на почтительном расстоянии диких зверей, привлеченных запахом мяса и крови.

Через два часа Михаил Цорн и Вильям Эмери проснулись и встали, чтобы вычислить широту этой точки-ориентира путем определения высоты звезд. Забыв о дневной усталости, оба устроились у окуляров своих приборов и под вой гиен и рыканье львов, раздававшихся в темной долине, старательно определяли изменение зенитного расстояния при переходе от первого ориентира ко второму.

На следующий день, пятнадцатого апреля, астрономы выбрали два других ориентира, справа и слева от меридиана; одним стал очень ясно различимый на равнине пригорок, находившийся на расстоянии шести миль, другим — столб с указателем на расстоянии примерно семи миль. Так, без всяких помех, триангулирование продолжалось целый месяц.

К пятнадцатому мая исследователи поднялись на один градус к северу, построив семь геодезических треугольников. За все это время полковник Эверест и Матвей Струкс редко когда заговаривали друг с другом. Обычно они работали на точках, удаленных одна от другой на несколько миль, и эта дистанция являлась гарантией от всякого столкновения самолюбий. С наступлением вечера каждый возвращался в лагерь и удалялся в свое собственное жилище. Кое-какие споры относительно выбора ориентиров, когда решение приходилось принимать сообща, все же не привели к серьезным пререканиям. Михаил Цорн и его друг Вильям стали надеяться, что геодезические работы продолжатся, не отягощаясь досадными столкновениями.

Итак, пятнадцатого мая исследователи, поднявшись на один градус от южной точки меридиана, оказались на одной параллели с Латтаку. Африканское селение находилось в тридцати пяти милях к востоку от них. В этом месте совсем недавно возник большой «крааль». Здесь же, по предложению сэра Джона Муррэя, экспедиция осталась на несколько дней отдохнуть. Михаил Цорн и Вильям Эмери решили воспользоваться этой остановкой, чтобы в течение дня определять высоту солнца. Николай Паландер хотел заняться пересчетами в измерениях, чтобы перевести показания относительно уровня океана. Что касалось сэра Джона Муррэя, то он намеревался отдохнуть от своих научных наблюдений, изучая с помощью ружья местную фауну.

Южноафриканские туземцы называют «краалем» передвижную деревню, которая на колесах перемещается от одного пастбища к другому. Это стойбище включает примерно тридцать жилищ и насчитывает несколько сотен обитателей.

Крааль, к которому вышла англо-русская экспедиция, представлял собой довольно значительное поселение из шалашей, кругообразно расположенных на берегах ручья — притока Курумана. Эти шалаши, сделанные из циновок, прикрепленных к деревянным стойкам (циновок, сплетенных из тростника и непромокаемых), были похожи на улы. Низкий

вход в такой улей, завешенный шкурой, вынуждал обитателя или посетителя проникать туда на четвереньках. Через единственное отверстие клубами валил едкий дым от очага. Это обстоятельство делало обитание в такой хижине невозможным для любого человека, кроме готтентота или другого туземца.

Когда караван стал приближаться к стойбищу, все его население пришло в движение. Собаки, охранявшие каждую хижину, яростно залаяли. Воины деревни, вооружившись копьями, ножами, дубинами и прикрывшись своими щитами из кожи, выступили вперед. Их насчитывалось человек двести, что говорило о размерах самого крааля, состоящего никак не меньше чем из шестидесяти-восемидесяти жилищ. Укрытые за оградой частокола, украшенного колючими агавами высотой пять-шесть футов, хижины находились под надежной защитой от диких животных. Но воинственное настроение туземцев мгновенно прошло, как только охотник Мокум сказал несколько слов одному из старейшин крааля. Караван получил разрешение стать лагерем возле частокола, на берегу ручья. Бушмены даже и не подумали спорить с пришельцами из-за пастбищ, ибо те простирались и в ту, и в другую сторону на много миль. Лошади и быки гостей могли сколько угодно пастись на них, не нанося никакого ущерба селению на колесах.

Под руководством бушмена тотчас был разбит лагерь уже привычным способом. Повозки расставили по кругу, и каждый занялся своим делом.

Сэр Джон Муррэй, оставив своих компаньонов за вычислениями и научными наблюдениями, не теряя времени, отправился на охоту в обществе Мокума. Охотник-англичанин ехал на обычной лошади, а Мокум — на своей прирученной зебре. За ними бежали три собаки. Сэр Джон Муррэй и Мокум были вооружены каждый охотничьим карабином с разрывными пулями, что говорило об их твердом намерении познакомиться с хищниками, обитателями здешних мест.

Охотники держали путь на северо-восток, к лесу, видневшемуся на расстоянии нескольких миль от крааля. Они ехали рядом и мирно беседовали.

— Надеюсь, мистер Мокум, вы исполните свое обещание,— сказал сэр Джон Муррэй,— которое дали у Моргедских водопадов, показать мне здесь самое богатое дичью место в мире. Знайте же, что я приехал в Южную Африку не для того, чтобы стрелять зайцев или ловить лисиц. Всего этого предостаточно и у нас в Верхней Шотландии. Не далее как через час я хотел бы уложить...

— Не далее как через час! — ответил бушмен. — Да позволит ваша честь сказать вам, что вы, сэр, немного торопитесь и что прежде всего надо набраться терпения. Что касается меня, то я только на охоте и проявляю его, чем искупается моя нетерпеливость в повседневной жизни. Разве вы не знаете, сэр Джон, что охота на крупного зверя — это целая наука, что для этого надо досконально знать местность, изучить все повадки животных, найти их тропы, а потом выслеживать часами, стараясь приблизиться с подветренной стороны? Разве вам не известно, что тут нельзя себе позволить ни неуместного восклицания, ни неверного шага, ни нескромного взгляда! Мне случалось целыми днями подстерегать буйвола или косулю, и когда после полутора суток хитрости и терпения я подстреливал животное, то не считал, что напрасно потратил время.

— Хорошо, друг мой, — ответил Джон Муррэй, — я проявлю столько терпения, сколько вы от меня потребуете; однако давайте не забывать, что наша остановка продлится всего три-четыре дня и что поэтому нам нельзя терять ни часа, ни минуты!

— Все верно, — ответил бушмен таким спокойным тоном, что Вильям Эмери ни за что не узнал бы в нем сейчас своего нетерпеливого товарища по ожиданию на реке Оранжевой, — все верно. Мы будем убивать всех, кто только попадется, сэр Джон, мы не будем выбирать. Будь то антилопа или лань, газель или гну — все сгодится для охотников, которые очень топятся!

— Антилопа или газель! — воскликнул Джон Муррэй. — Да я и не рассчитываю на большее в качестве своего дебюта на африканской земле! Или вы можете предложить мне что-то еще, brave бушмен?

Охотник как-то странно посмотрел на своего спутника, потом сказал в ответ с иронией в голосе:

— Ну раз уж ваша милость объявили, что будут довольны и этим, мне больше нечего сказать. Я-то думал, что вы не оставите меня в покое, пока не добудете нескольких носорогов или парочку слонов...

— Охотник, — ответил на это сэр Джон Муррэй, — я пойду туда, куда вы меня поведете. Я готов стрелять в того, в кого вы скажете. Итак, вперед, и не будем терять время на бесполезные разговоры.

Лошади были пущены в галоп, и охотники стали быстро приближаться к лесу.

Равнина, через которую они ехали, полого поднималась вверх в направлении северо-востока. Там и сям ее покрывал

густой кустарник, цветущий в эту пору и сочившийся липкой, прозрачной и душистой смолой, из которой колонисты делают мазь для ран. Живописными букетами тянулись вверх «нваны» — разновидность фиговой смоковницы, ствол которой, лишенный веток до высоты тридцати — сорока футов, поддерживает громадный зонт из зелени. В этой густой листве порхала масса крикливых попугаев, спешивших наклевать кисловатых плодов смоковницы. Дальше росли мимозы с желтыми кистями, «серебряные деревья», покачивавшие своими шелковистыми прядями, алоэ с длинными ярко-красными макушками, которые можно было принять за коралловые ветви, поднятые со дна морского. Земля, пестревшая милотвидными амариллисами с голубоватой листвой, послушно стелилась под быстрыми копытами животных.

Менее чем за час с того времени, как они покинули крааль, Джон Муррэй и Мокум доехали до опушки леса. Это была роща из высоких акаций, тянувшаяся на несколько квадратных миль. Густые деревья, тесно росшие рядом друг с другом, переплетались своими ветвями, не пропуская солнечных лучей на поросшую колючками и высокой травой землю. Однако зебра Мокума и лошадь сэра Джона смело углубились под эти густые своды, прокладывая себе дорогу между беспорядочно разросшимися деревьями. То тут, то там среди зарослей попадались широкие поляны, и охотники останавливались на них, чтобы обозреть чащу вокруг.

Надо сказать, что этот первый день охоты не благоприятствовал «его милости». Несмотря на то что он со своим спутником объехал большой участок леса, ни один представитель африканской фауны не удосужился поприветствовать его, и сэр Джон не раз вспомнил свои шотландские равнины, на которых выстрелы не заставляли себя долго ждать. Быть может, соседство крааля заставило разбежаться осторожную дичь? Что до Мокума, то он не выражал ни удивления, ни раздражения. Для него эта охота была не охотой, а просто быстрой скачкой по лесу.

В шесть часов вечера пришлось подумать о возвращении в лагерь. Раздосадованный астроном не желал мириться с неудачей: чтобы такой заслуженный охотник и вернулся не солоно хлебавши! Никогда! И он пообещал себе подстрелить первую попавшуюся живность, которая окажется в пределах досягаемости его ружья.

Судьба, похоже, сжалилась над ним. Охотники уже находились не менее чем в трех милях от крааля, когда в ста пятидесяти шагах от Джона Муррэя из кустов выскочил африканский заяц, представитель породы, известной под названием

«*Lepus rupestris*», — грызун, одним словом. Сэр Джон не замешкался и выпустил в беззащитное животное пулю из своего карабина. Бушмен даже вскрикнул от негодования. Стрелять пулей в обыкновенного зайца, когда для него хватило бы и дробин-шестерки! Но английский охотник дорожил своим грызуном и поскакал галопом к тому месту, где должно было упасть животное.

Напрасный труд! От зайца не осталось и следа: немного крови на земле и ни клочка шерсти. Сэр Джон искал под кустами, среди зарослей травы. Собаки тщетно шарили в кустарнике.

— И все-таки я попал в него! — восклицал сэр Джон.

— Даже слишком! — ответил спокойно бушмен. — Если в зайца стрелять разрывной пулей, то даже удивительно потом что-нибудь искать от него!

Действительно, заяц разлетелся на мелкие кусочки! «Его милость», окончательно расстроенный, сел на лошадь и, не проронив больше ни слова, вернулся в лагерь.

На другой день бушмен ожидал, что сэр Джон Муррэй снова предложит ему поехать на охоту. Однако англичанин, самолюбие которого было сильно задето, избегал встречи с Мокумом. Казалось, он совсем забыл о своих охотничьих планах, занявшись проверкой инструментов и геодезическими наблюдениями. А когда эти занятия ему надоели, отправился в бушменский крааль. Там мужчины упражнялись в стрельбе из лука или в игре на «гора» — своеобразном инструменте, состоявшем из лука с натянутой на нем кишкой, которую исполнитель заставляет звучать, дуя на нее через страусовое перо. Женщины тем временем хлопотали по хозяйству, куря при этом «матокуанэ», вредное для здоровья растение коноплю, — занятие, которому предается большая часть туземцев. Согласно наблюдениям некоторых путешественников, вдыхание дыма конопли увеличивает физическую силу в ущерб умственным способностям. И действительно, многие из этих бушменов казались какими-то отупевшими и пьяными от «матокуанэ».

На следующий день, семнадцатого мая, рано утром Джон Муррэй был разбужен незатейливой фразой, раздавшейся у него прямо над ухом:

— Я думаю, ваша милость, что сегодня мы будем удачливее. И не станем палить в зайцев из пушек!

Астроном и глазом не моргнул, услышав эту ироническую рекомендацию. Он заявил, что готов ехать. Пока их компаньоны еще спали, охотники успели удалиться на несколько миль от лагеря, взяв направление в левую от него сторону. Сэр

Джон на этот раз взял с собой простое ружье, отличное оружие фирмы «Ф. Голдвин», действительно более подходящее для обычной охоты на ланей или антилоп, чем грозный карабин. Правда, на равнине им могли встретиться представители толстокожих или плотоядных млекопитающих, но у сэра Джона на совести был «взорвавшийся» заяц, и он скорее согласился бы теперь стрелять дробью по льву, чем повторить подобный выстрел, беспрецедентный в летописи этого вида спорта.

Как и предсказывал Мокум, судьба улыбнулась охотникам. Они убили чету «harrisbuck» — разновидность черных антилоп, очень редких животных высотой четыре фута, с длинными, расходящимися в стороны рогами, изящно загнутыми в форме турецкой сабли. Их отличает продолговатая голова, черные копыта, густая и мягкая шерсть, узкие заостренные уши; грудь и живот, белые, как снег, резко контрастируют с черной шерстью на спине, на которую мягко ложится волнистый «воротник». Охотники вполне могли гордиться своими выстрелами, ибо антилопы-гаррисбук всегда были желанной добычей для таких людей, как Делегорг, Вальберг, Кумминг, Болдвин, и являют собой один из самых замечательных образцов южной фауны.

Но сердце английского охотника забилося еще сильнее, когда бушмен указал ему на опушку густой чащи невдалеке от большого глубокого болота, вокруг которого росли гигантские молочаи, а поверхность была сплошь покрыта небесно-голубыми венчиками водяных лилий.

— Если ваша милость пожелает завтра с первыми лучами солнца прийти поохотиться здесь, — сказал Мокум, — то я посоветую на этот раз не забыть карабин.

— Почему вы мне это говорите, Мокум? — спросил Джон Муррэй.

— А вы взгляните на эти свежие следы на влажной земле!

— Как! Эти широкие углубления — следы животного? Но тогда ноги, оставившие их, имеют толщину более половины туза.

— И это всего лишь доказывает, — ответил бушмен, — что животное, оставляющее подобные следы, имеет, по крайней мере, девять футов в высоту.

— Слоны! — вскричал сэр Джон Муррэй.

— Да, ваша милость, и если я не ошибаюсь, это самец, взрослый и очень крупный.

— Так доживем до завтра, бушмен!

— Доживем до завтра, ваша милость.

Охотники возвратились в лагерь с двумя черными антило-

пами, которых они погрузили на лошадь Джона Муррэя. Прекрасные животные, редкая добыча для охотников — их очень трудно подстеречь, — вызвали восхищение всего каравана. Все поздравляли сэра Джона, за исключением, быть может, серьезного Матвея Струкса, который в том, что касалось зоологии, мог похвастать знанием только таких животных, как Большая Медведица, Дракон, Кентавр, Пегас и прочие представители небесной фауны.

На другой день в четыре часа утра два товарища по охоте уже сидели в засаде вместе с собаками, застыв неподвижно на лошадях и ожидая посреди густых зарослей приближения стада слонов. По новым следам они узнали, что эти толстокожие прошли на водопой к болоту. Оба охотника имели при себе карабины, заряженные разрывными пулями. Не проронив ни слова и не шевелясь, они уже с полчаса наблюдали за чащей, когда увидели темную массу, заколыхавшуюся в пятидесяти шагах от болота.

Сэр Джон Муррэй схватился за ружье. Бушмен удержал его руку и сделал знак набраться терпения.

Вскоре показались какие-то большие тени. Слышно было, как с треском расступались перед ними заросли, скрипели деревья, ломались на земле кустарники, из листвы доносилось шумное дыхание. Это было стадо слонов. С полдюжины исполинских животных, почти таких же по размеру, как их собратья из Индии, медленным шагом двигались к болоту. Наступавший рассвет позволил англичанину полюбоваться этими могучими животными. Один из них — самец огромного роста — привлек особое внимание Джона Муррэя. Его широкий выпуклый лоб выступал над большими ушами, свисавшими ниже груди. В полумраке он казался еще больше, чем был на самом деле. Слон нервно водил хоботом вокруг древесных крон и ударял своими изогнутыми бивнями по толстым стволам, стонавшим от ударов. Возможно, животное учуяло близкую опасность.

Однако бушмен наклонился к уху Джона Муррэя и сказал ему:

— Вот этот вам подойдет?

Сэр Джон утвердительно кивнул.

— Хорошо, — добавил Мокум, — сейчас мы отделим его от стада.

Между тем слоны подошли к краю болота. Их морщинистые ноги вязли в болотной тине. Они набирали воду хоботом и выливали ее себе в горло, производя громкое бульканье. Большой самец, действительно встревоженный, осматривал

ся кругом и шумно втягивал воздух, стараясь распознать подозрительный запах.

Вдруг бушмен издал какой-то особый крик. Три его собаки, тотчас громко залаяв, бросились вон из чащи и кинулись к стаду слонов. В то же время Мокум, сказав своему компаньону одно только слово «останьтесь», пришпорил зебру и ринулся через кусты, чтобы отрезать отступление великану-самцу.

Это великолепное животное и не собиралось спасаться бегством. Сэр Джон, не спуская пальца с курка своего ружья, наблюдал за ним. Слон бил по деревьям хоботом и иступленно махал хвостом, уже подавая не просто знаки беспокойства, но проявляя явные признаки гнева. До сих пор он только чувствовал врага. Теперь же он его заметил и двинулся к нему.

Английский астроном находился в шестидесяти шагах от животного. Подождав, когда слон приблизится на сорок шагов, и прицелившись прямо в него, он открыл огонь. Лошадь дернулась — и пуля попала в мягкую часть, не разорвавшись.

Разъяренный слон двинулся на врага. Его движение скорее походило на быструю ходьбу, чем на галоп. Однако и такого шага было достаточно, чтобы обогнать любого коня.

Лошадь сэра Джона Муррэя взвилась на дыбы и понеслась из чащи, несмотря на усилия хозяйина ее сдержать. Слон стал преследовать их, воинственно растопырив уши и издавая хоботом звуки, похожие на рев трубы. Всадник, увлекаемый своей лошадью, отчаянно сжимая ее бока, силился загнать патрон в казенник ружья.

Слон нагонял его. Скоро оба они оказались на равнине, за пределами лесной опушки. Сэр Джон отчаянно бил шпорами в бока мчавшей его лошади. Две из собак с лаем, едва не задыхаясь, бежали возле ее ног. Слон отставал меньше чем на два корпуса. Сэр Джон чувствовал его шумное дыхание, слышал короткий свист хобота, рассекавшего воздух. Каждую секунду он ждал, что это живое лассо вырвет его из седла.

Вдруг лошадь рухнула на задние ноги. Хобот ударил ее по крупу. Она издала жалобное ржанье и, пытаясь подняться, завалилась набок. Это движение лошади спасло сэра Джона от неминуемой смерти. Слон, увлекаемый своей скоростью, пронесся мимо, зато его хобот, махнув по земле, подхватил одну из собак и стал трясти ею в воздухе с неопишуемой яростью.

У сэра Джона не было иного выхода, кроме как вернуться

в лес. Лошадь инстинктивно сама понесла его туда. Скоро они влетели на опушку.

Слон, осмотревшись, пустился обратно в погоню, потрясая в воздухе несчастною собакой. Ворвавшись в лес, он разможил ей голову о ствол смоковницы. Лошадь, забившись в густую зелень, перевитую колючими лианами, остановилась. Сэр Джон, расцарапанный и окровавленный, но ни на мгновение не потерявший самообладания, обернулся назад и, старательно уперев карабин в плечо, прицелился в слона через нависшие лианы. Пуля, попав в кость животного, разорвалась. Великан покачнулся, и почти в тот же момент второй выстрел, раздавшийся с опушки леса, ранил его в левый бок. Слон рухнул на передние ноги, рядом с небольшим озерцом, наполовину спрятанным в густой траве. Издавая жалобные крики, он хоботом набирал из него воду и поливал свои раны.

В эту минуту появился бушмен.

— Он — наш! Он — наш! — восклицал Мокум.

Действительно, огромный слон был смертельно ранен. Он испускал громкие стоны, дышал со свистом, едва шевелил хвостом, а его хобот, черпавший в болоте окровавленную воду, обрушивал на ближайшие заросли красный дождь. Потом силы его иссякли, слон ткнулся головой в землю и так и умер.

В этот момент Джон Муррэй вышел из зарослей колючек. От его охотничьего костюма остались одни клочья. Но за такой спортивный успех он был готов заплатить даже своей кожей.

— Славное животное, бушмен! — воскликнул англичанин, разглядывая тело слона. — Славное животное, хотя несколько тяжеловатое для охотничьего ягдташа!

— Да, ваша милость, — ответил Мокум. — Мы разделаем тушу на месте и возьмем с собою только все самое лучшее. Посмотрите, какими великолепными бивнями наградила его природа! Они стоят не менее двадцати пяти ливров каждый, а поскольку слоновая кость идет по пять шиллингов, это кругленькая сумма!

Сказав это, охотник приступил к разделке туши. Он отрубил бивни топором, отрезал у гигантского животного ноги и хобот, поскольку эти части являются самыми вкусными. Ими он намеревался угостить членов ученой комиссии. Охотники вернулись в лагерь только в полдень. Там бушмен велел приготовить ноги слона по-африкански, то есть закопав мясо в углубление в земле, предварительно сильно разогретое горячими угольями. Это блюдо было оценено по достоинству даже равнодушным ко всему Паландером, что уж говорить о других. Сэр Джон Муррэй заслужил массу комплиментов от всего отряда ученых.

Во время пребывания в краале бушменов полковник Эверест и Матвей Струкс ни разу не виделись друг с другом. Работы по определению широты осуществлялись без их помощи, поэтому, не имея надобности общаться «научно», они не общались совсем. Накануне отправления полковник Эверест просто отослал русскому астроному свою визитную карточку с аббревиатурой «P. P. C.»¹ и получил от Матвея Струкса карточку такого же рода.

Девятнадцатого мая караван снялся с лагеря и возобновил путь на север. Вершиной восьмого треугольника служила гора, поднимавшаяся слева от меридиана. Его углы, прилегающие к основанию, уже были измерены. Теперь надлежало дойти до этого нового ориентира и возобновить геодезические операции.

С девятнадцатого по двадцать девятое мая работа двигалась как нельзя лучше, погода оставалась благоприятной для дневных наблюдений, а на земле не попадалось никаких помех и препятствий. Это была просто зеленая равнина, перерезанная ручьями, протекавшими между выстроившимися по его берегам «Kaggee hout» — деревьями, листья которых напоминают иву; их ветви бушмены используют для изготовления луков. Местность эта с попадавшимися на ней обломками разрушенных скал, состоящих из смеси глины, песка и пород, содержащих железо, в некоторых местах была очень засушлива. Ее флору составляли лишь такие растения, которые могли выстоять даже в самую большую засуху. И на целые мили вокруг эта область не имела ни малейшего возвышения, которое могло бы быть выбрано в качестве естественного ориентира. А потому приходилось устанавливать либо индикаторные столбы, либо полосатые мачты высотой в десять — двенадцать метров, которые могли бы служить точками визирования. Конечно, на это уходило много времени. Сделав наблюдение, надо было каждый раз снимать мачту и переносить ее за несколько миль, чтобы образовать там вершину нового треугольника. Но, в конце концов, экипаж «Королевы и Царя», проделывавший эту работу, легко справлялся со своей задачей. И можно было бы только хва-

---

¹ Аббревиатура — сокращение, употребляемое в письменной и устной речи, например: США.

Начальные буквы вежливой формулировки «Pour prendre congé», означающей дословно: «Чтобы откланяться, проститься». (Примеч. перев.)

лить их, если бы на национальной почве у них не возникали частые разногласия.

Действительно, непростительное соперничество, которое разделяло руководителей, вызывало порой противостояние и между нижними чинами. Михаил Цорн и Вильям Эмери употребляли все свое умение ладить с людьми, чтобы пресечь досадную тенденцию; но им не всегда это удавалось. А ведь ссоры моряков могли перерасти и в драки. Полковник и русский ученый вмешивались в эти ссоры, но так, что только подливали масла в огонь, ибо каждый из них неизменно брал сторону соотечественников, чья бы вина ни была на самом деле. Так, от подчиненных ссора переходила к начальникам и возрастала «пропорционально массе», как говорил Михаил Цорн. Через два месяца после отправки из Латтаку только оба эти молодых человека и сохраняли еще доброе согласие между собой, столь необходимое для успеха всего предприятия. Даже Джон Муррэй и Николай Паландер, хотя и увлеченные, один — охотничьими приключениями, другой — расчетами, начинали вмешиваться в междоусобные распри. Короче говоря, однажды спор зашел так далеко, что Матвей Струкс счел возможным сказать полковнику Эвересту:

— Не берите на себя слишком много, господин Эверест, имея дело с астрономами из Пулковской обсерватории, мощный телескоп которой позволил выяснить, что диск планеты Уран имеет форму безупречного круга!

На что полковник Эверест ответил, что он может брать на себя еще больше, поскольку имеет честь работать в обсерватории Кембриджа, мощный телескоп которой позволил определить среди иррегулярных туманностей туманность Андромеды!

Увлечшись выпадами, Матвей Струкс заявил, что пулковский телескоп с его объективом в четырнадцать дюймов дает возможность увидеть звезды тринадцатой величины; полковник Эверест резко ответил, что объектив телескопа Кембриджской обсерватории тоже имеет четырнадцать дюймов и что в ночь на тридцать первое января 1862 года с его помощью был наконец открыт таинственный спутник Сириуса, вызывающий отклонения в его движении!

Когда ученые доходят до подобных препирательств, то совершенно очевидно, что никакое сближение между ними уже невозможно. Поэтому приходилось опасаться за судьбу триангулирования, но, к счастью, по крайней мере до сих пор, споры эти затрагивали вопросы и факты, далекие от геодезических операций. Хотя порой предметом дебатов и становились измерения, сделанные с помощью теодолита или угломе-

ра, но они отнюдь не мешали работе, а, напротив, приводили лишь к более тщательному соблюдению точности. Что касалось выбора ориентиров, то здесь до сих пор не возникало никаких разногласий.

Тридцатого мая погода, доселе ясная и, следовательно, благоприятная для наблюдений, почти внезапно вдруг испортилась. В любом другом регионе такое изменение погоды предвещало бы грозу с проливными дождями, но здесь в небе, покрытом зловещими тучами, лишь сверкнуло несколько молний, без грома, а иссушенная земля не получила ни капли влаги. Несколько дней было пасмурно. Эта совсем нехвата появившаяся хмарь очень помешала работам, так как на расстоянии всего лишь мили никто не мог разглядеть точек визирувания.

Тогда англо-русская экспедиция, не желая терять времени, приняла решение установить ориентиры с помощью электрического света, с тем чтобы работать ночью. Но только, по совету бушмена, пришлось принять некоторые меры предосторожности, ибо дикие звери, привлеченные яркими фонарями, целыми стаями собирались вокруг места ориентира. И тогда операторы слышали сиплый хохот гиен, напоминающий своеобразный смех пьяных негров.

Во время первых ночных наблюдений, ведшихся в центре шумного хоровода из грозных животных, когда жуткое, красное посверкивание глаз порой говорило о присутствии льва, астрономам было трудно сосредоточиться на работе. Измерения делались если не менее точно, чем раньше, то, по крайней мере, менее быстро. Горящие огнем глаза, устремленные на них и прорезающие тьму, несколько смущали ученых. Чтобы определять зенитные расстояния фонарей и их угловые расстояния в подобных условиях, требовалось большое хладнокровие и крепкое самообладание. Но этих качеств было не занимать членам комиссии. Через несколько дней они уже обрели присутствие духа и действовали в окружении диких зверей так же четко, как в безмолвных залах обсерваторий. Впрочем, в каждом пункте, где проводилась работа, находились несколько вооруженных ружьями охотников, и немало дерзких гиен пали тогда под европейскими пулями. Не стоит добавлять, что сэр Джон Муррэй находил «отменным» такой способ ведения триангуляции. В то время как он прикинул глазом к окуляру прибора, рука его покоилась на «голдвинге», и он сделал не один выстрел между двумя замерами зенитного расстояния.

Таким образом, геодезические операции не были прерваны по причине испортившейся погоды. Точность их не постра-

дала, а измерение меридиана методично продвигалось вперед в северном направлении.

Полковник Эверест и Матвей Струкс очень рассчитывали до конца месяца измерить еще один градус двадцать четвертого меридиана, если продвижению операторов не помешает какое-нибудь естественное препятствие.

Семнадцатого июня путь им перерезал довольно широкий водный поток — приток реки Оранжевой под названием Нозуб. Члены научной комиссии лично сами не испытывали трудностей в том, чтобы перебраться через него. У них имелась складная резиновая лодка, предназначенная как раз для переправы через реки или озера средней величины, но она не годилась для повозок и снаряжения каравана. Следовало искать брода либо выше, либо ниже по течению. Поэтому несмотря на мнение, высказанное Матвеем Струксом, было решено, что европейцы, взяв с собой легкие инструменты, переправятся через реку здесь, тогда как караван, под предводительством Мокума, заявившего, что знает мелкое место, спустится на несколько миль ниже по течению и перейдет реку вброд. В этом месте ее ширина составляла полмили, а ее быстрое течение, которое то тут, то там разбивалось о торчащие из воды выступы и увязшие в тине стволы деревьев, представляло определенную опасность для хрупкого суденышка. Это-то и заставило Матвея высказать возражения против переправы на резиновой лодке, но не желая прослыть трусом, он в конце концов присоединился к общему мнению.

Из астрономов один только Николай Паландер остался с караваном, готовым отправиться в путь к низовью реки. И не потому, что достойный математик испугался! Он был слишком погружен в себя, чтобы обратить внимание на какую-то опасность. Но его присутствие было необязательно при проведении ближайших работ, и он мог без ущерба для дела покинуть своих коллег на день-два. К тому же суденышко, очень маленькое, могло принять на борт ограниченное число пассажиров. И, кстати, разумнее было совершить только одну переправу через этот быстрый поток и сразу перевезти людей, инструменты и кое-какое продовольствие на правый берег. А для управления резиновой лодкой требовались опытные моряки, и Николай Паландер уступил свое место англичанину из экипажа «Королевы и Царя» — гораздо более полезному в этих обстоятельствах человеку, нежели почтенный астроном из Гельсингфорса.

Когда договорились о встрече в условленном месте, караван, ведомый охотником, начал спускаться по течению вдоль левого берега. Вскоре последние повозки скрылись из виду, а

полковник Эверест, Матвей Струкс, Эмери, Цорн, сэр Джон Муррэй, два матроса и один бушмен, знавший толк в плавании по рекам, все еще стояли перед бурным потоком, который значительно увеличился за счет впадавших в него ручьев, образовавшихся во время недавнего сезона дождей.

— Какая красивая река,— говорил Михаил Цорн своему другу Вильяму, в то время как матросы готовили лодку для переправы на другой берег.

— Очень красивая, но трудная для переправы,— отзывался Вильям Эмери.— Век таких быстрых потоков краток, и они всю наслаждаются жизнью! Через несколько недель, с наступлением засушливой поры, в русле этой речушки, быть может, едва останется воды, чтобы напоить караван, а сейчас — какое стремительное, почти непреодолимое течение! Поток торопится бежать, он скоро иссякнет! Таков, дорогой мой коллега, закон физической и духовной природы. Однако не будем терять время в философских размышлениях. Лодка уже готова, и я не прочь посмотреть, как она справится с этой стремниной.

В несколько минут резиновая лодка, развернутая и натянутая на каркас, была спущена на воду. Она ждала своих пассажиров у спуска, возле пологого склона каменистого берега из розового гранита. В этом месте вода благодаря встречному течению перестала бурлить и спокойно колыхала тростники, росшие вперемишку с другими береговыми растениями. Поэтому погружение в лодку оказалось делом нетрудным. Инструменты положили на самое дно, на охапку травы, чтобы предохранить их от ударов. Пассажиры заняли места так, чтобы не мешать движению двух весел в руках у матросов. Бушмен сел на корме и взялся за руль.

Этот туземец был «foreloper» каравана, то есть «человек, который начинает движение». Охотник рекомендовал его как ловкого, часто имевшего дело с африканскими стремнинами рулевого. Туземец знал несколько слов по-английски, он посоветовал пассажирам соблюдать полную тишину во время переправы через Нозуб.

Канат, удерживавший лодку, отпустили, и гребцы быстро вывели ее из-под берега. Все сразу ощутили силу течения, которое через сотню ярдов превратилось в быстрину. Распоряжения, отдаваемые «форелопером» двум матросам, исполнялись в точности. То надо было поднять весла, чтобы не ударить по полузатопленному в воде дереву, то, наоборот, грести сильнее, чтобы преодолеть водоворот, образованный встречным потоком. Когда же скорость становилась слишком большой, гребцы сушили весла, отдав легкое суденышко во власть

течения, лишь стараясь удерживать его в равновесии. Держа руку на руле, сидя неподвижно и зорко всматриваясь вперед, туземец вовремя предупреждал любую опасность. Европейцы следили за развитием событий с легким беспокойством. Они чувствовали, с какой неодолимой мощью несет их тот бурный поток. Полковник Эверест и Матвей Струкс смотрели друг на друга, не размыкая губ. Сэр Джон Муррэй, неразлучный со своим ружьем, крепко зажатом между ног, рассматривал многочисленных птиц, в полете касавшихся крылом поверхности воды. Оба молодых астронома без страха и опасений разглядывали берега, проплывавшие мимо с уже головокружительной быстротой.

Вскоре хрупкое судно достигло настоящей стремнины. Пересечь ее можно было только наискось, чтобы достичь более спокойных вод противоположного берега. По приказанию бушмена матросы еще сильнее налегли на весла. Но, несмотря на их усилия, лодку понесло по течению. Она уже не слушалась ни руля, ни весел, и, стоило ей натолкнуться на выступ берега или ствол дерева, она бы неминуемо перевернулась...

Никто из сидевших в лодке не проронил ни слова.

«Форелопер» привстал со своего места. Он мог только наблюдать за движением судна, но не мог ни изменить его направления, ни сбавить скорости, равнявшейся скорости потока. Впереди, ярдах в ста от путешественников, показался какой-то кусочек суши — опасное нагромождение камней и деревьев, возвышавшееся над поверхностью реки. Миновать его было невозможно. Через несколько секунд лодка врезалась в островок.

Удар оказался не такой силы, как можно было бы ожидать. Судно накренилось, зачерпнув несколько пинт воды, но пассажиры смогли удержаться на местах. Они стали смотреть прямо перед собой... Черный выступ, на который они налетели, перемещался и шевелился посреди кипящей воды.

Этим торчащим из воды камнем оказался чудовищных размеров гиппопотам, которого прибило течением к островку. Почувствовав удар лодки, он поднял над водой голову и, поводя ею, стал смотреть вокруг своими маленькими тупыми глазками. Этот громадный представитель толстокожих длиною в шесть футов, с твердой коричневой, лишенной растительности кожей, раскрыв пасть, показывал верхние резцы и чрезвычайно развитые клыки. Почти сразу он кинулся к лодке и яростно схватил ее зубами, которые вполне могли ее прокусить.

Но сэр Джон Муррэй был на месте. Самообладание не

покинуло его. Он спокойно прицелился и поразил животное пулей возле уха. Гиппопотам не отпустил своей добычи и стал трясти лодку, как собака треплет зайца. Тотчас перезарядив ружье, сэр Джон снова ранил животное в голову. Этот выстрел оказался смертельным, ибо тяжелая туша гиппопотама, сумевшего в своем последнем, предсмертном усилии оттолкнуть лодку далеко от острова, погрузилась в воду.

Не успели пассажиры опомниться, как судно, оказавшись боком к течению и завертевшись волчком, поплыло наискось через реку. Несколькими ярдами ниже река делала резкий поворот — от сильного удара лодка остановилась, и пассажиры, живые и невредимые, высыпали на берег. При этом оказалось, что их прибило к суше на две мили ниже того места, откуда они отплыли.

ГЛАВА XI,

в которой находят Николая Паландера

Геодезические работы были возобновлены. Две точки с ориентирами, принятые одна за другой и соединенные с предпоследним ориентиром, расположенным за рекой, послужили образованию нового треугольника. Операция осуществилась без помех. Однако астрономам пришлось остерегаться змей: здесь оказалось множество очень ядовитых «мамб» длиной от десяти до двенадцати футов, укусы которых мог оказаться смертельным.

Через четыре дня после переправы, двадцать первого июня, операторы подошли к лесистой местности, но так как деревья были невысоки, они не мешали работе по триангуляции, а имевшиеся на горизонте и хорошо различимые возвышенности, удаленные на расстояние в несколько миль, оказались удобны для установки на них мачт и фонарей. Это место представляло собой низину, менее засушливую, чем окружающая ее местность, а потому — плодородную. Вильям Эмери обнаружил здесь тысячи фиговых деревьев, кисловатые плоды которых так любят бушмены. Поляны, широко раскинувшиеся между деревьев, распространяли приятный аромат из-за множества луковичных растений, довольно похожих на побеги безвременника. Желтые их плоды длиной от двух до трех дюймов, росшие у самого корня, наполняли воздух своим пахучим ароматом. «Кукумакранти» — так называются эти плоды в Южной Африке, до которых очень падки детишки туземцев. В этом районе, куда по склонам стекает множество ручейков, произрастают также горькие тыквы и нескончае-

мыми рядами возвышается мята — та самая мята, которая великолепно прижилась в Англии.

Несмотря на плодородие и благоприятные условия для развития сельского хозяйства, эту область крайних тропиков, похоже, совсем не посещали кочевые племена. Ничто не говорило о пребывании здесь туземцев, ни следов крааля, ни кострища не было видно. Зато воды хватало; во многих местах даже образовались ручьи, озера, несколько довольно крупных лагун и две-три речки, впадавшие, должно быть, в притоки Оранжевой реки.

В тот день ученые устроили привал, с тем чтобы подождать прихода каравана. Срок, назначенный охотником, подходил к концу, и, если он не ошибся в расчетах, караван, перейдя вброд Нозуб в его низовьях, должен был прибыть как раз сегодня. Однако наступил вечер, а отряд не появился. Уж не встретил ли он какого-то препятствия, помешавшего ему подойти вовремя? Сэр Джон Муррэй предположил, что Нозуб оказался еще очень полноводным, и поэтому охотнику пришлось искать подходящий брод гораздо южнее. Это соображение заслуживало внимания. В последний сезон дождей осадки выпадали очень обильно и вызвали, должно быть, необычный разлив воды.

Астрономы решили ждать еще. Но когда прошел и следующий день, а никто из людей Мокума не появился, полковник Эверест стал проявлять большое беспокойство. Он не мог двигаться дальше на север, поскольку ему недоставало экспедиционного снаряжения. А ведь опоздание, если оно продлится дольше, могло очень плохо сказаться на результатах исследований. И тут Матвей Струкс заметил, что он с самого начала был того мнения, чтобы идти вместе с караваном и соединить геодезически последний ориентир по ту сторону реки с двумя ориентирами, расположенными по эту, что если бы к его мнению прислушались, то экспедиция не оказалась бы в затруднительном положении; что если результаты будут снижены из-за опоздания каравана, ответственность за это ляжет на тех, кто решил, что... и т. д. Что русские, во всяком случае... и т. д.

Полковник Эверест, как можно было ожидать, встретил в штыки инсинуации своего коллеги, напомнив, что решение было принято сообща. Но тут вмешался сэр Джон Муррэй, и оба руководителя немедленно прекратили спор. Что сделано, то сделано, и никакие упреки ничего не изменят в ситуации. Вместо этого было принято решение, что если караван не придет и завтра, то Вильям Эмери с Михаилом Цорном отправятся на его поиски и пойдут вдоль реки на юго-запад в

сопровождении «форелопера». А коллеги останутся в лагере и будут ждать их возвращения, чтобы принять окончательное решение. Договорившись, соперники разошлись и весь остаток дня держались поодаль друг от друга.

Тем временем Джон Муррэй решил провести время за прочесыванием ближайших зарослей. И хотя четвероногий дичи здесь не нашлось, да и пернатая не слишком годилась к употреблению, зато натуралист, который часто побеждал в сэре Джоне охотника, мог быть доволен. От дробы его ружья не ускользнули два замечательных экземпляра. Джон Муррэй принес великолепного франколина тринадцати дюймов длиной, с короткими лапами, темно-серой спиной, красными ногами и клювом, элегантные маховые перья которого были всех оттенков коричневого цвета: отличный экземпляр семейства тетраонидных, одним из представителей которых является куропатка. Другая птица, которую сэр Джон добыл благодаря мастерскому попаданию, принадлежала к разряду хищников. Это была разновидность сокола, типичного только для Южной Африки, с красным горлом и белым хвостом, которого часто восхваляют за красоту форм. «Форелопер» аккуратно выпотрошил обеих птиц, так что ничуть не испортил их внешнего вида.

Прошли уже и первые часы утра двадцать третьего июня. Караван так и не дал о себе знать, и молодые люди уже собирались тронуться в путь, когда послышавшийся вдалеке лай заставил их повременить с отъездом. Вскоре на повороте зарослей алоэ слева от лагеря появился мчавшийся во весь опор на своей зебре охотник Мокум.

— Скорее, бравый охотник, — радостно воскликнул сэр Джон Муррэй. — Поистине, мы уже отчаялись из-за вас! Знаете, я никогда бы не утешился, если бы не увидел вас снова! Похоже, что дичь просто избегает меня, когда вас нет со мною рядом. Давайте отметим ваше возвращение стаканчиком доброго шотландского виски!

Но, не ответив на приветственные слова почтенного сэра Джона, Мокум беспокойным взглядом окинул всех европейцев. На его лице читалась тревога.

Полковник Эверест тотчас заметил это и, подойдя к охотнику, который успел спешиться, спросил:

— Кого вы ищете, Мокум?

— Господина Паландера, — ответил бушмен.

— Разве он не отправился с вашим караваном? Разве его нет с вами? — снова спросил полковник Эверест.

— Его больше нет! — ответил Мокум. — Я надеялся найти его в вашем лагере! Значит, он заблудился!

При последних словах бушмена вперед быстро выступил Матвей Струкс.

— Николай Паландер потерялся! — воскликнул он. — Ученый, доверенный вашим заботам, астроном, за которого вы отвечали, — и его с вами нет! Знайте же, охотник, что вы несете полную ответственность за его персону и что в этом случае совсем недостаточно сказать «господин Николай Паландер потерялся»!

От таких слов русского астронома уши охотника зарделись; теперь, когда он был не на охоте, у него не было причин сдерживаться.

— Э-э, господин астролог всея Руси, — ответил он, крайне возмущившись, — вам следовало бы взвешивать свои слова! Разве я был обязан стеречь вашего компаньона, который не сумел уберечь сам себя? Вы во всем обвиняете меня, но вы не правы, слышите? Если господин Паландер потерялся, то он сам виноват в этом! Сто раз я замечал, что он, углубившись в свои вычисления, удалялся от нашего каравана! Сто раз я предупреждал его и возвращал обратно. Но позавчера, с наступлением темноты, он куда-то исчез, и, несмотря на все мои поиски, я не смог найти его. Проявите большее умение, если можете, и постарайтесь сами обнаружить вашего компаньона, тем более что вы так ловко умеете обращаться с вашей трубой, вам стоит только приложить глаз к окуляру!

Бушмен, несомненно, еще бы долго продолжал в том же духе, к вящему возмущению Матвея Струкса, который, открыв рот, не мог вставить ни слова, если бы сэр Джон Муррэй не успокоил вспыльчивого охотника. К счастью для русского ученого, ссора между ним и бушменом прекратилась. Но Матвей Струкс с каким-то необузданным порывом накинулся на полковника Эвереста, который никак этого не ожидал.

— Во всяком случае, — сухо сказал астроном из Пулко-ва, — я не покину своего несчастного товарища в этой пустыне и приложу все усилия к тому, чтобы разыскать его. Если бы исчез сэр Джон Муррэй или господин Вильям Эмери, то полковник Эверест, я уверен, без колебаний бросил бы все геодезические работы, чтобы ринуться на помощь своим соотечественникам. И я не понимаю, почему ради русского ученого должно быть сделано меньше, чем ради английского!

Полковник Эверест, которому был брошен такой вызов, вышел из состояния своей обычной невозмутимости.

— Господин Матвей Струкс, — воскликнул он, скрестив на груди руки и твердо глядя в глаза своему противнику, — вы что, решили без всяких на то оснований оскорбить меня?

За кого вы нас принимаете, нас — англичан? Мы что, дали вам повод сомневаться в наличии у нас чувства сострадания? Что заставляет вас предполагать, что мы не придем на помощь этому недотепа-математику...

— Но, господин...— возмущился было русский, услышав такую характеристику Николаю Паландеру.

— Да! Недотепа! — повторил полковник Эверест, делая ударение на каждом слове.— А в ответ на то обвинение, которое вы только что с такой легкостью выдвинули, я добавлю, что в случае, если из-за этого сорвется наша работа, вся ответственность ляжет на русских, а никак не на англичан!

— Полковник,— вскричал Матвей Струкс, глаза которого метали молнии,— ваши слова...

— Слова мои очень хорошо взвешены, господин Струкс, и они означают, что с этой минуты и до того момента, пока мы не найдем вашего математика, все работы приостанавливаются! Вы готовы отправиться на поиски?

— Я был готов еще до того, как вы произнесли первое слово! — сердито ответил Матвей Струкс.

На этом каждый из противников направился к своей повозке, так как караван уже прибыл.

Сэр Джон Муррэй, который шагал рядом с полковником Эверестом, не удержался, чтобы не заметить:

— Хорошо еще, что этот растяпа не взял с собою наши реестры с записями измерений.

— Я тоже подумал об этом,— просто ответил полковник.

И оба англичанина стали расспрашивать охотника Мокума. Бушмен сообщил им, что Николай Паландер исчез два дня тому назад; что в последний раз его видели в стороне от каравана на расстоянии двенадцати миль от лагерной стоянки; что он, Мокум, сразу после исчезновения ученого принял-ся его разыскивать, что и задержало прибытие каравана; что, не найдя его, он решил убедиться, не присоединился ли случайно математик к своим товарищам в условленном месте севернее Нозуба. И поскольку его здесь не оказалось, Мокум предлагал начать поиски в лесных зарослях, что на северо-востоке отсюда, добавив, что нельзя терять ни минуты, если все хотят найти того Николая Паландера живым.

Действительно, следовало поспешить. Уже два дня как русский ученый плутал по местности, где водится множество диких зверей, а известно, что он не тот человек, чтобы выпутаться из такого положения самостоятельно, ибо пребывает не в реальном мире, а в царстве цифр. Там, где всякий другой нашел бы себе хоть какое-нибудь пропитание, этот неизбежно

умрет с голоду. Важно было как можно скорее прийти ему на помощь.

Через час полковник Эверест, Матвей Струкс, сэр Джон Муррэй и два молодых астронома уже покидали лагерь, ведомые охотником. Все ехали на быстрых лошадях, даже русский ученый, который, смешно уцепившись, сидел в седле и сквозь зубы проклинал незадачливого Паландера, обрекшего его на эту каторгу. Спутники господина Струкса, люди серьезные и «комильфо», делали над собой усилие, чтобы не замечать тех комичных поз, которые принимал астроном из Пулкова, сидя верхом на лошади — очень живом и чутком к узде животном.

Прежде чем покинуть лагерную стоянку, Мокум попросил «форелопера» одолжить ему собаку, которую бушмен ценил за ум, тонкий нюх и за способности к охоте. Собаке дали понюхать шапку Паландера, а ее хозяин посвистал ей особым образом, и она рванулась в северо-восточном направлении. Маленький отряд тотчас последовал за животным и скоро исчез у кромки густых зарослей.

В течение всего этого дня полковник Эверест и его спутники следовали за собакой. Этот умный зверь прекрасно понял, что от него требуется, но след заблудившегося ученого ему еще не давался, и он никак не мог взять точного направления. Стараясь учуять на земле нужный запах, собака то бежала вперед, то возвращалась назад, но пока безуспешно. А ученые тем временем звали своего товарища и стреляли из ружей в надежде, что Николай Паландер, такой рассеянный и вечно погруженный в себя, их все-таки услышит. Окрестности лагеря были прочесаны в радиусе пяти миль, когда наступил вечер и поиски пришлось приостановить.

Европейцы нашли себе убежище на ночь под купой деревьев у разведенного костра, в который бушмен старательно подбрасывал дрова. Порой до них доносилось рычание диких зверей. Присутствие хищных животных увеличивало беспокойство за участь Николая Паландера. Можно ли было еще сохранять надежду на спасение этого несчастного — выбившегося из сил, голодного, иззябшего в такую холодную здесь ночь, беззащитного перед нападением гиен, которые во множестве водились в здешних лесах? Эти мысли занимали всех. Ученые провели долгие часы за обсуждением, за выработкой планов, за поисками способов прийти своему собрату на выручку. Причем англичане проявили такое сочувствие к нему, что даже сам Матвей Струкс мог быть, да он и был, растроган. Порешили, что русского ученого отыщут, живого или

мертвого, даже если для этого придется отложить на неопределенный срок геодезические операции.

Наконец после ночи, часы которой длились, словно столетия, наступило утро. Лошади были быстро взнузданы, и поиски возобновились на более обширном пространстве. Собака побежала вперед, небольшой отряд поехал за нею следом.

Продвигаясь все дальше к северо-востоку, полковник Эверест и его спутники попали в очень болотистую местность. Здесь оказалось множество мелких речушек. Их легко переходили вброд, сторонясь при этом крокодилов, которых впервые увидел сэр Джон Муррэй. Это были огромного размера рептилии (некоторые из них имели от двадцати пяти до тридцати футов длины) — животные, известные своей прожорливостью, от которых трудно уйти в озерных или речных водах. Не желая терять времени на сражение с этими огромными ящерицами, бушмен делал крюки, чтобы обойти их, сдерживая порывы сэра Джона, готового всякую минуту всадить в них пулю. Посреди широких запруд, образовавшихся от паводковых вод, их можно было увидеть десятками — с поднятыми над водой головами, пожирающих какую-нибудь добычу наподобие собак, захватывающих ее своими ужасными челюстями. Когда одно из таких чудовищ высовывалось из травы, лошади бросались в галоп.

Тем временем отряд без особой уже надежды продолжал свои поиски то в густых зарослях, через которые было трудно продираться, то на равнине, среди хитросплетения речек, внимательно осматриваясь вокруг, обращая внимание на самые незначительные следы: здесь — на ветку, сломанную на высоте человеческого роста, там — на недавно примятый пучок травы, дальше — на какой-нибудь еще, наполовину стершийся, знак, происхождение которого уже нельзя было определить. Но ничто не наводило искателей на след незадачливого Паландера.

И вот, когда они продвинулись миль на двенадцать к северу от последней лагерной стоянки и, по предложению охотника, уже собирались повернуть на юго-запад, собака стала проявлять признаки беспокойства. Она вдруг залаяла, отчаянно замахав хвостом, отбежала на несколько шагов, приникнув носом к земле и обнюхивая сухую траву по краям тропинки, и снова вернулась на то же место, явно привлеченная каким-то запахом.

— Полковник, — воскликнул тогда бушмен, — наша собака что-то учуяла. Ах, умное животное! Она напала на след ди-

чи, простите,— ученого, на которого мы охотимся. Пусть идет! Пусть идет!

— Да,— повторил вслед за своим другом-охотником сэр Джон Муррэй,— она на правильном пути. Слышите это потягиванье! Можно подумать, что она разговаривает и советуется сама с собой. Я дам пятьдесят фунтов за собаку, если она приведет нас к тому месту, где обретається Николай Паландер!

Матвей Струкс не стал делать замечания относительно манеры, в какой говорилось о его соотечественнике. Главное сейчас — найти его. Так что каждый был готов кинуться по следам ищейки, как только она определит верное направление.

Животное не заставило себя долго ждать и, с громким лаем перепрыгнув через ветви кустарника, исчезло в глубине зарослей. Лошади не могли последовать за ней: надо было продираться через беспорядочно растущую зеленую массу. Полковнику Эвересту и его спутникам пришлось ехать, оглябая лес и прислушиваясь к отдаленному лаю собаки. У всех появилась некоторая надежда. Не было сомнений, что животное напало на след заблудившегося ученого, и если оно его не потеряет, то, должно быть, прямо выйдет к цели.

Всех занимал только один вопрос: жив или мертв Николай Паландер?

Было одиннадцать часов утра. Лая собаки, на который ориентировались искатели, не стало слышно. То ли она далеко удалилась, то ли сбилась вдруг с пути. Так прошло двадцать минут. Бушмен и сэр Джон, ехавшие впереди, сильно обеспокоились. Они уже не знали, в каком направлении вести своих спутников, как вдруг лай раздался снова, примерно в полумиле к западу и уже не в лесу. Пришпорив лошадей, все тотчас направились в ту сторону.

В несколько приемов отряд подскакал к очень заболоченному участку. Здесь явственно слышался голос собаки, но самой ее не было видно. Земля была покрыта тростниками высотой в двенадцать — пятнадцать футов. Всадникам пришлось спешиться, и они, привязав лошадей к дереву, углубились в тростники.

Когда они миновали эти густые заросли, их глазам открылось обширное пространство, сплошь покрытое водой и водяными растениями. Здесь, в самом низком месте, образовалась широкая лагуна длиною в полмили, заполненная коричневато-водой.

Собака, путь которой преградили вязкие берега этой лагуны, яростно лаяла.

— Вот он! Вот он! — воскликнул бушмен.

Действительно, на краю похожей на полуостров суши, на расстоянии трехсот шагов от них, на пне неподвижно сидел Николай Паландер, не видя и не слыша ничего вокруг, держа в руке карандаш, а на коленях — блокнот и конечно же занимаясь расчетами!

Его компаньоны не могли удержаться от крика. Не более чем в двадцати шагах от русского ученого его подстерегало стадо крокодилов, высунувших из воды головы. Эти ненасытные твари потихоньку приближались к Паландеру и могли схватить его в любой момент.

— Скорее! — сказал охотник тихо. — Удивляюсь, что крокодилы еще чего-то ждут и не бросаются на него!

— Они ждут, наверно, когда он будет с душком! — не мог удержаться, чтобы не состричь сэр Джон, намекая на то, что, как он слышал от туземцев, эти рептилии никогда не питаются свежим мясом.

Посоветовав своим спутникам ждать их на месте, бушмен и сэр Джон обогнули лагуну так, чтобы попасть на узкий перешеек, который вывел бы их прямо к Николаю Паландеру.

Они не сделали и двухсот шагов, как крокодилы, покинув глубокую воду, начали выбираться на сушу, направляясь прямо к своей жертве.

Ученый ничего не видел. Он не отрывал глаз от своего блокнота. Его рука все выводила и выводила какие-то цифры.

— Только меткость и хладнокровие, иначе он погиб! — прошептал охотник на ухо сэру Джону.

Тут, встав на колено и прицелившись в двух ближайших крокодилов, они оба выстрелили. Раздались два залпа. Два чудовища с перебитыми хребтами скатились в воду, а остальное стадо в одно мгновение исчезло в глубине озера.

При звуке ружейных выстрелов Паландер поднял наконец голову. Завидев своих компаньонов, он радостно побежал к ним, размахивая блокнотом.

— Я нашел! Я нашел! — кричал он.

— Что вы нашли, господин Паландер? — спросил его сэр Джон.

— Неточность в мантиссе сто третьего логарифма таблицы Джеймса Уолстона!

Действительно, он нашел эту ошибку, удивительный человек! Он обнаружил ошибку в логарифме! И имел право на премию в сто фунтов стерлингов, обещанную за это издателем Джеймсом Уолстоном! Вот чем был занят все четыре дня, пока бродил в полном одиночестве, знаменитый астроном из Гельсингфорской обсерватории!

Русский математик был в конце концов найден. Когда его спросили, как он провел эти четыре дня, он не мог ответить. Осознавал ли он опасность, которой подвергался? Вряд ли. Когда ему рассказали об эпизоде с крокодилами, он не хотел этому верить и принял рассказ за шутку. Хотелось ли ему есть? Не очень. Он утолял голод цифрами, и так хорошо утолял, что нашел ошибку в таблице логарифмов!

В присутствии иностранных коллег Матвей Струкс, шадя его чувство национального достоинства, не сделал никаких упреков Николаю Паландеру; но есть все основания полагать, что в разговоре с глазу на глаз русский астроном получил хорошую головомойку от своего начальника и совет — впредь не увлекаться своими логарифмическими изысканиями.

Измерения были немедленно возобновлены. В течение нескольких дней работы шли успешно. Ясная и стабильная погода благоприятствовала наблюдениям, будь то угловые измерения ориентиров или измерения зенитных расстояний. К уже полученной сети добавились новые треугольники, а их углы были тщательно вычислены с помощью многочисленных измерений.

Двадцать восьмого июня астрономы получили геодезическое основание своего пятнадцатого треугольника. По их расчетам, этот треугольник должен был включать в себя отрезок меридиана между его вторым и третьим градусами. Чтобы закончить с ним, оставалось измерить два прилегающих к его основанию угла с помощью визирования ориентира, расположенного в его вершине.

И здесь возникло препятствие физического порядка. Местность, покрытая зарослями, насколько хватало глаз, совсем не была пригодна для установки сигнальных знаков. Общий ее наклон, достаточно ощутимый, с юга на север делал затруднительной не саму постановку, но видимость столбов.

Лишь одна точка могла бы послужить для установки сигнального фонаря, но она находилась на довольно большом расстоянии. Это была вершина горы в двенадцать — тринадцать сотен футов, возвышавшаяся примерно в тридцати милях к северо-западу. В этих условиях боковые стороны этого пятнадцатого треугольника были длиною более двадцати тысяч туазов — длиною, которая при некоторых других тригонометрических измерениях иной раз превышалась вчетверо, но

с которою члены англо-русской научной комиссии сталкивались впервые.

После серьезного обсуждения астрономы приняли решение установить на этой высоте электрический фонарь, так как расстояние было слишком большим, чтобы получить достаточную точность при дневных наблюдениях и замерах. Скоро небольшой отряд — полковник Эверест, Вильям Эмери и Михаил Цорн в сопровождении двух матросов и бушменов, — запасшись инструментами и провизией, отправился к месту нового ориентира, чтобы укрепить там светящийся визир, предназначенный для ночных работ. Полковник Эверест рассчитывал дойти до подошвы горы не ранее следующего дня, и даже если бы при подъеме не встретилось много трудностей, фонарь можно было установить не ранее чем в ночь с двадцать девятого на тридцатое число. Таким образом, наблюдатели, оставшиеся в лагере, должны были обнаружить вершину своего пятнадцатого треугольника, отмеченную светящейся точкой, не ранее чем через тридцать шесть часов.

В отсутствие полковника Эвереста Матвей Струкс и Николай Паландер занялись своими обычными делами, а сэр Джон Муррэй с бушменом прочесали окрестности лагеря и убили несколько животных, принадлежащих к отряду антилоп, столь разнообразному в этих районах Южной Африки.

Сэр Джон к своим охотничьим подвигам добавил еще и «взятие» жирафа — прекрасного животного, редкого в северных местностях, но часто встречающегося на южных равнинах. Охоту на жирафа знатоки этого дела почитают «замечательным видом спорта». Сэр Джон и бушмен наткнулись на стадо голов в двадцать этих животных, чутких настолько, что они не подпускали к себе ближе пятисот ярдов. Но одна самка отбилась от стада, и охотники решили ее загнать. Животное стало убегать мелкой рысцой, казалось, позволяя легко себя догнать; но когда лошади сэра Джона и бушмена были уже совсем близко, самка, вытянув хвост, стала убегать с невероятной скоростью. Пришлось преследовать ее на протяжении двух миль. Наконец пуля, посланная сэром Джоном, уложила животное, ранив его в бок. Это был великолепный образчик семейства жираф — животное, «шеей похожее на лошадь, ногами и копытами — на быка, головою — на верблюда», как говорили римляне, с рыжеватой шкурой, испещренной белыми пятнами. Это необычное жвачное было не менее одиннадцати футов высотой от кончика копыта до маленьких рогов, покрытых кожей и шерстью.

В течение последовавшей ночи два русских астронома ус-

пешно определили высоту нескольких звезд, что дало им возможность установить широту места стоянки лагеря.

День двадцать девятого июня прошел без происшествий. Наступления ночи все ждали с некоторым нетерпением, спеша зафиксировать вершину пятнадцатого треугольника. Наступила ночь — безлунная, беззвездная, но сухая, не принесшая никакого тумана и, следовательно, очень благоприятная для обнаружения далекого визира. Все нужные приготовления были сделаны заранее, и зрительная труба угломера, направленная еще днем на вершину горы, могла быстро завизировать электрический фонарь в случае, если большая удаленность сделала бы его невидимым для невооруженного взгляда.

В продолжение всей ночи с двадцать девятого на тридцатое число Матвей Струкс, Николай Паландер и сэр Джон Муррэй сменяли друг друга у окуляра инструмента, но... вершина горы оставалась темной и никакого света не вспыхнуло на ее крайней точке.

Все пришли к заключению, что при подъеме на гору встретились серьезные трудности и что полковник Эверест не достиг ее вершины до наступления вечера. Итак, астрономы отложили свои наблюдения до следующей ночи, не сомневаясь в том, что никто не будет устанавливать светящийся аппарат среди бела дня.

Но каково же было их удивление, когда тридцатого июня около двух часов пополудни полковник Эверест и его спутники вдруг появились в лагере.

Сэр Джон устремился навстречу, обогнав своих коллег.

— Это вы, полковник? — вскричал он.

— Он самый, сэр Джон.

— Значит, гора оказалась недоступной?

— Напротив, весьма доступной, — ответил полковник Эверест, — но очень хорошо охраняемой, доложу я вам. А потому мы возвратились за подкреплением.

— Охраняемой кем? Туземцами?

— Да, туземцами с четырьмя лапами и черной гривой, сожравшими одну из наших лошадей!

В нескольких словах полковник рассказал коллегам о походе, который проходил успешно до самой подошвы горы. Гора эта, как выяснилось после осмотра, оказалась доступной лишь с юго-западного пригорка. Только в единственном проходе, которые вел к этому пригорку, устроила свой «крааль», по выражению «форелопера», целая стая львов. Тщетно полковник Эверест пытался выжить оттуда опасных хищников; будучи недостаточно вооруженным, ему пришлось отступить,

потеряв при этом одну лошадь, которой царь зверей ударом лапы перебил хребет.

Такой рассказ не мог не воодушевить сэра Джона Муррэя и бушмена. Эта «львиная гора» являлась пунктом, который следовало захватить, кстати сказать — пунктом, абсолютно необходимым для продолжения геодезических работ. Случай помериться силами с самыми грозными представителями породы кошачьих был слишком заманчив, чтобы не воспользоваться им, и туда немедленно снарядили экспедицию.

Все ученые-европейцы, не исключая миролюбивого Паландера, захотели принять в ней участие; однако было необходимо кому-то остаться в лагере, чтобы измерить углы, прилежащие к основанию нового треугольника. Полковник Эверест, понимая, что его присутствие необходимо для контроля за этой операцией, решил остаться здесь в обществе двух русских астрономов. С другой стороны, сэра Джона Муррэя удержать здесь не смогли бы никакие доводы. Отряд, предназначенный для взятия подступов к горе, таким образом, был составлен из сэра Джона, Вильяма Эмери и Михаила Цорна, затем из бушмена, который никому и ни за что не уступил бы своего места, и, наконец, из трех туземцев, которых Мокум знал как смелых и хладнокровных охотников.

Пожав руки своим коллегам, трое европейцев покинули лагерную стоянку около четырех часов пополудни и скрылись в чаще, которая виднелась в направлении горы. Они нетерпеливо погоняли своих лошадей и к девяти часам вечера преодолели расстояние в тридцать миль. Не доезжая до горы двух миль, они спешили и расположились на ночлег. Никакого костра не разводили, чтобы не провоцировать зверей на ночное нападение, поскольку Мокум желал сразиться с ними днем.

В течение всей ночи почти непрерывно раздавался львиный рык. Ведь эти страшные хищники лишь с наступлением темноты покидают свое логово, отправляясь на поиски пищи. Ни один из охотников не спал ни часа, и бушмен воспользовался этим ночным бдением, чтобы дать им несколько советов, основанных на опыте, а потому очень ценных.

— Господа,— сказал он им со свойственным ему спокойствием,— если полковник Эверест не ошибся, завтра мы будем иметь дело со стаей черногривых львов. А эти животные принадлежат к самой кровожадной и опасной породе. Нам надо позаботиться о том, чтобы правильно себя вести. Я посоветую вам остерегаться первого прыжка этих животных, которые могут одним махом преодолеть расстояние в шестнадцать — двадцать шагов. Если первый прыжок льва неудачен,

он редко когда повторяет его. Говорю это вам по собственному опыту. Поскольку на рассвете они возвращаются в свое логово, мы нападём на них именно там. Но они будут защищаться, и защищаться крепко. Утром, доложу я вам, львы сыты и бывают не так свирепы и, быть может, не так смелы; все зависит от насыщенности желудка. А еще зависит от их местонахождения, так как они более трусливы там, где их постоянно беспокоит человек. Но здесь, в этом диком краю, они проявят крайнюю свирепость. Советую вам также, господа, хорошо прикинуть расстояние между вами и зверем, прежде чем стрелять. Дайте зверю подойти, стреляйте только наверняка и цельтесь в место у предплечья. Хочу добавить, что лошадей мы оставим здесь. При виде льва эти животные пугаются и не дают всаднику точно выстрелить. Сражаться мы будем пешими, и я рассчитываю, что самообладание вас не покинет.

Спутники бушмена в полном молчании выслушали рекомендации охотника. Мокум был в их глазах человеком, привычным к охоте. Он знал, что дело предстоит серьезное, что лев обычно не бросается на человека, который не трогает его, но ярость его не знает границ, когда он чувствует, что на него нападают. Тогда зверь, которого природа наградила гибкостью, чтобы сделать прыжок, силой, чтобы нанести удар, и злобой, которая превращает его в чудовище,— этот зверь становится опасен. А потому бушмен рекомендовал европейцам сохранять хладнокровие, особенно сэру Джону, который иногда идет на поводу у своей отваги.

— Стреляйте в льва,— говорил он ему,— так, как будто вы стреляете в куропатку, без всякого волнения. В этом все дело!

В этом все дело, действительно. Но кто может поручиться, что сохранит самообладание при виде льва, не будучи привычен к такого рода предприятиям.

В четыре часа утра, надежно привязав лошадей в чаще леса, охотники покинули место своего привала. Еще не рассвело. Кое-какие красноватые блики едва проступили в облачной пелене на востоке. Было еще совсем темно. Бушмен посоветовал своим спутникам осмотреть ружья. Сэру Джону Муррэю и ему самому, вооруженным карабинами, достаточно было вложить в патронник медную гильзу с зарядом и проверить, хорошо ли работает курок. Михаил Цорн и Вильям Эмери, имевшие при себе нарезные винтовки, вставили новые пистоны, поскольку прежние могли отсыреть от ночной влаги. Что касалось трех туземцев, то они были оснащены лу-

ками из алоэ, которыми манипулировали с большой ловкостью. Не один лев пал уже от их метких стрел.

Шестеро охотников направились к проходу, подступы к которому разведали накануне два молодых ученых. Они не произносили ни слова, осторожно пробираясь между высоких деревьев, словно краснокожие в лесных зарослях. Вскоре маленький отряд подошел к узкому горлу прохода. У этого места начиналось ущелье, стиснутое двумя отвесными гранитными скалами, ведущее к первому склону пригорка. Именно в этом ущелье, примерно на середине пути, на участке, расширившемся в результате обвала, и находилось логово, занимаемое стаей львов.

Тут бушмен изложил следующий план действий: сэр Джон Муррэй, один из туземцев и он должны выдвинуться вперед; карабкаясь ползком по высоким выступам ущелья они доберутся до самого логова и постараются выгнать оттуда хищных зверей, направив их к нижнему краю ущелья, а два молодых европейца и два бушмена встанут в засаду и встретят бегущих зверей выстрелами из луков и ружей.

Место было чрезвычайно удобно для таких действий. Там росла громадная смоковница, высоко возвышаясь над окружающими зарослями, многочисленные ветви ее представляли собой надежное укрытие, совершенно не доступное для львов. Ведь известно, что эти животные не награждены даром лазать по деревьям, как другие их собратья из породы кошачьих. Разместившись на некоторой высоте, охотники оказались бы в недосягаемости от их прыжков и могли спокойно в них стрелять.

Итак, самый опасный маневр должны были выполнить Мокум, сэр Джон и один из туземцев. О чем вслух заметил Вильям Эмери, но охотник ответил, что иначе и быть не может, и настоял на том, чтобы в его план не вносилось никаких изменений. Молодые люди согласились с его доводами. И вот занялся новый день. Под лучами восходящего солнца как факел заалела верхушка горы. Бушмен, убедившись в том, что четверо его товарищей удобно устроились на ветках смоковницы, подал знак к отправлению. Вскоре он, сэр Джон и охотник уже карабкались по причудливо изогнутому выступу ущелья. Иногда они останавливались, чтобы оглядеть узкое горло ущелья, зиявшее внизу под ними. Бушмен не сомневался, что львы после своей ночной вылазки вернулись в убежище — или на отдых, или чтобы съесть там свою добычу. Быть может, ему даже удастся застать их спящими и быстро покончить с ними.

Через четверть часа Мокум и его спутники приблизились

к логову, расположенному у обвала, как им и указал Михаил Цорн. Тут они прижались к земле и стали рассматривать убежище.

Это была довольно глубокая пещера, размеры которой сейчас трудно было определить. Вход в нее загромаждали останки животных, кучи костей. Ошибиться здесь было невозможно: они подошли к жилищу львов, про которое говорил полковник Эверест.

Но в настоящий момент, вопреки ожиданиям охотника, пещера оказалась пустой. Взяв ружье, Мокум спустился вниз и ползком, на четвереньках добрался до входа в логово. Одного беглого взгляда, брошенного в глубь пещеры, было достаточно, чтобы убедиться, что там никого нет. Такое обстоятельство, на которое он никак не рассчитывал, заставило его немедленно изменить свой план.

— Сэр Джон,— сказал охотник,— наша дичь еще не вернулась в свое убежище, но скоро не замедлит появиться. Я думаю, что мы правильно сделаем, если займем ее место. Таким молодцам, как мы, лучше быть осаждаемыми, чем осаждающими, особенно когда само место имеет дополнительное сооружение у порога. Что об этом думает ваша милость?

— Я думаю так же, как вы, бушмен,— ответил сэр Джон Муррэй.— Я нахожусь под вашим началом и вам повинуюсь.

Мокум, сэр Джон и туземец проникли в логово. Это был глубокий грот, усеянный костями и кусками окровавленного мяса. Окончательно убедившись, что пещера пуста, охотники поспешили забаррикадировать ее вход огромными глыбами камней, которые они не без труда подкатали и взгромодили друг на друга. Просветы, оставшиеся между камнями, они заткнули ветками и хворостом, которыми была усеяна неровная поверхность ущелья. Эта работа потребовала всего нескольких минут, так как вход в грот был относительно узок. Затем охотники разместились за своей баррикадой, со множеством бойниц, и стали ждать.

Их ожидание оказалось недолгим. В четверть шестого в ста шагах от логова появились лев и две львицы. Это были очень крупные животные. Лев, покачивая черной гривой и волоча по земле свой грозный хвост, нес в зубах целую антилопу, которой он тряс, как кошка мышью. Тяжелая ноша несколько не обременяла его мощной пасти, огромная голова поворачивалась легко и свободно. Две львицы с желтой шерстью, резвясь и играя, сопровождали его.

Сэр Джон («его милость» сами потом сознались в этом) почувствовал, как быстро забилося у него сердце. Глаза астронома выкатились из орбит, брови полезли вверх, и он за-

стыл в каком-то конвульсивном страхе, к которому примешивались изумление и тоска; но это продолжалось недолго, он быстро овладел собой. Что касалось его спутников, то те, как всегда, были спокойны.

Тем временем лев и обе львицы почуяли опасность. Увидев свое заваленное камнями логово, они остановились. Охотников и зверей разделяли менее шестидесяти шагов. Испустив ужасный рев, самец, а за ним львицы, кинулись в чащу леса справа, что немного ниже того места, где охотники остановились вначале. Сквозь ветки было очень хорошо видно этих страшных животных, их желтые бока, настороженные уши, сверкающие глаза.

— Куропатки на месте,— прошептал сэр Джон на ухо бушмену.— Каждому по одной.

— Нет,— ответил Мокум тихо,— здесь еще не все семейство, и выстрел спугнет остальных. Бушмен, ты попадешь из лука на таком расстоянии?

— Да, Мокум,— ответил туземец.

— Хорошо, целйся в левый бок самцу и попади ему в сердце!

Бушмен натянул тетиву и старательно прицелился через бойницу. Стрела со свистом вылетела. Послышался рев. Лев сделал прыжок и рухнул на землю в тридцати шагах от пещеры. Он оставался недвижим, и можно было разглядеть его оскалившиеся зубы, торчащие в окровавленной пасти...

— Отлично, бушмен! — сказал охотник.

В этот момент львицы, покинув чащу, устремились к телу льва. Привлеченные их грозным рычанием, на повороте ущелья появились еще два льва, один из них — старый самец с желтыми когтями, а следом за ним — третья львица. От страшной ярости их черные гривы вздыбились, и они казались исполинами. Можно было подумать, что львы стали вдвое больше обычного. Прыжками они двигались вперед, издавая страшный рев.

— А теперь за карабины! — воскликнул бушмен.— И стреляем в бегущих, раз они не хотят останавливаться.

Грянуло два выстрела. Один из львов, настигнутый разрывной пулей бушмена, попавшей в основание крупа, упал замертво. Другой, в которого целился сэр Джон, был ранен в лапу и кинулся к баррикаде. Разъяренные львицы последовали за ним. Свирепые животные хотели ворваться в пещеру, и им бы это удалось, если бы их не остановили пули.

Бушмен, сэр Джон и туземец отошли в глубину логова. Ружья были спешно перезаряжены. Один-два метких выстрела, и животные, быть может, уже пали бы бездыханными, ес-

ли бы не одно непредвиденное обстоятельство, сделавшее положение трех охотников ужасным.

Пещера вдруг наполнилась дымом. Один из пыжей, упав на сухой хворост, поджег его. Вскоре стена пламени, раздуваемого ветром, встала между людьми и животными. Львы отступили. Охотники не могли больше оставаться в своем убежище, не рискуя задохнуться.

Времени на размышления не оставалось.

— Надо выбираться отсюда! — крикнул бушмен, уже задышавшийся от едкого дыма.

Тотчас ружейными прикладами хворост был раскидан, камни баррикады отодвинуты, и трое охотников вместе с клубами дыма вырвались наружу.

Туземец и сэр Джон едва пришли в себя после удушья, как оба были повержены на землю, африканец — ударом головы, а англичанин — ударом хвоста еще не раненых львиц. Туземец, получивший удар прямо в грудь, остался неподвижно лежать на земле. Сэру Джону показалось, что у него перебита нога, он упал на колени. Но в ту минуту, когда хищник приготовился броситься на Джона Муррэя, его внезапно остановила пуля бушмена, которая, наткнувшись на кость, разорвалась в теле животного.

В этот момент на повороте ущелья показались Михаил Цорн, Вильям Эмери и два бушмена, появившись весьма вовремя, чтобы принять участие в битве. Два льва и одна львица были уже настигнуты пулями и стрелами, смертельными для них. Но две другие львицы и самец, лапа которого была перебита выстрелом сэра Джона, еще представляли большую опасность.

Тут-то карабины с нарезным стволом и сослужили свою службу: пала вторая львица, сраженная двумя пулями — в голову и в бок, а раненый лев и третья львица, сделав необычайно высокий прыжок, прямо над головами молодых людей, исчезли за поворотом ущелья, получив вдогонку две пули и две стрелы.

Торжествующее «ура» раздалось из уст сэра Джона. Львы были побеждены. На земле осталось лежать четыре трупа.

Все поспешили к сэру Джону Муррэю. Друзья помогли ему подняться. Его нога, к счастью, оказалась не сломана. Туземец, опрокинутый ударом львиной головы, пришел в себя через несколько мгновений, к общей радости, он оказался лишь оглушенным нападением зверя.

Час спустя отряд, так и не встретив больше убежавшую пару львов, достиг чащи, где были привязаны лошади.

— Ну как,— спросил по дороге Мокум сэра Джона,— довольны ли ваша милость нашими африканскими куропатками?

— Вполне,— ответил сэр Джон, потирая раненую ногу,— вполне! Однако что за хвосты у них, дражайший бушмен, что за хвосты!

ГЛАВА XIII

С помощью огня

Полковник Эверест и его коллеги с нетерпением ожидали результатов сражения, состоявшегося у подножия горы. Весь день они провели в тревоге. Свои инструменты ученые настраивали на вершину горы таким образом, чтобы поймать в поле зрения окуляров свет ориентира, каким бы слабым он ни был! Если у охотников будет удача, ночью на горе засветится визирная точка. Но появится ли этот свет?

Полковник Эверест и Матвей Струкс не знали ни минуты покоя. Только один Николай Паландер не думал о той опасности, которой подвергались его коллеги. Да простят его за этот своеобразный эгоизм! О нем можно сказать то же, что было сказано о математике Буваре: «Он перестанет считать только тогда, когда перестанет жить». И даже, быть может, Николай Паландер перестанет жить именно потому, что перестанет считать!

Справедливости ради надо сказать, что оба астронома, английский и русский, столько же думали о судьбе геодезических операций, сколько о своих товарищах, вступивших в схватку со львами. С хищниками они справились бы и сами, не забывая при этом, что находятся на передовом крае науки. Так что прежде всего их занимал результат исследований. Физическое препятствие, если оно не будет преодолено, может совсем остановить работы или же сильно затянуть их.

Наконец настала ночь. Полковник Эверест и Матвей Струкс, которые должны были вести наблюдения по полчаса каждый, по очереди занимали место перед окуляром зрительной трубы. Они, не произнося ни слова, в полной темноте сменяли друг друга с хронометрической точностью. Кому первому суждено было заметить с таким нетерпением ожидаемый сигнал?

Текли часы. Прошла полночь. На погруженном во мрак пике горы все еще не появился огонь. Наконец без четверти три полковник Эверест, спокойно распрямившись, произнес одно только слово:

— Сигнал!

Случай улыбнулся ему, к большой досаде его русского коллеги. Но Матвей Струкс сдержался и не промолвил ни слова.

Снятие показаний было произведено с педантичной тщательностью, и после неоднократно повторенных наблюдений угол составил $73^{\circ}58'42,413''$. Как видно, измерение было произведено с точностью до тысячных долей секунды, то есть с точностью, можно сказать, абсолютной.

На следующий день, на рассвете, лагерь снялся с места. Полковник Эверест хотел как можно быстрее присоединиться к своим компаньонам. Он спешил узнать, не слишком ли дорогой ценой было оплачено это покорение высоты. Под руководством «форелопера» повозки тронулись в путь, а в полдень члены научной комиссии воссоединились и поздравили друг друга с победой.

В это утро сэр Джон Муррэй, Михаил Цорн и Вильям Эмери с вершины горы измерили угловое расстояние до нового ориентира, расположенного в нескольких милях к западу от меридиана. Затем астрономы определили зенитную высоту нескольких звезд и вычислили широту самого пика. Это дало возможность Николаю Паландеру заключить, что последними измерениями была получена вторая часть дуги меридиана, равная одному градусу. Отсюда следовало, что общее протяжение пятнадцати треугольников, начиная с базиса, покрывает два градуса.

Работы выполнялись в удовлетворительных условиях и можно было надеяться, что никакого физического препятствия не возникнет вплоть до их полного окончания. В продолжение пяти недель погода благоприятствовала астрономическим наблюдениям, а на местности, немного гористой, легко находились точки для установки ориентиров. Под руководством бушмена регулярно устраивались лагерные стоянки, а охотники каравана с сэром Джоном во главе беспрестанно снабжали экспедицию продовольствием. Почтенный англичанин уже перестал считать всевозможных антилоп и буйволов, падавших под его меткими пулями. Все шло как нельзя лучше. Здоровье у всех было вполне удовлетворительное. Вода в ложбинках еще не иссякла. Наконец, споры между полковником Эверестом и Матвеем Струксом поумерились, к великому удовольствию их компаньонов. Каждый старался вовсю, и уже можно было предвкушать окончательный успех предприятия, когда одна трудность местного характера вдруг остановила наблюдения и воскресила национальное соперничество.

Это было одиннадцатого августа. Накануне караван про-

бирался по местности, на которой леса и полосы кустарников чередовались друг с другом на многие мили вокруг. В то утро повозки остановились перед сплошной и высокой стеной деревьев, их заросли терялись далеко за горизонтом. Нет ничего более впечатляющего, чем эта зеленая масса, сплошной завесой опустившаяся над землею. Никакое описание не могло бы дать полного представления о прекрасных деревьях, являющих собой африканский лес. Здесь попеременно росли деревья самых разнообразных пород — «гунла», «мосокосо», «мукомду», дерево, ценимое в кораблестроении, эбеновые деревья, с толстыми стволами, кора которых покрывает совершенно черную плоть, «богиния» с твердыми, как железо, волокнами, «бухнерас» с цветами оранжевого цвета, великолепные «рудеблатты» с белесоватым стволом, украшенные малиновой листвой неопишущего вида, и тысячи гаяков, достигающих порой в обхвате пятнадцати футов. Из этого густого массива доносился шелест, волнующий и величественный, напоминающий шум прибоя на песчаном берегу. То ветер, продираясь через густые шапки деревьев, вырывался на опушку гигантского леса.

— Это Ровумский лес! — сказал охотник Мокум в ответ на вопрос полковника Эвереста.

— А какова его протяженность с востока на запад?

— Сорок пять миль.

— А с юга на север?

— Приблизительно десять миль.

— Как же мы пройдем через эту густую массу деревьев?

— Насквозь мы не пройдем, — ответил Мокум. — Там нет ни одной тропинки. У нас один выход: обогнуть лес либо с востока, либо с запада.

Оба начальника экспедиции, услышав решительные ответы бушмена, пришли в большое замешательство. Совершенно очевидно, что в таком лесу, занимавшем абсолютно ровную местность, нельзя было установить точки визирования. Обойти же его, то есть удалиться на двадцать — двадцать пять миль в ту или иную сторону от меридиана, означало сильно увеличить объем работ по триангуляции и добавить, быть может, дюжину дополнительных треугольников.

Новое естественное препятствие возникло перед экспедицией. Поэтому как только в тени великолепных деревьев, в полумиле от опушки самого леса, был разбит лагерь, астрономы собрались на совет для принятия решения. Вопрос о триангулировании с углублением в громадный лесной массив даже не стал рассматриваться. Оставалось предложение обойти чащобу либо справа, либо слева, при том, что удале-

ние явится почти одинаковым в каждую сторону, поскольку меридиан пересекает лес посередине.

Члены англо-русской комиссии сошлись на том, что непреодолимый барьер им следует обойти. С восточной стороны или с западной — значения не имело. Но случилось так, что именно этот малозначащий вопрос вызвал бурный спор между полковником Эверестом и Матвеем Струксом. Оба соперника вновь проявили прежнюю враждебность друг к другу, и скоро малозначащий спор перерос в серьезную стычку. Напрасно их коллеги пытались вмешаться. Оба руководителя ничего не хотели слышать. Один из них, англичанин, стоял за правую сторону — направление, приближающее экспедицию к дороге, пройденной Дэвидом Ливингстоном во время его первого путешествия к порогам Замбези, и это было, по крайней мере, резонно, ибо эти края, более известные и более посещаемые, могли дать определенные преимущества. Что касалось русского, то он настаивал на левой стороне, но, очевидно, лишь из стремления противоречить полковнику. Если бы англичанин избрал левую сторону, русский ратовал бы за правую.

Ссора зашла так далеко, что в один прекрасный момент появилась опасность раскола среди членов научной комиссии. А это означало, что прерванные работы будут продолжены двумя раздельными сериями треугольников. Михаил Цорн и Вильям Эмери, сэр Джон Муррэй и Николай Паландер, видя, что ничего не могут поделать, покинули совещание и оставили обоих руководителей один на один.

Прошел день, но он так и не принес сближения двух противоположных мнений.

На следующий день, двенадцатого августа, сэр Джон, предвидя, что оба упряма еще не придут к согласию, нашел бушмена и предложил ему побродить по окрестностям. Быть может, тем временем два астронома смогут наконец договориться. Во всяком случае, немного свежатины отнюдь не помешает. Мокум, как всегда готовый, свистнул своего пса Топы, и охотники отправились за несколько миль от лагеря, то беседуя по дороге, то высматривая дичь.

— Думаю, — сказал бушмен, — мы надолго разбили лагерь на опушке Ровумского леса. Оба наших руководителя не собираются уступать один другому. Да позволит мне ваша милость сравнение, но один тянет вправо, другой — влево, как быки, когда не хотят ехать вместе, отчего повозка не может тронуться с места.

— Это досадное обстоятельство, — ответил сэр Джон Муррэй, — и я очень боюсь, как бы их упрямство не привело к

полному размежеванию. Не будь затронуты интересы науки, соперничество двух астрономов оставило бы меня равнодушным, бравый Мокум. В богатых дичью африканских краях мне есть чем развлечься, и, пока два соперника не придут к соглашению, я буду бродить по охотничьим угодьям с ружьем в руках.

— Но думает ли ваша милость, что они смогут договориться в этом вопросе? Что до меня, то я на это не надеюсь и, как я вам уже говорил, наша передышка может затянуться надолго.

— Я тоже этого опасаюсь, Мокум, — ответил сэр Джон. — Два наших начальника спорят по ничтожному, второстепенному вопросу, который нельзя решить научным путем. Они оба правы и оба неправы. Полковник Эверест категорически заявил, что не уступит. Матвей Струкс поклялся, что будет противиться претензиям полковника, и оба этих ученых, которые несомненно уступили бы научному доводу, никогда не согласятся пойти на какую-то уступку в вопросе столкновения самолюбий. Поистине досадно, что в ущерб нашим работам меридиан проходит как раз посередине этого леса!

— К черту лес, — ответил на это бушмен, — когда речь идет о подобных операциях! Но вот что я хочу спросить: что за идея пришла в голову ученым — измерять длину и ширину земли? Что они получают, когда вот эдак вычислят ее в футах и дюймах? Что до меня, ваша милость, то я предпочитаю ничего не знать о таких вещах! Я предпочитаю считать огромным, бесконечным земной шар, на котором живу, и мне кажется, что знание его точных размеров только умаляет его! Нет, сэр Джон, проживи я хоть сто лет, я все равно никогда не признаю ваши затеи полезными!

Сэр Джон не смог удержаться от улыбки. Эта тема часто обсуждалась между ним и охотником, и Мокум, невежественное дитя природы, свободный бродяга лесов и равнин, неустрашимый загонщик диких зверей, совершенно не мог понять научной пользы триангуляции. Сэр Джон пытался иногда убеждать его, но бушмен в ответ приводил аргументы, в духе истинно натуральной философии, излагавшиеся с красноречием дикаря, которое Джон Муррэй, наполовину ученый, наполовину охотник, вполне мог оценить по достоинству.

Беседуя таким образом, сэр Джон и Мокум отнюдь не упустили мелкой равнинной дичи — горных зайцев, «джосиуров», новый вид грызунов, под названием «*Graphycerus elegans*», несколько зуйков с пронзительным криком и выводков куропаток с коричневым, желтым и черным оперением.

Бушмен стрелял мало. Он, казалось, был занят мыслями

о соперничестве двух астрономов, которое неизбежно должно было навредить успеху экспедиции. Инцидент «по поводу леса» явно угнетал его больше, чем самого сэра Джона. Дичь со всем ее разнообразием почти не привлекала его внимания, а это серьезный симптом у такого охотника, как он.

И действительно, в голове бушмена зашевелилась одна, сначала весьма неопределенная, идея, мало-помалу она стала приобретать все более четкие очертания. Сэр Джон слышал, как он разговаривал сам с собой, задавал сам себе вопросы и сам себе отвечал. Видел, как, опустив ружье и не обращая внимания на авансы, которые ему делала пернатая или четвероногая дичь, охотник застывал в неподвижности, уходя в себя точно так же, как это делал Николай Паландер в своих поисках логарифмической ошибки. Но сэр Джон с уважением отнесся к этой работе ума и отнюдь не хотел отрывать своего спутника от столь важного занятия.

Раза два-три в течение дня Мокум подходил к сэру Джону и говорил ему:

— Значит, ваша милость думают, что полковник Эверест и Матвей Струкс так и не смогут прийти к согласию?

На этот вопрос сэр Джон неизменно отвечал, что такое согласие кажется ему труднодостижимым и что приходится опасаться раскола между англичанами и русскими.

Вечером, когда они были уже в нескольких милях от лагеря, Мокум в последний раз задал этот вопрос и получил тот же ответ. Но теперь он добавил:

— Что ж, пусть ваша милость успокоится, я нашел способ удовлетворить наших ученых, обоих сразу!

— Это правда, достойный охотник? — спросил в ответ сэр Джон, немало удивившись.

— Да, я утверждаю это, сэр Джон! Еще до завтрашнего утра у полковника Эвереста и господина Струкса не будет предлога для споров, если ветер окажется благоприятным.

— Что вы хотите этим сказать, Мокум?

— Я знаю — что, сэр Джон.

— Ну так сделайте это, Мокум! Вы окажете большую услугу ученому миру Европы, и ваше имя будет занесено в анналы науки!

— Это слишком большая честь для меня, сэр Джон, — ответил бушмен и, вероятно, обдумывая свой план, не проронил больше ни слова.

Сэр Джон не стал требовать от бушмена никаких объяснений, хотя никак не мог взять в толк, каким образом его компаньон собирался примирить двух упрямцев, которые так нелепо мешали успеху всего предприятия.

Охотники вернулись в лагерь около пяти часов вечера. Вопрос не продвинулся ни на шаг, а спор между русским и англичанином еще больше обострился. Неоднократные вмешательства Михаила Цорна и Вильяма Эмери не привели ни к какому результату. Личные оскорбления, которыми во множестве обменялись оба противника, досадные выпады, сделанные как с одной, так и с другой стороны, делали теперь всякое примирение невозможным. Участники экспедиции стали опасаться, как бы дело не кончилось вызовом. Судьба триангулирования оказалась под вопросом, разделение экспедиции на две части представлялось неминуемым, а такая перспектива весьма печалила двух молодых людей, очень привязавшихся друг к другу.

Сэр Джон понял, что происходит у них в душе, но, не желая напрасно обнадеживать своих молодых друзей, он не стал передавать им слова, сказанные охотником. А тот за весь вечер ни в чем не изменил своих обычных занятий, делая, по обыкновению, обход лагеря, проверяя, правильно ли расставлены повозки, одним словом, обеспечивая безопасность каравана.

Сэр Джон даже решил, что охотник забыл о своем обещании. Перед тем как уйти отдыхать, он захотел немного прощупать настроение полковника Эвереста относительно русского астронома. Чувствуя себя правым и твердо стоя на своем, полковник заявил, что в случае, если Матвей Струкс не уступит, англичане и русские расстанутся, ввиду того, «что есть вещи, которые нельзя потерпеть даже от коллеги». На этом сэр Джон Муррэй, очень встревоженный, отправился спать и, страшно устав за день, проведенный на охоте, моментально уснул.

Около одиннадцати часов вечера он вдруг проснулся. Его разбудили туземцы, которые в необычном волнении метались взад и вперед по лагерю. Сэр Джон тотчас встал и обнаружил, что все его товарищи уже давно на ногах.

Лес оказался охваченным пламенем.

Какое это было зрелище! В темноте ночи, на фоне черного неба огненный занавес, казалось, поднимался до самых небес. В один миг пожар распространился на несколько миль.

Сэр Джон посмотрел на Мокума, который неподвижно стоял возле него. Мокум отвел взгляд. Сэр Джон сразу все понял. Дорогу ученым сквозь этот многовековой лес проложит огонь.

Ветер, дувший с юга, благоприствовал замыслу бушмена. Воздух накачивался туда словно вентилятором, раздувая пожар и насыщая кислородом этот гигантский костер. Он

вздымал пламя, подхватывал головешки, горящие ветки, раскаленные уголья и нес их дальше, в густую чашу, которая тотчас становилась новым очагом пожара. Площадь огня расширялась, все больше и больше уходя вглубь. Сильный жар достигал даже лагеря. Сухие деревья, корежась под почерневшей листвой, звонко трещали. Иногда в языках пламени раздавались оглушительные выстрелы, в то же мгновение к небу взметался столб огня. Это были хвойные деревья, горевшие словно факелы. То слышалась настоящая пальба, как из пищали, то потрескивания, то громкий треск — в зависимости от пород деревьев, а еще — звуки разрывов, подобных бомбовым, производимые старыми стволами «железного дерева». Гигантское зарево отражалось в небе. Тучи ярко-красного цвета, казалось, тоже были готовы воспламениться, если пожар вздыбится до небес. Снопы искр усеяли черный небосвод, поднимаясь вместе с клубами густого дыма.

И вот со всех концов охваченного пожаром леса стали слышаться вой, рев и мычание животных. Мелькали тени, испуганные стада металась во всех направлениях, возникали вдруг большие темные силуэты, которых из общей массы бегущих выделяло жуткое рычание. Невыносимый страх гнал всех этих гиен, буйволов, львов, слонов, гнал отсюда в темную даль.

Пожар длился всю ночь, весь следующий день и еще одну ночь. А когда настало утро четырнадцатого августа, взору открылось огромное пространство, опустошенное огнем, открывшее дорогу в лес на несколько миль. Путь по меридиану был проложен, а судьба триангуляции на этот раз спасена рискованным поступком охотника Мокума.

ГЛАВА XII

Объявление войны

Работа возобновилась в тот же день. Повод ко всякому спору исчез. Полковник Эверест и Матвей Струкс не простили друг друга, но вместе принялись за проведение геодезических операций.

С левой стороны широкой просеки, проделанной пожаром, на расстоянии примерно пяти миль подымалась хорошо различимая возвышенность. Ее верхняя точка могла быть использована как визир и послужить вершиной нового треугольника. Угол, который она образовывала с последним ориентиром, был, таким образом, тотчас измерен, и на следующий день весь караван двинулся вперед через сожженный лес.

Перед ним открылась дорога, сплошь покрытая головешками. Земля была еще горячей; там и сям дымились пни и отовсюду поднимались шипящие струи пара. Во многих местах валялись обуглившиеся трупы животных, застигнутых пожаром в своих укрытиях и не успевших спастись от разбушевавшегося пламени. Черный дым, клубившийся кое-где, указывал на то, что отдельные очаги огня еще остались. Казалось, пожар не стих насовсем и под воздействием ветра, который может задуть с новой силой, в конце концов поглотит весь лес целиком.

А потому научная комиссия ускорила продвижение вперед. Караван, зажатый кольцом огня, неминуемо погиб бы. Поэтому он поспешил быстрее миновать пожарище, последние очаги которого по краям не потухали. Мокум постарался удвоить рвение погонщиков повозок, и уже к середине дня отряд добрался до подножия зафиксированной с помощью теодолита горки, где и был разбит лагерь. На вершине этого холма лежала масса каменных глыб; казалось, их нагромодила рука человека. Это и в самом деле был дольмен¹ — скопище друидических² камней, которое удивило бы археолога, встретить он их в этом месте. Высокий конусообразный столб из песчаника возвышался над скоплением огромных камней, довершая этот первобытный памятник, должно быть, являвшийся африканским алтарем.

Два молодых астронома и сэр Джон Муррэй пожелали осмотреть поближе это странное сооружение. По одному из склонов горки они поднялись на верхнюю площадку. Бушмен сопровождал их. Экскурсантаы находились уже не более чем в двадцати шагах от дольмена, как вдруг из-за одного из камней выглянул человек, который тотчас скатился вниз, что называется, на мягком месте, и поспешно скрылся в густой чаще, пощаженной огнем.

Бушмен видел этого человека всего лишь секунду, но и секунды было достаточно, чтобы он узнал его.

— Маколот! — вскрикнул он и кинулся вслед за беглецом.

Увлекаемый охотничьим инстинктом, сэр Джон Муррэй последовал за своим другом. Но туземец, достигнув леса, бесследно исчез. И никакой, даже самый ловкий преследователь

---

¹ Дольмен — погребальное сооружение эпохи бронзы и раннего железного века (конец IV — начало I тысячелетия до н. э.) — огромного размера камни, поставленные на ребро и перекрытые сверху каменной же плитой.

² Друидизм — религия древних кельтов, племен, обитавших во второй половине I тысячелетия до н. э. на большей части территории Европы.

не смог бы догнать его в лесной чаще, где ему с детства знакомо каждое дерево.

Полковник Эверест, как только ему сообщили о случившемся, призвал к себе бушмена и подробно расспросил обо всем. Кто был этот туземец? Что он делал возле лагеря? И почему охотник бросился по следам беглеца?

— Это маколол, полковник,— ответил Мокум,— выходец из северных племен, которые часто появляются на притоках Замбези. Это враг не только бушменов, но и разбойник, опасный для всякого путешественника, который рискнет пробраться в центр Южной Африки. Этот человек выслеживал нас, и мы, быть может, когда-нибудь пожалеем, что не сумели схватить его.

— Но, бушмен,— возразил полковник Эверест,— что нам бояться какой-то банды грабителей? Разве нас недостаточно, чтобы оказать сопротивление?

— Пока достаточно,— сказал в ответ бушмен,— но если этот маколол — шпион, что кажется мне несомненным, то скоро нам придется встретиться с несколькими сотнями разбойников, и, когда они явятся сюда, я и ломаного гроша не дам за ваши треугольники!

Полковника Эвереста сильно встревожила эта встреча. Он знал, что бушмен не такой человек, чтобы преувеличивать опасность, и что следует считаться с его словами. Намерения неизвестного туземца были явно подозрительными. Внезапное появление этого человека и поспешное бегство явно говорили о том, что его застали за слежкой. Таким образом, теперь представлялось очевидным, что о присутствии англо-русской экспедиции известно северным племенам. Поэтому было решено с большей тщательностью вести разведку на пути следования каравана.

Работы по триангуляции продолжались. Семнадцатого августа был получен третий градус меридиана. Всего, начиная с крайней точки южного базиса, астрономы построили двадцать два треугольника.

Сверившись с картой, ученые определили, что в сотне миль к северо-востоку от меридиана расположено селение Колобенг. Собравшись на совет, они решили остановиться на несколько дней в этой деревне, в которой могли бы отдохнуть и, возможно, получить какие-то вести из Европы. Прошло почти шесть месяцев, как караван покинул берега реки Оранжевой и, затерявшись в просторах Южной Африки, был совершенно оторван от цивилизованного мира. В Колобенге, довольно крупном селении и основной резиденции миссионе-

ров, они надеялись восстановить прервавшуюся связь между ними и Европой, а также пополнить запасы продовольствия.

Громадный камень, послуживший точкой визирования во время последнего наблюдения, был принят за конечный пункт первой части геодезических работ. С этой зафиксированной вежи должны были начаться дальнейшие работы. Ее широта была старательно определена. Убедившись в правильности замера, полковник Эверест дал сигнал к отправлению, и караван направился к Колобенгу.

Европейцы прибыли в эту деревню двадцать второго августа, совершив переход без всяких приключений. Колобег оказался всего лишь горсткой туземных хижин, над которыми возвышался дом миссионеров. Деревня эта, указанная на некоторых картах как Литубаруба, раньше называлась Лепелоте. Именно здесь в 1843 году доктор Дэвид Ливингстон обосновался на несколько месяцев и близко познакомился с нравами бечуанов.

Миссионеры очень радушно приняли членов научной комиссии. Они провели в этих краях уже немало лет. Им довелось еще увидеть дом Ливингстона — таким, каким он был, когда его посетил охотник Болдвин, то есть разрушенным и разоренным, ибо буры не пощадили его во время своего вторжения в 1852 году.

Как только астрономы устроились в доме преподобных отцов, они справились о вестях из Европы, но те не смогли удовлетворить их любопытство. Никакой почты в продолжение шести месяцев в миссию не поступало. Правда, через несколько дней ожидали туземца — доставщика газет и телеграмм, так как было известно, что несколько недель назад он появился на берегах Верхней Замбези. Прибытие этого курьера ожидали не позднее чем через неделю. Как раз столько времени астрономы собирались посвятить отдыху, и все семь дней они провели в полном «ничего неделании», а Николай Паландер воспользовался им, чтобы еще раз просмотреть свои расчеты. Не изменил своим привычкам и нелюдимый Матвей Струкс, держась в стороне от английских коллег, а Вильям Эмери и Михаил Цорн, как всегда наслаждаясь обществом друг друга, проводили время в прогулках по окрестностям Колобенга.

Тридцатого августа долгожданный гонец наконец явился. Это был уроженец Кильмяны — города, расположенного в устье Замбези. Коммерческое судно с острова Мориса, осуществлявшее торговлю камедью и слоновой костью, пришвартовалось в той части восточного побережья в первых числах июля, привезя и почту, которую туземец доставил

миссионерам Колобенги. Таким образом, почта эта была более чем двухмесячной давности, ибо доставщик не менее четырех недель потратил на то, чтобы подняться вверх по Замбези.

Тотчас же по прибытии почтальона глава миссии передал полковнику Эвересту связку европейских газет. Члены экспедиции собрались в просторном помещении миссии, и полковник Эверест, развязав кипу газет, взял номер «Дейли ньюс» от тринадцатого мая 1854 года, чтобы прочесть его своим коллегам. Но едва он пробежал глазами заголовок первой статьи, как он внезапно изменился в лице, брови его поползли вверх, а газетный лист задрожал в руках. Через несколько секунд полковник Эверест сумел взять себя в руки и обрести свое обычное спокойствие.

Тут встал Джон Муррэй и, обратившись к полковнику Эвересту, спросил его:

— Что такое вы прочли в газете?

— Серьезные новости, господа,— ответил полковник Эверест,— очень серьезные новости, сейчас я вам их сообщу!

Полковник все еще держал в руке номер «Дейли ньюс». Коллеги, устремившие на него взоры, никак не могли понять его поведения. Они нетерпеливо ждали, когда он заговорит.

Полковник поднялся с места. К большому удивлению всех, а особенно того, к кому он направился, он подошел к Матвею Струксу.

— Прежде чем сообщить новости, содержащиеся в этой газете, господин Струкс, я хотел бы вам кое-что сказать.

— Я готов выслушать вас,— ответил русский астроном.

— До сих пор, господин Струкс, нас разделяло соперничество, больше личного, чем научного характера, и оно делало сложным наше сотрудничество в работе, которую мы предприняли ради общих интересов. Я думаю, такое состояние вещей следует приписать исключительно тому обстоятельству, что обоих нас поставили во главе этой экспедиции. Такое положение порождало постоянный антагонизм между нами. В любом предприятии, каковым бы оно ни было, нужно иметь лишь одного руководителя. Вы того же мнения?

Матвей Струкс кивнул головой в знак согласия.

— Господин Струкс,— продолжал полковник,— вследствие новых обстоятельств эта ситуация, тягостная для нас обоих, скоро изменится. Но прежде позвольте мне сказать вам, господин Струкс, что я питаю к вам глубочайшее уважение, которое вы несомненно заслуживаете, занимая высокое положение в научном мире. Так что прошу вас поверить, что я сожалею обо всем том, что произошло между нами.

Эти слова были произнесены полковником Эверестом с большим достоинством и даже с какой-то особой гордостью. Не чувствовалось никакого унижения в его добровольном признании, выраженном столь благородным образом. Но ни Матвей Струкс, ни его коллеги не могли понять, куда клонит полковник Эверест. Русский астроном был менее расположен забыть о своей личной неприязни, однако он преодолел свою антипатию и ответил в следующих выражениях:

— Полковник, я, как и вы, думаю, что наше соперничество, источник которого я отнюдь не хочу искать, ни в коем случае не должно отразиться на той научной работе, которая нам поручена. Я также испытываю к вам уважение, которого заслуживают ваши таланты, и, насколько это будет от меня зависеть, сделаю так, что впредь мои личные обиды не будут мешать нашим отношениям. Но вы сказали о каком-то изменении в нашем общем положении. Я не понимаю...

— Сейчас вы все поймете, господин Струкс, — ответил полковник Эверест тоном, в котором послышались печальные нотки. — Но прежде дайте мне вашу руку.

— Вот она, — ответил Матвей Струкс, сумев преодолеть, некоторое, едва заметное, колебание.

Два астронома пожали друг другу руки, не прибавив больше ни слова.

— Наконец-то! — воскликнул сэр Джон Муррэй. — Вот вы и друзья!

— Нет, сэр Джон! — ответил полковник Эверест, отпуская руку русского астронома. — Отныне мы — враги! Враги, разделенные целой пропастью! Враги, которые не должны больше встречаться друг с другом даже на почве науки!

Потом, обратившись к своим коллегам, он добавил:

— Господа, между Англией и Россией объявлена война. Вот английские, русские и французские газеты, которые говорят о ее объявлении!

Последние слова полковника Эвереста произвели эффект разорвавшейся бомбы. Англичане и русские, у которых на редкость развито чувство национального достоинства, все вдруг вскочили. Одних только слов «Объявлена война!» оказалось достаточно. Это уже больше не были товарищи, коллеги, ученые, объединившиеся для выполнения научной работы, это были враги, мерившие друг друга взглядами, — настолько овладевает душами людей вражда одной нации с другой! Каким-то инстинктивным движением европейцы отшатнулись друг от друга. Николай Паландер — и тот поддался общему настроению. Только Вильям Эмери и Михаил Цорн еще смотрели друг на друга скорее с грустью, чем с враждебно-

стью, сожалея о том, что не успели пожать друг другу руки в последний раз перед тем, как полковник Эверест сделал свое сообщение.

Не было произнесено ни одного слова. Отдав друг другу поклоны, русские и англичане разошлись.

Так русские и английские астрономы узнали о начале войны 1854 года. Англичане в союзе с французами и турками сражались у Севастополя. Восточный вопрос решался пушечными выстрелами на Черном море.

Однако разделение экспедиции на две части не должно было прервать геодезические измерения. Это понимал каждый из ее членов, и в интересах своей страны хотел продолжить начатую операцию. Теперь измерения начнутся на двух разных меридианах. Матвей Струкс и полковник Эверест на специальной встрече обсудили все детали нового этапа работ. Судьбе было угодно, чтобы русские начали его на уже пройденном меридиане. Англичане же должны были выбрать другую дугу в шестидесяти — восьмидесяти милях западнее, которую они свяжут с первой серией вспомогательных треугольников; потом они продолжат свою триангуляцию до двадцатой параллели.

Все вопросы были согласованы между двумя учеными и, надо сказать, не вызвали никаких осложнений. Их личное соперничество померкло перед большим соперничеством наций. Матвей Струкс и полковник Эверест не обменялись ни единым резким словом и держались в рамках неукоснительной вежливости.

Что касается каравана, то его решили разделить на два отряда, каждый из которых будет иметь свое снаряжение. Тут судьба благоприятствовала русским в обладании самоходной баркой, которую никак невозможно было поделить. Шестеро английских матросов, составлявших половину экипажа судна «Королева и Царь», естественно последовали за своим начальством, и если самоходная барка осталась в распоряжении русских, то брезентовая лодка, вполне пригодная для преодоления обычных водных потоков, явилась частью снаряжения англичан.

Мокум, очень привязавшийся к англичанам и особенно к сэру Джону, сохранил за собой руководство английским караваном. Во главе русского каравана поставили «форелопера», человека также очень опытного и сведущего. При этом повозки поделили согласно характеру продовольствия, которое они содержали. Таким образом пропитание обоих караванов и даже их комфорт были обеспечены. А вот туземцы, прежде составлявшие отряд, возглавляемый бравым охотни-

ком Мокумом, разделились на две группы не без труда, всем своим видом показывая, что это им не по нраву. Быть может, они были правы с точки зрения общей безопасности. Эти бушмены видели, что их уведут далеко от знакомых мест, от пастбищ и источников, которыми они привыкли пользоваться, в северные края, где кочуют враждебные им племена, и в этих условиях им не стоило бы распылять свои силы. Но в конце концов с помощью охотника и «форелопера» они согласились на раздел каравана на два отряда, которые, впрочем (и это был резон, более всего подействовавший на них), должны действовать на расстоянии относительно близком один от другого, в одном и том же районе.

Каждая сторона оставила себе свои инструменты, равно как и реестр, существовавший в двух экземплярах, куда до сих пор заносились цифровые результаты измерений.

Тридцать первого августа члены бывшей международной комиссии расстались. Англичане отправились первыми, с тем чтобы соединить с последним ориентиром свой новый меридиан. Они покинули Колобенг в восемь часов утра, поблагодарив преподобных отцов за гостеприимство. И если бы за несколько минут до отправления англичан один из этих миссионеров зашел в комнату Михаила Цорна, он увидел бы там Вильяма Эмери, пожимавшего руку своего некогда друга, а теперь врага — волею их величеств королевы и царя!

ГЛАВА XV

Еще один градус

Разделение произошло, и астрономы теперь несли гораздо большую нагрузку, но сами операции не должны были пострадать от этого. Трое англичан исполнились решимости соблюдать ту же точность, ту же тщательность при измерении нового меридиана, какой они придерживались до сих пор. Перепроверки будут делаться с тем же старанием. Конечно, они теперь будут не так быстро продвигаться вперед, но национальное самолюбие должно было помочь им при выполнении долгой и трудной задачи. Трое операторов оказались теперь перед необходимостью осуществлять работу за шестерых. А отсюда — необходимость всецело и ежедневно посвящать себя предприятию. По крайней мере Вильяму Эмери придется оставить свои мечтания, а сэру Джону Муррэю — оставить ружье и мир диких зверей Южной Африки.

Незамедлительно была разработана новая программа, по которой каждому из трех астрономов отводилась часть рабо-

ты. Сэр Джон и полковник взяли на себя зенитные измерения и геодезические работы. Вильям Эмери заменил Николая Паландера. Выбор ориентиров, расположения точек визирования решался сообща, и больше не приходилось опасаться, что какие-то разногласия вдруг возникнут между этими тремя учеными. Бравый Мокум оставался, как и прежде, охотником и проводником каравана.

Оставив Колобенг тридцать первого августа, караван полковника Эвереста направился к тому дольмену, который служил точкой визирования при последних наблюдениях. Ему пришлось снова пройти по сожженному пожаром лесу и подойти к возвышенности. Операции возобновились второго сентября, а шесть дней спустя, восьмого сентября, серия вспомогательных треугольников была закончена, и полковник Эверест, с согласия своих коллег, выбрал новую дугу меридиана, которую следовало рассчитать до двадцатой южной параллели. Новый меридиан находился на один градус западнее измеряемого ими ранее. Это был двадцать третий восточный меридиан по Гринвичу. Новые измерения англичан будут проходить не далее как в шестидесяти милях от русских, но этого расстояния было достаточно, чтобы их треугольники не пересекались, чтобы обе партии не встретились и чтобы выбор одной и той же точки визирования не стал поводом для спора между ними.

Местность, по которой весь сентябрь продвигались английские исследователи, была плодородной, холмистой и малонаселенной. Это благоприятствовало продвижению каравана вперед. Небо все время оставалось чистым, без хмари и облаков. Наблюдения выполнялись легко. Густые леса встречались мало, редкие заросли перемежались с лугами, над которыми там и сям виднелись возвышенности, удобные для установки точек визирования как днем, так и ночью, и для безотказной работы инструментов. В этом краю, щедро наделенном всеми дарами природы, цветы сильным ароматом привлекали к себе множество насекомых, особенно пчел, мало чем отличавшихся от европейских, которые откладывали в расщелинах скал или в дуплах деревьев белый мед, тягучий и восхитительный на вкус. Иногда ночью в окрестностях лагеря попадались крупные животные — жирафы, антилопы разных пород, некоторые хищные звери, гиены и носороги, а также слоны. Но сэр Джон не позволял себе отвлекаться. Теперь его рука манипулировала зрительной трубой астронома, а не карабином охотника, в то время как Мокум и несколько туземцев заботились о снабжении отряда провизией, и можно себе представить, как учащался пульс у «его милости» при звуке

их выстрелов. От руки бушмена пали два или три больших степных буйвола, эти бечуанские «боколоколос» достигающие четырех метров от морды до хвоста и двух метров от копыт до холки, черная шкура которых отливала синевой. Эти страшные животные обладали короткими и сильными конечностями, маленькой головой, свирепыми глазами, а их грозный лоб венчался толстыми черными рогами. То было славное подспорье в виде свежатины, разнообразившее стол участников каравана.

Туземцы приготовили мясо таким образом, чтобы оно хранилось бесконечно долго — в виде «пеммикана», который зачастую употребляется северными индейцами. Европейцы с интересом наблюдали за этой кулинарной операцией, к которой отнеслись поначалу с некоторой брезгливостью. Мясо буйвола разрезали на тонкие ломтики и высушили на солнце, затем завернули в выдубленную кожу и отбивали цепом до тех пор, пока ломтики не распались на крошечные кусочки, превратившись в мясной порошок. Этот порошок заложили в кожаные мешки и хорошенько умяли там, а потом залили кипящим жиром того же животного. К жиру африканские повара добавляют растертый костный мозг и какие-то ягоды кустарника, которые, казалось бы, плохо сочетаются с мясом. Потом все это смешивают, растирают, толкут и охлаждают, пока не получают твердую как камень лепешку.

На этом приготовление заканчивалось. Мокум попросил астрономов отведать получившейся смеси. Европейцы уступили настояниям охотника, почитавшего свой «пеммикан» национальным блюдом. Первые куски показались англичанам неприятными, но скоро, привыкнув к вкусу этого африканского пудинга, они не преминули стать его большими любителями. Это было действительно очень сытное кушанье, как нельзя лучше отвечающее нуждам попавшего в незнакомый край каравана, которому может не доставать свежей провизии, — очень питательная пища, легко перевозимая, почти совершенно не подверженная порче, заключающая в малом объеме большое количество полезных веществ. Благодаря охотнику запасы «пеммикана» скоро возросли до нескольких сот фунтов, что обеспечивало надолго будущие нужды.

Так проходили дни. Но несмотря на то, что они были наполнены заботами, Вильям Эмери все время думал о своем друге Михаиле Цорне, сетуя на судьбу, в одно мгновение оборвавшую узы тесной дружбы. Да! Ему не хватало Михаила Цорна, и душа его, переполненная новыми впечатлениями, полученными от этой величественной и дикой природы, не знала теперь, кому излиться. Он погружался в расчеты и уxo-

дил в цифры с упорством Паландера, и тогда часы протекали быстрее. И только полковник Эверест был все тот же человек, с тем же холодным темпераментом, увлекающийся только геодезическими операциями.

Хотя сэр Джон и сожалел о своей некогда наполовину свободной жизни, все же фортуна время от времени улыбалась ему. И если у него не было теперь времени прочесывать заросли и охотиться на местных диких зверей, то бывали случаи, когда животные эти брали на себя труд являться к нему сами, дабы оторвать его от наблюдений. Тут уж охотник и ученый соединялись в нем в одно целое. Сэр Джон оказывался в состоянии законной обороны. Так было, когда он поимел серьезную встречу со старым здешним носорогом днем двенадцатого сентября, встречу, которая стоила ему очень дорого, как убедится читатель.

Это животное уже несколько раз появлялось вблизи каравана. Огромный «шукуро» — так его называют бушмены — достигал четырнадцати футов в длину и шести футов в высоту, и по черному цвету его кожи, менее морщинистой, чем у его азиатских сородичей, охотник Мокум сразу признал в нем опасного зверя. Черные особи действительно являются более проворными и более агрессивными, чем белые, и могут напасть на людей и животных без всякой причины.

В тот день сэр Джон Муррэй отправился в сопровождении Мокума осмотреть высоту, на которой полковник Эверест намеревался установить визирный столб. По какому-то наитию он взял с собой карабин с коническими пулями, а не простое охотничье ружье. Хотя носорог, о котором идет речь, вот уже два дня как не показывался, сэр Джон не хотел оставлять безоружным при переходе по незнакомой местности. Мокум и его товарищи уже устраивали охоту на этого толстокожего, но безуспешно, и могло случиться, что огромное животное еще не отказалось от своих злых намерений.

Сэру Джону не пришлось пожалеть о принятой предосторожности. Вместе со своим спутником он без приключений преодолел шесть миль и добрался до указанной высоты. Когда они вскарабкались на самую крутую ее вершину, у подножья холма, на опушке низкой и реденькой чащи вдруг появился «шукуро». Никогда сэр Джон не видел его так близко. Это и вправду был ужасный зверь. Торчащие рога, немного загнутые назад, почти равной длины, то есть примерно в два фута, плотно сидели один позади другого на костистой массе между ноздрей, представляя собой грозное оружие. Его маленькие глазки сверкали.

Бушмен первым заметил животное, притаившееся на расстоянии полумили под мастиковым кустом.

— Сэр Джон,— тотчас сказал он,— фортуна улыбнулась вашей милости! Вот он, «шукуро»!

— Носорог! — воскликнул Джон Муррэй, и глаза его тотчас оживились.

— Да, сэр Джон,— ответил охотник.— Это, как вы видите, великолепный зверь, и, похоже, он собирается отрезать нам путь к возвращению. За что этот «шукуро» так взъярился на нас, сказать не могу, ведь он травоядное животное: но тем не менее он там, под этой зеленой шапкой, и надо его оттуда прогнать.

— А он может подняться к нам? — спросил сэр Джон.

— Нет, ваша милость,— ответил бушмен.— Склон слишком крут для его коротких и приземистых ног. А потому он будет ждать!

— Что ж, пусть ждет,— ответил сэр Джон,— и когда мы закончим осматривать ориентир, мы прогоним этого неприятного соседа.

И Джон Муррэй с Мокумом возобновили прерванный на время осмотр. Они с особым старанием определили нахождение высшей точки пригорка и выбрали место, на котором следовало установить столб-указатель.

Когда эта работа была закончена, сэр Джон, обернувшись к бушмену, сказал:

— Ну так что, Мокум?

— К вашим услугам, ваша милость!

— Носорог все еще ждет нас?

— Все еще.

— Тогда спустимся вниз, и, каким бы могучим ни оказался этот зверь, пуля моего карабина легко справится с ним.

— Пуля! — воскликнул бушмен.— Ваша милость не знает, что такое «шукуро». Эти животные очень живучи, и никогда еще не бывало, чтобы носорог пал от одной пули, какой бы меткой она ни была.

— Ба! — произнес сэр Джон.— Да это потому, что не использовались конические пули!

— Конические или круглые,— ответил Мокум,— первые ваши пули не убьют его!

— Что ж, brave мой Мокум,— возразил сэр Джон, в котором взыграло самолюбие охотника,— сейчас я продемонстрирую вам, что может сделать оружие европейцев, раз вы в этом сомневаетесь!

Сказав так, сэр Джон зарядил свой карабин, приготовясь стрелять, как только ему позволит расстояние.

— Одно слово, ваша милость,— сказал немного задетый бушмен, жестом остановив своего спутника.— Не согласится ли ваша милость держать со мною пари?

— Почему бы и нет, славный охотник? — спросил в ответ сэр Джон.

— Я не богат,— ответил Мокум,— но охотно рискну одним фунтом в качестве пари относительно первой пули вашей милости!

— Решено! — тотчас ответил сэр Джон.— Мой фунт — ваш, если этот носорог не свалится от первой моей пули!

— По рукам? — сказал бушмен.

— По рукам.

Два охотника спустились по крутому склону пригорка и тотчас оказались на расстоянии пятисот шагов от «шукуро», пребывавшего в полной неподвижности. Он предстал, таким образом, в обстоятельствах, очень благоприятных для сэра Джона, который мог целиться в него сколько угодно. Почтенный англичанин так был уверен в своем успехе, что прежде чем стрелять, великодушно предложил бушмену взять свое пари обратно.

— По-прежнему по рукам? — сказал он.

— По-прежнему! — спокойно ответил Мокум.

Носорог оставался стоять неподвижной целью. Сэр Джон имел возможность выбрать место, в которое следовало выстрелить, чтобы уложить зверя наповал. Он решил стрелять ему в морду и, поскольку охотничье самолюбие подстегивало его, прицелился необыкновенно тщательно, чтобы еще больше увеличить точность попадания.

Раздался выстрел. Пуля, вместо того чтобы попасть в плоть, ударилась в рог животного, и его кончик разлетелся на кусочки. Зверь, казалось, не ощутил удара.

— Этот выстрел не считается,— сказал бушмен.— Ваша милость не попали в мягкую часть.

— Неправда! — возразил сэр Джон, немного задетый.— Выстрел считается, бушмен. Я потерял фунт, но теперь или я его отквитаю, или заплачу вдвойне!

— Как вам будет угодно, сэр Джон, но вы проиграете!

— Это мы еще посмотрим!

Карабин снова был тщательно заряжен, и сэр Джон, целясь «шукуро» теперь в бедро, сделал второй выстрел. Однако пуля, отскочив от того места, где кожа свисала безобразными складками, упала на землю, несмотря на свою проникающую силу. Носорог пошевелился и переместился на несколько шагов.

— Два фунта! — сказал Мокум.

— Будете их снова ставить? — спросил сэр Джон.

— Охотно.

На этот раз Муррэй, которого начал охватывать гнев, собрал все свое самообладание и прицелился животному в лоб. Пуля попала в намеченное место, но отскочила, словно от железного щита.

— Четыре фунта! — спокойно сказал бушмен.

— И еще четыре! — отчаявшись, воскликнул сэр Джон.

На этот раз пуля попала в бедро носорогу, и он сделал неуклюжий прыжок; но вместо того, чтобы упасть замертво, животное с неописуемой яростью набросилось на кусты и стало мять их.

— Кажется, он еще немного шевелится, сэр Джон! — пошутил охотник.

Сэр Джон перестал владеть собой. Восемь фунтов, которые он теперь должен был бушмену, он поставил снова — на свою пятую пулю. И снова проиграл, и удвоил ставку, и удваивал еще и еще, и только на девятом выстреле из карабина живучий носорог, пораженный, наконец, в сердце, рухнул, чтобы больше уже не подняться.

Тут «его милость» испустил восторженное «ура!». Сэр Джон забыл про пари, про досаду и разочарование, забыл про все, кроме одного: он убил своего носорога.

Но, как он впоследствии рассказывал своим коллегам в лондонском охотничьем клубе, «это было очень стоящее животное!»

И действительно, оно обошлось ему в тридцать шесть фунтов — весьма значительную сумму, которую бушмен оприходовал с обычной своей невозмутимостью.

ГЛАВА XVI

Различные приключения

К концу сентября астрономы подвинулись еще на один градус к северу. Отрезок меридиана, замеренный с помощью тридцати двух треугольников, составлял уже четыре градуса. Была выполнена половина поставленной задачи. Трое ученых работали не покладая рук, но, поскольку их было только трое, они чувствовали порой такую усталость, что приходилось прерывать работу на несколько дней. Жара в это время стояла сильная и действительно невыносимая. Октябрь в Южном полушарии соответствует апрелю в полушарии Северном, и на двадцать четвертой южной параллели здесь царят высокие температуры алжирских районов. Днем слепо-

луденная жара совсем не позволяла работать. А потому замеры проводились уже с некоторым запозданием, что сильно беспокоило бушмена. И вот почему.

В северной части меридиана, в сотне миль от последнего ориентира, зафиксированного наблюдениями, дуга его проходила по своеобразной местности — «карру» на языке туземцев, — похожей на ту, что расположена у подножия Роггевельдских гор Капской колонии. Во время влажного сезона этот район повсюду являет собой великолепную картину плодородия: после нескольких дождливых дней почва покрывается густой и сочной зеленью, повсюду расцветают цветы, насколько хватает глаз — расстилаются сочные луга, образуются водные потоки, стада антилоп спускаются с вершин и вступают во владение внезапно образовавшимися лугами. Но это необычайное цветение природы длится недолго. Едва проходит месяц, от силы шесть недель, как вся накопленная почвой влага под воздействием солнечных лучей испаряется, исчезая в атмосфере. Солнце ожесточается и губит новые ростки; растительность пропадает в несколько дней; животные бегут из этих мест, которые сразу становятся необитаемыми, и там, где некогда простирался роскошный плодородный край, оказывается голая пустыня.

Такова была эта «карру», которую предстояло пересечь небольшому отряду полковника Эвереста, прежде чем он достигнет настоящей пустыни, прилегавшей к берегу озера Нгами. Теперь понятно, насколько бушмен был заинтересован в том, чтобы попасть в этот феноменальный район прежде, чем страшная засуха уничтожит живительные источники. А потому он поделился своими соображениями с полковником Эверестом. Тот прекрасно понял все доводы и пообещал в какой-то мере учесть их, ускорив работы. Но не следовало, однако, допускать, чтобы такая поспешность свела на нет их точность. Угловые измерения не всегда бывают легким делом, осуществимым в любое время. Наблюдения производятся хорошо, если для них есть определенные атмосферные условия. А потому операции, несмотря на настойчивые рекомендации бушмена, не пошли быстрее, и охотник ясно видел, что, когда караван прибудет в «карру», цветущий этот район, вероятно, уже высохнет под палящими лучами солнца.

Тем не менее, когда работы по триангуляции привели астрономов к границам «карру», они все же успели насладиться там созерцанием всех чудес природы, представших перед их взорами. Никогда еще им не случалось бывать в более красивых местах. Несмотря на усиление жары, ручьи несли лугам свежесть. Стада в тысячи голов находили для себя на

пастбищах богатый корм. Кое-где поднимались зеленые леса, которые здесь, на обширном пространстве, казались ухоженными, как английские парки. Для полного сходства не хватало только газовых фонарей.

Полковник Эверест проявлял мало внимания к красотам природы, но сэр Джон Муррэй, а в особенности Вильям Эмери глубоко прочувствовали всю поэтичность этого края, затерянного среди африканских пустынь. Сколько раз молодой ученый пожалел, что рядом нет его друга Михаила Цорна и что они не могут искренне поделиться друг с другом своими впечатлениями! Конечно, Цорн был бы глубоко потрясен увиденным, и в перерывах между наблюдениями они могли бы вместе наслаждаться красивым зрелищем!

Итак, караван двигался вперед по великолепной местности. Многочисленные стаи птиц оживляли своим пением и порханием здешние луга и леса. Охотники отряда не раз подстрелили по парочке «коранов» — разновидность дроф, обитающая на равнинах Южной Африки, и «диккопов» — дичь, мясо которой ценится как деликатес. Обратили на себя внимание европейцев и другие пернатые, но уже не в качестве съедобных. На берегах ручьев и рек или над поверхностью воды, которой они касались своими быстрыми крыльями, некоторые крупные птицы ожесточенно преследовали ненасытных воронов, пытавшихся выхватить их яйца из гнезд, устроенных в песке. Голубые журавли с белыми шеями, красные фламинго, мелькавшие, как факелы в разреженных чашах, цапли, кулики, бекасы, «каласы», обычно сидящие на хребте у буйволов, зуйки, ибисы, точно слетевшие с каких-нибудь покрытых иероглифами обелисков, огромные пеликаны, вышагивающие в цепочку целыми сотнями, — все они приносили жизнь в эти районы, где не хватало одного только человека. Но, пожалуй, среди всех этих представителей пернатого мира наибольший интерес вызвали изобретательные «тиссерины», чьи зеленоватого цвета гнезда, сплетенные из тростника и стеблей травы, висели, как огромные груши, на ветвях плакучих ив! Вильям Эмери, приняв их за не виданные доселе плоды, сорвал один или два, и каково же было его удивление, когда он услышал, что эти так называемые фрукты чирикают, как воробьи! И было бы вполне простительно, если бы молодой астроном, как когда-то первые путешественники по Африке, подумал, что некоторые деревья в этом краю приносят плоды, воспроизводящие живых птиц!

Да, «карру» тогда представляла приятное зрелище. Она предлагала все условия для жизни жвачных животных. Здесь в изобилии попадались гну с острыми копытами, каамы, ко-

торые, по выражению Гарриса, кажутся состоящими из сплошных треугольников, лоси, серны, газели. Какое разнообразие дичи, какие «мишени» для одного из самых уважаемых членов охотничьего клуба! Действительно, это было слишком сильное искушение для сэра Джона Муррэя, и, выговорив себе у полковника Эвереста два дня на отдых, он использовал их на то, чтобы устать отменным образом. Да к тому же добился замечательных успехов в компании со своим другом бушменом, тогда как Вильям Эмери сопровождал их в качестве любителя! Сколько удачных выстрелов он записал на свой охотничий счет! О скольких славных трофеях он мог доложить в своем замке в Шотландии! И как далеко отодвинулись в его сознании за эти два дня каникул геодезические операции, триангуляция, измерение меридиана! Кто бы мог подумать, что эта рука, так умело обращавшаяся с ружьем, производила тонкие манипуляции с окулярами теодолита! Кто бы мог предположить, что этот глаз, столь искусный в прицеливании в скачущую быструю антилопу, хорошо натренировался на небесных созвездиях, выслеживая какую-нибудь там звезду тринадцатой величины! Да! Сэр Джон Муррей был вполне, полностью и исключительно охотником в продолжение этих двух радостных дней, и астроном в нем пропал настолько, что приходилось опасаться, появится ли он вновь когда-нибудь!

Среди других охотничьих подвигов, занесенных в актив сэра Джона, следует особо отметить один, отмеченный совершенно неожиданным результатом, посеявшим тревогу у бушмена относительно судьбы научной экспедиции. Инцидент этот лишь усилил худшие предположения, которыми проницательный охотник поделился с полковником Эверестом.

Это случилось пятнадцатого октября. Вот уже два дня как сэр Джон полностью отдался своим охотничьим инстинктам. Однажды в двух примерно милях справа от каравана он заметил стадо жвачных голов в двадцать. Мокум определил, что они принадлежат к замечательной разновидности антилоп, известной под названием ориксов, поимка которых — дело весьма сложное и делает честь любому африканскому охотнику.

Бушмен тут же сообщил сэру Джону, какая счастливая возможность им представляется, и настоятельно предложил воспользоваться ею. В то же время он предупредил англичанина, что охотиться на ориксов очень трудно, что скорость у них выше, чем у самой быстрой лошади, что знаменитый Кумминг, когда он охотился в стране намаков, несмотря на

то, что всегда ездил на очень выносливых лошадях, за всю свою жизнь не настиг и четырех великолепных антилоп!

Большого и не требовалось, чтобы раззадорить почтенного англичанина, заявившего, что он готов кинуться по следам ориксов. Сэр Джон взял свою лучшую лошадь, лучшее ружье, лучших собак и, в нетерпении обгоняя степенного бушмена, направился к опушке рощи, примыкающей к обширной равнине, близ которой было отмечено присутствие этих жвачных животных.

После часовой езды всадники остановились. Мокум, спрятавшись за группу смоковниц, указал своему спутнику на пасущееся стадо, которое находилось с наветренной стороны в нескольких сотнях шагов от них. Эти осторожные животные еще не заметили людей и мирно щипали траву. Однако один из ориксов держался несколько в стороне. Бушмен показал его сэру Джону.

— Это часовой, — сказал он ему, — животное, без сомнения, старое и хитрое, которое бдит ради общего спасения. При малейшей опасности он издаст особое блеяние, и стадо с ним во главе сорвется с места и помчится во всю прыть. Так что в орикса следует стрелять только на малом расстоянии и попасть надо с первого выстрела.

В ответ сэр Джон ограничился понимающим кивком головы и занял позицию, удобную для наблюдения за стадом.

Ориксы продолжали спокойно пастись. Их сторож, до которого порывом ветра, должно быть, донесло что-то подозрительное, довольно часто поднимал свою увенчанную рогами голову, проявляя некоторые признаки беспокойства. Но он был слишком далеко от охотников, чтобы они могли успешно стрелять в него. А если бы Джону Муррэю пришла мысль напасть на стадо на скаку, то на этой обширной равнине, представлявшей для антилоп отличную беговую дорожку, ему пришлось бы тут же распрощаться со своей идеей. Оставалось надеяться, что стадо подойдет ближе к роще, в таком случае сэр Джон и бушмен сумели бы прицелиться в одного из ориксов в более благоприятных условиях.

Казалось, счастье собиралось улыбнуться охотникам. Ведомое старым самцом стадо понемногу приблизилось к роще. Без сомнения, они не чувствовали себя в полной безопасности на открытой равнине и стремились укрыться в густой зеленой чаще. Когда бушмен разгадал их намерение, он предложил компаньону спешиться. Лошадей привязали к подножию смоковницы, а их головы обернули одеялами — такая мера предосторожности не давала им ни ржать, ни двигаться. Потом, сопровождаемые собаками, Мокум и сэр Джон скольз-

нули в кустарник, идя вдоль поросшей побегами опушки рощи, стремясь достичь выступа, образуемого последними деревьями, что находились шагах в трехстах от стада.

Там охотники затаились и, изготовив ружья, стали ждать.

От того места, которое они теперь занимали, они могли наблюдать за ориксами и, хорошенько разглядев их, восхищаться этими грациозными животными. Самцы мало отличались от самок, но по странной игре природы, случающейся с редкими разновидностями, самки были более основательно вооружены, нежели самцы, и имели большие, загнутые назад, элегантно заостренные рога. Пучок мягкой шерсти развевался у горла орикса, щетина на холке стояла прямо, а его густой хвост доставал до земли.

Тем временем стадо, состоявшее из двух десятков особей, подойдя к роще, остановилось. Совершенно очевидно, что сторож побуждал ориксов покинуть равнину. Он ходил среди высокой травы и старался сбить их в компактную группу, как это делает собака овчарка с доверенными ее попечению баранами. Но животные, резвясь на лугу, похоже, совсем не собирались покидать роскошное пастбище. Они упирались, отскакивали, отбегали от вожака на несколько шагов и принимались снова щипать траву. Такой маневр очень удивил бушмена. Он обратил на него внимание сэра Джона, хотя не смог дать ему объяснения. Охотник не мог понять ни упорства старого самца, ни того, почему он хотел завести стадо антилоп в рощу.

Все это продолжалось бесконечно долго. Сэр Джон нетерпеливо теребил замок своего карабина. Он порывался то стрелять, то броситься вперед. Мокуму с трудом удавалось сдерживать его. Так прошел целый час, и неизвестно, сколько бы минуло еще времени, если бы одна собака, вероятно, столь же нетерпеливая, как сэр Джон, оглушительно залааяв, вдруг не выскочила на равнину.

Взбешенный бушмен готов был послать заряд свинца вслед проклятому животному! Но быстрое стадо, развив невероятную скорость, уже уносило прочь, и сэр Джон понял, что никакая лошадь не в состоянии догнать его. Через несколько мгновений ориксы превратились в черные точки, мелькавшие в высокой траве на горизонте.

Однако, к большому удивлению бушмена, старый самец не подавал антилопам сигнала к бегству. Вопреки обыкновению этих жвачных, странный сторож остался на месте и не думал следовать за ориксами, вверенными его охране. После их исчезновения он, напротив, попытался спрятаться в траве, быть может, с намерением достигнуть чаши.

— Вот любопытная вещь,— сказал тогда бушмен.— Что это с этим старым ориксом? Его поведение так странно! Он ранен или настолько уже дряхл?

— Сейчас мы это узнаем! — ответил сэр Джон, бросившись к животному с ружьем на изготовку.

С приближением охотника орикс все ниже и ниже оседал в траве. Виднелись уже только его длинные рога, достигавшие четырех футов, заостренные кончики которых торчали на зеленой поверхности равнины. Он не старался убежать, а хотел спрятаться. Сэр Джон смог поэтому близко подойти к странному животному. Когда до орикса оставалось не более ста шагов, Джон Муррэй старательно прицелился и спустил курок. Раздался выстрел. Торчавшие рога исчезли в траве.

Сэр Джон и Мокум со всех ног побежали к зверю. Бушмен держал в руке свой охотничий нож, готовясь заporоть животное в случае, если оно не убито наповал.

Но эта предосторожность была излишней. Орикс был мертв, вполне мертв, настолько мертв, что когда сэр Джон потянул его за рога, в руках у него оказалась лишь мягкая полая шкура, абсолютно лишенная внутренностей!

— Святой Патрик! Какие только вещи со мной ни происходят! — воскликнул он так, что рассмешил бы всякого на месте бушмена.

Но Мокум не засмеялся. Сжатые его губы, нахмуренные брови, прищуренные глаза говорили о том, что он серьезно обеспокоен. Скрестив на груди руки и быстро крутя головой то вправо, то влево, он внимательно осматривался вокруг. Вдруг его внимание привлек какой-то предмет. Это был лежавший на песке маленький кожаный мешочек, украшенный красными узорами. Бушмен тотчас поднял его и стал пристально разглядывать.

— Что это такое? — спросил сэр Джон.

— Это,— ответил Мокум,— это кисет маколола.

— Но почему он здесь оказался?

— Потому что владелец кисета только что обронил его при поспешном бегстве.

— И это был маколол?

— Не в обиду будет сказано вашей милости,— ответил бушмен, гневно сжав кулаки,— маколол был в шкуре орикса, и это в него вы стреляли!

Не успел сэр Джон выразить своего удивления, как Мокум, заметив примерно в пятистах шагах от себя какое-то шевеление в траве, выстрелил в том направлении. И они с сэром Джоном что есть мочи побежали к подозрительному месту.

На примятой траве было пусто. Маколол исчез, и при-

шлось отказаться от мысли преследовать его на этом огромном лугу, простиравшемся до самого горизонта.

Оба охотника возвратились назад, очень озабоченные происшедшим. Появление маколола сначала возле дольмена у сгоревшего леса, потом эта маскировка, обычно используемая охотниками на ориксов, свидетельствовали об упорной настойчивости, с какой он наблюдал за отрядом полковника Эвереста. Отнюдь не без причины туземец, принадлежавший к разбойничьему племени макололов, так следил за европейцами и их сопровождением. И чем дальше последние продвигались на север, тем больше возрастала опасность оказаться атакованными этими грабителями пустыни.

Сэр Джон с Мокумом вернулись в лагерь, и «его милость», весьма разочарованный случившимся, не удержался, чтобы не сказать своему другу Вильяму Эмери:

— Воистину, дорогой мой Вильям, мне не везет! Первый орикс, которого я убиваю, оказывается умершим задолго до моего выстрела!

ГЛАВА XVII

Бич пустыни

После охоты на ориксов бушмен имел продолжительную беседу с полковником Эверестом. По мнению Мокума, мнению, основанному на неопровержимых фактах, маленький отряд преследуется, выслеживается и, следовательно, подвергается угрозе нападения. И если макололы еще не напали на него, то только потому, что хотят дожидаться, когда он больше углубится на север — в те самые края, где обычно кочуют их разбойничьи орды.

Итак, не следует ли при нависшей опасности вернуться назад и прервать серию работ, столь удачно проводившихся до сих пор? Неужели то, что не удалось сделать природе, сделают африканские туземцы? Неужели они помешают английским ученым выполнить научную задачу? Полковник Эверест попросил бушмена еще раз рассказать ему все, что он знает о макололах, и вот вкратце то, что тот ему поведал.

Макололы принадлежат к большому племени бечуанов. В 1850 году доктор Дэвид Ливингстон во время своего первого путешествия на Замбези был хорошо принят в Сешеке — основной резиденции Себитуана, главного вождя макололов. Этот туземец слыл отважным воином, в 1824 году он угрожал границам Капской колонии. Одаренный незаурядным умом, Себитуан постепенно добился огромного влияния на разроз-

ненные племена центра Африки и сумел соединить их в единую господствующую группу. В тысяча восемьсот пятьдесят третьем, то есть в прошлом году, Себитуан умер на руках Ливингстона, и его место занял сын вождя Секелету.

Молодой туземец поначалу относился к европейцам, посещавшим берега Замбези, с довольно глубокой симпатией. Лично доктор Ливингстон не мог на него жаловаться. Но манера поведения африканского короля ощутимо изменилась после отъезда знаменитого путешественника. Секелету с воинами своего племени стал сильно притеснять европейцев, и не только их, но и туземцев-соседей. Притеснения вскоре сменились разбоем, осуществлявшимся тогда в крупных масштабах. Макололы прочесывали местность в основном в районе между озером Нгами и верховьями Замбези. Поэтому крайне рискованно было пускаться в путь в эти края каравану с небольшим количеством людей, тем более если этот караван замечен, поджидаем и, вероятно, заранее и наверняка обречен на гибель.

Таков был рассказ бушмена, выслушанный полковником Эверестом.

Еще он добавил, что считал своим долгом сказать всю правду, а что касается его самого, то он будет действовать, как прикажет полковник, и не отступит, если будет решено продолжать продвижение вперед.

Полковник Эверест стал держать совет с двумя своими коллегами — сэром Джоном Муррэем и Вильямом Эмери. Все пришли к выводу, что геодезические измерения нельзя останавливать. Около пяти восьмых дуги они уже измерили, и, что бы ни случилось, англичане были в долгу перед самими собой и перед отечеством и не могли оставить начатую работу. Приняв такое решение, научная комиссия двадцать седьмого октября пересекла перпендикулярно тропик Козерога, третьего ноября, закончив свой сорок первый треугольник, она подвинулась еще на один градус.

В течение месяца триангуляцию проводили с большим усердием, не встречая никаких естественных препятствий. В этом замечательном и удобном краю, с небольшими возвышенностями и легко преодолимыми ручьями, дело быстро двигалось. Мокум, будучи всегда на страже, неусыпно вел разведку по обе стороны каравана и не позволял своим бушменам удаляться от него. Но ничего мало-мальски подозрительного ни сам охотник, ни его подчиненные не могли заметить, и появилась надежда, что опасения бушмена не оправдаются. По крайней мере, в течение всего ноября не появилось ни одной разбойничьей банды и не обнаружилось

никаких следов туземца, который так упорно следовал за экспедицией от дольмена у сожженного леса.

Тем не менее Мокум неоднократно замечал признаки беспокойства у бушменов, находившихся под его началом. Прознав о том, что к каравану дважды подходил маколол — у дольмена и во время охоты на ориксов, — они с неизбежностью ожидали встречи с его собратьями. Ведь макололы и бушмены — два враждебных племени, и малочисленность каравана, конечно же, пугала туземцев. Бушмены знали, что они удалились уже более чем на триста миль от берегов Оранжевой реки и должны будут удалиться, по крайней мере, еще на двести миль к северу. Такая перспектива заставляла их глубоко задуматься. Правда, Мокум, когда нанимал туземцев для экспедиции, отнюдь ничего не утаил ни про длительность, ни про трудности этого путешествия, и они, разумеется, храбро переносили все тяготы экспедиции. Но с того момента, когда к физическим тяготам добавилась угроза встречи с непримиримыми врагами, их настроение изменилось. Отсюда — сожаления, жалобы, непослушание, и, хотя Мокум делал вид, что ничего не замечает, это добавляло ему беспокойства за судьбу научной комиссии. Днем второго декабря одно обстоятельство еще более усугубило тревожное состояние подчиненных проводника и вызвало что-то вроде бунта против начальников.

Накануне погода, прекрасная до сих пор, испортилась. Под влиянием тропической жары в атмосфере, перенасыщенной парами, скопился большой заряд электричества. Ждали, что вот-вот разразится гроза, а грозы в этом поясе почти всегда бывают невероятной силы. И действительно, утром второго декабря небо покрылось зловещими тучами, относительно которых метеорологи никогда не обманываются. Это были «кумуляс», скатанные, словно комки ваты, облака самых различных цветов — от темно-серого оттенка до желтоватого. Солнце бледно светило сквозь облачную пелену. Воздух был неподвижным, жара — удушающей. Падение барометра прекратилось. Ни один листик на дереве не шелохнулся в этой тяжелой атмосфере.

Астрономы, конечно, видели, что небо не предвещает ничего хорошего, но и не подумали прервать работу. Вильям Эмери, два матроса и четыре туземца с повозкой отправились за две мили к востоку от меридиана, чтобы установить сигнальный столб, который должен был образовать вершину треугольника. Они устанавливали свою визирную вежу на вершине пригорка, как вдруг налетел порыв холодного ветра. Под его влиянием произошла быстрая конденсация пара, а

это вызвало большое скопление электричества. Почти сразу же на землю обрушился обильный град. Градины были светящимися (довольно редко наблюдаемое явление), и казалось, что с неба падают капли раскаленного металла. В том месте, где они падали на землю, от них отскакивали искры, а от всех металлических частей повозки, служившей для перевозки оборудования, исходили сверкающие блики. Вскоре градины достигли значительных размеров. Это было уже настоящее побоище. Кстати, во время такого же града в Колобенте доктор Ливингстон видел разбитые оконные рамы в доме и убитых огромными градинами лошадей и антилоп.

Не теряя ни секунды, Вильям Эмери прекратил работу и позвал своих людей, чтобы укрыться в повозке, представлявшей собою менее опасное убежище, чем одинокое дерево во время грозы. Но едва он покинул вершину пригорка, как в воздухе вспыхнула ослепительная молния и тут же раздался удар грома.

Вильям Эмери упал навзничь. Два матроса, ослепленные на мгновение, бросились к нему. К счастью, молния пощадила астронома. По причине одного из тех почти не объяснимых эффектов, случающихся иногда при ударе молнии, разряд, что называется, обогнул астронома, окружив его электрической дугой, возможно, образовавшейся в результате контакта разряда с железными наконечниками треноги компаса, которую ученый держал в руке.

Поднятый матросами, молодой ученый быстро пришел в себя. Но он оказался не единственной жертвой этого удара. Возле установленного на пригорке столба без всяких признаков жизни лежали в двадцати шагах один от другого два туземца. Тело первого под совсем не тронутыми одеждами оказалось черным, как уголь. Второй, которому этот атмосферный метеор попал в голову, был убит наповал. Таким образом, сразу три человека — два туземца и Вильям Эмери — одновременно пострадали от одной молнии с тройным жалом. Это был редко наблюдаемый феномен растроившейся молнии, причем угол отклонения между ее ответвлениями часто бывает значительным.

Бушмены, поначалу ошеломленные смертью своих товарищей, едва придя в себя, пустились в бегство, несмотря на окрики матросов и на риск быть настигнутыми молнией, которая могла ударить в разреженную струю воздуха, возникавшую от их быстрого бега. Но они ничего не желали слышать и во весь опор мчались в лагерь. Матросы, перенеся Вильяма Эмери в повозку, поместили туда тела двух туземцев и укрылись там наконец сами, довольно сильно пострадав от градин,

сыпавшихся с неба, словно каменный дождь. Примерно еще три четверти часа со страшной силой бушевала гроза. Потом она начала понемногу затихать. Град кончился, и матросы с повозкой отправились в лагерь.

Весть о смерти двух туземцев опередила их. Она произвела нежелательное воздействие на умы бушменов, которые и так не без страха смотрели на занятия европейцев. Они собрались на тайное совещание, и некоторые из них заявили, что вперед больше не пойдут. Это было похоже на начало бунта. Понадобилось употребить все влияние, которым пользовался у бушменов охотник Мокум, чтобы прекратить мятеж. Пришлось вмешаться полковнику Эвересту и пообещать этим бедным людям прибавку к жалованью, чтобы удержать их в услужении. Не без труда, но все же соглашение было достигнуто.

Не случись этого, что стало бы с членами комиссии посреди пустыни, вдалеке от всякого селения, без сопровождения, обеспечивавшего защиту, без возниц, управлявших повозками? Но вот, похоронив сраженных молнией туземцев, экспедиция снялась с места. Маленький отряд направился к пригорку, на котором двое из каравана нашли свою смерть.

Несколько дней Вильям Эмери все еще ощущал последствия молниевых ударов, левая рука его — на пригорке он держал в ней компас — оставалась еще некоторое время парализованной; но, к счастью, этот недуг прошел, и молодой астроном смог возобновить работу.

В продолжение следующих восемнадцати дней, то есть до двадцатого декабря, караван двигался дальше без приключений. Макололы не появлялись, и Мокум, хотя и был насто-роже, начинал понемногу успокаиваться. Экспедиция уже находилась не более чем в пятидесяти милях от знойной пустыни, а «карру» оставалась все такой же — пышным краем, растительность которого, поддерживаемая струящимися потоками воды, не имела себе равных ни в одной точке земного шара. Так что можно было рассчитывать, что вплоть до самой пустыни ни люди, путешествующие по богатой дичью области, ни вьючные животные, которым трава на сочных пастбищах доставала до груди, не будут испытывать недостатка в пище.

Вечером двадцатого декабря, примерно за час до захода солнца, путешественники остановились на отдых. Трое англичан и бушмен, снимая с себя дневную усталость, беседовали под деревом о ближайших планах. Северный ветерок, который слегка усиливался, немного освежал атмосферу.

Астрономы намеревались ночью измерить высоту звезд, с

тем чтобы точно вычислить широту местности. На небе не виднелось ни облачка, луна еще только зарождалась, созвездия обещали быть яркими и, следовательно, сложные зенитные наблюдения будут проводиться в самых благоприятных условиях. А потому полковник Эверест и сэр Джон Муррэй были немало озадачены, когда около восьми часов вечера Вильям Эмери, поднявшись и показав на север, сказал:

— Горизонт заволакивается, и я боюсь, что ночь будет для нас не столь удачна, как мы надеялись.

— Действительно, — ответил сэр Джон, — эта туча явно растет и благодаря ветру, который крепчает, она скоро закроет весь небосвод.

— Значит, опять собирается гроза? — спросил полковник.

— Мы находимся в межтропическом районе, — ответил Вильям Эмери, — здесь никогда нельзя оставаться спокойным за погоду. Думаю, что наши наблюдения сегодня ночью могут и не состояться.

— Что вы на это скажете, Мокум? — спросил полковник Эверест у бушмена.

Бушмен внимательно окинул взглядом горизонт.

Края тучи были очерчены выпуклой кривой — такой четкой, словно ее провели с помощью лекала. Сектор, занимаемый ею, был протяженностью в три-четыре мили. Черноватая, словно дым, туча имела странный вид, поразивший бушмена. Иногда заходящее солнце освещало ее своими красными отблесками, и тогда она отражала их так, словно была какой-то плотной массой, а не скоплением пара.

— Странная туча! — сказал Мокум, воздерживаясь, однако, от объяснений.

Несколько мгновений спустя один из бушменов явился предупредить охотника, что животные — лошади, волы и все остальные — проявляют беспокойство. Они бегают по пастбищу и ни в какую не хотят возвращаться внутрь лагеря.

— Что ж, оставьте их на ночь снаружи! — ответил Мокум.

— А хищные звери?

— Ну! Хищные звери скоро будут слишком заняты другим, чтобы обращать на них внимание.

Туземец ушел. Полковник Эверест собирался попросить бушмена объяснить насчет его странного ответа. Но Мокум, отойдя на несколько шагов, казалось, был полностью поглощен созерцанием явления, природу которого он уже, очевидно, угадал.

Туча быстро приближалась. Она шла очень низко, и ее высота над землей явно не превышала нескольких сот футов. К свисту все усиливавшегося ветра примешивался какой-то

громкий шорох, если только эти два слова могут употребляться вместе, и шорох этот, казалось, исходил от самой тучи.

Вдруг над тучей появился целый сонм черных точек, хорошо видных на бледном фоне неба. Они прыгали снизу вверх, то погружаясь в темную массу, то выскакивая из нее. Их насчитывались, наверно, тысячи.

— Ой, что это за черные точки? — спросил сэр Джон Муррей.

— Это птицы, — ответил бушмен. — Ястребы, орлы, соколы, коршуны. Они летят издалека, сопровождая эту тучу, и покинут ее, лишь когда она будет уничтожена или рассеяна.

— Туча?

— Это вовсе не туча, — ответил Мокум, протянув руку к черной массе, закрывшей уже четверть неба, — это живая масса, это полчище саранчи!

Охотник не ошибся. Европейцам предстояло лицезреть одно из тех ужасных нашествий этой разновидности кузнечика (к несчастью, слишком частых), которые за ночь превращают цветущий край в бесплодную, мертвую пустыню. Саранча, представшая взорам астрономов, принадлежала к виду сверчков — «*grylli devastatorii*», как их называют натуралисты, их скопления насчитывают миллиарды особей. Разве путешественникам никогда не приходилось видеть пляж миль в пятьдесят, покрытый четырехфутовым слоем саранчи?

— Да, — снова заговорил бушмен, — эти живые тучи — страшный бич для наших угодий, и пусть небу будет угодно, чтобы эта не причинила нам слишком много зла!

— Но у нас здесь нет, — сказал полковник Эверест, — ни засеянных полей, ни пастбищ, которые бы нам принадлежали! Почему мы должны бояться этих насекомых?

— Мы не должны бояться, если только они пролетят над нашими головами, — ответил бушмен, — но если они опустятся на ту местность, которую нам предстоит пересечь... Тогда на ней не останется ни листочка на деревьях, ни травинки на лугах, а вы забываете, полковник, что если мы сами запасами пищи обеспечены, то у наших лошадей, волов и мулов такового нет. Что станет с ними, окажись они на опустошенных пастбищах?

Спутники бушмена на какое-то время погрузились в молчание. Они смотрели на живую массу, разросшуюся, насколько хватало глаз. Шорох усиливался, перекрываемый криками орлов, и соколов, которые ныряли в это полчище и поглощали насекомых тысячами.

— Вы думаете, они опустятся прямо здесь? — спросил Вильям Эмери Мокума.

— Я этого опасюсь, — ответил охотник. — Северный ветер несет их к нам. К тому же солнце уже садится. Вечерняя влага сделает крылья этих кузнечиков тяжелыми. Они опустятся на деревья, на кусты, на луга, и тогда...

Бушмен не успел закончить фразы, когда его предсказание стало сбываться. В мгновение ока огромная туча, закрывавшая небо в зените, опустилась на землю. Кругом стала видна только шевелящаяся темная масса — от лагеря и до самого горизонта. Место стоянки буквально кишело этими тварями. Повозки, палатки — все исчезло под живым градом. Слой сверчков достигал фута высоты. Англичане, оказавшись по колено в густой толще кузнечиков, давили их сотнями при каждом шаге. Но что это значило для такого громадного их числа?

И тут оказалось, что есть много других способов истребления этих насекомых. На них кидались птицы, испуская пронзительные крики и жадно пожирая их. Внизу под слоем насекомых появились привлеченные своей частью лакомой добычи змеи, поглощая ее в огромных количествах. Лошади, быки, мулы¹, собаки тоже насыщались ими с неописуемым удовольствием. Равнинная дичь, дикие звери, львы и гиены, слоны и носороги отправляли саранчу в свои огромные желудки пудами. Наконец, сами бушмены — большие любители «воздушных креветок» — лакомились ими, как манной небесной!² Но количество саранчи отнюдь не уменьшалось, несмотря на потери, в том числе — и от собственной прожорливости, ибо насекомые эти сами пожирают друг друга.

По настоянию бушмена англичанам пришлось отведать пиши, которая свалилась с неба. Несколько тысяч насекомых были сварены и приправлены солью, перцем и уксусом, причем Мокум тщательно отобрал самые молодые — зеленые, а не желтые, особи, более нежные на вкус. Некоторые из них достигали четырех дюймов длины. Молодые самки, толщиной со стержень пера и длиной пятнадцать — двадцать линий, еще не отложившие яиц, ценятся любителями как особый деликатес. После получасового приготовления бушмен подал троим англичанам аппетитное блюдо из сверчков. Эти насекомые, лишенные головы, лап и крыльев, очень похожие на морских креветок, были найдены восхитительными, а сэр Джон Муррэй, съев несколько сотен, посоветовал своим лю-

---

¹ Мул — помесь осла с кобылицей; помесь жеребца и ослицы называется лошак.

² Манна небесная — по библейскому сказанию — пища, чудесно ниспосланная Богом евреям во время их странствования по Аравийской пустыне после изгнания из Египта.

ням сделать их запасы, и побольше. Ведь, чтобы запастись ими, достаточно было лишь нагнуться!

Наступила ночь, и все разошлись на ночлег по своим обычным местам. Но повозки тоже не избежали последствий вторжения саранчи. В них невозможно было проникнуть, не раздавив множество насекомых. Спать в таких условиях оказалось не слишком приятно. А потому, благо небо оставалось чистым и на нем ярко горели звезды, трое астрономов провели всю ночь за определением высоты звезд. Это наверняка было лучше, чем погрузиться по самую шею в перину из кузнечиков. Впрочем, разве могли бы европейцы обрести сон хоть на миг, когда леса и долины наполнились криками диких зверей, набросившихся на добычу, состоявшую из сверчков!

На следующее утро солнце поднялось над ясным горизонтом и начало описывать свою дневную дугу по яркому небу, предвещавшему жаркий день. Скоро от его лучей стало жарко, послышался глухой шум надкрыльев многомиллионной массы саранчи, готовившейся возобновить свой полет, чтобы нести с собой разрушение дальше. К восьми часам утра на небо будто набросили огромную пелену, заставшую свет солнца. Все вокруг потемнело, словно опять настала ночь. Потом, когда ветер окреп, огромная туча пришла в движение. В течение двух часов она с глухим шумом все плыла и плыла над погруженным в тьму лагерем, пока наконец не исчезла на западе за горизонтом.

А когда снова стало светло, все увидели, что пророчества бушмена полностью сбылись. Ни листочка на деревьях, ни травинки на лугу. Все было уничтожено. Земля казалась пожелтевшей и грязной. Лишенные зелени ветки представляли взору ужасающий вид. Это была зима среди лета, наступившая прямо на глазах! Это была пустыня вместо роскошного края!

Невольно на ум приходила восточная пословица, касавшаяся разбойничьих повадок османов: «Там, где прошел турок, трава уже не растет!» Там, где опустилась саранча, трава уже не растет!

ГЛАВА XVIII

Пустыня

Теперь под ногами путешественников действительно растилась пустыня, и когда двадцать пятого декабря, измерив новый градус меридиана и закончив свой сорок восьмой треугольник, полковник Эверест и его компаньоны дошли до

северной границы «карру», они не обнаружили никакой разницы между районом, который они покинули, и той бесплодной, сожженной солнцем местностью, которую им предстояло пройти.

Животные, рабочая скотина каравана, очень страдали от скудости пастбищ. Воды тоже не хватало. Последняя влага дождя высохла в лужах. Почва представляла собою смесь глины и песка и не способствовала росту растений. Вода, пролившаяся здесь в сезон дождей, впитавшись в песчаные слои, почти тотчас исчезла с поверхности этой земли, покрытой огромным количеством глыб из песчаника.

То был как раз один из тех бесплодных и засушливых районов, которые доктор Ливингстон не раз пересекал во время своих богатых приключениями путешествий. Не только земля, но и воздух оказался здесь таким сухим, что железные предметы, оставленные под открытым небом, не ржавели. Как рассказывал ученый, листья на деревьях были сморщенными и увядшими, цветы мимозы оставались закрытыми и среди бела дня, жуки, оставленные на поверхности почвы, издыхали через несколько секунд; наконец, ртуть термометра, зарытого на три дюйма в землю, в полдень показывала сто тридцать четыре градуса по Фаренгейту!¹

Такими увидел некоторые места Южной Африки знаменитый путешественник, такой предстала перед глазами английских астрономов и земля, расположенная между «карру» и озером Нгами. Путники страдали от усталости и жажды. Нехватка воды еще ощутимее сказывалась на домашних животных, которые кое-как кормились редкой, сухой и пыльной травой. Более того, это широко раскинувшееся пространство называлось пустыней не только из-за своей засушливости, но и еще потому, что сюда не рисковало забрести ни одно живое существо. Птицы улетели к реке Замбези, где можно было найти деревья и цветы. Дикие животные тоже не попадались на этой равнине, не дававшей никаких источников жизни. Лишь в первой половине января охотники каравана видели две или три пары антилоп, которые могут обходиться без питья в течение нескольких недель: среди них были и ориксы, похожие на тех, что явились причиной глубокого разочарования сэра Джона Муррэя, и каамы с добрыми глазами, с пепельно-серой шерстью, отмеченной охрыными пятнами, — безобидные животные, очень ценимые за вкусное мясо, которые,

---

¹ Сто тридцать четыре градуса по Фаренгейту — около семидесяти четырех градусов Цельсия.

казалось, предпочитали бесплодные равнины пастбищам плодородных районов.

Тем временем, продвигаясь под палящими лучами, в атмосфере, лишенной даже атома испарений, продолжая осуществлять геодезические операции как днем, так и ночью, не приносившей с собой ни ветерка, ни прохлады, астрономы сильно уставали. Их запасы воды, хранившиеся в разогретых бочонках, уменьшались. Им уже приходилось экономить воду, но рвение их было столь велико, а мужество — таково, что они преодолевали усталость и лишения и не упускали ни одной мелочи в своей большой и кропотливой работе. Двадцать пятого января с помощью девяти новых треугольников — их общее количество уже доходило до пятидесяти семи — ученые вычислили седьмую часть меридиана, составившую еще один градус.

Астрономам оставалось только пройти часть меридиана, приходившуюся на пустыню, и, по расчетам бушмена, они должны были достичь берегов озера Нгами в последних числах января. Полковник и его компаньоны заявили, что поддержатся еще столько, сколько будет необходимо. Но люди каравана, эти бушмены, не увлеченные одной целью, эти наемные люди, интересы которых не совпадали с научными интересами экспедиции, эти туземцы, довольно мало расположенные идти все дальше и дальше вперед, плохо переносили дорожные испытания. Они ошутимо страдали от нехватки воды. Уже пришлось оставить в пути несколько вьючных животных, истощенных голодом и жаждой, и приходилось опасаться, что число таких случаев будет с каждым днем расти. Ропот и препирательства стали возникать все чаще. Положение Мокума становилось все более трудным, его влияние падало.

Вскоре стало очевидно, что недостаток воды становится непреодолимой преградой на пути ученых, что придется, по видимому, остановить продвижение на север, повернуть либо назад, либо вправо от меридиана, рискуя встретиться с русской экспедицией. В том и другом случае они смогут достичь селений, расположенных в менее засушливых местах. Пятнадцатого февраля бушмен сообщил полковнику Эвересту о все возрастающих трудностях, с которыми он больше не в состоянии бороться. Погонщики повозок уже отказывались слушаться его. Каждое утро, когда лагерь снимался с места, возникали сцены неповиновения, в которых принимало участие большинство туземцев. Надо признать, что эти несчастные люди, подавленные жарой, мучимые жаждой, представляли плачевное зрелище. Впрочем, и волы с лошадьми, питавшие-

ся явно недостаточно, — куцей и сухой травой, совсем не утолявшей жажды, не хотели идти дальше.

Полковник Эверест прекрасно понимал положение вещей. Но, будучи строг к себе, он так же относился и к другим. Он никоим образом не хотел приостанавливать операции по созданию тригонометрической сети и заявил, что, даже если останется один, он будет продолжать двигаться вперед. Тем более что оба его коллеги рассуждали так же, как он, и были готовы идти за ним, сколько потребуется.

Бушмен в очередной раз, приложив все свои усилия, снова добился от туземцев, чтобы они следовали за ним еще какое-то время. По его расчетам, караван находился не более чем в пяти-шести днях пути от озера Нгами. Там лошади и быки найдут цветущие пастбища и тенистые леса. Там люди найдут целое море пресной воды и отдохнут. Мокум сумел убедить большинство бушменов. Он доказал им, что в смысле пропитания путь на север — короче. Действительно, ведь податься на запад — означало идти наугад, вернуться назад — снова попасть в опустошенную «карру». В конце концов туземцы поддались на его уговоры, и караван из последних сил возобновил движение к Нгами.

К счастью, на этой обширной равнине геодезические операции легко осуществлялись с помощью столбов и реек. Чтобы выиграть время, астрономы работали днем и ночью. Ориентируясь на свет электрических фонарей, они добивались очень точных измерений углов, отвечавших самым придирчивым требованиям.

Шестнадцатого января участники экспедиции увидели воду. На горизонте появилась лагуна шириною в одну-две мили. Можно себе представить, как была встречена эта новость. Весь караван быстро устремился к довольно обширному водоему, поверхность которого поблескивала в солнечных лучах.

Лагуны достигли в пять часов вечера. Несколько лошадей, оборвав построжки и увернувшись от рук погонщиков, галопом кинулись к столь желанной влаге. Они чуяли ее, они вдыхали ее запах и скоро уже стояли в воде, погрузившись в нее по шею.

Но почти тотчас же животные вернулись на берег. Они почему-то не смогли утолить жажды в живительных струях лагуны, и когда туда подошли бушмены, оказалось, что вода в ней настолько солонa, что пить ее невозможно.

Людей охватило отчаяние. Нет ничего страшнее обманутых надежд! Мокуму показалось, что он никогда не сможет уговорить туземцев идти дальше и увести их от этого соленого

озера. К счастью для судьбы экспедиции, караван находился к Нгами и притокам Замбези уже ближе, чем к какой-либо другой точке этого региона, где бы можно было достать годной для питья воды. Так что общее спасение зависело от продвижения вперед. Через четыре дня, если не задержат геодезические работы, экспедиция выйдет к берегам озера Нгами.

Снова двинулись в путь. Полковник Эверест, пользуясь ровным характером местности, стал строить треугольники больших размеров, что требовало менее частых остановок из-за установления визирных реек. Поскольку наблюдения чаще проводились по ночам, а ночи стояли очень ясные, сигнальные огни фиксировались отлично, и измерения, как теодолитом, так и угломером, осуществлялись с превосходным результатом и отличались чрезвычайной точностью. В то же время это была еще и экономия времени и сил. Но следует признать, что и отважным ученым, охваченным научным рвением, и туземцам, мучимым страшной жаждой в этом ужасном климатическом поясе, равно как и животным, уже настало самое время выйти к озеру Нгами. Никто бы не смог вынести двухнедельного похода в подобных условиях.

Двадцать первого января ровная и гладкая поверхность земли начала заметно изменяться. Она сделалась пересеченной и кочковатой. Около десяти часов утра на северо-западе люди заметили небольшую гору высотой от пятисот до шестисот футов, на расстоянии примерно пятнадцати миль. Это была вершина Скорцефа.

Бушмен внимательно осмотрел местность вокруг и после довольно долгого изучения, указав рукой на север, сказал:

— Нгами — там!

— Нгами! Нгами! — закричали туземцы, сопровождая выкрики бурным ликованием.

Бушмены хотели двигаться вперед и были готовы бегом преодолеть те пятнадцать миль, что отделяли их от озера. Но охотник сумел удержать их, заметив, что в этом краю, кишевшем макололами, для них очень важно не отрываться.

Между тем полковник Эверест, желая ускорить прибытие своего небольшого отряда на озеро Нгами, решил связать их стоянку с горой Скорцеф одним треугольником. Вершина горы, заканчивающаяся острым пиком, могла быть завизирована очень точно и тем самым способствовала хорошим наблюдениям. Для этого не понадобилось бы ждать ночи и посылать вперед отряд из матросов и туземцев, чтобы те установили фонарь на вершине Скорцефа. Итак, инструменты были налажены, а угол, образующий вершину последнего

треугольника, уже полученный южнее, снова измерен на самой стоянке для большей точности.

Мокум разбил лишь временный лагерь, надеясь еще до ночи достичь столь желанного озера, но он не пренебрег ни одной из обычных предосторожностей и велел нескольким всадникам прочесать окрестности.

Справа и слева поднимались заросли, которые не мешало бы разведать. Тем не менее со времени охоты на ориксов никаких следов макололов не попадалось, и с выслеживанием, которому подвергался караван, казалось, было покончено. Однако осторожный бушмен старался все время быть начеку, чтобы предотвратить неприятности.

Тем временем астрономы занимались построением своего нового треугольника. Согласно вычислениям Вильяма Эмери, этот треугольник должен подвинуть их очень близко к двадцатой параллели, у которой находилась конечная точка дуги, измеряемой ими в этой части Африки. Еще несколько операций по ту сторону озера Нгами — и вполне вероятно, что восьмой отрезок меридиана будет получен. Потом, после перепроверки расчетов, сделанной с помощью нового базиса, построенного непосредственно на поверхности почвы, это большое предприятие будет завершено. Поэтому неудивительно, что смельчаки-европейцы отличались на редкость боевым духом, ведь они уже видели себя осуществившими свои замыслы.

А как в это время проходила экспедиция русских? Вот уже шесть месяцев как члены международной комиссии растались и ничего не знали друг о друге. Где находились теперь Матвей Струкс, Николай Паландер, Михаил Цорн? Переносили ли они с той же стойкостью, что и их коллеги из Англии, все тяготы? Страдали ли, испытывая лишения от нехватки воды и удручающей жары? Были ли менее засушливы районы, по которым они проходили, — ведь их путь пролегал ближе к маршруту Дэвида Ливингстона? Может, русскому каравану больше повезло с продовольствием, потому что на их направлении, кроме Колобенга, существовали и другие деревни и селения, к примеру, Шокуане или Шошонг, не слишком удаленные от меридиана русских. Но с другой стороны, в этих не столь безлюдных районах нередки и налеты разбойников. Из того факта, что макололы, казалось, оставили преследование англичан, не следовало ли заключить, что они пошли по следам русской экспедиции?

Полковник Эверест, слишком занятый делами, не думал и не хотел думать об этих вещах, но сэр Джон Муррэй и Вильям Эмери часто беседовали между собой о судьбе своих быв-

ших коллег. Суждено ли им увидеть их вновь? Увенчается ли успехом работа русских? Математический результат одного и того же предприятия, а именно определение величины градуса в этой части Африки, будет ли одинаков у обеих экспедиций, осуществлявших одновременно, но отдельно построение тригонометрической сети треугольников? Кроме того, Вильям Эмери много думал о своем товарище, отсутствие которого казалось ему таким невосполнимым, хорошо зная, что и Михаил Цорн тоже никогда его не забудет.

Между тем началось измерение угловых расстояний. Чтобы определить угол, который приходился на место стоянки, следовало наметить два визира, один из которых был образован конической вершиной Скорцефа. В качестве другого визира, слева от меридиана, избрали остроконечный пригорок, расположенный на расстоянии всего лишь четырех миль. Его направление было дано одним из окуляров угломера.

Скорцеф, как уже было сказано, находился довольно далеко от стоянки. Но астрономы не имели иного выбора, поскольку эта отдельно стоящая гора была единственной точкой, господствующей над местностью. Действительно, ни на севере, ни на западе, ни на другом берегу озера Нгами, которого еще не было видно, не возвышалось ни одной вершины. Слишком большая удаленность одного из визиров вынуждала исследователей податься значительно правее меридиана; но другого выхода у них не было. Одинокая эта гора была, таким образом, очень тщательно завизирована с помощью второго окуляра угломера, а отклонение друг от друга двух окуляров дало угловое расстояние, отделявшее Скорцеф от пригорка и, следовательно, величину угла, образованного с самой стоянкой. Полковник Эверест, добиваясь возможно большего приближения, сделал подряд двадцать поворотов, меняя положение окуляра по градуированному кругу: таким образом он в двадцать раз уменьшил возможность ошибки и добился такого углового измерения, что точность его являлась абсолютной.

Все эти операции, несмотря на проявляемое туземцами нетерпение, бесстрастный Эверест проделал с той же тщательностью, с какой он осуществлял бы их в своей обсерватории в Кембридже. Весь день двадцать первого февраля прошел за этой работой, и только на исходе дня, примерно в половине шестого, когда снимать показания стало трудно, полковник закончил свои наблюдения.

— Я в вашем распоряжении, Мокум,— сказал он тогда бушмену.

— Несколько поздновато, полковник,— ответил Мо-

кум,— и мне жаль, что вы не смогли завершить ваши работы до наступления темноты, ибо тогда мы могли бы перенести нашу стоянку уже на берег озера!

— А что нам мешает тронуться сейчас в путь? — спросил полковник Эверест.— Пятнадцать миль можно проделать и темной ночью, которая не сможет нас остановить. Дорога тут прямая, это ведь равнина, и мы не должны бояться, что заблудимся!

— Да... действительно...— как будто размышляя, ответил бушмен,— можно попробовать пойти на такую авантюру, хотя в этих местах, пограничных с озером Нгами, я предпочел бы переход при свете дня! Наши люди только и просят идти вперед, чтобы быстрее достичь пресноводного озера. Мы отправляемся, полковник!

— Если вам угодно, Мокум! — ответил полковник Эверест.

Как только все одобрили это решение, быков запрягли в повозки, лошадей оседлали, инструменты погрузили, и в семь часов вечера, когда бушмен отдал сигнал к отправлению, караван, подстегиваемый жаждой, двинулся напрямик к озеру Нгами.

При этом бушмен попросил всех троих европейцев взять с собой оружие и иметь при себе боеприпасы. Сам он поехал с карабином, который подарил ему сэр Джон, и в его патронташе не было недостатка в патронах.

Тронулись в путь. Ночь стояла темная. Толстый слой облаков скрывал созвездия. Однако в воздушных слоях, более близких к земле, тумана не было. Мокум, зрительные способности которого не переставали удивлять европейцев, зорко смотрел по сторонам и вперед по движению каравана. Несколько слов, которыми он обменялся с сэром Джоном, дали понять почтенному англичанину, что бушмен отнюдь не считает эту местность безопасной. А потому сэр Джон, со своей стороны, пребывал в готовности к любым событиям.

Караван уже три часа двигался в северном направлении, но, испытывая усталость, граничившую с изнеможением, шел не быстро. Приходилось часто останавливаться, чтобы подождать отстающих. Продвигались вперед из расчета три мили в час, и к десяти часам вечера маленький отряд от берегов Нгами отделяли еще шесть миль. Животные едва могли дышать в душную ночь, в столь сухом воздухе, что самый чувствительный гидрометр не обнаружил бы в нем и следа влаги.

Вскоре, несмотря на настоятельные просьбы бушмена, караван перестал представлять собой компактную группу. Люди и животные растянулись в очень длинную цепочку. Не-

сколько волов, совсем выбившись из сил, свалились по дороге. Спешившиеся всадники едва волочили ноги, и их легко могла бы схватить даже небольшая кучка туземцев. А потому обеспокоенный Мокум, не жалея ни слов, ни жестов, передвигаясь от одного к другому, старался воссоединить свое войско, но это ему не удавалось, и вот уже, сам того не замечая, он стал терять из виду кое-кого из своих людей.

В одиннадцать часов вечера ехавшие впереди повозки находились уже милях в трех от Скорцефа. Несмотря на темень, эта одинокая гора вырисовывалась довольно отчетливо, возвышаясь в ночи как огромная пирамида. В темноте она казалась больше и в два раза выше, чем на самом деле.

Если Мокум не ошибся, то озеро должно было находиться сразу за Скорцефом, и речь шла о том, чтобы обогнуть гору самым кратчайшим путем, как можно скорее добраться до богатого источника пресной воды. Бушмен встал вместе с тремя европейцами во главе каравана и уже собирался было поворачивать влево, чтобы обойти гору, как вдруг его остановили выстрелы — очень отчетливые, хотя и далекие.

Англичане тотчас взвели курки и стали прислушиваться с вполне понятным напряжением. В местах, где туземцы пользуются только копьями и стрелами, выстрелы из огнестрельного оружия не могли не вызвать у них удивления и тревоги.

— Что это? — спросил полковник.

— Выстрелы! — ответил сэр Джон.

— Выстрелы! — воскликнул полковник. — А в каком направлении?

Вопрос был адресован бушмену, который ответил:

— Выстрелы произведены с вершины Скорцефа. Там сражаются! Несомненно, это макололы нападают на отряд европейцев!

— Европейцев! — повторил за ним Вильям Эмери.

— Да, господин Вильям, — ответил Мокум. — Эти громкие выстрелы могут быть произведены лишь оружием европейцев, и, добавлю, очень точным оружием.

— Так, значит, это европейцы?..

Но полковник, прервав его, воскликнул:

— Господа, кто бы ни были эти европейцы, им надо прийти на помощь.

— Да! Да! Идемте! Идемте! — повторил Вильям Эмери, чье сердце тревожно сжалось.

Прежде чем направиться к горе, бушмен пожелал в последний раз собрать свое небольшое войско, которое могло быть неожиданно окружено группой разбойников. Но когда охотник съездил назад, оказалось, что караван рассеян, ло-

шади выпряжены, повозки покинуты, а несколько силуэтов, маячивших на равнине, уже исчезают из виду, убегая в сторону юга.

— Трусые,— закричал Мокум,— они сразу забывают про все — и про жажду, и про усталость, лишь бы дать деру!

Потом, вернувшись к англичанам и их бравым матросам, он сказал:

— А мы двинемся вперед!

Европейцы вместе с охотником тотчас устремились в северном направлении, прищипывая лошадей, понуждая их отдать оставшуюся у них силу и энергию.

Двадцать минут спустя все отчетливо слышали воинственный клич маколов. Каково их число, сказать еще было трудно. Эти бандиты-туземцы, вероятно, осаждали вершину Скорцефа, на которой можно было разглядеть вспышки огня. Виднелись кучки людей, карабкавшихся наверх по склонам.

Скоро полковник Эверест и его спутники зашли в тыл осаждавшей группы. Здесь они соскочили со своих изможденных коней и, крикнув громкое «ура», которое осажденные должны были услышать, сделали первые выстрелы по нападавшим туземцам. Услыхав частые выстрелы скорострельного оружия, макололы решили, что их осаждает многочисленное войско. Эта внезапная атака застала их врасплох, и они отступили, даже не пустив в ход луков со стрелами.

Не теряя ни секунды, полковник Эверест, сэр Джон Муррэй, Вильям Эмери, бушмен и матросы, непрерывно перезаряжая ружья и стреляя, бросились в самую гущу разбойников. Пятнадцать туземцев замертво пали под огнем их оружия.

Макололы разделились на две части. Европейцы кинулись в образовавшийся проход и, опрокидывая наземь туземцев, находившихся близко, моментально вскарабкались по склону горы наверх. В десять минут достигли они вершины, окутанной темнотой, так как осажденные прекратили огонь из опасения попасть в тех, кто так неожиданно пришел им на помощь.

И этими осажденными оказались русские! Они все были здесь — Матвей Струкс, Николай Паландер, Михаил Цорн и пятеро их матросов. Но из туземцев, некогда составлявших караван, остался лишь один преданный им «форелопер». Струсившие туземцы, как и туземцы англичан, тоже покинули их в минуту опасности.

Матвей Струкс в тот момент, когда появился полковник Эверест, спрыгнул вниз с невысокой стены, сохранившейся на самой вершине Скорцефа.

— Вы ли это, господа англичане?! — воскликнул астроном из Пулково.

— Они самые, господа русские, — ответил полковник с достоинством. — Но сейчас здесь нет ни русских, ни англичан! А есть только европейцы. Объединившиеся, чтобы защитить себя!

ГЛАВА XIX

Триангуляция или смерть

Дружное «ура!» встретило слова полковника Эвереста. Перед лицом угрозы со стороны маколов, перед лицом общей опасности русские и англичане, позабыв о международном конфликте, должны были объединиться ради совместной обороны. Ситуация диктовала свои условия, и англо-русская комиссия снова воссоединилась перед лицом врага, оказавшись даже еще более дружной и сплоченной, чем раньше. Вильям Эмери и Михаил Цорн крепко обнимали друг друга. Остальные европейцы скрепили свой новый союз рукопожатием.

Первой заботой англичан было утолить жажду. В воде, доставляемой из озера, в русском лагере недостатка не было. Затем, укрывшись в каземате, составлявшем часть заброшенной крепости, построенной когда-то на вершине Скорцефа, европейцы поведали друг другу о том, что с ними произошло после их расставания в Колобенге. Тем временем матросы наблюдали за макололами.

Прежде всего, почему русские оказались на вершине этой горы, так далеко слева от их меридиана? По той же самой причине, по которой англичане очутились от своего далеко справа. Скорцеф, расположенный почти на полдороге между обеими дугами, являлся единственной возвышенностью в этом регионе, которая могла бы послужить для установления ориентира на берегу Нгами. Так что было совершенно естественно, что обе соперничающие экспедиции, оказавшись на этой равнине, встретились на единственной горе, которая могла послужить им для наблюдений. Действительно, русский и английский меридианы пересекали озеро в двух местах, довольно удаленных друг от друга. Отсюда возникла необходимость у операторов геодезически соединить южный берег Нгами с его северным берегом.

Затем Матвей Струкс изложил некоторые подробности об операциях, которые он только что выполнил. Триангулирование после Колобенга происходило без приключений. Перво-

начальный меридиан, который волею жребия достался русским, проходил по плодородной местности, слегка волнистой, облегчавшей создание тригонометрической сети. Русские астрономы, так же как и англичане, страдали от чудовищной жары этого пояса, но не от нехватки воды. Речек здесь было полно, и они приносили с собой спасительную свежесть. Лошади и волы вволю паслись на нескончаемом пастбище, на зеленых лугах, там и сям перемежавшихся лесами и чащами. Хищников участники экспедиции держали на почтительном расстоянии от лагеря, зажигая на всю ночь костры. Что до туземцев, то здесь жили оседлые племена, обитавшие в селениях и деревнях, где доктор Дэвид Ливингстон почти всегда находил радушный прием. Во время всего этого путешествия бушменам отнюдь не на что было жаловаться.

Двадцатого февраля русские дошли до Скорцефа и находились здесь уже около полутора суток, когда на равнине появились макололы в количестве трехсот-четырёхсот человек. Испугавшись, бушмены тотчас покинули свои посты и оставили русских предоставленными самим себе. Макололы начали с того, что разграбили повозки, сгруппированные у подножия горы; но, к счастью, инструменты были еще раньше перенесены в крепость. Кроме того, они не тронули самоходную барку, ибо русские успели собрать ее до появления разбойников, и в настоящее время она стояла на якоре в небольшой бухте озера Нгами. Северный склон горы был отвесным и выходил прямо на правый берег озера, поэтому здесь крепость являлась неприступной. Но на южной стороне Скорцефа склоны были пологими, и приступ, который предприняли макололы, возможно, имел бы успех, если бы не чудесное появление англичан.

Таков вкратце был рассказ Матвея Струкса. В свою очередь полковник Эверест сообщил ему о происшествиях, случившихся с ними после разделения экспедиции, о тяготах и лишениях, о мятеже бушменов, о трудностях и препятствиях, которые пришлось преодолеть. Из обоих рассказов выходило, что русские все это время находились в более благоприятных условиях, чем англичане. Ночь с двадцать первого на двадцать второе февраля прошла без приключений. Бушмен и матросы несли караул у подножия крепостной стены. Макололы больше не возобновляли своих атак. Но несколько костров, разожженных ими у подошвы горы, говорили о том, что бандиты стояли биваком на прежнем месте и отнюдь не отказались от своего плана.

На следующий день, двадцать второго февраля, на рассвете, покинув каземат, европейцы вышли осмотреть долину.

Первые утренние лучи осветили почти всю обширную территорию до самого края горизонта. С южной стороны простиралась пустыня с ее желтоватой почвой и сгоревшей травой, засушливая и мертвая. У подножия полукругом расположился лагерь, посреди которого копошилось четыре-пять сотен туземцев. Их костры еще горели. На раскаленных углях жарились куски мяса. Было очевидно, что макололы не хотели покидать этого места, хотя и так все, что у каравана было ценного — снаряжение, повозки, лошади, волю, провизия, — попало к ним в руки; но эта добыча, очевидно, их не удовлетворяла, похоже, они хотели, уничтожив европейцев, завладеть их оружием.

Русские и английские ученые, осмотрев лагерь туземцев, имели долгую и обстоятельную беседу с бушменом, но окончательное решение все же зависело от определенной помощи обстоятельств, и прежде всего следовало точно определить положение Скорцефа.

Астрономы уже знали, что эта гора на юге господствует над обширными равнинами, простирающимися вплоть до «карру». На восток и на запад от нее — продолжение этой пустыни, которая здесь сужается. На западном горизонте можно разглядеть расплывчатый силуэт холмов, окаймляющих плодородный край макололов; одна из столиц его, Макето, расположена примерно в ста милях северо-западнее озера Нгами.

На севере же гора Скорцеф возвышается над совершенно другой местностью. Какой контраст с засушливыми степями юга! Вода, деревья, пастбища — все богатство земли, которое может дать постоянная влажность! На пространстве протяженностью, по крайней мере, в сто миль Нгами катит с востока на запад свои прекрасные волны, которые сейчас оживали под лучами восходящего солнца. Наибольшая ширина озера совпадала с направлением земных параллелей. Но с севера на юг она, вероятно, составляла не более тридцати-сорока миль. По ту сторону озера местность вырисовывалась в виде легкого уклона, представляя очень разнообразный ландшафт с лесами, пастбищами, потоками воды, впадавшими в Лиамбию или в Замбези; и совсем на севере, по крайней мере милях в восьмидесяти, цепь невысоких гор окаймляла ее своей живописной рамкой. Прекрасный край, лежащий, как оазис, посреди пустынь! Его земля, хорошо орошаемая, постоянно оживляемая сетью водных артерий, дышала жизнью. Это величественная Замбези поддерживала своими притоками существование такой пышной растительности! Самая большая

река, какая только есть в Южной Африке, — такая же, как Дунай в Европе¹ и Амазонка в Южной Америке!

Такова была панорама, развернувшаяся перед взорами европейцев. Что касалось Скорцефа, то он возвышался над самым берегом озера, круто обрываясь прямо в воды Нгами. И все же склон был не так крут, чтобы матросы не могли лезть по нему туда и обратно; и вот по узкой крутой тропинке, ведущей с уступа на уступ, они спустились до самого озера, до того места, где стояла на якоре самоходная барка. Теперь, обеспечив себя питьевой водой, маленький гарнизон мог держаться, пока хватит провизии, за стенами брошенной крепости.

Но откуда тут эта крепость, в пустыне, на вершине горы? Стали расспрашивать Мокума, который уже бывал в этих краях, когда служил проводником у Дэвида Ливингстона. Он смог рассказать следующее.

Когда-то окрестности озера Нгами часто посещали торговцы слоновой костью и «черным товаром». Слоновую кость им поставляли слоны и носороги. «Черным товаром» была плоть человеческая, живая плоть, которую перевозили торговцы рабами. Земли вдоль Замбези кишели презренными иностранцами, занимавшимися работорговлей. Войны, «реззу»², грабежи внутри континента поставляли большое количество пленных, и пленников этих продавали, как рабов. Именно это побережье Нгами и служило перевалочным пунктом для торговцев, прибывавших с запада. Скорцеф некогда являлся центром стоянки караванов. Здесь они отдыхали, прежде чем пускаться в путь к низовьям Замбези, до самого устья. Вот торговцы и возвели здесь крепость, чтобы защитить себя и своих рабов от нападений разбойников, ибо нередко были случаи, когда пленных отбивали те же самые туземцы, которые их продали, чтобы потом продать их снова.

Такова история этой крепости, но теперь маршрут караванов изменился. Нгами уже не видит их на своих берегах, Скорцефу больше не приходится укрывать заморских купцов, и стены, увенчавшие когда-то его вершину, понемногу разрушились. От крепости этой остался лишь кусок стены в виде дуги, выпуклая часть которой обращена к югу, а вогнутая — на север. В центре этой стены возвышается небольшой каземат с бойницами, а над ним поднимается узкая деревянная вышка, силуэт которой, уменьшенный расстоянием, послужил визиром для зрительной трубы полковника Эвереста. Но

---

¹ Автор допускает неточность: самой большой по длине рекой в Европе является Волга (3530 км), Дунай же занимает второе место (2850 км).

² Реззу — разбойничье нападение. (*Примеч. перев.*)

какой бы разрушенной она ни была, крепость предоставляла европейцам надежное убежище. Скрываясь за крепостными стенами, сделанными из толстых глыб песчаника, вооруженные скорострельными ружьями, они смогут выстоять против армии макололов, пока им будет хватать еды и боеприпасов, и, возможно, довести до конца геодезическую операцию.

Боеприпасов у маленького отряда европейцев было достаточно, поскольку ящик, в котором они помещались, еще в Колобеге погрузили в одну повозку с самоходной баркой, которую туземцам захватить не удалось. Иначе обстояло дело с провизией. В крепости не было съестных припасов и на два дня, чтобы прокормить восемнадцать человек, собравшихся теперь вместе, то есть троих английских и троих русских астрономов, десятирех матросов из команды судна «Королева и Царь», бушмена и «форелопера».

Закончив осмотр припасов и позавтракав — завтрак был весьма недолгим, — астрономы вместе с бушменом собрались в каземате, матросы в это время стояли на страже у стен крепости.

Обсуждался вопрос о серьезной нехватке продовольствия, и никто не знал, как предотвратить голод, когда охотник заметил:

— Вы озабочены, господа, нехваткой продовольствия, но я поистине не понимаю вашего беспокойства. У нас провизии только на два дня, утверждаете вы? Но кто нас заставляет находиться два дня в этой крепости? Разве мы не можем покинуть ее завтра, даже сегодня? Кто нам в этом помешает? Макололы? Но они не плавают по воде Нгами, как я знаю, а на самоходной барке я берусь за несколько часов переправить вас на северный берег озера!

Услыхав такое предложение, ученые переглянулись между собой и с удивлением уставились на бушмена. Поистине, могло показаться, что эта простая мысль даже не приходила им в голову.

А она действительно не приходила им в голову! Она и не могла прийти в голову этим отважным людям, которые должны были до конца проявить себя героями науки.

Сэр Джон Муррэй первым взял слово.

— Но, мой brave Мокум, мы не завершили нашей операции.

— Какой операции?

— По измерению меридиана!

— Значит, вы думаете, что макололам есть дело до вашего меридиана? — возразил охотник.

— Что им нет до него дела — это ясно, — возразил сэр

Джон Муррэй,— но нам-то до него есть дело, и мы не оставим этого предприятия незавершенным. Как по-вашему, дорогие коллеги?

— Мы все так считаем,— ответил полковник Эверест, который, высказавшись от имени присутствующих, выразил чувства, разделяемые всеми.— Мы не прекратим измерения меридиана! До тех пор, пока хоть один из нас останется жив, пока он будет в состоянии глядеть в окуляр зрительной трубы, триангуляция будет продолжаться! Если понадобится, мы станем производить замеры, держа ружье в одной руке, а инструмент — в другой, но будем стоять здесь до последнего вздоха.

— Да здравствует Англия! Да здравствует Россия! — закричали эти неугомонные ученые, которые выше всякой опасности ставили интересы науки.

Бушмен взглянул на своих компаньонов и ничего не ответил. Он их понял.

Итак, было решено. Геодезическая операция, несмотря ни на что, будет продолжена. Да, но как быть с таким препятствием, как озеро Нгами, как в этих условиях выбрать подходящий ориентир,— эти и многие другие вопросы сразу же встали перед мужественными астрономами. Тогда Матвей Струкс, уже два дня занимавший вершину Скорцефа, взял слово.

— Господа,— сказал он,— операция будет трудной, кропотливой, она потребует много терпения и усердия, но она отнюдь не невыполнима. О чем идет речь? О том, чтобы геодезически связать Скорцеф с ориентиром, расположенным к северу от озера, не так ли? А существует ли такой ориентир? Да, он существует; я уже выбрал пик на горизонте, который мог бы служить визиром для наших зрительных труб. Он возвышается северо-западнее озера, так что эта сторона треугольника будет пересекать озеро Нгами наискось.

— Что ж,— сказал полковник Эверест,— если такая точка визирования существует, то в чем загвоздка?

— Загвоздка,— ответил Матвей Струкс,— в расстоянии, которое отделяет Скорцеф от этого пика!

— Каково же это расстояние? — спросил полковник Эверест.

— Не менее ста двадцати миль.

— Наша зрительная труба его возьмет.

— Но еще необходимо зажечь сигнал на вершине этого пика!

— Он будет зажжен.

— Для этого следует доставить туда фонарь!

— Его доставят.

— А все это время придется обороняться от маколов! — добавил бушмен.

— Будем обороняться!

— Господа, — сказал бушмен, — я в вашем распоряжении и буду делать все, что вы прикажете!

На этих словах преданного охотника и закончилась беседа, от которой зависела судьба научной работы. Ученые, объединенные одной идеей и решившие пожертвовать собой ради науки, вышли из каземата и стали изучать местность, простиравшуюся к северу от озера.

Матвей Струкс указал им пик, на котором он остановил свой выбор. Это был пик горы Валькирии. Он подымался на большую высоту, поэтому, несмотря на дистанцию, мощный электрический фонарь мог быть замечен с помощью зрительной трубы, снабженной увеличительными стеклами. Угол, который Скорцеф образовывал с Валькирией, с одной стороны, и с предыдущим ориентиром — с другой, вполне вероятно, завершит измерение меридиана, ибо пик, должно быть, расположен очень близко от двадцатой параллели. Отсюда понятна вся важность предстоящей операции и то, с какой горячностью астрономы стремились преодолеть все преграды.

Но надо было прежде всего заняться установкой фонаря, а для этого проделать сто миль по неизведанному краю. Михаил Цорн и Вильям Эмери вызвались установить фонарь и получили согласие. «Форелопер» согласился сопровождать их, и они тотчас стали готовиться в путь.

Не собирались ли они воспользоваться самоходной баркой? Нет. Они хотели, чтобы она осталась в распоряжении их коллег, которые, быть может, окажутся перед необходимостью срочно сняться с места, когда закончатся измерения. Чтобы пересечь озеро Нгами, достаточно было построить такую берестяную лодку, легкую и прочную одновременно, какую туземцы изготовляют за несколько часов. Мокум с «форелопером» спустились на берег озера, где росло несколько карликовых берез, и быстро справились с этой задачей.

В восемь часов вечера матросы погрузили в лодку инструменты, электрический фонарь, немного провизии, оружие и боеприпасы. Было условлено, что астрономы встретятся на северном берегу Нгами, у небольшой бухты, которую знали и бушмен и «форелопер». Кроме того, как только фонарь на Валькирии будет замечен и данные сняты, полковник Эверест зажжет огонь на вершине Скорцефа, с тем чтобы Михаил Цорн и Вильям Эмери смогли, в свою очередь, определить его положение. Попрощавшись со своими коллегами, Михаил

Цорн и Вильям Эмери покинули крепость и спустились к лодке. Там их уже ожидали «форелопер» и два матроса — русский и англичанин.

Кругом стояла кромешная тьма. Веревку отвязали, и легкое судно под размеренные удары весел тихо заскользило по темной глади озера.

ГЛАВА XX

Восемь дней на вершине Скорцефа

Астрономы смотрели вслед удалявшимся молодым коллегам, и сердце у них сжималось. Сколько тягот, сколько опасностей, быть может, ожидает этих смелых молодых людей в неведомых краях, по которым им предстояло пройти сто миль! Однако бушмен успокоил своих друзей, расхвалив ловкость и храбрость «форелопера». К тому же вряд ли макололы, слишком занятые осадой Скорцефа, станут наблюдать за берегами озера Нгами. Так или иначе, но Мокум считал — а интуиция не обманывала его никогда, — что в крепости полковник Эверест и его компаньоны подвергаются большей опасности, чем два молодых астронома на северных тропах.

Ночью бушмен и матросы по очереди несли дежурство. Ведь враг совершает свои вылазки всегда под покровом темноты, не составляют исключения и туземцы. Но «эти рептилии» (как их презрительно называл охотник) в продолжение всей ночи так и не рискнули подняться по склонам Скорцефа. Быть может, они ждали подкреплений, с тем чтобы атаковать гору со всех сторон и победить числом в борьбе с хорошо вооруженными осажденными?

Охотник не ошибся в своих предположениях, и, когда наступил день, полковник Эверест воочию убедился в заметном увеличении числа макололов. Их лагерь окружал подошву Скорцефа и делал всякое бегство через долину невозможным. К счастью, воды Нгами их не интересовали, и возможность отступления через озеро по-прежнему оставалась реальной. Но вопроса о бегстве не стояло. Европейцы занимали пост науки, который не собирались покидать. Теперь не было и следа личной вражды, которая некогда разделяла полковника Эвереста и Матвея Струкса. Они не вспоминали даже и о войне между их странами. Оба ученых шли к одной цели, оба хотели добиться результата, одинаково полезного обеим нациям, и выполнить свой научный долг.

Ожидая, когда на вершине Валькирии загорится огонь, астрономы занялись окончательными измерениями предыду-

шего треугольника. Эта операция, заключающаяся в визировании двух последних ориентиров англичан, прошла без всяких затруднений, и результат ее был записан Николаем Паландером. Закончив эту работу, они договорились, что теперь приступят к ночным наблюдениям звезд, с тем чтобы определить как можно точнее широту Скорцефа. Но еще оставался очень важный вопрос, который можно было решить только с помощью Мокума. В какой минимальный срок Михаил Цорн и Вильям Эмери смогут дойти до цепи гор, простиравшейся на севере от Нгами до ее главного пика, выбранного в качестве точки отсчета для последнего треугольника сети? Мокум ответил, что никак не менее чем в пять дней. Действительно, гору Валькирии отделяло от Скорцефа расстояние более чем в сто миль. Маленький отряд «форелопера» двигался пешком, и, учитывая трудности, которые могли встретиться в районе, часто пересекаемом речками, пять дней — это был даже слишком короткий срок.

Тогда было условлено о максимальном сроке в шесть дней, и, исходя из этого, установили распределение съестных припасов. Оказалось, что всей провизии хватало лишь на то, чтобы обеспечить каждому обычную порцию в течение двух дней. Она состояла из нескольких фунтов сухарей, консервированного мяса и «пеммикана». Полковник Эверест, с согласия своих коллег, решил, что дневной рацион будет уменьшен втрое. Только так съестных припасов могло хватить на шесть дней, пока на горизонте не появится столь нетерпеливо ожидаемый свет. Четверым европейцам, шестерым матросам и бушмену (всего одиннадцать человек) наверняка придется страдать от недостатка пищи, но они были выше таких страданий.

— Впрочем, ведь охотиться не запрещено! — сказал сэр Джон Муррэй бушмену.

Бушмен с сомнением покачал головой. Для него было бы удивительно, если бы на этой изолированной горе попалась какая-нибудь дичь. Но разве это причина, чтобы совсем не браться за ружье? И, сделав замеры, сэр Джон, пока его коллеги занимались сведением полученных измерений в оба регистра Николая Паландера, вместе с Мокумом покинул ограждение крепости, чтобы произвести обстоятельную разведку на горе Скорцеф. Тем временем макололы, спокойно стоявшие лагерем у ее основания, казалось, отнюдь не спешили предпринимать штурм. Возможно, в их намерения входило взять защитников крепости измором.

Итак, осмотр горы Скорцеф дал следующие результаты. Площадка, на которой возвышалась крепость, была не боль-

ше четверти мили в самом широком месте. На земле, покрытой довольно густой травой попеременно с валунами, там и сям росли низкие кусты, состоявшие частью из гладиолусов. Красный вереск, протеи с серебристыми листьями, эрисеи с длинными фестонами составляли флору этой горы. На выступах лепились колючие кустарники высотой десять футов, с кистями белых цветов, пахнувших, как цветки жасмина, названия которых бушмен не знал¹. Что касается фауны, то после целого часа наблюдений, сэру Джону мало что удалось увидеть. Однако несколько птичек с темным оперением и красным клювом вылетели откуда-то из кустов, и, разумеется, при первом же выстреле эта стая пернатых исчезла бы, чтобы больше не появиться. Таким образом, рассчитывать на то, что гарнизон удастся прокормить охотой, не приходилось.

— Можно попробовать половить рыбу в озере, — сказал сэр Джон, остановившись над северным склоном Скорцефа и созерцая великолепные просторы Нгами.

— Ловить рыбу без сетей и удочки, — ответил бушмен, — это все равно что стараться поймать птиц на лету. Но не будем отчаиваться. Ваша милость знает, что до сих пор нам уже не раз помогал случай, и я думаю, что он поможет и еще.

— Случай! — повторил сэр Джон Муррэй. — Если Бог захочет нам его послать, тогда случай — лучший благодетель рода человеческого, какой я только знаю! Нет более верного агента, более изобретательного мажордома! Он подоспел к нам в виде наших русских друзей, он привел их к нам именно тогда, когда мы того хотели, и он поведет нас незаметно к той цели, какую мы хотим достичь!

— И он накормит нас? — спросил бушмен.

— Наверняка накормит, друг Мокум, — ответил сэр Джон, — и, сделав это, он лишь исполнит свой долг!

Слова «его милости» были, конечно, убедительны. Тем не менее бушмен сказал себе, что случай — это такой слуга, который требует некоторого содействия со стороны хозяев, и он пообещал себе поспособствовать ему при надобности.

День двадцать пятого февраля не внес никаких изменений в положение как осаждающих, так и осажденных. Макололы оставались в своем лагере. Их стада волов и овец паслись на землях вокруг Скорцефа. Благодаря подпочвенным водам они оставались годными для пастбищ. Разграбленные повозки туземцы завезли в лагерь. Несколько женщин и де-

---

¹ Эти кустарниковые, плодами которых являются ягоды, очень похожие на барбарис, должны принадлежать к разновидности «*Ardunia bispinosa*» — своеобразные деревца, которым готтентоты дали название «нум-нум». (Примеч. авт.)

тей занимались обычными хозяйственными делами. Время от времени какой-нибудь вождь, которого легко было узнать по пышности его одежд, поднимался на косогор, стараясь рассмотреть удобные тропки, что привели бы прямо к вершине. Но пуля, выпущенная из нарезного ствола карабина, быстро возвращала его обратно в долину. На выстрел макололы отвечали воинственными криками, они выпускали несколько никому не опасных стрел, потрясали своими луками, и все опять успокаивалось.

На следующий день туземцы в количестве примерно пятидесяти человек стали карабкаться на гору сразу с трех сторон. Весь «гарнизон крепости» вышел наружу, к подножию стены. Европейское оружие, быстрозарядное и скорострельное, произвело опустошения в рядах макололов, и те скоро оставили попытку напасть на чужаков. Но тем снова пришлось подумать, что с ними будет, когда не десятки, а сотни макололов кинутся на штурм горы? Тут у сэра Джона Муррэя возникла мысль установить перед крепостью митральезу, сняв ее с самоходной барки. Но вся трудность состояла в том, чтобы втащить это тяжелое орудие по отвесно торчащим выступам, карабкаться по которым и налегке было не так просто. Матросам судна «Королева и Царь» пришлось проявить немало ловкости, проворства и отваги, но уже днем двадцать шестого февраля грозная митральеза была установлена в амбразуре зубчатой стены. Оттуда теперь в направлении лагеря макололов смотрели все ее двадцать пять стволов, расположенных веером. Туземцам предстояло скоро познакомиться с этим орудием смерти, которое цивилизованные нации двадцать пять лет спустя возьмут на вооружение.

Во время своего вынужденного бездействия на вершине Скорцефа астрономы каждую ночь вычисляли высоту звезд. Очень ясное небо, очень сухая атмосфера позволили им сделать превосходные наблюдения. Измерив широту Скорцефа, они получили цифру $19^{\circ}37'18,265''$ — величину с точностью до тысячных долей секунды, то есть почти до метра. Большей точности нельзя было добиться. Этот результат утвердил их в мысли, что они находятся, по крайней мере, в полуградусе от северной точки своей дуги, и, следовательно, их треугольник, который они стремились упереть в вершину пика Валькирии, завершит собою тригонометрическую сеть.

Следующий день, двадцать седьмого февраля показался очень долгим маленькому гарнизону. Если обстоятельства благоприятствовали «форелоперу», отправившемуся в путь пять дней назад, то он со своими спутниками уже мог прибыть на место сегодня. Значит, в эту ночь следовало наблю-

дать за горизонтом особенно тщательно, ибо там, на севере, мог появиться свет фонаря. Полковник Эверест и Матвей Струкс уже навели свой объектив таким образом, чтобы пик вошел в рамку объектива. Теперь если на вершине Валькирии появится свет, то его тотчас заметят и без промедления произведут нужный замер.

В течение этого дня сэр Джон тщетно прочесывал кустарники и высокие травы. Он не спугнул ни одного мало-мальски съедобного животного. Даже птицы, потревоженные в своем укрытии, улетели искать себе в прибрежной чаще более надежное убежище. Почтенный охотник досадовал, ибо сейчас он охотился не ради своего удовольствия, а трудился *pro domo sua*, если только это латинское выражение можно употребить применительно к желудку англичанина. Наделенный завидным аппетитом, сэр Джон, которого не могла удовлетворить третья часть рациона, поистине страдал от голода. Его коллеги легче переносили воздержание — то ли потому, что их желудки были менее требовательны, то ли потому, что, по примеру Николая Паландера, они могли заменить традиционный бифштекс одним-двумя уравнениями второй степени. Что касается матросов и бушмена, то все они голодали точно так же, как почтенный сэр Джон. Кстати, крошечный резерв продовольствия подходил к концу. Еще один день — и все припасы истощатся, и, если экспедиция «форелопера» задержалась в пути, гарнизон форта неизбежно окажется в отчаянном положении.

Ночь с двадцать седьмого на двадцать восьмое февраля прошла в наблюдениях. Темнота, спокойствие и прозрачность воздуха особенно благоприятствовали астрономам. Но горизонт оставался погруженным в глубокую тьму. Никакого признака света. Матвей Струкс и полковник Эверест, сменяя друг друга, тщетно вглядывались в окуляр подзорной трубы. Тем не менее прошел еще только минимальный срок, отпущенный экспедиции Михаила Цорна и Вильяма Эмери. Их коллегам ничего не оставалось, как вооружиться терпением и ждать.

Днем двадцать восьмого февраля маленький гарнизон Скорцефа съел последний кусок мяса и сухари. Но надежда в сердцах отважных ученых не ослабевала, и, даже если им придется питаться только травой, они решили не покидать этого места, пока не завершат работу.

Наступила ночь. Вновь астрономы вооружились подзорной трубой. Один или два раза им казалось, что они видят свет фонаря, но скоро убеждались, что этим светом была подернутая дымкой звезда на горизонте.

Первого марта есть уже стало нечего. Вероятно, привыкнув в последние дни к малому количеству пищи, члены экспедиции легче перенесли ее абсолютное отсутствие, чем сами предполагали, но, если Провидение не придет им на помощь, завтрашний день обещает жестокую пытку.

И Провидение не оставило их. Второго марта сэр Джон и Мокум, мучимые голодом, с блуждающими глазами бродили по вершине Скорцефа. Страшный голод терзал им внутренности. Не дойдут ли они до того, что начнут есть траву, которую топчут ногами, как об этом говорил полковник Эверест?!

— Вот если бы у нас были желудки жвачных животных! — повторял бедный сэр Джон. — Каким бы подспорьем стало для нас это пастбище! А то ведь никакого зверья, никакой птицы!

Говоря это, сэр Джон обращал взоры к огромному озеру, которое расстилалось под ним. Там матросы «Королевы и Царя» пытались поймать какую-нибудь рыбу, но тщетно, а водоплавающие птицы, летавшие стаями над поверхностью его спокойных вод, никого не подпускали к себе близко.

Тем временем сэр Джон и его спутник, которых ходьба вскоре чрезвычайно утомила, прилегли на траве, у подножия земляного пригорка высотой в пять-шесть футов. Тяжелый сон, скорее — забытие, затуманил им мозг, глаза непроизвольно закрылись. Понемногу они впали в состояние какого-то оцепенения. Пустота, которую они ощущали внутри, мучила их. А оцепенение могло на какое-то мгновение прекратить испытываемые муки, и они поддались ему. Сколько времени длилось это сонное состояние, ни бушмен, ни сэр Джон сказать не могли, но час спустя сэр Джон почувствовал, что его разбудили какие-то неприятные покалывания. Он встряхнулся, постарался снова заснуть, но покалывания продолжались, и, потеряв терпение, он открыл глаза.

По его одежде бегали полчища белых муравьев. Ими были покрыты все лицо и руки. Нашествие насекомых заставило его вскочить, словно внутри у него развернулась пружина. От этого резкого движения проснулся бушмен, лежавший с ним рядом. Мокум тоже был весь покрыт белыми муравьями. Но, к величайшему удивлению сэра Джона, Мокум, вместо того чтобы прогнать насекомых, стал брать их горстями, подносить ко рту и с жадностью есть.

— Тьфу! Какая гадость, Мокум! — произнес сэр Джон с отвращением.

— Ешьте! Ешьте! Делайте как я! — ответил охотник, не переставая жевать. — Ешьте! Это бушменский рис!..

Мокум действительно назвал насекомых так, как их называют туземцы. Бушмены охотно питаются этими муравьями,

их существует два вида — белые муравьи и черные муравьи. Белые муравьи, по их мнению, более лакомое блюдо, в котором, правда, есть один недостаток: их надо съесть очень много. А потому африканцы обычно смешивают белых муравьев с соком мимозы. Но мимозы на вершине Скорцефа не было, и Мокум удовольствовался тем, что ел свой рис «в натуральном виде».

Сэр Джон, понукаемый голодом, который от вида жующего бушмена еще больше усилился, преодолев отвращение, решил последовать его примеру. Муравьи миллиардами выползали из своего огромного муравейника, чем и являлся на самом деле тот пригорок, у которого прикорнули двое спящих. Сэр Джон взял их целую пригоршню и поднес к губам. В самом деле, эта масса ему понравилась. Он нашел, что у муравьев очень приятный кисловатый вкус, и почувствовал, как боль в желудке стала понемногу стихать.

Между тем Мокум не забыл и о своих товарищах по несчастью. Он сбежал в крепость и привел сюда весь гарнизон. Матросы без всяких колебаний набросились на эту странную пищу. Пожалуй, Матвей Струкс и Паландер сомневались какое-то мгновение, но пример сэра Джона Муррэя подействовал на них, и бедные ученые, полуживые от недоедания, по крайней мере, перехитрили голод, поглотив огромное количество белых муравьев. И тут произошло нечто неожиданное.

Чтобы запастись впрок вкусными насекомыми, Мокум возымел идею разрушить одну сторону гигантского муравейника, который представлял собою пригорок конической формы с несколькими конусами меньшего размера по бокам, расположенными вокруг основного. Вооружившись топором, охотник уже нанес несколько ударов по большому сооружению, как вдруг странный звук привлек его внимание. Похоже было, что внутри муравейника кто-то ворчит. Бушмен прервал свою разрушительную работу и прислушался. Его компаньоны смотрели на него, не произнося ни слова. Он сделал несколько новых ударов топором. Послышалось более отчетливое ворчанье.

Бушмен стал молча потирать руки, глаза его заблестели. Топор снова обрушился на стенку и проделал в ней широкую, примерно с фут, дыру. Со всех сторон ее хлынули муравьи, но охотник не обращал на них внимания, предоставив матросам заниматься их сбором.

Вдруг в образовавшемся проеме появилось странное существо. Это было четвероногое животное с длинной мордой, маленьким ртом, вытягивающимся из него языком, прямыми ушами, длинным заостренным хвостом. Серая с красноватым

оттенком шерсть покрывала его слегка приплюснутое тело, а короткие лапы имели устрашающий вид благодаря огромным когтям.

Короткого удара топором по морде было достаточно, чтобы уложить необычное животное.

— Вот наше жаркое, господа,— сказал бушмен.— Оно заставило себя ждать, но от этого не стало менее вкусным! Разведем огонь, возьмем ружейные штыки в качестве вертела и пообедаем так, как мы никогда еще не обедали!

Бушмен не слишком преувеличивал. Животное, которое он быстро и проворно разделал, был муравьед-ориктероп, разновидность большого муравьеда, которого голландцы знают также под названием «земляная свинья». Он очень часто встречается в Южной Африке, и муравейники не знают злейшего врага. «Мирмекофаг» уничтожает полчища этих насекомых, а когда не может протиснуться в их узкие галереи, выуживает их оттуда, просовывая свой гибкий и липкий язык и втягивая его, густо облепленный муравьями, обратно в рот.

Вскоре подоспело жаркое. Ему не хватило, быть может, еще нескольких поворотов вертела, но изголодавшиеся люди были так нетерпеливы! Половину животного съели сразу, и его мясо, жесткое и целебное, было объявлено превосходным, хотя оно и отдавало муравьиной кислотой. Какая еда! И сколько дала она энергии и надежд этим отважным европейцам!

А ведь им сейчас так надо было, чтобы душу согревала надежда, ибо и в следующую ночь на темном пике Валькирии так и не появилось никакого света.

ГЛАВА XXI

*Fiat lux!*¹

«Форелопер» и его маленький отряд ушли из крепости уже девять дней назад. Какие препятствия задержали их в пути? Люди или животные встали перед ними непреодолимой преградой? Что могло случиться с Михаилом Цорном и Вильямом Эмери? Уж не потеряны ли они безвозвратно для своих друзей?

Вполне понятны опасения, страхи и те переходы состояния от надежды к отчаянию, которые испытывали астрономы, запертые в скорцефской крепости. Их коллеги, их товарищи ушли уже девять дней назад! А через шесть, самое

---

¹ Да будет свет!

большое — семь дней, они должны были дойти до цели. Если через девять дней после их отправления все еще не загорелся фонарь на вершине Валькирии — значит, они погибли или попали в плен к кочевым племенам!

Такими печальными были мысли и скорбными — предположения, возникавшие в умах полковника Эвереста и его коллег. С каким нетерпением ждали они, когда солнце наконец скроется за горизонтом, чтобы начать свои ночные наблюдения! С каким тщанием они делали это! Все их надежды сосредоточились теперь в этом окуляре трубы, который должен был уловить далекий свет! Вся жизнь их зависела от этого маленького объектива! В продолжение всего дня третьего марта, бродя по склонам Скорцефа, едва обмениваясь несколькими словами, поглощенные только одной мыслью, они страдали так, как не страдали еще никогда! Нет, ни знойная жара пустыни, ни тяготы дневного перехода под палящими лучами тропического солнца, ни муки жажды не были столь гнетущими!

В течение дня они съели последние куски муравьеда, и весь гарнизон крепости перешел на пропитание, добываемое в муравейниках.

Пришла ночь, безлунная, тихая и ясная ночь, исключительно благоприятная для наблюдений... Но никакого света на остроконечной Валькирии не появилось. Вплоть до первых утренних лучей полковник Эверест и Матвей Струкс, сменяя друг друга, вели наблюдение за горизонтом с завидным старанием. Но ничего, совсем ничего не появилось на нем, и солнечный свет вскоре сделал всякое наблюдение невозможным!

Между тем макололы, казалось, решили ждать, когда голод вынудит осажденных к сдаче. И у них были на то основания. Четвертого марта голод снова стал мучить пленников Скорцефа, и несчастные европейцы, чтобы хоть немного уменьшить эти мучения, жевали луковичные корни тех самых гладиолусов, что росли среди выступов на склонах горы.

Пленников? Отнюдь нет! Полковник Эверест и его коллеги не являлись таковыми! Самоходная барка, по-прежнему стоявшая на якоре в маленькой бухте, могла перевезти их по водам Нгами к плодородным местам, где не было недостатка ни в дичи, ни в плодах, ни в овощных культурах! Несколько раз поднимался вопрос, не следует ли отправить бушмена на северное побережье, чтобы он поохотился там для гарнизона. Но это значило бы рисковать судном и, следовательно, их спасением, если макололы атакуют барку. Поэтому это предложение всякий раз отклонялось. Все должны были либо вместе уйти, либо вместе остаться. Что касалось того, чтобы по-

кинуть Скорцеф раньше завершения геодезической операции, то об этом даже не было и речи. Следовало ждать, пока все шансы на успех не будут исчерпаны. Речь шла о терпении. А оно у всех было!

— Когда Араго, Био и Родригес,— сказал в тот день полковник Эверест собравшимся вокруг него товарищам,— решили продолжить меридиан от Дюнкерка до острова Ивица, ученые оказались в ситуации, почти подобной нашей. Речь шла о том, чтобы связать остров с побережьем Испании треугольником, стороны которого длиной превышали сто двадцать миль. Астроном Родригес должен был обосноваться в горах на этом острове и держать там зажженными лампы, тогда как французские ученые жили в палатке за сотню миль оттуда, в пустыне Лас-Пальмас. В течение шестидесяти ночей Араго и Био караулили свет фонаря, направление которого хотели определить. Обескураженные, они уже собирались отказаться от наблюдений, когда на шестьдесят первую ночь светящаяся точка, которую только ее неподвижность не позволяла спутать с какой-нибудь звездой шестой величины, появилась в поле зрения их трубы. Шестдесят одна ночь ожидания! Что ж, господа, разве англичане и русские не смогут сделать того же, что сделали ради высших интересов науки французские астрономы?

Утвердительное «ура!» было общим ответом ученых. Хотя они могли бы заметить полковнику Эвересту, что ни Био, ни Араго на своей долгой стоянке в пустыне Лас-Пальмас не испытывали таких мук голода.

Днем в лагере маколов у подножия Скорцефа возникло большое оживление. Они сновали туда и обратно, что не могло не встревожить бушмена. Уж не собираются ли туземцы этой ночью попробовать предпринять новый штурм горы, или просто готовятся сняться со стоянки? Внимательно понаблюдав за ними, Мокум сумел заметить в их поведении враждебные намерения. Макололы готовили оружие к бою, женщины и дети, покинув лагерь, двинулись под началом нескольких проводников на восток, поближе к побережью Нгами. Так что было не исключено, что осаждавшие захотели в последний раз попытаться захватить крепость, прежде чем навсегда уйти в сторону Макето, их главного селения.

Бушмен сообщил европейцам о результатах своих наблюдений. Полковник Эверест отдал распоряжение ночью нести более бдительную охрану и привести все оружие в состояние боевой готовности. Число осаждавших могло быть очень значительным. Ничто не мешало им кинуться на склоны Скорцефа целыми сотнями. Стена крепости, разрушенная в несколь-

ких местах, вполне давала возможность прохода какой-нибудь группе туземцев. Поэтому один из матросов — механик экипажа «Королевы и Царя» — получил приказ разогреть на барке котел и развести пары на тот случай, если бегство станет неизбежным. Этот приказ следовало исполнить после захода солнца, чтобы туземцы не обнаружили на озере судна.

Вечерняя трапеза состояла из белых муравьев и корней гладиолусов. Скучная пища для людей, которым, возможно, предстояло сражаться! Но они были полны решимости и без страха ожидали рокового часа.

В шесть часов вечера, когда на землю сразу, как это бывает в тропиках, опустилась ночь, механик по отвесному склону Скорцефа пробрался к судну и занялся топкой. Само собой разумеется, полковник Эверест не исключал возможности бегства лишь в самом крайнем случае, ему претила мысль покинуть свой наблюдательный пост, особенно ночью, ибо в любую секунду на вершине Валькирии мог зажечься фонарь Вильяма Эмери и Михаила Цорна.

Матросов расставили у подножия крепостной стены с приказом любой ценой защищать проломы в ней. Митральеза, заряженная и снабженная большим количеством патронов, высунула свои грозные стволы в амбразуру.

Прождали несколько часов. Полковник Эверест и русский астроном, стоя в узкой башне, постоянно следили за вершиной пика, на которую была наведена подзорная труба. Горизонт оставался довольно темным, в то время как в зените уже блистали изумительные созвездия южного неба. Ни один самый легкий порыв ветра не тревожил атмосферы. Эта глубокая тишина в природе казалась величественной.

Тем временем бушмен, стоя на выступе скалы, прислушивался к звукам, поднимавшимся с равнины. Понемногу звуки эти стали отчетливее. Мокум не ошибся в своих предположениях: макололы готовились к последнему штурму Скорцефа.

До десяти часов туземцы не двигались с места. Они потушили все огни, и лагерь погрузился в темноту. Внезапно бушмен заметил тени, двигавшиеся на склоне горы. Наступавшие были уже в ста шагах от плато, на котором стояла крепость.

— Тревога! Тревога! — крикнул Мокум.

Маленький гарнизон немедленно высыпал наружу и открыл плотную стрельбу по штурмующим. Макололы ответили на это воинственным кличем и, несмотря на непрерывную пальбу, не прекратили восхождение. При свете ружейных вспышек можно было увидеть туземцев, явившихся в таком количестве, что всякое сопротивление казалось невозможным. Однако пули, из которых ни одна не пропала даром,

проделывали в этой массе большие бреши. Макололы падали гроздьями, скатывавшимися одна за другой обратно к подножию горы. В короткие промежутки между выстрелами осажденные могли слышать крики раненых. Но их ничто не останавливало. Макололы по-прежнему поднимались тесными рядами, не выпустив ни одной стрелы (чтобы не тратить на это время), желая во что бы то ни стало добраться до вершины Скорцефа.

Полковник командовал боем. Его коллеги, вооруженные, как и он, храбро сражались, не исключая и Паландера, который наверняка в первый раз держал в руке ружье. Сэр Джон то с одной скалы, то с другой, тут стреляя с колена, там — лежа, вытворял чудеса, и его карабин, раскалившись от частой стрельбы, уже обжигал ему руки. Что до бушмена, то в этой кровавой битве он превратился в терпеливого, отважного, уверенного в себе охотника, каким его и знали.

Однако ни восхитительная стойкость осаждаемых, ни верность их стрельбы — ничто не могло остановить стремительного потока, который накатывался на них. Одного убитого туземца заменяли двадцать других, а это было слишком много для двенадцати европейцев! После получасовой борьбы полковник Эверест понял, что сейчас его захлестнет.

Действительно, не только на южном склоне Скорцефа, но и на прилегающих склонах волна осаждавших все время нарастала. Трупы одних устилали дорогу другим. Некоторые туземцы делали себе из мертвых щиты и поднимались наверх, укрываясь за их телами. Все это при коротких и редких вспышках выстрелов выглядело зловеще и устрашающе. Нападением диких зверей был штурм этих грабителей, жаждущих крови, они были хуже, чем дикие животные африканской фауны! Они вполне стоили тигров, которых как раз не хватает на этом континенте!

В половине одиннадцатого первые туземцы достигли площадки на вершине Скорцефа. Осаждаемые не могли сражаться с ними врукопашную, то есть в условиях, когда им не могло служить оружие. Таким образом, срочно надо было искать убежища за крепостной стеной. К счастью, маленький отряд был целым и невредимым, потому что макололы не пустили еще ни одной стрелы.

— Всем отойти! — крикнул полковник громким голосом, перекрывшим шум сражения.

И, сделав последние выстрелы, осажденные, следуя за своим начальником, укрывшись за стенами крепости.

Это отступление было встречено ликующими криками ту-

земцев. Они тут же столпились перед центральной брешью, намереваясь вскарабкаться здесь наверх.

Но тут внезапно раздался страшный грохот, какой-то жуткий треск, какой бывает при электрическом разряде в атмосфере. Это заговорила митральеза, которой управлял сэр Джон. Ее двадцать пять стволов, расположенных веером, поливали свинцом сектор более чем в сто футов на поверхности площадки, которую заплотнили туземцы. Пули, непрерывно подаваемые автоматическим механизмом, падали на осаждавших градом. В ответ на выстрелы этого ужасного орудия сначала раздались крики, но они тут же стихли, и тогда тучей полетели стрелы, которые не причинили и не могли причинить никакого вреда осажженным.

— Она в порядке, ваша крошка! — сдержанно сказал бушмен, подойдя к сэру Джону. — Когда вы только устанете сотрясать воздух?

Но митральеза уже молчала. Макололы, пытаясь укрыться от этого града пуль, исчезли. Они сгрудились на флангах форта, оставив площадку сплошь усеянной своими покойниками.

Что же делали в эту минуту передышки полковник Эверест и Матвей Струкс? Они вернулись на свой наблюдательный пост в башне, и там, прильнув глазом к трубе угломера, высматривали во тьме пик Валькирии. Ни крики, ни опасность не могли взволновать их! Со спокойной душой, с ясным взглядом, великолепные в своем самообладании, они смотрели, они наблюдали с такой тщательностью, словно находились под куполом обсерватории, и, когда завывания макололов дали им знать, что сражение возобновилось, ученые договорились по очереди дежурить возле драгоценного инструмента, после чего полковник Эверест вернулся на линию огня.

Действительно, борьба возобновилась. Митральезы уже было недостаточно, чтобы отразить врага, толпы макололов появились у всех брешей с леденящими душу криками. Около получаса шел бой перед отверстиями в стене. Осажденные, будучи под защитой своего огнестрельного оружия, получили лишь несколько царапин от наконечников копий. Ожесточение с той и другой стороны не убывало, а гнев возрастал, когда дело доходило до рукопашной.

Тогда-то, примерно в половине двенадцатого, в самой гуще схватки, посреди грохота перестрелки около полковника Эвереста появился Матвей Струкс. Его взгляд был одновременно и сияющим и растерянным. Одна стрела только что воткнулась ему в шляпу и еще подрагивала над головой.

— Фонарь! Фонарь! — повторял он.

— Неужели? — воскликнул полковник Эверест, щелкая затвором ружья.

— Да! Фонарь!

— Вы его увидели?

— Да!

При этих словах полковник, в последний раз разрядив карабин, издал победное «ура!» и кинулся к башне, сопровождаемый своим бесстрашным коллегой.

Там полковник нагнулся к подзорной трубе и, сдерживая биение сердца, стал смотреть. О, в этот момент перед его глазами прошла вся его жизнь! Да! Фонарь был на месте, поблескивая в сетке делений объектива! Да! На вершине Валькирии горел свет! Да! Последний треугольник наконец-то нашел свою точку опоры!

Поистине великолепное зрелище представляли собой два ученых, производивших наблюдения в самый разгар схватки. Туземцы, число которых было слишком велико, напирали на стену. Сэр Джон и бушмен оспаривали у них каждый фут земли. На пули европейцев отвечали стрелы маколов, на удары копий — удары топора. И, однако, один за другим полковник Эверест и Матвей Струкс, склоняясь над прибором, беспрестанно производили измерения! Они повторяли и повторяли повороты круга, чтобы проверить ошибки в прочтении данных, а бесстрашный Николай Паландер отмечал в своем реестре результаты их наблюдений! Не раз над их головами пролетали стрелы, но они продолжали визировать фонарь на Валькирии, а потом с помощью лупы уточняли показания верньера, и один неумоимо проверял результаты, полученные другим!

— Еще одно измерение, — говорил Матвей Струкс, поворачивая трубу по разделенному на градусы лимбу.

Наконец огромный камень, брошенный рукой туземца, выбил реестр из рук Паландера и, опрокинув угломер, разбил его.

Но измерения уже были закончены! Направление фонаря было вычислено с точностью до тысячных долей секунды!

Теперь оставалось бежать, чтобы спасти результаты этой великолепной, героической работы. Туземцы уже проникли в каземат и с минуты на минуту могли появиться в башне. Взяв свое оружие, полковник Эверест и два его коллеги вместе с Паландером, подобравшим свой драгоценный реестр, выскочили через один из проломов. Их товарищи снаружи — некоторые из них были легко ранены — приготовились прикрывать отступление.

Но в тот момент, когда астрономы уже начали спускаться по северному склону Скорцефа, Матвей Струкс воскликнул:

— А наш сигнал!

Действительно, на фонарь, зажженный их двумя молодыми коллегами они забыли ответить световым сигналом. Для завершения геодезической операции Вильяму Эмери и Михаилу Цорну в свою очередь следовало завизировать вершину Скорцефа, и конечно же там, на пике, они сейчас с нетерпением ожидали, что этот огонь появится.

— Еще одно усилие! — воскликнул полковник Эверест.

И в то время как его соратники с нечеловеческой энергией теснили ряды макололов, он вернулся в башню.

Башня эта была срублена из сухих бревен. Одной искры было достаточно, чтобы она загорелась. Полковник поджег ее с помощью кремня. Дерево тотчас затрещало, и полковник, бросившись наружу, догнал своих товарищей.

Несколько минут спустя, под градом стрел и под дождем человеческих тел, кидавшихся вниз со Скорцефа, европейцы спускались по уступам, толкая перед собой митральезу, которую ни за что не хотели оставить. В последний раз отбив атаку туземцев огнем этого орудия, они добрались до барки.

Механик держал ее под парами. Канат перерубили, винт пришел в движение, и судно «Королева и Царь» быстро двинулось вперед по темной глади озера.

Когда барка удалилась далеко от берега, ее пассажиры увидели вершину Скорцефа. Охваченная пламенем башня горела, как факел, и ее яркий свет, конечно, уже увидели на пике Валькирии.

Громкое «ура!» англичан и русских встретило этот гигантский фонарь, свет которого заставил далеко отступить ночную тьму.

Вильям Эмери и Михаил Цорн не могли жаловаться!

В ответ на их звездочку им показали целое солнце.

ГЛАВА XXII,

в которой Николай Паландер выходит из себя

Когда наступило утро, барка причалила к северному побережью озера. Полковник Эверест и его спутники, готовившиеся к тому, что придется стрелять, разрядили свои карабины, и судно «Королева и Царь» встало на якорь в небольшой бухточке между двух скал.

Бушмен, сэр Джон Муррэй и один из матросов отправились обследовать окрестности. Местность оказалась безлюд-

на. Ни одного следа макололов. Но, к большой радости для изголодавшегося отряда, дичи водилось предостаточно. В высокой траве лугов и под тенью древесных зарослей паслись стада антилоп. Кроме того, на берегах Нгами обитало множество водоплавающей птицы семейства утиных. Охотники возвратились с большой добычей. Англо-русская экспедиция смогла подкрепиться вкусным мясом, в котором у них теперь не было недостатка.

В то утро пятого марта вблизи озера Нгами, на берегу небольшой речки, под высокими ивами астрономы разбили лагерь. Местом встречи, условленным с «форелопером», как раз и было северное побережье озера, прорезанное в этом месте маленькой бухтой. Итак, им выпало несколько дней вынужденного отдыха, на что никто и не думал жаловаться — после столь большого напряжения сил. Николай Паландер воспользовался этим, чтобы вычислить результаты последних тригонометрических операций. Мокум и сэр Джон получили разрядку, охотясь как одержимые в этом богатом дичью краю, плодородном и изобилующем водою, который почтенный англичанин охотно приобрел бы для британского правительства.

Через три дня, восьмого марта, выстрелы возвестили о прибытии отряда «форелопера». Вильям Эмери и Михаил Цорн, два матроса и бушмен возвратились живыми и невредимыми. Они в целости доставили свой теодолит — единственный инструмент, который остался теперь в распоряжении англо-русской комиссии.

Как были встречены молодые ученые и их спутники, не поддается описанию. Наконец от них потребовали рассказа о путешествии на пик Валькирии. И вот что услышали в ответ.

Два дня они проплутали в огромном лесу, раскинувшемся в предгорье. Не имея никакого ориентира, идя по компасу, дававшему довольно приблизительные показания, они никогда не достигли бы горы Валькирии, если бы не сметливость их проводника. «Форелопер» везде и всюду проявлял себя как умный и преданный человек. Восхождение на пик было тяжелым. Все это стало причиной опоздания. Наконец они смогли добраться до вершины Валькирии. Электрический фонарь они установили днем четвертого марта, и в ночь с четвертого на пятое марта его свет, увеличенный мощным отражателем, впервые загорелся на вершине горы. Таким образом, наблюдатели на Скорцефе заметили его почти сразу, как только он появился. Когда же на вершине Скорцефа загорелся огонь, они легко его обнаружили и определили его направление с помощью теодолита. Так закончили измерение треугольника, вершина которого опиралась на пик Валькирии.

— А широта этого пика, — спросил полковник Эверест у Вильяма Эмери, — вы ее определили?

— И очень точно, полковник, благодаря удачным наблюдениям звезд, — ответил молодой астроном.

— Итак, этот пик находится?..

— На широте девятнадцать градусов тридцать семь минут тридцать пять целых триста тридцать семь тысячных секунды — с точностью до трехсот тридцати семи тысячных секунды, — ответил Вильям Эмери.

— Что ж, господа, — снова сказал полковник, — наша цель достигнута. Мы измерили дугу меридиана более чем в восемь градусов с помощью шестидесяти трех треугольников, и когда результаты наших операций будут просчитаны, мы узнаем точную величину градуса и, следовательно, величину метра в этой части земного шара.

— Уррра! Уррра! — закричали англичане и русские, охваченные одинаковым порывом.

— Теперь, — добавил полковник Эверест, — нам лишь остается добраться до Индийского океана, спустившись вниз по течению Замбези. Как вы считаете, господин Струкс?

— Да, полковник, — ответил астроном из Пулкова, — но я думаю, что наши измерения должны подвергнуться математической проверке. Поэтому я предлагаю продолжить на восток тригонометрическую сеть до того момента, пока мы не найдем подходящего места для измерения нового основания непосредственно на земле. Только сравнив величину базиса, полученного путем вычислений, и базиса, полученного путем прямого его измерения, мы узнаем степень точности, на которую могут рассчитывать наши геодезические операции!

Предложение Матвея Струкса было принято без возражений. Необходимость такой проверки никто, конечно, не мог оспаривать, и было решено, что, пока ученые будут строить цепь вспомогательных треугольников, чтобы в удобном месте наконец измерить базис с помощью базисных линеек, самоходная барка начнет спускаться по притокам Замбези. Затем, ниже знаменитых водопадов Виктории, она будет ждать астрономов.

Шестого марта с восходом солнца маленький отряд, направляемый бушменом, отправился в путь. В западной стороне ученые выбрали ориентиры, измерили углы и надеялись, что в этом районе, благоприятном для установки визиров, они легко построят вспомогательную сеть треугольников. Бушмен очень ловко поймал «кваггу» — разновидность дикой лошади, с коричневой и белой гривой, с красноватой и полосатой, как у зебры, спиной, и худо-бедно сделал из нее вьючное жи-

вотное, чтобы везти на ней кое-какой багаж каравана, теодолит, линейки и подставки, предназначенные для измерения базиса, которые были спасены от туземцев вместе с баркой.

Путешественники продвигались довольно быстро. Работы не слишком задерживали исследователей. Для дополнительных треугольников, незначительных по площади, в этой волнистой местности легко находились точки опоры. Путешественники могли укрываться от солнца в тени высоких деревьев, возвышавшихся над землей, но температура была вполне переносимой — от ручьев и прудов высоко в воздух поднимались испарения, смягчавшие воздействие солнечных лучей. Более того, охота давала хорошее пропитание маленькому каравану. О макололах не было и речи. Вероятно, разбойничьи их банды бродили гораздо южнее Нгами.

В течение двадцати одного дня, с шестого по двадцать седьмое марта, не произошло ничего достойного упоминания. Искали в первую очередь место, подходящее для установления базиса, но такого в этих краях пока не находилось. Для подобной операции требовалось довольно обширное пространство с ровной поверхностью в несколько миль, а как раз теперь неровности почвы — возвышения, столь полезные для установления визирных реек, — препятствовали непосредственному измерению базиса. Таким образом, отряд все время держал путь на северо-восток, иногда следуя вдоль правого берега Шобэ, одного из главных притоков в верхнем течении Замбези, чтобы обойти стороной Макето — главное селение макололов.

Полковник Эверест и его спутники проходили по относительно освоенной местности и уже приближались к тем селениям Замбези, которые некогда посещал доктор Ливингстон. Итак, они думали, и не без оснований, что самая трудная часть задачи уже выполнена. И можно было бы сказать, что они не ошибались, если бы не одно происшествие, которое чуть не погубило результаты всей их работы. Героем этого приключения (или, как он считал — жертвой) стал Николай Паландер.

Все знали, что этот бесстрашный, но увлекающийся математик, погрузившись в свои цифры, иногда надолго отставал от своих спутников. На равнине эта его привычка не представляла большой опасности. На след отсутствующего товарища быстро выходили. Но в лесистой местности рассеянность Паландера могла иметь очень серьезные последствия. А потому Матвей Струкс и бушмен тысячу раз давали ему советы на сей счет. Николай Паландер обещал придерживаться их, каждый раз очень сильно удивляясь этой излишней

предосторожности. Этот достойный человек сам вовсе не знал о своей рассеянности!

Итак, как раз в этот день, двадцать седьмого марта, Матвей Струкс и бушмен вот уже несколько часов как потеряли из виду Николая Паландера. Отряд шел через заросли, образованные тесно растущими низкими и густыми деревьями, которые чрезвычайно ограничивали видимость до самого горизонта. Как никогда необходимо было держаться компактной группой, ибо чрезвычайно трудно было бы найти следы человека, заблудившегося в этом лесу. Но Николай Паландер, ничего не видя и не предвидя, с карандашом в одной руке, с реестром — в другой, переместился на левый фланг отряда и скоро пропал. Что и говорить о беспокойстве, охватившем Матвея Струкса и его коллег, когда около четырех часов вечера они не обнаружили Николая Паландера. Воспоминание о приключении с крокодилами было еще свежо в их памяти, но рассеянный математик был, вероятно, единственным человеком из всех, кто забыл о нем!

Итак, в отряде царил встревоженный и в движении его вперед возникла заминка — до тех пор, пока Николай Паландер не объявится. Стали звать его. Тщетно. Бушмен с матросами отправились на поиски, и в радиусе четверти мили обыскивали все кусты, прочесали лес, они шарили в высокой траве, стреляли из ружей! Ничего. Николай Паландер не объявился.

Всеобщее беспокойство все больше росло, но надо сказать, что у Матвея Струкса к этому беспокойству добавилось огромное раздражение против своего незадачливого коллеги. Уже во второй раз такое происшествие случается именно с Николаем Паландером: и действительно, если полковник Эверест выступит с упреками, то он, Матвей Струкс, конечно же, ничего не сможет на это ответить. При подобных обстоятельствах не было иного решения, кроме как разбить в лесу лагерь и приступить к более тщательным поискам, дабы найти математика.

Полковник и его спутники остановились возле довольно большой поляны, как вдруг крики — совершенно нечеловеческие крики — раздались в нескольких сотнях шагов слева из леса. И почти сразу появился Николай Паландер. Он мчался со всех ног. Он был без шапки, с всклокоченными волосами, наполовину без одежды, лохмотья которой прикрывали только бедра.

Несчастный добежал до своих товарищей, которые засыпали его вопросами. Но у бедного человека глаза вылезли из орбит, зрачки были расширены, спазмы в носоглотке мешали

его частому и прерывистому дыханию, он не мог говорить. Он пытался было отвечать, но слова застревали у него в горле.

Что же произошло? Почему такая растерянность, почему такой страх, все бесспорные признаки которых Николай Паландер выражал в такой крайней степени? Оставалось только гадать.

Наконец из горла Паландера вырвались почти невнятные слова:

— Реестры! Реестры!

При этих словах астрономы вздрогнули. Они все поняли! Реестры, оба реестра, в которых были записаны результаты всех тригонометрических операций, эти реестры, с которыми математик никогда не расставался, даже во сне, эти реестры пропали! Этих реестров не было при Николае Паландере! Потерял ли он их? Украли ли их у него? Теперь не важно! Реестры утеряны! Все переделывать, все начинать сначала!

В то время как члены экспедиции в ужасе молча смотрели друг на друга, Матвей Струкс дал волю своему гневу! Он не мог сдержаться! Как только он не назвал несчастного, какими только эпитетами его не наградил! Он не побоялся даже пригрозить ему карами со стороны русского правительства, добавив, что если он не умрет под кнутом, то сгниет в Сибири!

На все это Николай Паландер отвечал лишь частыми кивками головы. Он, казалось, хотел сказать, что согласен с любым приговором, сказать, что вполне заслуживает их все, что они даже слишком мягки для него!

— Но если его ограбили! — сказал наконец полковник Эверест.

— Неважно! — воскликнул Матвей Струкс, окончательно выйдя из себя. — Почему этот презренный удалился из отряда? Почему он не остался возле нас, после всех рекомендаций, которые мы ему давали!

— Да, — ответил сэр Джон, — верно, но надо наконец узнать, потерял он реестры или у него их украли. Вас ограбили, господин Паландер? — спросил сэр Джон, обратившись к бедняге, изнемогавшему от усталости. — Вас ограбили?

Николай Паландер сделал утвердительный жест.

— А кто вас ограбил? — снова спросил сэр Джон. — Должно быть, это туземцы, макололы?

Николай Паландер сделал отрицательный жест.

— Европейцы, белые? — добавил сэр Джон.

— Нет, — ответил Николай Паландер сдавленно.

— Но кто же тогда? — воскликнул Матвей Струкс, поднеся сжатые кулаки к лицу несчастного.

— Нет,— произнес Николай Паландер,— не туземцы... не белые... а бабуины!

Воистину, если бы обстоятельства этого происшествия не были столь печальны, полковник и его компаньоны от души рассмеялись бы в ответ на такое признание! Николай Паландер был ограблен обезьянами!

Бушмен поведал своим спутникам, что такое случается часто. Неоднократно, на его памяти, эти самые «шакмас» — павианы со свиноподобными головами, принадлежащие к роду бабуинов, многочисленные стада которых встречаются в лесах Африки, нахально обирали путешественников. Математик дал обокрасть себя этим разбойникам не без борьбы, о чем свидетельствовала его, вся в клочьях, одежда. Но это никоим образом его не оправдывало. Такого бы не случилось, если бы он оставался со всеми, а теперь реестры научной комиссии утрачены, и это — невосполнимая утрата, сделавшая напрасными столько перенесенных опасностей, столько страданий и столько жертв!

— Фактически,— сказал полковник Эверест,— не стоило измерять дугу меридиана в дебрях Африки, чтобы какой-то растяпа...

Он не закончил фразы. Зачем казнить несчастного, который уже и так казнит сам себя и которого вспыльчивый Струкс не переставал награждать самыми нелестными эпитетами!

Однако надо было действовать, и бушмен стал действовать. Он один из всех (поскольку потеря не касалась его непосредственно) сохранил самообладание. Ведь надо признать, что европейцы, все без исключения, были убиты горем.

— Господа,— сказал бушмен,— я понимаю ваше отчаяние, но не надо терять напрасно драгоценные секунды. У господина Паландера украли реестры. Он был ограблен бабуинами, что ж! Нам надо не мешкая догнать воров. Эти «шакмас» берегут украденные вещи! А реестры несъедобны, и, если мы найдем вора, мы найдем реестры при нем!

Предложение показалось резонным. Бушмен зажег у всех лучик надежды. Нельзя было дать ему потухнуть. Николай Паландер оживился при этих словах бушмена. В нем проснулся совсем другой человек. Он сорвал с себя остатки покрывавших его лохмотьев, взял у одного матроса куртку, у другого — шапку и заявил, что готов вести своих товарищей к месту преступления!

В тот же вечер, изменив путь согласно направлению, указанному математиком, отряд полковника Эвереста направился прямо на запад.

Ни в эту ночь, ни на следующий день они не настигли грабителей. Во многих местах по некоторым следам, оставленным на земле или на коре деревьев, бушмен и «форелопер» узнавали о том, что здесь недавно проходили павианы. Николай Паландер утверждал, что ему пришлось иметь дело с дюжиной этих животных. Вскоре возникла уверенность, что отряд напал на их след; все шли с чрезвычайными предосторожностями, все время пригибаясь, потому что бабуины — очень чуткие и умные существа, и к ним не так-то легко приблизиться. Мокум рассчитывал на успех только в случае, если удастся застать «шакмас» врасплох.

На следующий день, около восьми часов утра, один из русских матросов, выдвинувшись вперед, заметил если не вора, напавшего на Николая Паландера, то, по крайней мере, его приятелей. Он осторожно вернулся к отряду.

Бушмен велел всем остановиться. Европейцы, решив слушаться его во всем, стали ожидать инструкций. Бушмен попросил их оставаться на месте, а сам, взяв с собой сэра Джона и «форелопера», направился к той части леса, где побывал матрос, заботясь о том, чтобы его спутники держались под прикрытием деревьев и кустарников.

Скоро они заметили бабуина и почти в то же время — десяток других обезьян, которые прыгали между деревьями. Спрятавшись за стволами, бушмен и два его товарища стали пристально наблюдать за ними.

Действительно, это, как и говорил Мокум, было стадо «шакмас», покрытых зеленоватой шерстью, с черными ушами и мордой, с длинным, находившимся в постоянном движении хвостом, волочившимся по земле; это очень сильное животное, чьи мощные мускулы, хорошо вооруженные челюсти и острые когти делают его грозным зверем, даже для хищников. «Шакмас» — настоящие разбойники по природе, они разоряют пшеничные и маисовые поля и являются бичом буров, слишком часто опустошая их жилища.

Играясь, они лаяли и повизгивали, словно большие неуклюжие собаки, на которых и были похожи. Никто из них не заметил следивших за ними охотников. Но находился ли в этой группе грабитель Николая Паландера? Это было важно выяснить. Впрочем, никаких сомнений не осталось, когда «форелопер» показал своим спутникам на одного из «шакмас», туловище которого все еще было опоясано куском ткани, вырванным из одежды Николая Паландера.

О! В душе сэра Джона Муррэя вновь вспыхнула надежда. Он не сомневался, что эта большая обезьяна — хранитель похищенных реестров! Надо было захватить ее любой ценой,

а для этого — действовать с величайшей осторожностью. Одно неловкое движение, и все стадо снимется с места и умчит-ся в лес, где его уже не поймаешь.

— Останьтесь здесь, — сказал Мокум «форелоперу». — «Его милость» и я вернемся за нашими компаньонами, и мы попробуем окружить стадо. А вы постарайтесь не потерять из виду этих мародеров!

«Форелопер» остался на вверенном ему посту, а бушмен и сэр Джон вернулись к полковнику Эвересту.

Окружить группу павианов — это был и в самом деле единственный способ захватить виновника. Европейцы разделились на два отряда. Один, в составе Матвея Струкса, Вильяма Эмери, Михаила Цорна и троих матросов, должен был подойти к «форелоперу» и вытянуться в цепочку полукругом вокруг него. Другой отряд, в который входил Мокум, сэр Джон, полковник, Николай Паландер и трое остальных матросов, взял влево от них, так чтобы обогнуть позицию и напасть на обзьян. Следуя рекомендациям бушмена, все продвигались с чрезвычайной осторожностью.

Оружие было наготове, когда они условились, что все будут стрелять в «шакмас», опоясанного лоскутом ткани.

Николай Паландер, рвение которого едва удавалось усмирить, шел рядом с Мокумом. Последний присматривал за ним из опасения, как бы в ярости ученый не сделал какую-нибудь глупость. И действительно, почтенный астроном уже не владел собой. Для него это был вопрос жизни и смерти.

После получаса ходьбы, во время которой делались частые остановки, бушмен решил, что пришло время действовать. Его спутники, расставленные на расстоянии двадцати шагов один от другого, стали тихо двигаться вперед. Не было произнесено ни одного слова, не сделано ни одного случайного движения, не раздавлено ни одной ветки. Можно было подумать, что это отряд краснокожих крадет-ся тропой войны.

Внезапно охотник остановился. Его спутники мгновенно последовали его примеру, положив палец на спусковой крючок ружья.

Стадо «шакмас» было уже хорошо видно. Животные что-то почуяли. Они насторожились. Бабуин, отличавшийся высоким ростом (как раз похититель реестров), подавал явные знаки беспокойства. Николай Паландер признал своего обидчика, этого разбойника с большой дороги. Только, похоже, реестров при нем не было, по крайней мере, их не было видно.

— У него вид настоящего бандита! — прошептал ученый.

Эта большая обезьяна, сильно обеспокоившись, казалось, делала какие-то знаки своим товарищам. Несколько самок с детенышами на плечах сбились в кучу. Самцы стали ходить взад и вперед вокруг них.

Охотники подошли поближе. Каждый увидел грабителя и уже мог прицелиться наверняка. Но тут вдруг Николай Паландер нечаянно выронил свое ружье.

— Проклятье! — вскричал сэр Джон, разрядив в обезьян свой карабин.

Какой эффект! Сразу последовало еще десять выстрелов. Три обезьяны упали замертво на землю. Остальные, совершая колоссальные прыжки, летучей массой промелькнули над головами бушмена и его компаньонов.

На месте остался только один «шакмас» — это и был вор. Вместо того чтобы убежать, он запрыгнул на ствол большой смоковницы, вскарабкался вверх по нему с ловкостью акробата и исчез в ветвях.

— Вот где он спрятал реестры! — воскликнул Мокум, и он не ошибся.

Однако приходилось опасаться, как бы «шакмас» не удра, перепрыгивая с дерева на дерево. Но Мокум, спокойно прицелившись, выстрелил в него. Раненная в ногу обезьяна скатилась вниз, цепляясь за ветки. В одной руке она держала реестры, которые вынула из дупла дерева.

Увидев это, Николай Паландер подпрыгнул, как горный козел, и накинулся на «шакмас»; завязалась борьба.

И какая борьба! Математика захлестывала ярость. Рыданье Паландера сливалось с лаем обезьяны. Схватка сопровождалась жуткими криками. Они сплелись так, что невозможно было различить, где обезьяна, а где математик. Сейчас никто не мог целиться в «шакмас», чтобы не попасть в астронома.

— Стреляйте! Стреляйте в обоих! — выйдя из себя, закричал Матвей Струкс, и отчаявшийся русский, возможно, сделал бы это, если бы его ружье было заряжено.

Битва продолжалась. Николай Паландер, оказываясь то снизу, то сверху, пытался задушить своего противника. Плечи его были в крови, ибо «шакмас» царапал его своими когтями. Наконец бушмен, стоявший рядом, с топором наготове, улучив удобный момент, ударил обезьяну по голове и сразу убил ее.

Товарищи подняли с земли лишившегося чувств Николая Паландера. Рукою он прижимал к груди оба реестра, которые только что отвоевал. Тушу обезьяны отнесли в лагерь, и

вечером за ужином все сотрапезники, включая и ограбленного их коллегу, ели мясо грабителя не только с чувством отщипывания и глубокого удовлетворения, но и с большим аппетитом, ибо оно оказалось превосходным.

ГЛАВА XXIII

Водопады Замбези

Раны Николая Паландера были неопасными. Бушмен, занявшийся ими, натер плечи этого достойного человека кое-какими травами, и астроном из Гельсингфорса смог продолжать путь. Паландера сильно возбудил одержанный триумф. Но его эйфория быстро угасла, и он снова превратился в углубленного в себя ученого, который живет лишь в мире цифр. Один реестр ему оставили, но другой из предосторожности велели передать Вильяму Эмери, и тот, кстати, принял его охотно.

Тем временем ученые успешно продолжали триангуляцию, оставалось лишь найти равнину, удобную для постройки базиса.

Первого апреля европейцам пришлось пересекать обширные болота, воды которых распространяли зловоние. Полковник Эверест и его компаньоны старались строить здесь треугольники с большими сторонами, чтобы как можно скорее покинуть эту нездоровую местность. При этом настроение у всех оставалось превосходным, в маленьком отряде царила теплая атмосфера. Михаил Цорн и Вильям Эмери поздравляли друг друга, видя полное согласие, установившееся между их начальниками. Последние, казалось, совсем забыли о международном конфликте, еще недавно разделявшем их.

— Дорогой Вильям,— сказал однажды Михаил Цорн своему другу,— вот если бы по возвращении в Европу мы обнаружили, что между Англией и Россией уже заключен мир и что мы имеем право и там оставаться такими же друзьями, как здесь, в Африке.

— А я уверен в этом, дорогой Михаил,— ответил Вильям Эмери.— Современные войны не могут длиться долго. Одно-два сражения, и подписывается мир. Эта злополучная война началась уже год назад, и я, подобно вам, думаю, что по нашем возвращении в Европу мир будет уже заключен.

— А каковы ваши планы, Вильям? — спросил Михаил Цорн.— Сразу вернуться в Кейптаун? Но если ваша обсерватория не слишком настаивает на этом, я очень надеюсь, что

вы окажете мне честь познакомиться с моей обсерваторией в Киеве!

— Да, друг мой,— ответил Вильям Эмери,— я провожу вас в Европу и не вернусь в Африку, не побывав в России. Когда-нибудь и вы навестите меня в Кейптауне, не правда ли? Вы приедете побродить среди наших прекрасных южных созвездий. Вы увидите, как богато здесь небо и какая это радость — черпать из него, но не сколько ухватит рука, а сколько ухватит глаз! Послушайте, если хотите, я поделюсь с вами звездой Альфа Центавра! Обещаю вам не начинать ее наблюдения без вас!

— Правда, Вильям?

— Правда, Михаил. Я приберегу для вас Альфу, а за это,— добавил Вильям Эмери,— возьму одну из ваших туманностей и приеду в Киев изучать ее.

Славные молодые люди! Они рассуждали так, словно небо принадлежит им! Да и в самом деле, кому же еще должно оно принадлежать, как не этим пытливым ученым, которые исследовали его вдоль и поперек!

— Но прежде всего,— снова заговорил Михаил Цорн,— надо, чтобы закончилась эта война.

— Она закончится, Михаил. Сражения с пушками длятся не так долго, как диспуты о звездах! Россия и Англия примирятся быстрее, чем полковник Эверест и Матвей Струкс.

— Так вы не верите в искренность их примирения,— спросил Михаил Цорн,— после стольких испытаний, перенесенных ими вместе?

— Я бы не спешил этому верить,— ответил Вильям Эмери.— Подумайте сами, ведь речь идет о соперничестве ученых, и ученых знаменитых!

— Так не будем становиться такими знаменитыми, дорогой Вильям,— ответил Михаил Цорн,— и будем всегда любить друг друга!

Прошло одиннадцать дней после приключения с павианами, и маленький отряд, немного не дойдя до водопадов Замбези, нашел равнину, которая раскинулась на несколько миль. Поверхность ее чрезвычайно подходила для непосредственного измерения базиса. На краю ее находилась деревня, состоящая всего из нескольких хижин. Ее население — не более нескольких десятков жителей — состояло из безобидных мирных туземцев, хорошо принявших европейцев. Отряду полковника Эвереста повезло, ибо без повозок, без палаток и без лагерного оборудования им было бы трудно устроиться как следует, а измерение основания могло продлиться месяц,

и невозможно было прожить этот месяц, имея над головой только крону деревьев.

Итак, научная комиссия разместилась в хижинах, которые, насколько возможно, удалось приспособить к нуждам новых жильцов. Впрочем, были они людьми, довольствующимися малым, их волновало только одно: измерение последней стороны последнего треугольника с целью проверки всех предыдущих операций. Как известно, математически эта сторона уже была вычислена ими, и теперь чем ближе результат непосредственного измерения приблизится к результату уже вычисленному, тем более точной можно считать полученную длину меридиана. Снова подставки и платиновые линейки поочередно ставились и укладывались на совершенно ровной поверхности, снова учитывались атмосферные условия, изменения показаний термометра, наклон линеек к горизонту — одним словом, все, как при измерении первого базиса.

Работу, начатую десятого апреля, закончили лишь пятнадцатого мая. На эту трудоемкую операцию понадобилось пять недель. Николай Паландер и Вильям Эмери тотчас рассчитали ее данные. Наступил момент объявить результаты. Сердца астрономов бешено колотились. Какая это была бы награда за все тяготы и испытания, если бы окончательная проверка могла позволить считать их работу неуязвимой для критики!

Когда полученные длины были пересчитаны математиками в зависимости от среднего уровня над океаном и от температуры в шестьдесят один градус по шкале Фаренгейта ($16,11^\circ$ по стоградусной), Николай Паландер и Вильям Эмери представили своим коллегам следующие величины:

Длина базиса, измеренная на поверхности земли,— 5075,25 туаза.

Длина того же базиса, вычисленная математически на основании первого базиса и всей тригонометрической сети,— 5075,11 туаза.

Разница между измеренной и расчетной величинами составила лишь четырнадцать сотых туаза, то есть менее десяти дюймов, а ведь два этих базиса находились на расстоянии шестисот миль один от другого!

При измерении французского меридиана между Дюнкерком и Перпиньяном, разница между базисом в Мелуне и базисом в Перпиньяне составила одиннадцать дюймов. Стало быть, точность измерений, проделанных англо-русской комиссией выше, а если учесть условия, в которых они выполнялись, то триангуляцию можно признать самой совершенной

из всех геодезических операций, предпринятых на сегодняшний день.

Троекратным «ура!» был встречен этот превосходный результат, беспрецедентный в истории науки!

И какова же величина одного градуса меридиана в этой части земного шара? Согласно подсчетам Николая Паландера, она равнялась пятидесяти семи милям и тридцати семи туазам. И это была та самая цифра, какую получил в 1752 году Лакайль на мысе Доброй Надежды. Так, французский астроном и члены англо-русской комиссии, разделенные столетием, сошлись в одном на величине градуса меридиана, вычисленного ими. Что касается величины метра, то, чтобы вывести ее, следовало подождать результата операций, которые будут производиться в Северном полушарии. Эта величина должна равняться одной десятиmillionной части четверти земного меридиана. Согласно предыдущим подсчетам, четверть эта, учитывая сплюснутость Земли у полюсов, составляла десять миллионов восемьсот семьдесят восемь метров, что означало точную длину метра — 0,513070 туаза, или три фута, одиннадцать целых двести девяносто шесть тысячных линии. Верна ли эта цифра? Ответ на это должны были дать последующие работы англо-русской комиссии.

Наконец геодезические операции были полностью завершены. Астрономы выполнили свою задачу. Теперь оставалось только добраться до устья Замбези, следуя в обратном направлении того маршрута, который проделал доктор Ливингстон во время своего путешествия в 1858—1864 годах.

Двадцать пятого мая, после довольно тяжелого перехода по местности, пересеченной речками, они прибыли к водопадам, известным географам под названием водопадов Виктории, и убедились, что эти удивительные потоки воды вполне оправдывают свое туземное название, означающее «гремящий дым». Водяные струи шириною в милю, свержавшиеся с высоты, в два раза большей, чем Ниагара, увенчивались тройной радугой. Падая в глубокую базальтовую расщелину, река производила грохот, сравнимый с двадцатикратно усиленным раскатом грома.

Ниже водопада, где водная поверхность снова становилась спокойной, ожидала своих пассажиров самоходная барка, прибывшая сюда две недели назад по одному из нижних притоков Замбези. Все взошли на ее борт и заняли свои места.

На берегу остались два человека — охотник и «форелопер». Сэр Джон, не в силах расстаться с другом, предложил Мокуму отправиться с ним в Европу и погостить у него сколько будет угодно; но Мокум, уже имея другие обязательства, отказался от приглашения. Действительно, он должен был сопровождать Дэвида Ливингстона в его втором путешествии по Замбези, которое вскоре собирался предпринять этот отважный доктор, и Мокум хотел сдержать данное ему слово.

Так что охотник, которого щедро наградили и (что ему особенно было приятно) крепко обняли все европейцы, стольким обязанный ему, остался на суше. Судно отчалило, и на середине реки его подхватило быстрое течение.

Путешествуя вниз по большой африканской реке, астрономы проплывали мимо многочисленных селений, усеявших ее берега. Туземцы с суеверным страхом и восхищением смотрели на дымящую лодку, которую толкал по воде Замбези невидимый механизм, и даже не пытались помешать ее движению.

Пятнадцатого июня полковник Эверест с компаньонами прибыл в Кильмьяну — один из крупных городов, расположенных на самой большой развилке реки. Первой заботой европейцев было узнать у английского консула о войне...

Но Севастополь героически стоял под натиском англо-французских армий, и война еще не закончилась.

Эта новость разочаровала ученых, но, не имея времени для размышлений, они начали готовиться к отъезду. В Суэц отправлялось австрийское торговое судно «Наварра». Члены комиссии решили плыть на его борту.

Восемнадцатого июня перед самым его отплытием полковник Эверест собрал своих коллег и спокойным голосом сказал им следующее:

— Господа, мы прожили бок о бок около восемнадцати месяцев и, пройдя через множество испытаний, выполнили труд, который по достоинству оценит ученый мир Европы. Добавлю, что результатом этой совместной работы должна явиться нерушимая дружба между нами.

Вместо ответа Матвей Струкс легонько кивнул головой.

— Однако,— продолжал полковник,— к нашему великому сожалению, война между Англией и Россией продолжается. Под Севастополем идут бои, и пока город не будет взят англичанами...

— Он не будет взят! — воскликнул Матвей Струкс.— Даже если Франция...

— Будущее покажет, господин Струкс,— холодно отве-

тил полковник.— Во всяком случае, вплоть до окончания этой войны, я полагаю, мы должны снова считать себя врагами...

— Именно это я и собирался вам предложить,— просто ответил астроном из Пулкова.

После этого члены научной комиссии погрузились на борт «Наварры» и отправились в путь. Спустя несколько дней они прибыли в Суэц, и в минуту расставания Вильям Эмери, пожимая руку Михаилу Цорну, спросил:

— Мы остаемся друзьями, Михаил?

— Да, дорогой Вильям, мы все равно остаемся друзьями!

1872 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ. Часть третья. Роман	5
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТРОИХ РУССКИХ И ТРОИХ АНГЛИЧАН. Роман. <i>Перевод с французского</i> <i>В. Исаковой</i>	157

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Том десятый

Редактор *В. Никитин*

Художественный редактор *И. Марев*

Технический редактор *Н. Кленова*

Корректоры *Н. Халикова, С. Лифанова*

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.

Подписано в печать 26.11.97 г.

Гарнитура Литературная. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 20,03. Цена для членов клуба 13 200 р.

(С 01.01.98 г. цена для членов клуба 13 р. 20 к.)

Издательский центр «ТЕРРА».

113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.